

КАРЕН ОДДЕН

ВНИЗ
ПО
ТЕМНОЙ
РЕКЕ

Одден написала такую книгу,
которую хочется читать
без передышки и от которой
нельзя оторваться.

THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS

METAMORPHOSES

Annotation

Лондон, 1878 год. На Темзе совершено загадочное преступление — тело молодой девушки нашли среди лепестков роз в лодке, плывущей вниз по течению. Погибшей оказывается дочь известного судьи, и расследование берет в свои руки старший инспектор Скотленд-Ярда Майкл Корраван. Бывший боксер и портовый рабочий из захудалого лондонского Ист-Энда, Корраван обладает хорошим уличным чутьем и ловкостью в поиске улики, но он очень удивлен, когда ровно через неделю в лодке находят мертвой вторую женщину, а затем и третью...

Постепенно становится ясно, что речные убийства могут быть связаны с каким-то ужасным фактом несправедливости в прошлом, за который кто-то поклялся жестоко отомстить. Корраван должен докопаться до истины, прежде чем Лондон погрузится в состояние паники и до того, как убийца потребует еще одну невинную жертву.

-
- [Карен Олден](#)
    - [ГЛАВА 1](#)
    - [ГЛАВА 2](#)
    - [ГЛАВА 3](#)
    - [ГЛАВА 4](#)
    - [ГЛАВА 5](#)
    - [ГЛАВА 6](#)
    - [ГЛАВА 7](#)
    - [ГЛАВА 8](#)
    - [ГЛАВА 9](#)
    - [ГЛАВА 10](#)
    - [ГЛАВА 11](#)
    - [ГЛАВА 12](#)
    - [ГЛАВА 13](#)
    - [ГЛАВА 14](#)
    - [ГЛАВА 15](#)
    - [ГЛАВА 16](#)

- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)
- [ГЛАВА 26](#)
- [ГЛАВА 27](#)
- [ГЛАВА 28](#)
- [ГЛАВА 29](#)
- [ГЛАВА 30](#)
- [ГЛАВА 31](#)
- [ГЛАВА 32](#)
- [ГЛАВА 33](#)
- [ГЛАВА 34](#)
- [ГЛАВА 35](#)
- [ГЛАВА 36](#)
- [ГЛАВА 37](#)
- [ГЛАВА 38](#)
- [ГЛАВА 39](#)
- [ГЛАВА 40](#)
- [ГЛАВА 41](#)
- [ГЛАВА 42](#)
- [ГЛАВА 43](#)
- [ГЛАВА 44](#)
- [ГЛАВА 45](#)
- [ГЛАВА 46](#)
- [ГЛАВА 47](#)
- [ГЛАВА 48](#)
- [ГЛАВА 49](#)
- [ГЛАВА 50](#)
- [ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ В КНИЖНОМ КЛУБЕ](#)
-

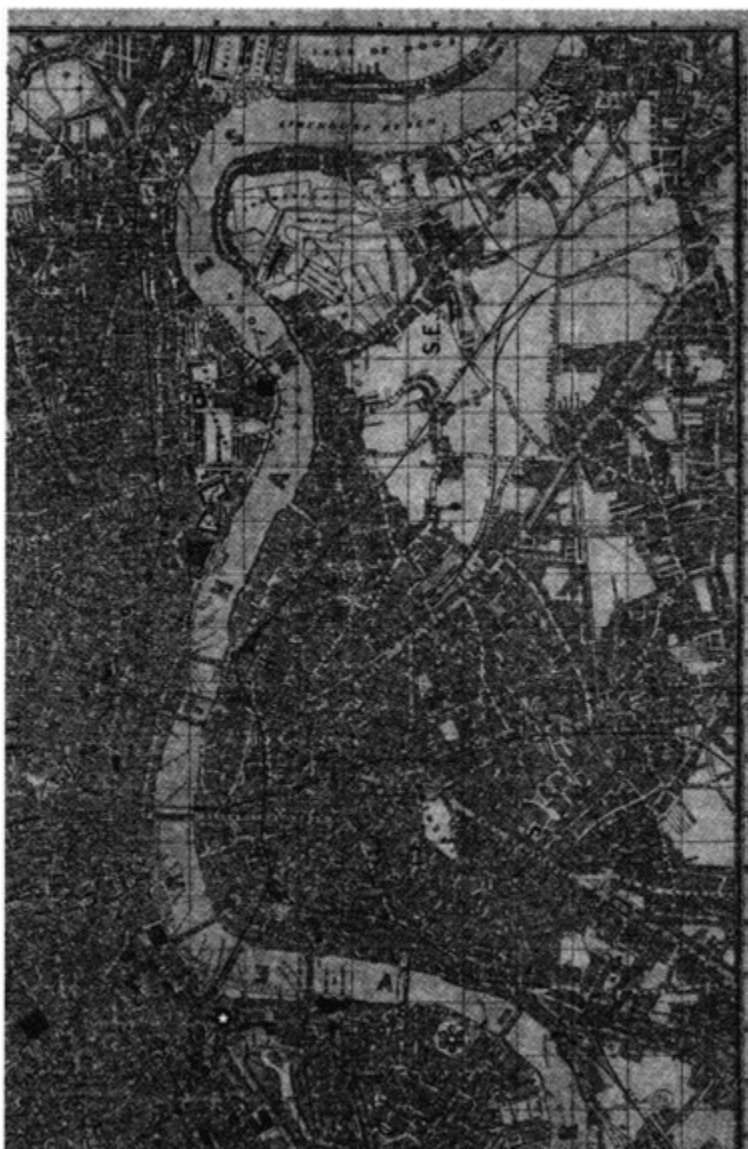
- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
-

Карен Одден

Вниз по темной реке

*Посвящается
Джорджу, Джулии и Кайлу*

Ключевые локации	
★	Скотланд-Ярд
■	Речная полиция (Уоппинг-стрит)

Ключевые локации
Скотланд-Ярд
Речная полиция (Уоппинг-стрит)

ГЛАВА 1

Лондон, апрель 1878 г.

Частенько те, кто служит в Скотланд-Ярде, говорят, что со временем у них развивается шестое чувство на близкую опасность. У меня проблески этой способности проявились в первые же месяцы работы, когда я еще служил в полицейском участке Ламбета, где выходил на улицы в шершавой, широковатой в плечах синей шинели, неизменно держа под рукой дубинку. В одном из темных переулков меня впервые посетило подсознательное ощущение затаившейся за углом угрозы.

Отслужив в полиции двенадцать лет, я тешил себя мыслью, что мои инстинкты отточены донельзя. Считал, что видел в Лондоне столько преступлений, что ничего более удивить меня не может, и обязательно распознаю зло по мурашкам на руках или внезапному мышечному спазму.

Однако наступило дождливое утро очередного апрельского вторника, и со мной не случилось ни того, ни другого, а между тем уже через несколько часов Скотланд-Ярду предстояло вступить в схватку с одержимым жаждой убийства маньяком, подобным трехглавому чудищу из старинных кельтских мифов, с ревом выползающему из своей пещеры.

В половине девятого в дверь моего скромного кабинета постучали, и внутрь привычно просунулась голова молодого инспектора Стайлза. На этот раз я не углядел в карих глазах подчиненного обычного огонька, а его приветствие прозвучало тихо и подавленно.

Я поднял голову от заметок по делу пропавшей женщины. Отчеты не составлялись уже пару дней, а Говард Винсент — новый глава Скотланд-Ярда — был ярким педантом во всем, что касалось ведения оперативных записей. Оно и неудивительно, учитывая прошлогодний скандал в штаб-квартире лондонской полиции. Того и гляди, чиновники из парламентского наблюдательного комитета запросят любое дело — вынь да положь.

— Что случилось, Стайлз?

— Речная полиция с Уоппинг-стрит обнаружила ниже по течению мертвую женщину. От них только что пришло сообщение, и Винсент отправляет нас на место происшествия.

Мертвая женщина... Разумеется, приятно мало, однако меня смутила вторая часть известия: в обычных обстоятельствах речники ни за что не попросили бы помощи у Скотланд-Ярда. Я погрузился в размышления. Блэр возглавлял речную полицию уже пятнадцать лет и был непревзойденным знатоком Темзы. Зачем ему мы со Стайлзом? Представляю его гримасу при виде моей скромной персоны... Интересно, о чем думал Винсент, направляя нас в другое подразделение? У каждого из нас — куча нераскрытых дел. Например, — случай с пропавшей миссис Бэкфорд, который вполне можно распутать до конца дня, если не отвлекаться по милости начальства на другие задания. Очень хотелось найти эту женщину — подобные исчезновения волновали меня даже больше, чем убийства.

Я фыркнул от досады, и Стайлз, будто извиняясь, добавил:

— Курьер говорит — там нечто особенное.

Я сдернул с вешалки плащ, и Стайлз, вытащив из стойки мой старый черный зонт, сунул его мне в руку. Таков молодой инспектор: бдит, как бы со мной не случилось беды, сколько его ни отчитывай. Подхватив зонт, я ворчливо поблагодарил подчиненного.

Мы двинулись к Уайтхолл-плейс, раскрыв зонты, и Стайлз покрепче надвинул шляпу. Напарник был почти десятью годами младше; я же успел около трех лет отработать в Ламбете, еще четыре — в речной полиции, и пять — детективом в Скотланд-Ярде, где форму не носят.

Поступив на службу полтора года назад, Стайлз сразу проявил незаурядные способности: хорошую реакцию — не хуже, чем у боксеров, с которыми мне приходилось драться, желание учиться и располагающее к себе дружелюбие.

Сперва молодой детектив относился ко мне с опаской, немного нервничая при разговорах. Потом, прошлой осенью, состоялся суд — ужасное для всех нас испытание: вокруг Скотланд-Ярда по утрам стояли толпы граждан, обвиняя нас в мошенничестве и лжи. Кричали, что все мы заслуживаем веревки... Я видел, как терзался Стайлз, и все же мы, стиснув зубы, за три месяца раскрыли шесть дел. Хотелось бы считать, что подобный результат позволит наблюдательному комитету

дать Скотланд-Ярду разрешение на дальнейшую работу — пусть на ближайшее время. Так что мы со Стайлзом прошли огонь и воду. Испытания его закалили, и молодой инспектор подчинялся мне беспрекословно; впрочем, к моему тайному удовлетворению, свое мнение парень отстаивал твердо.

— Мистер Куотермен утром заходил к нашему директору, — сообщил Стайлз, как только мы устроились в кэбе.

Из всех членов комитета Куотермен относился к Ярду наиболее критически, полагая, что работу полицейского должны выполнять исключительно люди в форме. С его точки зрения, полицейский мундир служил предостережением для преступников, тогда как отдел детективов в штатском создаёт благоприятную почву для злоупотреблений.

— Хм...

— Слышал, что он только и думает, как бы нас поувольнять, — набравшись смелости, предположил Стайлз.

— Пытается сделать себе имя за наш счет, — поморщился я. — Публику хлебом не корми — дай увидеть, как нас выметут поганой метлой после этого скандала.

— Как же несправедливо, когда всех чешут под одну гребенку!

Добавить нечего. Где тут справедливость? На взятках попались лишь три инспектора, помогавшие преступникам избежать решетки, а газеты с удовольствием поливали грязью весь Скотланд-Ярд без разбора. Я пришел к выводу, что именно поэтому Винсент и назначил меня — одного из двух оставшихся в штате старших инспекторов — на дело об исчезновении Мадлен Бэкфорд. Разумеется, начальник понимал, что Стивен Бэкфорд — респектабельный джентльмен из Мейфэра, один из партнеров крупной судовладельческой компании. Разыщем его супругу — и новости попадут в прессу, если в газетах Британии вообще остались смельчаки, желающие сказать что-то хорошее о Скотланд-Ярде.

Дождь прекратился, хотя порывистый ветер продолжал дуть прямо в лицо. Мы вылезли из кэба и побежали к участку речной полиции — кирпичному зданию, из которого открывался вид на склады по обе стороны реки. Дежурный сказал, что Блэр ушел на доки, так что пришлось идти назад, бросив мокрые зонты в стойку. Было уже около девяти, однако солнце пряталось за плотными тучами,

бросающими черные тени на воды Темзы. Речной бриз накрыл нас волной запахов рыбы, рассола и пряностей.

Блэр в хлопающем на ветру пальто стоял спиной к нам на краю деревянного пирса, рассматривая реку. Заслышав наши шаги по отсыревшим доскам, глянул через плечо. Поймав мой взгляд, напрягся и отвернулся в сторону, широко расставив ноги. Мостки узкие — рядом не встанешь.

Когда-то мы с ним работали бок о бок при расследовании сложных дел, и похвала Блэра была для меня лучшей наградой. В течение четырех лет я ее заслуживал не раз; Блэр меня натаскивал, советовал и представлял людям, которых, по его мнению, мне следовало знать. Однако рано или поздно все меняется, и просьбу о переводе в Скотланд-Ярд Блэр воспринял с негодованием и насмешкой над моей самонадеянностью. Бывший начальник проклинал меня за дерзость и предательство, мне же оставалось лишь молчать. Причины для ухода были весомыми, и все же я предпочел оставить свое мнение при себе. Служба в Ярде почти не давала возможностей пересечься с Блэром, хотя порой нам случалось встретиться лицом к лицу — и тогда он меня подчеркнуто не замечал.

Мы сделали несколько шагов вверх по ступеням, и мое сердце сжалось.

— Господин суперинтендант... — пробормотал я.

Блэр лишь безразлично фыркнул в ответ, а Стайлз бросил на меня вопросительный взгляд. У ног шефа речной полиции стояли грубые носилки, на которых мы обычно переносили трупы из реки в участок.

— Ее уже буксируют к берегу, — бросил он, продолжая смотреть на воду.

— Вы о теле? — спросил я, сразу представив, как полисмены тащат по реке привязанную к лодке мертвую женщину.

— Ее нашли в плашкоуте.

В плашкоуте? Видимо, Блэр привлек меня не просто так. До того, как заступить на службу в полицию, я какое-то время работал на подобном суденышке и был не понаслышке знаком с маломерным речным флотом, перевозящим грузы с доков на корабли и обратно.

Мы успели продрогнуть, когда в просвете посреди снующих по Темзе лодок появился катер речной полиции, пробирающийся среди плавающего в реке мусора. Наконец судно с экипажем из двух человек,

преодолевая течение, взяло курс на причал, волоча за собой плоскодонку. На дне лодки я рассмотрел накрытое грубым одеялом тело.

— Кто ее обнаружил?

— Какой-то речник. Лодка дрейфовала в районе Лаймхауса, и парень заметил ее в седьмом часу утра.

Стало быть, около двух миль ниже по течению, неподалеку от доков «Вест-Индия»...

Катер подошел ближе. Одного из полицейских на борту я видел впервые, а во втором с облегчением признал Эндрюса — хорошего человека лет на пятнадцать меня старше, неглупого и надежного полисмена. Стоило мне приподнять шляпу, и удивление на лице Эндрюса немедленно сменилось теплой улыбкой.

— Здорово, Микки! — крикнул он, на всякий случай покосившись на Блэра.

— Рад видеть, Эндрюс! — откликнулся я.

Он с точностью до дюйма подогнал лодку к причалу. Второй полисмен опустил вдоль бортов фашины и бросил мне конец. Привычно наматывая трос на тумбу, я не спускал глаз с суденышка. Обычный плашкоут: широкий, с низкой посадкой, довольно потрепанный. Оповознательных знаков не видно.

Эндрюс убрал булыжники, придерживающие одеяло. Еще до того, как он открыл лицо женщины, меня пронзила мысль: а вдруг, по странному совпадению, в лодке лежит Мадлен Бэкфорд? Разумеется, я ошибался. Жертва была на несколько лет моложе — явно не старше двадцати. Голова слегка повернута вбок; на грудь ниспадают темные волосы.

— Господи боже мой, — пробормотал я. — Как будто спит...

Эндрюс сдернул одеяло с трупа. Руки женщины были связаны, а на верхней части разорванной юбки темнели пятна крови. При виде погибшего человека у меня внутри все переворачивается; так случилось и на этот раз. Стайлз тихонько ахнул.

Крови было немного — не похоже, что причиной смерти стало ножевое ранение. Как же умерла эта женщина? Получила удар по голове? Нет, в волосах запекшейся крови не видно. Возможно, ее убили в другом месте, а в плашкоут положили уже после смерти. Вот только зачем?

Труп в лодке — действительно нечто особенное, как выразился Стайлз. Более того, женщина совсем не походила на тех покойников, которых обычно вылавливают из реки. Я отметил для себя платье из синей парчи — немного разбираюсь в подобных тканях, ведь у Белинды есть похожее. Лиф расшит серебристыми нитями, а из-под разорванной юбки выглядывает атласное нижнее белье, которое, должно быть, стоит целое состояние. Короче говоря, жертва ничем не напоминала уличных девок, попрошайничающих на берегах Темзы. Точно не шлюха. Проститутка подобный наряд купить не может — разве только украсть, а в нашем случае платье сидело на женщине как влитое. Явно из гардероба. Прическа изысканная, хоть сейчас и в беспорядке — волосы тяжелыми каштановыми прядями падают на плечи жертвы. Белинда порой делает подобную укладку.

— Гляньте на ее руки, — шепнул Стайлз.

Мягкая кожа женщины отсвечивала белизной. Никакой грязи под ногтями. Вне всякого сомнения, жертва была супругой или дочерью состоятельного человека. Значит, родственники будут ее искать, и в случае чего — за все отвечать полиции. Я присмотрелся: ни колец, ни ожерелья, ни сережек.

— Интересно, а где ее драгоценности?

Стайлз вздрогнул и огорченно признал:

— И правда. А мне даже не пришло в голову.

— Платье в некоторых местах промокло, хотя в воде жертва не была, — заговорил Блэр.

И в самом деле — подол сухой и чистый. Кто-то положил женщину в лодку, перетащив ее на руках. Не исключено, что в тот момент она была ещё жива.

Склонившись над носилками, я развернул брезент. Сколько раз приходилось заниматься подобными процедурами...

— Уберите ее, — приказал Блэр.

Эндрюс извлек тело из лодки, и Стайлз принял его на руки.

— Уже окоченела, — заметил он, укладывая женщину на носилки.

Они с Эндрюсом взяли за рукоятки, а Блэр, приказав мне следить за лодкой, двинулся следом за ними.

Я сделал несколько шагов к лодке, посматривая под ноги. Румпель-тали отсутствовали, однако в целом плашкоут выглядел пригодным. В лужицах на дне плавали розовые лепестки. Скорее

всего, вода дождевая, вряд ли лодка дала течь. Перегнувшись через борт, я изучил корпус суденышка в поисках знакомых цифр, букв или других знаков, которые обычно ставят в качестве свидетельства принадлежности, но ничего не нашел. В то же время, внутри не было ни одного участка с характерными царапинами, говорящими о том, что плашкоут использовали для регулярной перевозки грузов.

Перешагнув через центральную банку, я осмотрел корму и транец. Клейма не было и здесь. Все четыре банки казались целыми и прочными. Пазы не усилены — похоже, тяжелый товар в лодке и впрямь не возили. Металлические части — без признаков ржавчины, однако клейма не нашлось и на них. Вероятно, спилили. Я потянул носом. Тюки с чаем или табаком оставляют впитывающийся в древесину аромат, в лодке же пахло лишь трухлявым деревом.

Первые тяжелые капли вновь припустившего дождя упали мне на спину. Искать в плашкоуте больше было нечего, и я побрел к участку. Взобрался на пирс и окинул взглядом набережную. Слава богу, ни души, иначе даже начинающий репортер унюхал бы сенсацию.

Сержант в участке почтительно кивнул и указал мне в сторону коридора.

— Вторая дверь, инспектор.

Тело молодой женщины лежало на старом деревянном столе, и я невольно обратил внимание на полоску белоснежной кожи, выглядывающую из-под грубо разрезанных — до самой талии — юбок.

Подавленный Стайлз стоял чуть поодаль, безуспешно пытаюсь казаться безучастным наблюдателем. Я-то читал его лицо как открытую книгу: неужели убийца надругался над девушкой?..

Росту в ней было примерно пять футов три дюйма^[1]. Стройная, но не худая — вес навскидку около семи с половиной или восьми стоунов^[2]. Бледная кожа, нос благородной формы, тонкие темные брови и изящно вылепленный подбородок; губы по углам потрескались, словно рот затыкали кляпом. На лице — характерная предсмертная гримаса. Я изучил лиф платья. Серебристая вышивка украшена мелкими жемчужинами. Пожалуй, наряд стоит не меньше пяти моих годовых окладов.

Кто-то из полисменов успел снять веревки с кистей жертвы, и на ее запястьях отчетливо виднелись несколько довольно глубоких, с

запекшейся по краям кровью, порезов. Склонившись над телом, я установил, что раны не рваные — скорее всего, убийца пользовался бритвой. Вот и разгадка темных пятен на юбках.

Блэр, откинув в сторону волосы девушки, указал на темно-багровые отметины на ее горле, и я примерился. Похоже, руки убийцы примерно моего размера. Значит, преступник — человек крупного телосложения.

— Пока неясно, в какой момент убийца нанес ей раны — до смерти или после, — сказал Блэр.

— Что ему помешало просто столкнуть труп в реку? — удивился Эндрюс.

— Возможно, преступник так и планировал, но девушка успела запрыгнуть в лодку, — предположил второй полисмен, Дженкинс.

— Уж слишком красиво она лежала, — усомнился я, — если это не вы ее так положили.

— Даже не трогали, — взмахнул руками Дженкинс, — только накинули одеяло, чтобы избежать любопытных взглядов.

— Видимо, ее убили прямо в лодке, — заявил Блэр. — Непонятно другое: зачем убийца пустил плашкоут по течению?

— Может, просто не хотел маячить с трупом на берегу? — пожал плечами Эндрюс.

— Кстати, одежда на ней точно не с чужого плеча, — вклинился в разговор Стайлз.

Наверняка мой напарник припомнил случай месячной давности, когда убийца заставил жертву переодеться до того, как ее зарезать. Именно поэтому нам тогда и не удалось быстро установить личность погибшей. Разыскивали девушку в зеленом платье, а она была в великоватом ей черном траурном наряде.

— Платье вполне соответствует ее внешности. Очевидно, девушка из богатой семьи, — кивнул я.

— В лодке ничего не нашел? — процедил сквозь зубы Блэр.

— Выше ватерлинии — ничего.

— Ну что ж, остается установить личность убитой — тут мы Скотланд-Ярду не соперник, — откашлявшись, подытожил суперинтендант, и я понял: вот и еще одна причина, почему меня сюда вызвали.

Блэр хотел получить мальчика на побегушках, который унесет от него это дело в Ярд. Каково бы ни было общественное мнение о наших детективах, люди всегда идут к нам, если дело касается пропавших друзей и родственников.

— Дженкинс, пригласите Чарли Дауэра — пусть нарисует портрет жертвы, — скомандовал Блэр. — Потом можно сделать копии и разослать их по всем участкам, а Корраван тем временем доставит тело в морг.

Я начальнику речной полиции не подчинялся, однако спорить не стал — в морг мне следовало попасть и без его приказа. Блэр желает, чтобы я отправился туда в одиночку? Тем лучше.

Дженкинс сбегал за художником — низеньким крепышом лет сорока. Тот состоял в штате речников и неплохо работал карандашом, фальшиво напевая себе под нос песенки, исполнявшиеся в мюзик-холлах. Удивленно склонив голову, Дауэр слегка улыбнулся в мою сторону.

— Привет, Чарли! — поздоровался я.

Художник изучил мертвую женщину, потом приподнял ее подбородок. Я стоял ровно напротив и успел заметить, как в волосах на затылке убитой сверкнуло серебро.

— Подождите! Гляньте-ка сюда!

Блэр подошел ко мне и, наклонившись, прищурился.

— Да, вижу, — пробормотал он, распутывая пряди толстыми пальцами.

— Что там? — подал голос Стайлз.

Блэр выложил находку на стол. Наверное, бог решил нам помочь: — на тонкой цепочке висел медальон в форме сердечка с монограммой «Р. А. Е.», где «А» — по размеру чуть больше других букв, — наверняка означала фамилию. Я нажал маленькую кнопку сбоку, и крышка медальона откинулась, открыв вставленный внутрь снимок светловолосого, сдержанно улыбающегося в объектив молодого мужчины. Надменный сноб, однако недурен собой... Либо брат, либо возлюбленный.

Стоило бы поручить Дауэру сделать увеличенную копию и с маленькой фотографии блондина. Располагая инициалами убитой, при некоторой доле везения через пару дней мы установим ее личность.

— Наверняка этот парень ее знает, — заметил Блэр.

Стайлз слегка погрузнел — видимо, его посетила мысль, что известие о жестоком убийстве девушки разобьет жизнь ее любимого. Я же невольно вспомнил прекрасные карие глаза Белинды, темные волосы и нежные руки, притягивающие мою голову к ее губам.

Резко развернувшись, я выскочил на пирс — глотнуть свежего воздуха.

ГЛАВА 2

Стайлза я оставил у речников, — ждать, пока Чарли не сделает достаточное количество рисунков — их следовало распространить по всем участкам столичной полиции в богатых районах Лондона. Сам же, прихватив первые копии, отправился в морг. Там пришлось подождать выводов медицинского эксперта, так что в Ярд я вернулся почти в два, и меня сразу поздравил к себе сержант Коннел.

— Чего хотел от вас Блэр?

— Они нашли труп женщины лет двадцати; похоже — довольно состоятельной. Плыла вниз по Темзе в плоскодонке.

— Ничего себе! Сплавлялась, словно груз, да? Чертовски странный случай. — Сержант кивнул на закрытый кабинет директора Винсента. — Должно быть, у начальника сидит ее отец — говорит, что дочь исчезла вчера вечером. Принес ее фотоснимок.

— Как его зовут?

— То ли Альберт, то ли Альфред. Судья... — презрительно протянул Коннел, вероятно намекая, что посетитель особой симпатии не вызывал.

Альберт или Альфред... Так или иначе, вот вам и «А». Раз судья — наверняка человек не бедный. Кусочки головоломки начинали сходиться, и я кивнул:

— Не исключено, что отец.

Пройдя в свой кабинет, я скинул плащ. При прежнем главе Скотланд-Ярда, Арчибальде Баудене, не возбранялось сразу постучаться в его дверь — как есть, в мокром плаще и грязных ботинках. Винсент же — человек совсем иного сорта, второй сын баронета. Мы с ним были одногодками, а тридцать лет — довольно юный возраст для подобной должности. Новый директор успел в свое время поработать корреспондентом «Дейли Телеграф». Что примечательно — опыт полицейской деятельности у него отсутствовал напрочь, тогда как каждый из нас отслужил хотя бы несколько лет в скромных участках Ламбета, Степни или Уайтчепела.

Назначение Винсента после скандала со взятками дало почву для слухов, что новый глава Скотланд-Ярда — не иначе как любимый

племянничек какой-то весьма известной персоны. Винсент носил жилеты элегантного кроя и начищенные туфли, а речь его разительно отличалась от слога наших детективов, вышедших из среды рабочего люда. Впрочем, я не склонен считать, что лоск, впитавшийся в кровь с образованием в частной школе, обязательно делает человека самодовольной свиньей. Куда больше меня беспокоило, что шеф всеми силами старался не прогневать чиновников из наблюдательного комитета, в то время как у каждого из нас на столах лежали десятки дел; подобная нагрузка подчиненных его не слишком заботила. Прошло три месяца с назначения Винсента, и я все это время его по возможности избегал.

Вытащив тряпку из ящика, я протер ботинки и низ штанин, после чего и направился к кабинету директора. За матовым стеклом виднелось два неясных силуэта. Винсент сидел за столом, судья же растекся в предназначенном для посетителей кожаном кресле. Сквозь дверь звучал низкий голос гостя, однако мне не удалось разобрать ни слова.

Я постучался и получил разрешение войти. Увидев меня, директор нахмурился.

— Можно вас на пару слов? — спросил я, мельком глянув в сторону судьи.

Я уже говорил, что Винсент не дурак, и мое предложение его нисколько не удивило.

— Разумеется. Прошу меня извинить, ваша честь.

Мы прошли к моему кабинету и закрыли за собой дверь. Винсент, бесстрастно изучив кавардак на столе, остановился, опершись обеими руками о спинку заваленного папками стула, и устремил на меня пытливый взгляд.

— Что удалось выяснить?

Вытащив из кармана рисунки, я тщательно их разгладил и разложил на столе.

— Коннел сказал, что судья принес фотографию дочери. Похожа ли она на убитую женщину, которую нашли в реке?

— Сходство очень большое, — шумно вздохнул директор. — А это кто? — спросил он, подняв портрет мужчины.

— Его снимок нашли у жертвы, — объяснил я и вкратце рассказал об утренних событиях, не забыв упомянуть об инициалах на

медальоне.

— Инициалы совпадают, — заключил Винсент. — Ее... — замялся он, подбирая слова, — ее обесчестили перед смертью?

— Нет, хотя юбки были распороты до талии, словно убийца намеревался ее изнасиловать. — Помолчав, я добавил: — Медицинский эксперт утверждает, что девушку задушили, а порезы на запястьях нанесли после смерти. Я съездил в морг, а Стайлза с портретами отправил в Марилебон, Челси и Мейфэр.

— Почему только в эти три района?

— Они выглядят наиболее обещающими, однако, похоже, старались мы напрасно. Как его зовут? — кивнул я на дверь кабинета директора.

— Мэтью Альберт, проживает на Портман-сквер, в Мейфэре.

Я невольно вздрогнул. Пропавшая женщина — миссис Бэкфорд — жила совсем неподалеку от Альбертов, и преступления в этом квартале Мейфэра случались нечасто. Другое дело, что Лондон меняется.

— Значит, убитую — а это наверняка дочь судьи, — зовут Роуз.

«Р» — вторая буква с медальона. И так, два инициала сошлись.

— Ей двадцать, не замужем. Вчера вечером была на балу у лорда Харви.

Винсент потер лоб тыльной стороной ладони, словно испытал внезапный приступ мигрени. Интересно, что именно так расстроило шефа в этом деле? Должно быть, думает: раз убита девушка одного с ним сословия, значит, подобное несчастье вполне может случиться и с кем-то из близких.

— Нам не следует выносить сор из избы, — заметил Винсент, отняв руку от головы. — Не хватало, чтобы газеты трубили о том, что мы не в состоянии обеспечить безопасность наших юных леди, уж не говоря обо всем прочем.

Спору нет, но причина, о которой говорил директор, была не единственной. Хоть один громкий заголовок — и расследование превратится в настоящий цирк. Найдется куча людей, которые что-то слышали или видели, и девяносто девять процентов их показаний уведут нас не в ту сторону.

— Вряд ли газеты в курсе. У причала не было ни души.

— Хоть это радует, — мрачно сказал Винсент. — Судья принес хорошую фотографию, и все же проявите осмотрительность. Заявите о

совпадении, если будете полностью уверены.

Можно подумать, я хоть раз действовал иначе.

— У судьи, конечно, возникнут вопросы, и лучше, чтобы вы смогли ответить на каждый из них.

Переведя дух, директор направился к своему кабинету и открыл дверь.

Судья оказался крупным, заметно толстеющим мужчиной, хотя покрой одежды явно был призван скрыть полноту. В пухлой руке посетитель сжимал снимок в серебряной рамке. Бьюсь об заклад: сегодня Альберт не сделал еще ни шага по улице — мое лицо отразилось в его до блеска начищенных туфлях.

Директор остановился у стола.

— Ваша честь, хотел представить вам инспектора Майкла Корравана. Сегодня утром его вызывали в участок речной полиции.

Судья насупился, и Винсент продолжил:

— Прошу показать инспектору фотоснимок дочери.

Альберт вставать не собирался, так что мне пришлось сделать несколько шагов вперед и принять из его рук рамку, оказавшуюся весьма увесистой. Чистое серебро, не иначе. Снимок с нанесением ретуши в виде естественных цветов был дорогим, сделанным по последнему слову фотографической науки. Я долго изучал лицо девушки, помня, что смерть искажает лицо жертвы. Без сомнений, убитая — Роуз Альберт.

— Мне очень жаль, однако сегодня утром на реке нашли мертвую женщину. Судя по фотографии — убитая именно ваша дочь.

— Не несите чушь! — грубо оборвал меня судья. — Она на пушечный выстрел не подходит к Темзе.

На подобную враждебность я уже давно научился не обращать внимания, поэтому невозмутимо продолжил:

— На шее убитой обнаружили медальон в форме сердечка размером около дюйма. На украшении выгравирована монограмма «Р. А. Е.».

— А я что говорю? — махнул рукой судья. — У Роуз ничего в этом роде нет.

— Девушка была одета в дорогое платье из темно-синей парчи, расшитой серебристой нитью, — вновь заговорил я, пока не попытаюсь

настаивать на совпадении инициалов. — Лиф обшит жемчужинами, рукава длиной чуть ниже плеча. Юбка со шлейфом.

На этот раз мне удалось поколебать уверенность Альберта. Несколько раз быстро моргнув, он признал упавшим голосом:

— У нее есть такое платье — от Уорта, из Парижа. Покупали на Рю де ля Пэ.

Удивительно, какие подробности вспоминают люди в подобные минуты. Понять несложно — судья, например, цеплялся за известные ему факты, пытаясь не думать о том, что не укладывалось в голове.

— Как это случилось? — спросил он, сглотнув ком в горле.

Я взял паузу, оглянувшись на Винсента.

— Я задал вопрос: как это случилось? — Глаза Альберта полыхнули гневом. — Отвечайте! Или вы ничего не знаете, черт бы вас побрал?

— Ее задушили и бросили в маленькую лодку, — сдержавшись, ответил я. — Обнаружили тело в районе Лаймхауса. Полагаем, что ваша дочь не мучилась перед смертью.

Этого мы точно не знали, но я решил, что лучше солгать.

У судьи побелели губы, а на щеках, напротив, заалели яркие пятна.

— Я должен убедиться, что это Роуз. Не готов сообщить новости жене, пока сам не увижу.

— С вами поедет один из сержантов, — пообещал Винсент, явно не желая отпускать меня из отдела, а я добавил:

— Мне нужно будет задать вам несколько вопросов.

Директор негромко кашлянул, привлекая мое внимание, и покачал головой. Я ощутил укол раздражения. Никто не собирался допрашивать Альберта сию минуту. Меня можно обвинить в отсутствии такта, но не в бессердечности. Судья пребывал в шоке, а в таком состоянии из него ничего полезного не вытащишь.

Альберт меня словно не слышал. Встав с кресла, он забрал фотографию и направился к выходу. Я вынул из стойки зонт с ручкой из слоновой кости, намереваясь вручить его судье на улице.

— Вас ожидает экипаж, ваша честь? — осведомился Винсент.

Альберт остановился, собираясь с мыслями, и наконец кивнул.

Проходя через холл, я махнул сержанту Филиппу, и тот, немедленно вскочив из-за стола, накинул пальто. Сержанту надлежало

сопровождать судью в морг, остаться там на опознании тела, а затем убедиться, что безутешный отец благополучно вернулся домой.

Винсент, выйдя на улицу, придержал перед судьей дверцу экипажа. Сержант также забрался внутрь, а я положил зонт у ног Альберта.

— Могу заглянуть к вам завтра, сэр?

Судья смерил меня непонимающим взглядом, словно увидев впервые. Наверное, так оно и было. Время — такая штука... Для отца оно разделилось на «до» и «после» смерти дочери.

К моему удивлению, Альберт сосредоточился и заявил:

— Нет, не завтра. Сегодня вечером. Только дайте мне время съездить в морг и сообщить новости матери Роуз.

Так бывает всегда, размышлял я. На родственников погибшего накатывают волны горя и гнева; затем приходит боль. Боль и жажда отмщения. Для судьи — тем более: лишь ожидание торжества правосудия позволит ему продержаться несколько следующих недель.

Экипаж растворился в чередѣ черных кэбов, направляющихся в северную часть столицы, и я задумался: как воспримет ужасное известие мать девушки? Больше всего в подобных случаях душа болит именно за матерей.

Винсент поджидал меня у входа, сложив руки за спиной.

— Мистер Альберт из тех людей, что не успокоятся, пока не узнают, кто виновен в преступлении. Наверное, вам следует посетить его завтра прямо с утра.

— Он просил заглянуть к нему уже сегодня вечером.

Открыв дверь, я пропустил Винсента вперед, и тот сразу направился к своему кабинету, бросив через плечо:

— Необходимо установить личность молодого человека с фотографии из медальона. Мне не хотелось сейчас забивать судье голову.

— Наверняка его кто-то да знает — прислуга или подруги Роуз.

— Именно, — кивнул директор. — Вам следует сосредоточить все внимание на этом деле. Остальное отложите.

Вероятно, Винсент заметил мою гримасу, иначе следующего вопроса не последовало бы.

— Сколько у вас сейчас дел?

— Около трех с половиной десятков.

— Тридцать пять? — поднял брови директор.

Я воздержался от пояснений, и он подровнял тонкую пачку документов на своем аккуратном столе.

— Что ж, передайте наиболее перспективные мистеру Стайлзу. Ему будет полезно. По-моему, он немного заскучал.

Мне так не казалось. Вряд ли Стайлз мечтал заполучить стопку папок с моего стола. Так или иначе, я предпочел промолчать, и уж тем более не стал говорить, что дело миссис Бэкфорд не брошу. Ее след успел остыть, однако вчера появилась некоторая надежда: один из городских дворников сообщил мне, что видел полицейского, волочившего по улице женщину, напоминающую миссис Бэкфорд. Дело было три недели назад и, несмотря ни на что, могло стать, что разыскиваемая еще жива. Так что шанс следует использовать. Если не найду женщину сегодня — что ж, последую совету директора.

— Слушаюсь, сэр.

Через несколько минут я вышел на улицу, планируя перекусить по пути в приют неподалеку от перекрестка, где работал тот самый дворник. Туда, по всей видимости, полисмен и сдал миссис Бэкфорд. Дождь прекратился, и я оперся о шершавый каменный забор, разглядывая Темзу. Возможно, сегодня ночью Роуз Альберт проплывала в своей лодчонке мимо ближайшей излучины.

Говорят, что Темза — артерия города. Порой и у меня возникало подобное ощущение. Конечно, бывают дни, когда ветер дует в нужном направлении, а проблески солнца подсвечивают воду под киями суденышек, перевозящих провизию и почту, текстиль и оборудование, которые и делают нашу жизнь такой, какова она есть. В основном-то я считаю, что Темза — просто-напросто выгребная яма, мусороприемник для отходов большого города, в которых иногда попадают и гниющие трупы.

Река развращает тех, кто с нее кормится. Я служил на Уоппинг-стрит, и покинул ее потому, что и к моим подметкам начала липнуть грязь. С другой стороны — что сказать о человеке, который, уйдя с Темзы, переместился в Скотланд-Ярд, в здание всего в паре сотен метров от набережной? За рабочим столом я сижу спиной к реке, и случается — вот как сегодня, — что Темза вызывает в памяти грязную гадюку, неслышно скользящую сзади.

С загаженных отмелей ползли жуткие ароматы — зловещая смесь запахов разлагающихся отбросов и гнилой рыбы. По реке пыхтели большие и малые буксиры, паровые и гребные суда. Перед моими глазами покачивались пришвартованные парусные лодки и шхуны; вздымался лес мачт, рисующих симметричную зубчатую линию на фоне облаков. Вдали, на подступах к морю, сверкнула молния. Вот-вот грянет гром. Я начал считать про себя: один, два, три...

Нет, пожалуй, гроза слишком далеко. Грома не слышно.

Сдавшись, я отвернулся, и в этот миг, заглушив металлическое бряканье, сопение паровых двигателей и крики грузчиков на верфи, ударил первый раскат. С востока катился низкий, свирепый гул небес.

Скоро разразится шторм.

ГЛАВА 3

У Белинды была своя теория о причинах, по которым меня чрезвычайно волнуют случаи исчезновения людей. Она считала: все дело в том, что моя собственная мать пропала без следа, когда мне исполнилось одиннадцать.

Не могу не признать — Белинда в человеческих характерах разбирается прекрасно. Порой заговариваю с ней о работе, и она слушает, не пропуская ни слова; вижу, что все понимает, хотя мои рассказы не всегда отличаются стройным изложением. Тем не менее, бывает, что Белинда вдруг предложит совершенно новый взгляд на одного из фигурантов дела, и ее слова внезапно меняют ход моих мыслей — так волна, бьющая в борт, отклоняет корабль от выбранного курса.

И все же Белинда ошибается.

Больше всего меня гнетет неопределенность. Например, передо мной лежит труп. Неважно — получил ли погибший удар ножом в переулке или утонул, выпав из лодки. Любая смерть ужасна. Тем не менее, мертвое тело дает определенность: обнаружив его, ты уже столкнулся с худшим из сюрпризов судьбы. Другое дело, когда человек исчез. Воображение рисует самые жестокие исходы и множит их без конца до тех самых пор, пока пропавший не объявится. А до того тебя посещают то страх, то сомнения. Бывает, думаешь: нашел! — и все внутри сжимается, а потом осознаешь, что след ложный.

Мадлен Бэкфорд я искал уже три недели, с того дня, как ее супруг подал заявление в Скотланд-Ярд. Сидя напротив меня, он стыдливо рассказывал, что в последние несколько месяцев у жены проявлялись некоторые «странности», граничащие с бредовыми идеями. В конце концов, холодной мартовской ночью у нее случился истерический припадок, и миссис Бэкфорд сбежала из дома в одном шелковом платье. Пару дней муж, не поднимая шума, навел справки у ее подруг, после чего обратился в полицию. Я не преминул выказать ему свое раздражение подобной задержкой. Последний глупец понимает: чем раньше полиция получит сообщение о пропаже человека, тем больше шансов его найти. Мистер Бэкфорд оправдывался: дескать, ему

не хотелось вводить жену в еще большее смущение — вдруг та вернулась бы через день-другой.

Я не из тех, кто слепо принимает слова на веру; особенно это касается рассказов мужей о своих женах, и наоборот. Хотя как не посочувствовать мужчине, искренне желающему оградить жену от опасностей Лондона? Разумеется, я сверил показания, поговорив с его братом, с другом и с доктором, который привел мне несколько примеров шокирующих странностей в поведении женщины. Неужели мистер Бэкфорд не обращал на них внимания? Возможно, сознательно преуменьшил масштабы бедствия, не желая позорить ни себя, ни супругу? Впрочем, рассуждения мои ничего не меняли: три недели я провел, размещая объявления и направляя запросы в полицейские участки, больницы и на железнодорожные станции, постепенно расширяя поиск от границ Мейфэра. Лишь вчера у меня возникла версия, где может находиться пропавшая. Скорее всего, спасение несчастной обойдется всего в полкроны.

Побрякивая монетками в кармане, я направился в заведение для бедных под названием «Приют Холмдела для душевнобольных».

От приземистой рыжеволосой дежурной по женскому отделению пахивало джином; женщина чрезвычайно напоминала персонаж из рассказа Диккенса о тюремном заключении. Дежурная провела меня по воняющему мочой коридору, открыла маленький глазок в деревянной двери, и я осмотрел убогую крохотную палату. На жалком подобии тюфяка уныло и неподвижно сидела молодая дама, спеленутая нечистой смирительной рубашкой. Одежда ее была грязна и порвана, однако — тут я ощутил легкий проблеск надежды — похоже, на ней было коричневое шелковое платье.

— Сколько она уже здесь?

— Не знаю, — фыркнула дежурная, вытерев нос рукавом, и я глянул на нее сверху вниз:

— Неделью, месяц, год?

— Немного меньше месяца, — проворчала женщина. — Ее привел констебль. Нашел где-то на улицах.

— Впустите меня, — потребовал я.

— Ключи на стойке, — бросила женщина и зашаркала в конец коридора.

Открыв квадратное окошко, я дважды окликнул миссис Бэкфорд — сперва тихо, чтобы не напугать, потом громче, перекрывая голосом стоны и крики, рикошетившие эхом от стен коридора. Дама, словно не слыша, не отрывала взгляда от точки на стене.

Если на день водворения сюда она и была в здравом уме, то теперь рассудок ее явно покинул. Но разве можно винить несчастную? Единственный день в подобных условиях — уже ужасающее испытание, а она провела здесь три недели, не имея представления, как выбраться из этой тюрьмы. Я бы точно сошел с ума.

Пока дежурная ходила за ключом, мои глаза успели приспособиться к полумраку, и мне удалось рассмотреть миссис Бэкфорд: спутанные каштановые волосы, тонкие белоснежные щиколотки, босые ступни... В узкий прогал между койкой и стеной было втиснуто жестяное ведро, наверняка заменявшее ночной горшок. Вдоль плинтуса пробежала жирная длиннохвостая крыса.

Мне и раньше доводилось бывать в приютах, но такого мрачного места я еще не видывал. Мой друг — Джеймс Эверетт — специализировался на душевных расстройствах и заведовал тихим отделением в госпитале Святой Анны, где стены умиротворяющего желтого оттенка украшали картины с цветами. Смирительные рубашки надевали далеко не на любого пациента, а медсестрами брали исключительно женщин с приличными манерами.

Вернулась дежурная, позвякивая ключами на металлическом кольце, и на звук характерного звона едва ли не из каждой палаты раздались полные надежды возгласы. Рыжеволосая хрипло рассмеялась, и я невольно пожелал, чтобы ее жестокость вернулась сторицей; захотелось встряхнуть женщину что есть силы. Однако прошлогодний суд, имевший тяжелые для Ярда последствия, научил меня благоразумию. Мне просто следовало вытащить отсюда миссис Бэкфорд, не прибегая к долгим юридическим проволочкам.

Перебрав ключи на кольце, дежурная нашла нужный.

— Она не будет с вами говорить. Мы от нее вообще ни одного разумного слова тут не слышали.

Мы вошли внутрь.

Сырой воздух вонял прогнившей штукатуркой и невымытым женским телом. Я приблизился к койке, переступая через разбегающихся тараканов, и опустился на колени рядом с больной. По

ее телу ползали мелкие насекомые, но миссис Бэкфорд, похоже, их не замечала.

Женщина не шевельнулась, когда я тронул ее за руку. Пришлось аккуратно отвести в сторону ее волосы, чтобы рассмотреть лицо, и она с опасливой гримасой съежилась от моего прикосновения. Проведя три недели в подобном аду, миссис Бэкфорд все еще напоминала свой портрет, висевший в кабинете супруга: голубые глаза, родинка у левого виска, маленький носик и светло-каштановые волосы. Потрескавшиеся губы угрюмо сжаты...

— Портрет нарисовали в прошлом году, — дрогнувшим голосом говорил мистер Бэкфорд. — Мадлен была так мила и разумна, когда мы только поженились... Только посмотрите на ее лицо!

Я тогда промолчал, вспомнив: Джеймс всегда настаивал, что выражение лица нельзя воспринимать как признак безумия или здравомыслия. Воочию видел, как одна из пациенток его госпиталя — глаза, словно у лани, милая улыбка — пырнула вилкой медсестру. Портрет миссис Бэкфорд навеял еще одну мысль: Белинда как-то делилась со мной своим неприятным опытом, рассказывая, что характер может решительно измениться, и не всегда сам человек тому виной.

— Миссис Бэкфорд! — сделал я еще одну попытку. — Я инспектор лондонской полиции. Пришел забрать вас домой.

Она содрогнулась, скрипнув пружинами койки, однако в глазах по-прежнему стояла пустота, и я решил обратиться к ней по имени:

— Мадлен...

Несчастливая перевела взгляд на меня, и в нем мелькнуло даже не безумие, а настоящее отчаяние затравленного животного, заставившее меня вздрогнуть. Терять контакт не следовало, и я, не отводя глаз, бросил через плечо:

— Развяжите ее!

Дежурная, согнувшись над женщиной, распутывала рукава смирительной рубашки, но миссис Бэкфорд продолжала сидеть неподвижно. Из грязных шелковых рукавов высовывались тоненькие, словно птичьи лапки, руки. Поведение больной противоречило рассказам о ее злобных истерических припадках и (как мне намекали) проявлявшейся в ней развратности.

— Как давно ее связали?

— На второй день после поступления, — угрюмо ответила дежурная. — Деваться было некуда — она билась в припадках.

— Что за припадки?

— Обычные припадки! — отрезала рыжеволосая. — Больная бредила, визжала и металась по палате. Пришлось надеть смирительную рубашку, только после этого она и закрыла свой грязный рот.

— Как же она питалась?

— Я кормила ее супом с ложки, — помявшись, буркнула дежурная.

Обернувшись, я не увидел в поросячьих глазках приземистой женщины ни малейшего проблеска человечности. Представляю, сколько того супа досталось ей, а сколько попало в рот миссис Бэкфорд...

Подняв несчастную на руки, я прикинул: весу в ней осталось точно не больше семи стоунов. Больная не сопротивлялась.

— Отпирайте дверь.

Дежурная, вздернув брови, жадно повернула руку ладонью вверх. Пришлось неловко перекинуть миссис Бэкфорд через плечо и пошарить в кошельке. Монета в полкроны легла в протянутую ко мне лапу.

Ловким, словно у фокусника, движением рыжая тюремщица зажала монету между пальцев и попробовала ее на зуб. Удовлетворившись, опустила полкроны в карман засаленного фартука и отомкнула замок. Очутившись в коридоре, я зашагал к выходу, по пути сунув еще одну монету охраннику, и вышел на улицу. Наконец-то сравнительно чистый воздух!

Свистнув проезжающему мимо кэбу, я разместил миссис Бэкфорд в кабинке, стараясь ее не потревожить, и она свернулась в клубок, вновь уставившись перед собой. Кэб полз еле-еле, пробираясь между экипажами и повозками уличных торговцев, и меня охватило нетерпение. Моя же подопечная не проявляла к путешествию ни малейшего интереса и словно ничего от него не ждала, обхватив себя руками. То ли до сих пор ощущает на себе смирительную рубашку, то ли просто замерзла...

Мы пересекли Уиллис-лейн и выехали на нужную нам улицу. Предвкушая облегчение мистера Бэкфорда и благодарность его жены,

я удовлетворенно сказал:

— Миссис Бэкфорд, вы почти дома!

Она резко обернулась. Изморось затрудняла видимость, однако газовые фонари за окном осветили мокрые пики кованой ограды, возведенной вдоль длинного ряда похожих друг на друга домов. Особняк Бэкфордов находился в самом конце улицы. В окнах приятно мерцали отблески горящих каминов и электрических ламп, рассказывая прохожим об уюте гостиных и богатстве жильцов. Разумеется, после пребывания в Холмделе миссис Бэкфорд ждет не дождется, когда попадет домой. Что бы ни заставило ее бежать, — теперь все позади.

На лице женщины отразилось мучительное усилие, с которым она возвращалась в свой мир, постепенно узнавая окрестности; глаза расширились, рот приоткрылся в беззвучном крике...

Пошарив по подушкам сиденья, миссис Бэкфорд нащупала лежащую там полицейскую дубинку и взмахнула ею в опасной близости от моего лица.

Я инстинктивно поднял руки, и сильный удар пришелся в ладонь, пронзив болью все тело. Перехватив дубинку, я скинул ее на пол, а женщина, бросившись в мою сторону, впилась ногтями мне в щеку. Вцепившись другой рукой в волосы, она вырвала из моей шевелюры порядочный клочок. Я схватил ее за кисти, стараясь не причинить вреда, и миссис Бэкфорд закричала во весь голос, завывала, словно раненое животное — будто под ухом у меня включили сирену речной полиции. Ее руки судорожно напряглись, и левое запястье выскользнуло из моего захвата. Я снова стиснул его пальцами и, обхватив несчастную за талию, крепко прижал ее к себе.

Одно было понятно — оставлять миссис Бэкфорд здесь никак нельзя. Я стукнул в стенку кабины и крикнул кэбмену:

— Едем в госпиталь Святой Анны!

Экипаж замедлил ход, останавливаясь. То ли кэбмен меня не расслышал, то ли решил, что не так понял, а миссис Бэкфорд тем временем продолжала вырываться. Я сжал руки и снова ударил в стенку.

— Ради бога, приятель! В госпиталь, быстрее!

ГЛАВА 4

Стоило нам свернуть с улицы, и миссис Бэкфорд тут же обмякла. Еще через пару минут она вернулась в прежнее состояние: напряглась и притихла. Несколько раз передернула плечами, словно пытаюсь отодвинуться от меня как можно дальше.

Ну и отлично. Пожалуй, пора ослабить хватку, раз уж миссис Бэкфорд не собирается вновь вцепиться мне в лицо.

Пришлось на всякий случай наступить на дубинку, катающуюся под ногами. Я медленно разомкнул руки, и бедная женщина, не отрывая от меня обвиняющего взгляда, переползла в противоположный угол, где и замерла, приоткрыв рот. С каждым вдохом в горле у нее что-то странно клокотало. Кэб загрохотал по бульжной мостовой, а я продолжал поглядывать на миссис Бэкфорд. Если надумает броситься еще раз — пожалуйста, я готов.

Кожу на месте выдранных волос пощипывало; по щеке стекала теплая влага. Я осторожно дотронулся до лица. Кровь... И не капелька, а целая струйка. Проглотив проклятие, я прижал ладонь к начавшей саднить расцарапанной щеке.

Очевидно, домой миссис Бэкфорд без борьбы возвращаться не намерена. Стоит ли ее заставлять? Неизвестно, что из этого выйдет.

В ее горящих глазах я заметил не только испуг; за несколько лет службы в полиции мне тоже приходилось трепетать от ужаса, однако опыт научил меня одолевать страх, пряча его в дальний уголок мозга — как складываешь в четыре раза носовой платок, убирая его в карман. Миссис Бэкфорд явно была в отчаянии — я ощущал его так же отчетливо, словно она рассказала мне о своих чувствах. Женщина походила на волчицу, готовую отгрызть себе лапу, лишь бы вырваться живой из капкана.

Мысль породила жаркую волну в сердце, которая поползла вниз, к кистям рук. Пятнадцать лет назад я сбежал из Уайтчепела, имея при себе лишь узелок с одеждой, несколько шиллингов в кармане да могучие кулаки. Не уйди я вечером — вряд ли пережил бы ту ночь.

Не тот ли самый ужас плескался сейчас в пылающих глазах миссис Бэкфорд? Похоже, держаться подальше от собственного дома

для нее было вопросом жизни и смерти.

По дороге в госпиталь мы молча смотрели друг на друга: она с подозрением, я — с сочувствием и некоторым любопытством. Наконец показалось нужное нам здание — трехэтажный корпус из коричневого кирпича. Большие окна, под самой крышей — циферблат часов, показывающих без четверти шесть. Черные кованые ворота перед входом во двор больницы не слишком отличались от тех, что мы видели перед домом Бэкфордов, и при свете газового фонаря мне бросилось в глаза, как снова напряглась моя подопечная.

— Мадлен... — сказал я, вспомнив, что собственное имя хоть как-то привлекает ее внимание, — мы приехали в госпиталь. Это хорошее место, совсем не такое, как приют в Холмделе. Здесь работает мой друг, доктор. Он предоставит вам чистую постель, горячую пищу и добрых сиделок.

Один из больничных смотрителей, выйдя из ворот, приблизился к нашему кэбу. Под зонтом я не сразу рассмотрел его лицо, а узнав, поздоровался:

— Здравствуйте, Оуэн!

Смотритель удивленно уставился на нас, но я метнул на него сердитый взгляд, и Оуэн тут же вежливо заговорил:

— О, мистер Корраван! Чем могу вам помочь?

— Позовете доктора Эверетта?

— Разумеется!

Смотритель исчез в дверях, и через несколько минут у входа показалась невысокая коренастая фигура моего друга. Подойдя к кэбу, Джеймс отвел в сторону зонт, показав свои приятные черты, густые седеющие волосы и аккуратную бороду. Он не надел очки в тонкой серебряной оправе, в которых обычно читал, и я отчетливо видел его любопытный взгляд.

— Ага, Корраван!

Много лет назад мы условились, что я зову его по имени, однако ко мне Джеймс всегда обращался по фамилии — настаивал, что она мне чрезвычайно подходит, особенно в те дни, когда я, надевая чёрное пальто, походил, по его выражению, на хищника. В этом наряде я и вправду напоминал крупного ворона — *genus Corvus*, если изъясняться на латыни.

— Привет, Джеймс, — поздоровался я, кивком указав другу на Мадлен.

Заглянув в окошко кэба, доктор едва слышно пробормотал:

— О господи...

Я встал под его зонт, и взгляд Джеймса остановился на моей щеке.

— Оуэн сказал, что видок у тебя — как после драки. Ее рук дело?

— Да, только сперва она попыталась врезать мне дубинкой по голове.

Осторожно коснувшись ссадин кончиками пальцев, я убедился: еще кровит, хотя уже меньше, и уголки рта Джеймса дрогнули в улыбке.

— Что ж, рад слышать, что ты все еще способен себя защитить. Похоже, она весит как минимум вдвое меньше тебя?

— Придержи язык, а?

— И где ты нашел этого страшного противника?

— Забрал из Холмдела — еще и часа не прошло. Она провела там несколько недель.

— Поручу сестрам приготовить ей койку. У нее есть близкие родственники? — стерев улыбку с лица, произнес приятель.

— Все довольно сложно, — замялся я и, встретившись с вопросительным взглядом Джеймса, продолжил: — Пытался доставить ее домой. Добрались до ворот, и тут она устроила бойню — словно кошка, которую сунули в пододеяльник.

— А до того вела себя нормально?

— Нормально? — Я скорчил гримасу. — Сидела как изваяние, обхватив себя руками. Что сняли смирительную рубашку, что не сняли...

Джеймс, как я и ожидал, при упоминании смирительной рубашки поджал губы.

— Что ж, хорошо. Иди умойся, а я пока ее обследую. Потом все расскажешь.

Я с облегчением двинулся по дорожке. Над моими ранами Джеймс мог шутить сколько угодно, однако для больной он, без сомнения, сделает все возможное. Дверца кэба открылась, и за моей спиной раздался успокаивающий мягкий говорок приятеля:

— Здравствуйте, милая моя. Сможете сами выйти из экипажа?

Джеймс надолго исчез, устраивая Мадлен в палате, и мне хватило времени умыться и даже побродить по его кабинету, разглядывая книги и анатомические модели. Я собрался с мыслями, в которых за последние два часа воцарился некоторый беспорядок. До сегодняшнего дня не возникало оснований не доверять показаниям Стивена Бэкфорда, его брата Роберта и друга — Спира, а также доктора, пользовавшего миссис Бэкфорд. Рассказы их в основном совпадали, и в то же время, расходясь в незначительных деталях, отрететированными не выглядели. Каждый из мужчин упоминал о нарастающих странностях в поведении бедняжки, и ни один не смог назвать внятной причины подобных изменений. Вот только паника Мадлен при виде собственного дома, сменившаяся относительным спокойствием по пути в госпиталь, в эту стройную картину не слишком укладывалась. Либо сознание ее было спутано, либо в рассказах свидетелей чего-то недоставало. Впрочем, заполучив новое дело об убийстве, я уже не располагал временем для поиска истинных причин.

Рано или поздно Мадлен все разъяснит сама, а мне всего лишь требуется убедить Джеймса до тех пор подержать ее в госпитале. Разумеется, негласно. Наверняка приятель станет сопротивляться: госпитализация без ведома супруга незаконна. И все же я знал Джеймса достаточно долго, и знал, как заставить его заколебаться.

Доктор вошел в кабинет с подносом: кофе для меня, чай — для него. Я сомкнул пальцы на предложенной мне чашке, согревая ноющие суставы. В дождливую погоду ломота обычно усиливалась. Джеймс как-то сказал, что причиной тому — годы, проведенные на ринге, и неодобрительно пробормотал: боль — расплата за корыстное участие в варварских драках.

Приятель уселся за стол, и я осведомился:

— Как она?

— Растревожена — как иначе? Ее мозговые функции сейчас нарушены, отсюда и целый букет первичных и вторичных симптомов.

— Что-нибудь говорила?

— Ни слова, — нахмурился Джеймс. — Кто она и как оказалась в Холмделе?

— Три недели назад Стивен Бэкфорд заявил об исчезновении супруги.

— Бэкфорд... — Джеймс поерзал на стуле. — Тот, что владеет «Бэкфорд шиппинг»?

— Ты его знаешь?

— Лично не знаком, но его семья жертвовала деньги на новое хирургическое отделение в госпитале Святого Варфоломея. Назвали его в честь их семейного поверенного — «корпус Гриффитса».

— Должно быть, Бэкфорды весьма высокого мнения о своем поверенном, — заметил я.

— Скорее всего, желали избежать просьб о дополнительных пожертвованиях, — сухо возразил приятель. — Однако к делу. Как долго наша пациентка отсутствовала дома до обращения в Скотланд-Ярд?

— Два дня.

— Чего же ждал муж? — удивился доктор. — Она и раньше практиковала подобные вылазки?

Отхлебнув из чашки, я несколько секунд наслаждался чудесным ощущением тепла в желудке.

— Сегодня я впервые увидел миссис Бэкфорд, а до того знал о ней лишь по рассказам свидетелей. Их показания совпадают, однако...

— ...у миссис Бэкфорд может иметься иная версия, — проницательно глянув на меня, закончил доктор. — Вижу, ты ей сочувствуешь, несмотря на исцарапанное лицо?

— Именно, — признал я, поставив чашку. — Сейчас все расскажу, а ты уж сам соображай, что к чему. Итак, каждую среду по вечерам Бэкфорд со своим приятелем посещает клуб — «Клавеллс» — и ходит в театр. Этот самый приятель, Спир, пишет театральные рецензии.

— Респектабельное занятие, — вставил Джеймс, отпив чая.

— В тот вечер они вместе, как обычно, вернулись в дом Бэкфордов около половины двенадцатого ночи. Мадлен ждала мужа в библиотеке у камина. В лучшие дни семейной жизни они посидели бы у огня с бокалом вина, однако в ту среду все вышло иначе. Бэкфорд заявил, что Мадлен была в смятении; начала обвинять супруга в нарушении ее прав, чего на самом деле не случилось никогда. Спир показал, что его шокировали инсинуации миссис Бэкфорд, и он, воспользовавшись первым же предлогом, ушел.

— Жестокое обращение? О чем именно она говорила?

— Бэкфорд вспомнил, что жена ставила ему в вину просмотр ее почты, кричала, что он сплетничает о ней с прислугой, однако Спир говорит, что ее заявления были просто возмутительны. Вроде бы Стивен воровал ее драгоценности, пытался отравить Мадлен и уволил ее любимую горничную, только бы лишний раз помучить жену. Еще он добавил, что Мадлен бросилась на мистера Бэкфорда, пытаясь расцарапать ему лицо.

— А Бэкфорд, значит, об этом ни полслова? — недоуменно уточнил Джеймс.

— Скорее всего, ему было стыдно, — покачал головой я. — Он пытался не вдаваться в подробности, хотел лишь, чтобы до меня дошло: его жена в опасности.

Приятель поводит пальцем по столу, словно разглаживая складки невидимой скатерти.

— Давно они женаты?

— Чуть больше года. Ухаживал Бэкфорд за будущей женой сравнительно недолго — около шести месяцев. Говорит, что после свадьбы Мадлен очень изменилась: милая нежная девушка вдруг вбила себе в голову, что она несчастна. Любые попытки мужа утешить ее принимала в штыки.

В окно кабинета ударили струи дождя, и я, поднявшись, бросил взгляд на выложенный кирпичом внутренний двор. Уже смеркалось, и голые ветви вязов, раскачиваясь под порывами ветра, напомнили мне взмахи тонких рук Мадлен Бэкфорд у моего лица. Наверное, ее напугал мой железный захват. Бог свидетель — я этого не хотел.

— Корраван...

— Что?

— Я спросил: как именно муж пытался ее утешить?

— Извини. Он купил жене фортепиано — она давно просила — и нанял преподавателя музыки из Королевской академии. Вывозил ее в новом экипаже — приобрел специально для Мадлен. — Я снова уселся. — Бэкфорд готов был исполнить любые ее просьбы, но по большей части Мадлен оставалась совершенно безучастной.

— Значит, в основном она пребывала в апатии?

— Судя по всему.

— Какое впечатление сложилось у тебя о ее муже? Не внушает ли он отвращения? Тебе не показалось, что Бэкфорд пьяница или склонен к грубому обращению с супругой?

— Не показалось, — пожал я плечами. — По-моему, вполне достойный человек, несколько сбитый с толку поведением жены. Полагаю, в этом он не одинок. Бэкфорда чрезвычайно волнует, что скажут в светских кругах, мое мнение интересует его гораздо меньше. Жестоких наклонностей я за ним не заметил.

— Не считаешь, что он мог просто избавиться от жены, заточив ее в Холмдел? И никакого развода...

Я знал, что Джеймс с подобными случаями сталкивался.

— Вряд ли. В приют ее сдал полисмен. Однако, если верить Спиру, основания поступить таким образом у Бэкфорда были. Как-то вечером, стоило мужу выйти из комнаты, Мадлен бросилась к Спиру, поцеловала его и прижала его руки к своей груди.

Брови моего друга поползли вверх.

— Супружеская измена?

— Спир утверждает, что был не единственным другом Бэкфорда, испытывшим на себе подобные поползновения со стороны его супруги. Я, грешным делом, даже задумался — не сбежала ли она к любовнику.

— Хм...

— Опрашивал брата Бэкфорда — Роберта. Тот придерживается мнения, что Стивен женился на Мадлен не только по любви, но и из чувства жалости. Ее родители умерли, и девушка проживала с теткой. Роберт якобы заметил за Мадлен признаки бурного темперамента и частые приступы меланхолии еще до свадьбы.

— Стало быть, зачатки нервного расстройства проявились еще тогда, — задумался Джеймс. — Ты ведь встречался с ее доктором? Как, кстати, его зовут?

— Уиллис. Он рассказывал, что последние несколько месяцев наблюдал у Мадлен развивающуюся психологическую неустойчивость. Как-то раз напала на мужа с кулаками. Бэкфорд об этом сразу не упомянул, однако при следующем разговоре неохотно подтвердил, что было и такое.

— Напала с кулаками? — Брови Джеймса вновь поднялись над стеклами очков. — И даже ударила?

— Ударила в предплечье, — показал я на себе. — Но с того дня прошла неделя, и следов не осталось.

Приятель машинально покрутил чашку, и, поставив ее ручкой к краю стола, спросил:

— Что говорят о поведении миссис Бэкфорд работники приюта?

— Рассказывают, что бредила и металась, почему на нее и надели смирительную рубашку.

— И сколько это продолжалось? — скорчив недовольную мину, уточнил Джеймс.

— Несколько дней. Когда я нагрюнул в приют, Мадлен сидела на грязном тюфяке и не обращала на меня решительно никакого внимания, пока не услышала свое имя. А потом в ее глазах появился ужас.

— Хм... — нахмурился Джеймс. — Когда именно она на тебя накинулась? Вы уже подъехали к ее дому?

— Не совсем, но уже были на их улице.

Друг снял очки и протер их белым носовым платком.

— Стало быть, не обязательно припадок связан именно с ее жилищем. Возможно, миссис Бэкфорд возбудило воспоминание, связанное с одним из мест рядом с домом.

— Не исключено, — признал я.

Вздыхнув, Джеймс положил очки на стол.

— Твой рассказ меня не удивил. Все это вполне сочетается с теми признаками, которые я у нее наблюдаю. Очевидно, больная страдает помутнением рассудка, вызванным регрессивной истерией.

— Регрессивной истерией... — повторил я.

— Пациентка невольно возвращается к детской модели поведения. Кусается, царапается, молчит. Неразвитость речевых навыков как раз и отличает ребенка от взрослого.

— Послушай, Джеймс, она ведь просто измотана. Наверняка во время пребывания в Холмделе старалась не спать, боялась, что во сне ее покусает крысы.

— Значит, таков твой диагноз? — раздраженно передернул плечами приятель. — Чрезмерная усталость?

— Господи, Джеймс! Я вовсе не пытаюсь ставить диагнозы! Просто говорю, что могут быть и другие причины. А если Мадлен действительно что-то напугало, потому она и бежала из дома?

— Слова мистера Спира твою версию не подтверждают, — возразил приятель. — Он ведь сообщил, что Мадлен в ярости набросилась на Бэкфорда. Тут скорее гнев, но никак не страх.

— Он мог и ошибиться, — парировал я, хотя сам признавал, насколько слаба моя гипотеза.

— Ты опираешься лишь на пресловутый «ужас в глазах», — насмешливо сказал Джеймс. — Бог мой, она еще не проронила ни слова, а у тебя имеются показания трех — нет, даже четырех разных свидетелей, в том числе доктора. Ведь их заявления не противоречат друг другу.

Я открыл рот, готовясь привести свои доводы, однако друг, подняв руку, остановил мой порыв.

— Знаю, ты считаешь, что любое странное поведение обязательно должно иметь логический повод. Ничего подобного, Корраван! Сумасшествие может быть вызвано вполне физиологическими причинами, точно так же...

— Я знаю, Джеймс.

— ...точно так же, как и болезни внутренних органов. Физиологические сбои способствуют расстройству умственной деятельности и нарушают реакции мозга. Подозреваю, что в случае миссис Бэкфорд страх не имеет никакого отношения к реальности.

— Почему же она вела себя настолько по-разному у дома и у госпиталя? — не сдавался я. — Бедняжка совершенно успокоилась, когда мы подъехали к вашим воротам.

— В твоих рассуждениях есть логика, — развел руками Джеймс. — С другой стороны, больная только что замахнулась на медсестру и швырнула в стену тарелку с супом, а ведь она наверняка голодна.

Суп?

Я наклонился к приятелю.

— Ее только супом и кормили в Холмделе, Джеймс. А если миссис Бэкфорд уже видеть его не может? Сам ведь рассказывал, что вкус и запах сильнейшим образом связаны с нашими воспоминаниями.

Джеймс выглядел уже не так победоносно, и я продолжил наступление:

— Допустим, мы вернем Мадлен домой насильно. А вдруг она снова убежит, и на этот раз мы найдем ее слишком поздно? Вдруг ей

покажется, что ногти — не самое действенное оружие против мужа? А потом нашу пациентку осудят за убийство. Кому от этого будет лучше?

Приятель открыл ящик стола и вытащил бланк, на котором обычно пишут направление на госпитализацию.

— Конечно, я могу принять ее в отделение, однако тебе следует сообщить об этом Бэкфорду. Больной необходимо остаться у нас на неделю, а то и на две — пока не восстановится рассудок.

— Нет, Джеймс. Придется сделать иначе.

— Так и знал, — пробормотал приятель, ущипнув себя за нос. — Это незаконно, Корраван. Помимо всего прочего, несчастный супруг наверняка сейчас сходит с ума.

— Стоит ему сообщить — и он тотчас заберет жену из больницы. Люди, подобные Бэкфорду, скорее умрут, чем допустят, чтобы в обществе распространились слухи о душевном нездоровье жены.

— У мужа в любом случае прав больше, нежели у доктора. Ничего не могу поделать.

Я мигом затронул другую струну, пока Джеймс не укрепился в своем мнении.

— А вдруг — хотя пока все говорит об обратном, — Бэкфорд жестоко обращался с женой? Неужели ты станешь рисковать, возвращая Мадлен домой?

В прошлом году Джеймс, подчиняясь требованиям закона, вернул молодую женщину негодяю мужу, и тот немедленно избил жену до смерти.

— Не трави мне душу, Корраван, — сердито блеснул глазами друг. — До сих пор терзаюсь, вспоминая миссис Уоттс.

— Ты ведь не причинишь женщине никакого вреда, подержав ее здесь несколько дней, — настаивал я. — Пусть придет в себя. В конце концов, Мадлен заговорит, и ты решишь, как поступить дальше. В госпитале ей ничего не грозит.

— Тебе известно, что меня могут уволить за нарушение закона? — Джеймс метнул на меня еще один негодующий взгляд.

— Ничего ты не нарушаешь, — возразил я. — Вся ответственность на мне. Скажешь, что несчастную нашли на улице — так тебе сообщил инспектор Корраван.

Доктор повозил по столу бланк направления на госпитализацию, подравняв его кромку с краем столешницы. Я молча ждал его решения.

Наконец Джеймс тоскливо посмотрел мне в глаза.

— Мы оба знаем, что я не смогу тебе отказать. После того, что ты для меня сделал...

У меня словно гора с плеч свалилась.

— Не обижай меня, — пробормотал я, устыдившись своего бесцеремонного давления. — Ты мне ничем не обязан. Мы уже давным-давно в расчете.

Приятель задумчиво кивнул.

— Ты сделаешь это не для меня, Джеймс. Я чувствую, что в истории миссис Бэкфорд не все так просто. Надо дать ей возможность рассказать, что произошло на самом деле.

— Договорились, — сказал Джеймс после долгого молчания. — Дам ей три дня. — Сбросив направление в ящик стола, он продолжил: — В одном ты прав. Миссис Бэкфорд измучена после того, что ей пришлось перенести.

— Завтра забегу ее проведать, — ответил я, надевая шляпу.

— *Cave quid vis*^[3], — кисло пробурчал друг.

Джеймс обычно переходил на латынь, когда хотел оставить за собой последнее слово в споре. Впрочем, на этот раз он, похоже, признавал, что победителей не судят.

Выйдя во двор, я глянул на освещенные окна женской палаты, представив себе, как Мадлен, скорчившись, сидит в постели, а санитарка тем временем отмывает со стены брызги супа.

Скорее всего, миссис Бэкфорд видела разницу между Холмделом и госпиталем Святой Анны, коли способна отличить свой дом от больницы, и в ближайшее время она это осознает.

На душе было беспокойно. Всегда испытывал удовлетворение, найдя пропавшего человека. Нашел — убирай папку со стола. Но сейчас... Что, если через три дня Мадлен так и не заговорит?

Во всяком случае — я ее вытащил, а Джеймс не подведет.

Пора навестить судью.

ГЛАВА 5

Я добрался до трех похожих друг на друга элегантных трехэтажных домов на ухоженной улице. Альберт жил в среднем из них. Эркеры, окна в частом переплете, аккуратно закругленные ступени, поднимающиеся к входной двери. На подходе к лестнице вспомнилось несколько дел, расследование которых начиналось в точно таких же домах. Одно из них мы вели в мае прошлого года: прекрасная юная бездельница стала предметом раздора между двумя ее поклонниками, один из которых впоследствии убил девушку в экипаже, принадлежавшем сопернику. Другой случай произошел двумя годами ранее. Тогда преступники похитили сына одного из членов парламента, и труп молодого человека обнаружили без пальца, на котором тот носил золотой перстень с бриллиантами.

Разумеется, родители жертвы всегда рассказывают, что погибшее чадо было замечательным человеком, пользовавшимся горячей любовью друзей. Если дочь — значит, обязательно добрая и скромная девушка. Если сын — то непременно умный и доброжелательный молодой человек. Конечно же, погибший проявлял неслыханное великодушие по отношению к слугам.

Всплывавшая же в ходе расследования истина неопровержимо доказывала теорию Джеймса. Тот утверждал, что причиной убийства всегда становится один из четырех мотивов: страх, месть, алчность или страсть. Если семья состоятельна, обычно мы сталкиваемся с последними двумя из них. В случае Роуз Альберт наверняка присутствовала корысть или любовь, а может, и то и другое.

Поднявшись по ступеням, я взялся за дверной молоток.

Горничная проводила меня в кабинет судьи — просторную комнату с камином, книжными шкафами и двумя столами разного размера. Каждый том на полках — в кожаном переплете. Судья стоял у большого стола, заваленного стопками книг и документов. Первый шок явно прошел: Альберт вновь обрел нормальный цвет лица, а в холодных глазах появился суровый блеск.

Интересно, что его разгневало больше: смерть дочери или мое вторжение? Люди порой забывают, что приглашали меня к

определенному времени.

— Добрый вечер, ваша честь.

— Вы — тот самый человек из Ярда. Корбин? — буравя меня взглядом, осведомился Альберт.

— Корраван. Майкл Корраван.

— Что у вас с лицом?

Надо же, почти забыл о своих боевых отметинах.

— Ничего особенного. Просто упал.

— Полагаю, первым делом вы захотите порыться в нашей личной жизни, — раздраженно скривив губы, бросил судья.

Можно подумать, я пришел выманить у него деньги, а не найти убийцу дочери! Что делать, у некоторых людей горе выражается именно так.

— У меня действительно есть несколько вопросов, — спокойно ответил я. — Во-первых, получала ли ваша дочь — или любой из членов семьи — какие-либо угрозы?

— Угрозы? — сбавил тон судья. — Вы имеете в виду, что нашу дочь могли запугивать или чего-то от нее требовать?

Я кивнул, уже понимая, что услышу в ответ.

— Боже, нет. — Альберт яростно затряс головой, и его второй подбородок также пришел в движение. — Ничего подобного не было!

— Отлично. В таком случае, придется расспросить вас о мисс Альберт. Знаю — это нелегко, однако я здесь в ваших же интересах.

Обдумав мои слова, судья уселся в кожаное кресло подле камина и махнул рукой на второе.

— Расскажите, как она умерла. Ничего не утаивайте, — начал он. — Не шадите моих чувств, в этом нет необходимости.

Подобные речи я слышу из раза в раз, но никогда не принимаю их за чистую монету. Скажи отцу, что его ребенок был задушен и изнасилован, — и страшные образы будут преследовать человека годами; поэтому я по возможности стараюсь избегать жестких выражений либо находить им замену, если такой возможности нет.

Сегодня мой собеседник — судья, способный проверить каждое мое слово. Следовательно, придется сообщить ему малейшие подробности, иначе Альберт сочтет меня лжецом.

— Вы уже слышали, что эксперты установили: ваша дочь задушена, — заговорил я, не отводя взгляда. — Кисти ее были

связаны, на предплечьях обнаружены порезы, однако крови Роуз потеряла совсем немного — стало быть, раны нанесены после смерти. Никаких признаков борьбы, и нет оснований полагать, что убийца решился на иные формы насилия.

Судья побледнел, и на щеках его вновь, как в кабинете Винсента, заалели яркие пятна. Очевидно, его воображение разыгралось не на шутку.

В попытке отвлечь Альберта от тяжелых мыслей и одновременно получить нужные сведения, я поспешил задать следующий вопрос. Начнем с простого.

— Расскажите о дочери. Сколько ей было лет?

Судья молча крутил перстень на мизинце, и черный камень то появлялся у меня перед глазами, то исчезал вновь.

— Врагов у нее нет, — наконец подал голос он. — Раз совершенно убийство, — значит, следует искать недоброжелателей, не так ли? Нет, Роуз — всего лишь молодая девчонка.

— Прошу прощения, ваша честь, однако не всегда убийца является врагом. Преступником может стать немилый сердцу девушки поклонник, завистливый друг, даже человек, который восхищался ею втайне, но вбил себе в голову, что его обязательно отвергнут. — Заметив на лбу судьи скептическую складку, я добавил: — Мне не раз приходилось сталкиваться с подобными случаями.

— Что ж, — фыркнул Альберт, — Роуз не из тех, кто заигрывает с мужчинами, и никогда не совершала поступков, способных подтолкнуть кого-то к насилию.

— Хорошо. Что можете сказать о ее друзьях и подругах? Кому Роуз доверилась бы, случись ей испугаться или встревожиться?

— С чего бы ей пугаться или тревожиться? — пренебрежительно махнул рукой судья.

Решив изменить подход, я вытащил карандаш с записной книжкой и открыл ее на чистой странице.

— Начнем со вчерашнего вечера. Роуз была дома?

— Я уже говорил вашему начальнику, Винсенту: дочь выезжала к лорду Харви. Из дома она вышла около двух часов в сопровождении Люси — нужно было подготовиться и одеться. Сами знаете, сколько времени подобные процедуры занимают у молодых леди.

Я — не юная леди; у меня нет ни сестер, ни знакомых женщин, посещающих светские приемы, так что слова судьи оказались для меня пустым звуком. Переспрашивать я не стал, лишь уточнил:

— Люси — вторая ваша дочь?

— Служанка, — хмуро ответил Альберт.

Я приободрился, услышав, что Роуз уехала не одна, и сделал себе пометку: после разговора с судьей поговорить с Люси.

— Как долго она у вас служит?

— Шесть лет. Появилась с блестящими рекомендациями от прежних хозяев. — Альберт покачал головой. — У них с дочерью были прекрасные отношения.

Все как обычно...

— Во сколько начался бал?

— В девять вечера подали ужин, затем начались танцы. — Судья потер рукой кожаный подлокотник. — Роуз осталась в гостях на ночь. Возвращаться домой — целое дело, а так у них с подругами всегда есть время посплетничать.

Судья говорил о дочери, словно та была еще жива, и я, отметив это, не стал его поправлять.

— Дочь лорда Харви — близкая подруга Роуз?

— Да. Ее зовут Эдит, она — младшая дочь. Старшая у них не замужем, недавно уехала на год за границу.

— Понятно, — пробормотал я, записав имя в блокнот. — А Люси домой вернулась?

— К ужину, — кивнул Альберт. — Сказала, что помогла Роуз нарядиться.

— Ваша дочь помолвлена?

— Нет. Впрочем, в поклонниках недостатка она не испытывает. Молодые люди выстраиваются в очередь, чтобы их внесли в бальную карточку Роуз, присылают ей дурацкие букеты...

В голосе судьи зазвучали нотки заботливого родителя, и вдруг он осекся, уронив руку, и сразу осунулся. Вспомнил, что опекает больше некого. Пусть помолчит. Мгновенное осознание смерти дочери — лишь первое из испытаний, которые отцу предстоит выдержать в течение нескольких следующих недель.

— Вы говорили о большом количестве поклонников, — наконец нарушил тишину я.

Альберт уставился в камин; пламя бросало отблески на его лицо.

— Ее мать наверняка припомнит несколько имен. Правда, сейчас она вне себя от горя — не стоит ее беспокоить.

— У вас есть еще дети?

— Двое сыновей — Хью и Питер. Оба студенты.

Выражение лица судьи вновь изменилось. Вспомнил, что придется и сыновьям сообщить о смерти сестры...

— Когда они приезжали домой последний раз?

— Уверен, что вы не подозреваете мальчиков! — метнул на меня тяжелый взгляд Альберт.

— Разумеется, нет, однако она могла довериться братьям нечто...

— Они с самого Рождества в университете. Так что — нет.

Он отвлекся на треснувшее в камине полено и вновь потер подлокотник. Должно быть, привычка: кожа в этом месте выглядит истертой.

Пожалуй, наступил подходящий момент предъявить собеседнику фотографию из медальона, однако я пока оставил ее в кармане, надеясь, что молодого человека опознает служанка. К тому же, если судья не подозревает о существовании медальона — скорее всего, ничего не знает и о поклоннике Роуз, с которым мне хотелось пообщаться, пока это не сделал ее отец.

— Значила ли Темза что-то особенное для вашей дочери или для всей семьи?

— Темза? — Судья отвел взгляд от камина.

— Странно, что Роуз нашли в лодке.

У меня в голове зазвучали слова сержанта Коннела, что девушка, мол, сплавлялась наподобие груза.

— Не могу припомнить ничего в этом роде, — сказал сбитый с толку Альберт. — Ну, конечно, реку она видела — хотя на что там смотреть?

— Возможно, кто-то из ваших родственников торгует или, например, вкладывает деньги в предприятия, имеющие склады в районе верфей?

— Таких у нас нет. — Судья оперся тяжелым локтем о подлокотник, оставив на нем вмятину, и потер лоб. — Я сразу подумал о собственных делах, о приговорах, которые могли кого-то привести в ярость. Однако последние несколько месяцев я вел совершенно

рядовые процессы, и все решения были вполне разумны. — Он вдруг поднял руку. — Хотя... если кто-то из подсудимых посчитал, что с ним обошлись несправедливо, в первую очередь такой человек постарался бы причинить вред именно мне или моим клеркам. Мы-то ведь на виду, если на то пошло.

— Приходилось ли вам за последние несколько лет вести процессы, связанные с Темзой — скажем, в отношении работающих на ней компаний?

— Ну, если хорошенько покопаться, — поднял брови судья, — то не меньше четверти дел так или иначе связаны с рекой. Склады, судоходные компании, товары, почта, профсоюзы, налоги...

— Какое-то из них могло вызвать особое озлобление против вас?

Судья задумался и наконец сказал:

— Был в прошлом году один процесс против чайной компании...

Порой случается, что в самом начале расследования фигурирует возможный мотив, который невольно затмевает все остальное, и я всегда старался не попасться на этот крючок. А вот теперь не удержался и попросил меня просветить.

— Наверняка вы слышали о законе, посвященном качеству пищи и медикаментов, — начал Альберт.

— Да, разумеется.

— Так вот, в прошлом году чайную компанию «Желтая звезда» обвинили в том, что она подмешивает в чай посторонние вещества. Согласно новому закону компанию признали виновной и оштрафовали. «Желтая звезда» заявила, что подобное произошло всего лишь с одной партией, и то без их ведома. Якобы таможенных инспекторов кто-то подкупил, чтобы те выехали с проверкой именно в этот конкретный день. — Судья покачал головой. — Так или иначе, еще до судебного заседания поговаривали, что компания разбавляет чай рубленым листом боярышника, подмешивая для веса песок. В конечном счете «Желтой звезде» пришлось понести ответственность за качество продукции на собственных складах.

— Когда состоялся процесс? — уточнил я, сделав пометку в блокноте.

— В сентябре прошлого года. В начале сентября, — ответил Альберт, почесав в затылке.

— Больше никаких громких дел не припоминаете?

В камине снова щелкнуло полено, и судья невольно вздрогнул.

— Мне нужно подумать.

В дверь постучали, и в кабинет просунула голову служанка.

— Прошу прощения, ваша честь, миссис Альберт просит вас срочно зайти в ее комнату.

Мы одновременно поднялись.

— Сообщайте мне, что вам потребуется, — отрывисто бросил судья. — Деньги, факты — все что угодно, только найдите того, кто это сделал. Мы не успокоимся, пока не узнаем.

Он быстро прошел мимо и был уже у двери, когда я решил напомнить, что хотел бы поговорить с Люси.

Обернувшись, судья прищурился, словно раздумывая, какой ущерб его дому нанесет подобный разговор, и все же кивнул.

— Мэри, проводите инспектора в гостиную и пригласите Люси.

Дверь захлопнулась, и я остался наедине с испуганной и, видимо, недавно плакавшей Мэри.

— Наверное, это ужасное событие для всех домочадцев.

— Такое несчастье... — прошептала служанка, провела меня в соседнюю комнату и присела в реверансе.

Огня в гостиной не зажигали, и я поежился, пожалев, что не удалось остаться в кабинете. Конечно же, судья не желал, чтобы кто-то рылся в его бумагах. Я продрог и проголодался — с утра перехватил лишь пару бутербродов с маслом.

Все на свете отдал бы за чашку горячего кофе.

* * *

— Вы хотели меня видеть? — раздался голос за спиной.

М-да, не слишком привлекательна. Лет тридцати, вес средний, квадратная челюсть. Острый носик, волосы серые, как у мышки. Лицо напряженное.

Люси подошла ближе, и, присмотревшись, я заметил красивые серые глаза, опущенные темными ресницами. Служанка задумчиво меня изучила, и я с облегчением понял, что она далеко не глупа. Пожалуй, от Люси будет толк, надо лишь завоевать ее доверие.

— Вы Люси?

— Люси Марлинг.

— Инспектор Корраван, — представился я, закрыв за ней дверь. — Давайте присядем, — возможно, мне понадобится кое-что записать.

Мы подошли к креслам у холодного камина, и Люси долго усаживалась, оправляя юбки. Наверняка ее уволят, так как сестер у Роуз не было, — стало быть, Люси придется искать другое место, для чего потребуются хорошая рекомендация от Альбертов. Правду она мне расскажет лишь при условии, что слова ее не дойдут до ушей судьи и его супруги.

Моя вступительная речь ничем не отличалась от десятков других таких же речей.

— В подобных случаях семья и подруги в первую очередь озабочены тем, чтобы защитить память покойной, и причиной тому — любовь и привязанность. — Я привычно поднял руку, предупреждая протест собеседницы. — Это вполне понятное мне побуждение. Тем не менее, порой забывают рассказать об особенностях характера или привычках погибшего человека, а именно такие подробности и помогают больше всего. К сожалению, чаще всего они всплывают слишком поздно. — Сделав паузу, я продолжил: — Например, два года назад пропал состоятельный молодой джентльмен. Через три дня его нашли убитым в Уайтчепеле. Что стоило его друзьям сообщить, что бедняга посещал боксерский клуб? Мы знали бы, где искать пропавшего, и вполне могли найти его живым.

Глаза Люси расширились, и мне пришлось поспешно добавить:

— Естественно, я не о том, что мисс Альберт захаживала в боксерский клуб.

Служанка промолчала, внимательно изучая каминную полку, словно вдруг обнаружила там непорядок.

— Мисс Марлинг? — окликнул ее я.

Люси перевела глаза на меня. Как ни странно, ее взгляд, отвлекшийся от каминной полки, был полностью сосредоточен.

— Ваши слова не будут преданы огласке, — заверил я. — Честность не выйдет вам боком. Однако если станет известно, что вы скрыли важные факты...

— Я все прекрасно понимаю, — слегка покраснев, с упреком сказала служанка. — Конечно, я вам помогу.

— Насколько подсказывает мне опыт, горничные частенько многое знают о своих госпожах — например, о частной переписке, о пристрастии к спиртному или о недавней ссоре с ближайшей подругой.

Люси нарочито отвела взгляд в сторону, покосилась на меня, и вновь упорно уставилась мне за спину. Пришлось повернуться в кресле: что ее так заинтересовало? Ничего там особенного не было — лишь элегантная металлическая решетка над камином.

Обернулся я вовремя. Служанка, тяжело вздохнув, кивнула.

— Пожалуйста, что вы хотели бы услышать, мистер?..

— Корраван.

— Это из латыни, что-то вроде вороны?

— Нет-нет, — поправил ее я, продиктовав свою фамилию по буквам. — Мое имя происходит от гэльского О'Корра Бан. Довольно распространенная фамилия в графстве Арма.

— Моя мать тоже из Северной Ирландии, родилась в Данганноне, — приподняв уголки губ в легкой улыбке, сообщила Люси.

Значит, наша с ней историческая родина — недалеко от Белфаста, в двенадцати часах езды от Лох-Ней.

Я решил выдержать короткую паузу, дабы не показаться бестактным. Следовало направить разговор в нужное русло, но Люси, запустив руку в мешочек на поясе платья, меня опередила:

— Пожалуйста, не убирайте блокнот. Многие вещи лучше вспоминаются, когда пишешь.

Из мешочка появился карандаш, и служанка протянула руку за моей записной книжкой.

К встрече она подготовилась, и мое сердце забилося в ожидании. Похоже, Люси готова рассказать мне нечто интересное.

Поблагодарив ее, я нащупал в кармане блокнот, открыл его на чистой странице и протянул служанке. Теперь надо изловчиться вести разговор так, чтобы дать ей время на писанину.

— Сам предпочитаю все записывать. Итак, главным образом меня интересует характер мисс Альберт. Легко ли вам с ней приходилось? Или, напротив, госпожа казалась вам эгоистичной, недоброй? Как она проводила досуг? Был ли у нее возлюбленный? Мог ли кто-то желать

мисс Альберт зла? С кем она особенно прятельствовала? Отвечать можно в любом порядке — смотря что вы считаете наиболее важным.

— О боже, сколько вопросов... — Люси начала чиркать в блокноте. — Мисс Роуз отличалась легким характером. Знаю, что о покойниках принято говорить только хорошее, но госпожа и правда была чудесной девушкой. Серьезной, хоть и любила читать английские и французские романы. — Служанка замолчала, набросав несколько строк, и вновь заговорила: — Прекрасно играла на фортепиано — музицирование ее успокаивало, ведь мисс Роуз порой сильно беспокоилась о матери. Та серьезно болеет.

Люси не отрывалась от блокнота, и я, не желая замедлять разговор, спросил:

— Вам рассказывали, как умерла мисс Альберт?

Карандаш замер над записной книжкой. Мы встретились взглядами.

— Говорят, ее нашли на реке, в маленькой лодке.

— Так и есть, — подтвердил я и, не собираясь посвящать служанку в подробности типа разрезанных юбок, добавил: — Некоторые улики подсказывают, что преступление могло быть связано с тайной страстью.

Люси мгновенно побледнела, изумленно приоткрыв рот. Не дай бог упадет в обморок. Карандаш упал на пол, и я, нагнувшись, вернул его служанке. Ее руки заметно тряслись. Если Люси и пыталась о чем-то умолчать, покрывая хозяев, ее испуг явно не имел к этому никакого отношения.

— Вот как?.. — прошептала она.

— Прошу прощения, именно поэтому меня особенно интересуют поклонники мисс Альберт.

Карандаш дрогнул в руке служанки.

— В прошлом году за ней ухаживали... м-м-м... несколько молодых джентльменов, но все с самыми обычными намерениями. Ничего серьезного.

— Что значит «самые обычные намерения»?

— Вторые сыновья знатных господ, желающие обменять титул на состояние. Разгульные фаты, спускающие деньги в карты или на скачках. Такие обычно флиртуют без удержу, — скривившись, бросила

Люси. — Мисс Роуз обычно их распознавала сразу. И все же не могу представить, чтобы кто-то из них решился на такое.

— Может, мисс Альберт была кем-то увлечена? — спросил я, разворачивая перед служанкой портрет мужчины, выполненный с фотографии из медальона.

Она быстро вздохнула и снова что-то чиркнула в блокноте.

— Я такого не припомню, но леди Эдит наверняка вам поможет — она была самой близкой подругой госпожи.

— Итак, леди Эдит Харви, — пробормотал я, убрав портрет в карман. — В ее доме и состоялся вчерашний бал?

— Именно.

Люси вновь склонилась над исписанной страницей, а я едва сдерживал любопытство — так хотелось заглянуть в блокнот. Ладно. Чем больше напишет, тем лучше. Так или иначе, разговор следовало поддерживать.

— Расскажите о вчерашнем вечере. Я должен знать подробности. Когда вы приехали в дом лорда Харви и в какое время его покинули?

Карандаш снова забегал по бумаге.

— Приехали около трех, а в половине седьмого я попрощалась с госпожой. Мисс Роуз настояла, чтобы я ушла засветло, ведь мне предстояло вернуться пешком.

— Разве вас не ждал экипаж?

— Госпожа предлагала, но я предпочла прогуляться. Здесь близко, а вечер выдался приятный.

— Вчера шел дождь, — напомнил я.

— Слегка моросил, но я прихватила зонтик. Люблю подышать свежим воздухом.

Стало быть, Люси время от времени позволяла себе вырваться на свободу. Впрочем, это свойственно каждому.

— А что мисс Альберт — планировала заночевать в доме подруги?

— Сказала, что появится завтра, — кивнула служанка, — и мы попрощались.

Выходит, последний раз она видела Роуз в половине седьмого вечера...

— Больше ничего полезного сообщить не можете? Может, кто-то затаил зло на вашу госпожу? Мне пригодится все, что вы вспомните.

— Боюсь, что нет, — произнесла Люси, и меж ее бровей залегли две вертикальные складки. Помолчав, она дописала последнюю строчку. — Мне пора. Дел по горло — надо готовиться к погребению.

Я встал, и служанка вручила мне записную книжку.

— Удачи вам, инспектор.

— Спасибо, — искренне поблагодарил ее я, заметив, что две страницы блокнота исписаны аккуратным почерком с легким наклоном. — Вы мне очень помогли.

— Надеюсь... — На глазах Люси выступили слезы, и она сдавленным голосом добавила: — Мисс Альберт не заслужила подобной участи. Впрочем, кто ее заслуживает? И все же...

— Понимаю вас. А кстати: где находится дом лорда Харви?

— На Грейсон-сквер, номер четыре. Это здесь, в Мейфэре.

* * *

Записную книжку я открыл уже в пабе, заказав чашку крепкого кофе и картофельную запеканку с мясом, после чего вчитался в показания Люси.

Роуз — девушка не эгоистичная, не избалованная, со славным характером. Никогда не предаст друга. Умна, но иногда чересчур откровенна, что на уме, то и на языке. Возможно, кого невольно и обидела? Сильно расстраивалась и даже злилась из-за постоянных раздоров в семье.

Миссис А. в основном лежит в постели, ссылаясь на болезни. Порой просто притворяется, чтобы привлечь к себе внимание. Богатая наследница, состояние досталось от отца еще до свадьбы.

Отношения между судьей и миссис А. натянутые. Возможно, любовница?

Сыновья Питер и Хью учатся в Кембридже. Хью в прошлом году подловили на жульничестве во время экзамена.

Спросите леди Эдит об Энтони Тергуде. Это человек с вашего рисунка.

Спросите Э. Т. о сэре Перси Дюкхарте, Р. его не любила и не доверяла ему.

Господи ты боже мой! Раздоры, супружеская неверность, жульничество, недоверие. Ну и семейка! Интриг больше, чем в романах Белинды...

Записи я перечитал дважды, дабы ничего не упустить, и закрыл записную книжку. Люси достойна восхищения: наблюдательна, умеет выделить существенные факты. А чего стоит способность распределять внимание! Жаль, что она не мужчина, — иначе спросил бы, не интересуется ли ее служба в Скотланд-Ярде.

ГЛАВА 6

В половине девятого, позавтракав, я уже готов был выйти из дома. Для визита в дом лорда Харви время неподходящее — рановато. Впрочем, и обстоятельства не самые обычные. Обвинения в отсутствии деликатности как-нибудь стерплю. Не впервой, бывало и похлеще.

Закрыв за собой дверь, я пустился в путь. Из любопытства решил сделать крюк, пройдя мимо дома Бэкфордов, и замедлил шаг, свернув на Кинсли-лейн. Двинулся вдоль железной ограды. У дома — тишина и спокойствие, как и на пройденном участке улицы. Кое-где в щелках между портьерами пробивается свет. Словно ничего и не стряслось, если не считать, что хозяйка в госпитале, а муж не имеет об этом ни малейшего понятия.

Я двинулся дальше.

Жилище лорда Харви напоминало дома Альбертов и Бэкфордов, разве что на Грейсон-сквер за оградами имелись ухоженные лужайки и садовые деревья. Некоторую разницу я обнаружил, ступив в холл. Ковры под ногами казались толще, люстра светила ярче, а мудрость и достоинство предков словно придавали дополнительный вес золоченым рамам висящих на стенах портретов мужчин рода Харви. Белинда немедленно заявила бы, что в таких мелочах и состоит неуловимое отличие старинной аристократии от скороспелых богатеев.

Мне сообщили, что семейство еще изволит завтракать, однако леди Эдит вскорости спустится. Меня проводили в гостиную, и через некоторое время в комнату вошла девушка в сопровождении тетки — леди Харви, темноволосой женщины лет тридцати пяти. Я сразу отметил кислое выражение лица компаньонки, очки на золотой цепочке и костлявые пальцы без единого кольца.

Леди Эдит напомнила мне добродушного щенка. Пухленькая, рыжеватая, с огромными карими глазами, покрасневшими и опухшими от пролитых слез. Скомканный платочек — непрменный атрибут любой душещипательной пьесы — свидетельствовал о глубоком горе. Впрочем, в неподдельности страданий девушки усомниться было невозможно. Леди Харви указала на кресла, и мы сели. Обе женщины

с любопытством рассмотрели мое исцарапанное лицо, но от комментариев благовоспитанно воздержались.

— Полагаю, вы слышали о несчастье с мисс Альберт? — начал я.

Леди Эдит кивнула, смахнув слезу.

— Нам сообщили вчера вечером.

— Насколько я понимаю, вы дружили.

— Роуз была моей ближайшей подругой, — всхлипнув, подтвердила девушка. — Настоящей подругой...

— Дорогая, тебе следует держать себя в руках. Твоя истерика инспектору ничем не поможет.

Леди Харви повернулась ко мне. Слез в ее глазах я не углядел — лишь проблеск жадного интереса, слегка замаскированного притворным сочувствием.

— Что случилось с бедной мисс Альберт? Нам говорили, что она погибла страшной смертью. Это был несчастный случай? — заговорила она.

— Пока нам известно немного, — сухо сказал я. — Однако мы уверены, что несчастным случаем здесь и не пахнет.

Явно неудовлетворенная моим ответом, леди Харви откинулась в кресле, а в глазах ее племянницы мелькнул страх.

— Преступник истязал ее перед смертью? — подала голос леди Эдит.

Наверняка девушка горячо любила подругу, поэтому, как частенько бывало, мне пришлось пойти на сделку с совестью:

— Мы так не считаем.

В глазах леди Эдит вспыхнул огонек облегчения.

— Не могу себе представить, что кто-то хотел причинить ей вред...

Леди Харви саркастически хмыкнула, и племянница резко повернулась в ее сторону.

— Тетя Луиза! Я знаю, что ты не любила Роуз, но ведь ее больше нет, и не надо фыркать при каждом моем слове! Это жестоко! Думай что хочешь, но Роуз была моей подругой, и я... я желаю поговорить с инспектором наедине.

Я удивленно воззрился на девушку. Вот тебе и щенок...

— Ты не можешь сообщить инспектору ничего такого, что... — начала тетка, гневно выпрямившись в кресле, и мне пришлось

вмешаться:

— Я действительно предпочел бы разговор с глазу на глаз. Чем более будут отличаться ваши рассказы, тем в данном случае лучше. Сможем ли мы встретиться с вами чуть позже, леди Харви?

Господи, ну и мина... Хорошо, что здесь нет молока — скисло бы немедля.

Обиженная леди Харви соблаговолила выйти из гостиной, с преувеличенной тщательностью прикрыв за собой дверь. Леди Эдит, между тем, набрала в моих глазах несколько очков. Повернувшись к ней, я продолжил:

— Мне действительно очень жаль мисс Альберт.

Девушка обмякла в кресле, словно воля, которую она выказала лишь минутой ранее, полностью иссякла.

— Ох, инспектор... — произнесла она с задрожавшим подбородком. — Случалось ли вам терять близкого друга, человека, которому вы полностью доверяли?

Я на миг задохнулся. Стоило бы ответить утвердительно лишь из сочувствия, да я сам был не старше леди Эдит, когда смерть отняла у меня верного товарища — Пэта Дойла.

— Случалось.

— Это очень странно, согласны? — Ее глаза вновь наполнились слезами. — Мы с Роуз делились решительно всем. Вот сижу и думаю — насколько же легче мне станет, если рассказать обо всем Роуз, и тут же вспоминаю: ее больше нет... — И, шепотом: — Должно быть, вам кажется, что я схожу с ума...

— Ничуть, — заверил я леди Эдит. — Вам требуется время, чтобы прийти в себя.

— Что с ней произошло? — спросила она, благодарно кивнув в ответ. — Прошу вас, инспектор... У меня в голове такие картины — одна страшнее другой.

Глянув в нежные карие глаза, я понял, что всего рассказывать не следует.

— На нее напали и перетащили в маленькую лодку. Мы предполагаем, что суденышко дрейфовало вниз по течению и в итоге вчера утром застряло на отмели.

— Утащили в лодку? Среди ночи? — в ужасе воскликнула девушка. — Ведь был жуткий холод! Или она... она уже...

Я поспешил направить разговор в иное русло.

— Пока нельзя сказать наверняка. Мисс Альберт была одета в синее парчовое платье с жемчужинками и...

— Да-да, — с готовностью перебила меня леди Эдит. — В этом наряде она и танцевала на балу.

Я вытащил записную книжку. Слава богу, что девушку удалось так легко отвлечь. Тем не менее, начнем с несложных вопросов.

— Много ли было народу на вечере? Вы пригласили всех друзей и знакомых?

— Ну конечно не всех, — с видимым облегчением ответила собеседница. — Но человек двести пришло. Мы устроили ужин, а после — бал. Джентльмены, не желающие танцевать, играли в карты в курительной комнате.

— С кем вы танцевали?

— Это так важно? — распахнула глаза девушка.

— Не исключено. Все, что вы вспомните о том вечере, может иметь значение.

— Ну, я танцевала с лордом Блэнфордом и мистером Уоллисом, — начала леди Эдит, — и... И с Джеймсом Брэйденом.

Ее щеки предательски порозовели.

— Должно быть, он близкий друг вашей семьи? — невинно осведомился я.

— Джеймс — мой поклонник. Роуз очень хорошо к нему относилась.

— Наверное, мисс Альберт тоже танцевала весь вечер?

— Конечно! Она — одна из самых красивых девушек на каждом балу, — без тени зависти подтвердила леди Эдит.

— Кто приглашал ее на танец?

— Всех и не припомню, — слегка растерялась девушка. — Хотя наверху должна быть ее бальная карточка.

Мое сердце забилось — я рассчитывал на этот предмет осмотреть комнату, в которой останавливалась Роуз, однако леди Эдит предупредила мое желание.

— Буду признателен, если кто-нибудь ее принесет.

Девушка дернула за бархатный шнур, висящий на стене подле камина, и через несколько секунд в комнате появилась служанка, которую и отправили в комнату Роуз.

— Когда вы в последний раз видели мисс Альберт?

— Пожалуй, около двух ночи, — неуверенно ответила собеседница. — Народу было еще полно, но Роуз вроде бы беседовала с мистером Гаверлингом. По-моему, они стояли у колонны в эркере.

— Мистер Гаверлинг? — Я занес имя в блокнот. — Один из ее кавалеров?

— Нет, — мимолетно улыбнулась леди Эдит. — Он очень мил, но ему никак не меньше сорока пяти. Мистер Гаверлинг — поверенный Альбертов, да и наш тоже.

Ага, значит, поверенный. Интересно, они с Роуз вели обычную светскую беседу или все же обсуждали юридические вопросы?

Вернулась горничная, и леди Эдит, поблагодарив ее, протянула мне бальную карточку.

Каждая строка была заполнена: Роуз ни с кем не танцевала дважды, однако Энтони Тергуда среди партнеров я не нашел. Следует расспросить о нем леди Эдит.

— Можете показать бальный зал?

— Разумеется. Сейчас там все убирают, но саму комнату вы увидите.

Мы вышли из гостиной и открыли тяжелые резные двери в бальный зал, уступив дорогу двум мужчинам, тащившим деревянные подставки для нот. В длину комната была не меньше шестидесяти футов. Высокие потолки расписаны розовыми херувимами, виноградными лозами и прочей всячиной. В дальнем конце зала, посреди кадок с растениями, стояла кучка стульев. По левой стене шел ряд застекленных дверей, выходящих на балкон, а примерно в центре правой, между двух мраморных колонн, находился эркер.

Девушка пересекла зал и остановилась, прислонившись спиной к одной из них.

— Вот так стояла Роуз, а мистер Гаверлинг — рядом, повернувшись к залу спиной.

— Не знаете, о чем они разговаривали? Обычная светская беседа или нечто важное?

— Я ведь танцевала, поэтому видела их лишь мельком, — дрогнувшим голосом сказала леди Эдит. — Мне показалось, что Роуз была серьезна, однако не расстроена и не сердита.

Обязательно следует поговорить с этим джентльменом...

— Во сколько вы ушли наверх?

— Около четырех ночи. В комнате Роуз было уже темно. Я не стала ее беспокоить и пошла спать.

— Сможете показать ее спальню?

— Да, конечно.

Девушка двинулась к парадной лестнице и вдруг остановилась в нерешительности, бросив на меня извиняющийся взгляд. Искренность леди Эдит внушала мне все большее почтение.

— Давайте пройдем по лестнице для слуг, — предложил я. — Мне хотелось бы на нее взглянуть.

На лице девушки появилось облегчение, сменившееся благодарной улыбкой.

— Кстати, так даже быстрее, — произнесла она и повела меня наверх, где открыла одну из выходящих в коридор дверей. — Здесь и ночевала Роуз.

— Позвольте, — сказал я, взявшись за ручку.

Симпатичная комната... Стены цвета спелого персика, высокие потолки с белой окантовкой по периметру. На комодах и полочках — ни одного постороннего предмета; постельное белье и покрывало сняли, так что никаких следов пребывания мисс Альберт в спальне не осталось. Я с трудом скрыл разочарование.

— Здесь уже прибрались, — пояснила моя спутница, — но вещи Роуз не трогали.

На комод в ногах кровати стояла элегантная сумка. Я расстегнул замочек и рассмотрел содержимое. Ничего необычного — в основном шелковое женское белье. Леди Эдит от смущения залилась краской, и я закрыл сумку.

— Где та одежда, в которой мисс Альберт приехала из дома?

— Вот здесь, — показала девушка на большой шкаф и, оглядевшись, добавила: — Недостаёт только ее пелерины.

— Сможете ее описать?

— Накидка, отороченная норкой. Разумеется, в бальном зале она была Роуз ни к чему.

— Кто-то мог взять пелерину?

— Что вы такое говорите! — распахнула глаза леди Эдит. — Наши слуги — люди порядочные. А потом, кому нужен подобный риск?

Выходит, Роуз успела подняться за накидкой; значит, вариант с похищением прямо из дома отпадает.

— А драгоценности? Разве мисс Альберт не сняла их после бала?

Девушка судорожно вздохнула, прикрыв лицо руками.

— Что-то не так, леди Эдит?

— На Роуз было кольцо? — прошептала она.

— Мы обнаружили серебряный медальон с ее инициалами. Вы о нем?

Леди Эдит отчаянно замотала головой, затем метнулась к письменному столу и, схватив лист бумаги, обмакнула перо в чернильницу. Несколько искусных штрихов — и на бумаге появился рисунок.

— Вот так оно выглядело. Жемчуг и мелкие сапфиры, — объясняла она, указывая кончиком пера на мастерски изображенную цепочку и кулон размером с шиллинг. — А здесь — крупный сапфир, обрамленный бриллиантами.

— Ничего похожего на теле мы не нашли.

Издав тихий стон, девушка выронила ручку и упала в кресло. На бумаге расплылось чернильное пятно.

— Должно быть, ценная вещь? — осторожно спросил я, немало удивившись неожиданному приступу отчаяния.

— О да, — выдохнула она. — Впрочем, не в этом дело. Колье принадлежит мне...

— Вам?

— Оно чрезвычайно подходило к платью Роуз. — Девушка жалобно посмотрела мне в глаза. — А я иногда носила ее вещи.

' Неожиданный поворот серьезно осложнял дело. Если похитителя интересовало именно кольцо — то Роуз просто не повезло, что в тот вечер драгоценность была на ней. Стало быть, девушку убили, чтобы она не опознала вора? Но при чем тут разрезанные юбки и лодка?

Я вспомнил, сколько народу присутствовало на балу, и сердце мое упало. Мало ли у кого возникло искушение снять кольцо с тоненькой шейки мисс Альберт?

— Вы одолжили ей на бал что-то еще? Серьги, браслеты?

— Это кольцо не нуждается в дополнительных украшениях, — огорченно наморщив лоб, покачала головой леди Эдит.

— Можете предположить его стоимость?

— Я... я не уверена, — смутилась девушка, — но, по крайней мере, несколько сотен фунтов. Его купил дедушка много лет назад.

— Не могла ли мисс Альберт снять украшение здесь, в комнате?

— Не думаю. Наверняка одна из горничных мне сообщила бы, а я уже говорила, что все они — девушки честные.

Интересно, во сколько сотен фунтов можно оценить честность каждой из служанок?..

— Не найдется ли у вас фотографии колье? — спросил я без особой надежды.

— Оно есть на одном из портретов.

Леди Эдит вновь повела меня вниз. Пройдя по коридору, мы попали в другую гостиную, выдержанную в нежной зеленоватой гамме. Мой взгляд упал на шторы с цветочным орнаментом и изящные кресла, в которые я, с моим весом, ни за что не осмелился бы усесться. Девушка указала на портрет над каминной полкой.

— Моя бабушка.

Колье было ошеломляющим даже в виде изображения, и я сравнил его с торопливым наброском леди Эдит. Весьма точная копия.

— Позвольте мне оставить ваш рисунок?

— Да-да, конечно, — ответила девушка и, положив кисть мне на руку, умоляюще пробормотала: — Прошу вас, не говорите никому, что колье пропало. Вдруг еще найдется...

— Разве никто из домочадцев не спросит, куда делась драгоценность? — спросил я, удивленно уставившись на собеседницу.

— Вряд ли, — покачала головой молодая леди. — Сейчас все просто убиты смертью Роуз. Да я и не уверена, что родители вообще ее видели в этом колье, — могли и не знать, что я его одолжила.

Я сунул рисунок в карман, и мы вышли в первую гостиную.

— Наверняка кто-то из лакеев видел, как уезжала мисс Альберт.

— Я тотчас велю позвать мистера Дилтса и мистера Грина.

Через несколько минут в гостиной появились двое до странности похожих друг на друга слуг — оба русоволосые, высокие мужчины.

— Кто-то из вас заметил, как мисс Альберт ушла с бала? — сразу начал я, и слуги в один голос ответили:

— Нет, инспектор.

— Однако наверняка один из вас весь вечер находился у входа?

Оба кивнули.

Как же, черт возьми, ей удалось выйти из дома?.. И, самое главное, когда? Что должно было случиться, чтобы девушка пренебрегла танцами, поднялась к себе в комнату и, накинув пелерину, выскочила из дома через заднюю дверь?

— Поздно вечером ей передали записку, — неуверенно подал голос Дилтс.

— Записку? — удивленно переспросила леди Эдит.

— К дому подъехал экипаж, и мне сунули конверт. — Слуга покраснел. — Возможно, следовало отдать его леди Харви, да посланник сказал, что письмо срочное, и заплатил мне крону, только бы я вручил его лично в руки мисс Альберт.

— Где вы ее нашли?

— Заметил, что незадолго до того она поднялась на второй этаж. — Дилтс побагровел еще гуще. — У нее в комнате горел свет, поэтому я решил, что мисс Альберт еще не спит, и подсунул конверт под дверь.

— В ее вещах этого письма не нашли? — осведомился я.

Дилтс глянул на леди Эдит, и та дернула шнур звонка. Прибежала горничная — Эстер, и я повторил вопрос.

— Нет, сэр. Должно быть, мисс Альберт забрала его с собой, — с готовностью ответила служанка.

— В ее комнате топили камин?

— Конечно, сэр, но я не заметила в золе даже клочка бумаги. Правда, я сразу увидела бы.

— Хорошо, спасибо.

Выходит, Роуз либо сожгла записку дотла, либо и впрямь захватила с собой. Однако от кого же было письмо?

Слуги вышли, и я, развернув карандашный портрет Энтони Тергуда, показал его леди Эдит.

— Фотография этого человека была обнаружена в медальоне мисс Альберт. Как, по-вашему, удалось полицейскому художнику добиться сходства?

Девушка глубоко вздохнула, и по ее щеке скатилась нечаянная слезинка.

— Да. Это Энтони.

— Он был на балу?

— Нет, — ответила молодая леди, и ее подбородок заметно задрожал.

— Они... у них были серьезные отношения?

— У Роуз с Энтони состоялась тайная помолвка, — сказала девушка, сглотнув ком в горле.

Тайная помолвка... Благодатная почва для разного рода неприятностей.

Леди Эдит вытерла глаза и тут же скомкала платок в кулачке.

— Мистер Альберт терпеть не мог Энтони. А у Роуз через два месяца день рождения, и она получила бы право распоряжаться деньгами из наследства. После этого они с Энтони могли бы пожениться.

— Какого вы мнения о мистере Тергуде? Он — хороший человек?

— О да! — горячо подтвердила девушка. — Они познакомились давным-давно. Энтони — настоящий джентльмен.

— Как считаете, знает он о смерти мисс Альберт?

— Ах, боюсь, что нет... — Ее лицо исказила гримаса страха. — Ее семья... знаете, если им станет известно, что я...

— Я буду тактичен. Где можно найти мистера Тергуда?

— Он посещает клуб «Пембертон», совсем неподалеку от Пэлл-Мэлл, — сказала леди Эдит. — Возможно, вечером Энтони там появится. Не знаю, где он живет.

«Пембертон»... Клуб для молодых успешных людей, работающих в Сити.

— Бедный, бедный Энтони... — пробормотала девушка.

— Постараюсь встретиться с ним сегодня же, — пообещал я. — Могу ли я теперь переговорить с вашей тетушкой?

Молодая леди, прижав платочек ко рту, выбежала из комнаты.

* * *

Леди Харви устало откинулась на спинку кресла.

— Не понимаю, зачем я вам нужна. Что с меня взять? Тетушка, старая дева... Не сомневаюсь, что разговор с моей племянницей был для вас куда полезнее.

Боже, укрепи...

Стайлза бы сюда — тот очаровал бы леди через несколько секунд. Я собрался и старательно сделал подходящее лицо.

— Леди Харви, должно быть, вам известно, что люди невольно видят в друзьях лишь их лучшие качества. Всегда стоит побеседовать с человеком мудрым, который привык смотреть со стороны — только так и можно получить беспристрастную оценку.

Лицо собеседницы несколько смягчилось.

— Мне говорили, что мисс Альберт порой грешила некоторой прямолинейностью... — намекнул я.

— Если под прямолинейностью вы подразумеваете эгоизм и склонность к флиртам, то так оно и есть, — неодобрительно прищелкнула языком леди. — Эта девушка пыталась разрушить жизнь моей племянницы.

У меня по разговору с леди Эдит такого впечатления не сложилось, и я насторожился.

— В самом деле?

— Именно. — Глазки женщины вспыхнули. — Эдит — девушка дружелюбная, однако красавицей ее не назовешь.

Что значит любящая тетушка...

— Поэтому все мы в прошлом году были вне себя от радости, когда сэр Перси Дюкхарт проявил к ней интерес, — продолжила она. — На каждом балу по два раза приглашал Эдит на танец, бывал у нас с визитами. Даже помнил дату ее дня рождения! А потом Роуз вдруг решила его отбить. Танцевала с ним, заигрывала, шепталась в укромных уголках, и сэр Перси совершенно охладел к моей племяннице. Эдит так и не поняла, насколько коварная особа эта Роуз. Вечно ее защищает! — Леди Харви стиснула костлявые пальцы. — Причем Роуз было наплевать на сэра Перси. Просто-напросто ей претила мысль, что Эдит обручится раньше нее. Маленькая вертихвостка!

Рассказ леди Харви не слишком соответствовал показаниям Люси. Другое дело, что недоверия выражать сейчас ни в коем случае не следует.

— Да, тут и впрямь пахнет эгоизмом.

— Вот-вот. — Ее губы гневно сжались, словно горловина мешка, которую туго затянули шнурком. — Разумеется, потом Роуз перестала

обращать на него внимание. А теперь бедный джентльмен того и гляди попадет в лапы этой ужасной Мелинды Фентон.

— Когда вы последний раз видели мисс Альберт? — спросил я, записав в блокнот имя Мелинды.

— Вероятно, около полуночи, — фыркнула собеседница. — Видите ли, я за ней особо не следила. На вечере было множество достойных внимания леди, одетых с куда большим вкусом.

— Вы мне очень помогли, леди Харви, — пробормотал я, закрыв блокнот. — Редко встретишь столь наблюдательного человека.

Похоже, дама совсем оттаяла.

— Благодарю за комплимент.

— Последний вопрос: не подскажете, где я могу найти мистера Гаверлинга?

— Господи, он-то вам зачем? — вздернула брови леди Харви.

— Ваша племянница упомянула, что он беседовал с мисс Альберт.

— Я дам вам его адрес.

Леди Харви отошла и через пару минут вернулась с листком бумаги.

Я рассыпался в благодарностях, и мы распрощались.

Выйдя из дома Харви, я сходил в контору Гаверлинга, однако выяснилось, что тот был с самого утра и к одиннадцати уже ушел на деловые встречи. Пришлось отправиться к Дюкхарту, но и сэра Перси застать не удалось. Дворецкий наводил справки почти двадцать минут и вернулся с сообщением, что господина дома нет. Я оставил записку, что вернусь завтра утром и прошу сэра Перси не покидать дом, пока мы не побеседуем. Тергуда в клубе еще явно не было — рановато, а спросить, где он служит, я забыл. Раз ни с тем, ни с другим, ни с третьим поговорить возможности не представилось, я решил перейти к самому легкому пункту плана. Лучшим сегодняшним уловом оказался мотив убийства — очевидный, словно рыба, висящая на крючке. В кармане у меня лежал рисунок колье леди Эдит. Пора навестить одного знакомого ювелира.

ГЛАВА 7

Уроженец Марселя Филип Дюрелл, ранее носивший имя Филипп д'Эрель, держал ювелирную лавку на Дауэлл-стрит в районе Хаттон Гарден. Мы познакомились в ходе расследования дела о краже драгоценностей из его лавочки и даже стали друзьями. Главарь отчаянной банды из Севен Дайлс, Джек Броган, известный под прозвищем «Скелет», пытался тогда купить у барыг краденое кольцо, уплатив за него полцены, однако я убедил его отказаться от этой затеи. Таким образом, в любом вопросе, касающемся ювелирных изделий, я всегда мог рассчитывать на Филипа.

Я дернул за шнур колокольчика. Дверь открыла молодая женщина с дежурной улыбкой, которая немедленно погасла, сменившись некоторой неуверенностью.

Совсем забыл о ссадинах на лице...

— Чем могу помочь? — поинтересовалась она.

— Я — инспектор Корраван из Скотланд-Ярда. Мистер Дюрелл у себя?

Женщина, моргнув, облегченно выдохнула.

— Конечно. Присядьте, пожалуйста, — махнула она рукой в сторону кресла с позолоченными подлокотниками, такого же хрупкого, как в гостиной Харви. Я остался стоять.

Через несколько секунд в торговый зал выбежал распростерший руки Филип. Приятель был мужчиной лет сорока, сохранившим естественный темный цвет волос. Расплывшаяся талия выдавала его страсть к вкусной и обильной пище. Одет Филип был безупречно с головы до ног.

— Мишель, *мон ами!* — Глянув на мое исцарапанное лицо, он невозмутимо приподнял бровь. — Проходи, проходи!

Филип распахнул тяжелую деревянную дверь, и я проследовал за ним, миновав мастерскую, где согнулись над столами двое работников с серебристо поблескивающими инструментами. Кабинет Филипа сиял чистотой и порядком: стол с позолоченной деревянной резьбой, турецкий ковер и огромный шкаф с множеством ящичков, помеченных понятными только самому хозяину кодами.

— Кофе? — предложил приятель.

Из торгового зала донесся звон дверного колокольчика, и я отказался, не желая надолго отвлекать ювелира.

— Что-то стряслось? — встревоженно спросил Филип, и я поторопился его успокоить.

— Нет-нет. К тебе мои дела точно отношения не имеют. Во всяком случае, так мне представляется. — Я вытащил из кармана рисунок с изображением колье леди Эдит. — Тебе знакома эта вещица?

Филип надел очки, изучил рисунок и поднял на меня удивленный взгляд.

— Колье «Тьерри», владельцы — семейство Харви. Почему ты им интересуешься?

— Колье пропало, — объяснил я, откинувшись в кресле, и Филип присвистнул. — Больше того, — продолжил я, — надето оно было на шею женщины, убитой в ночь на вторник, вскоре после бала у лорда Харви. Подозреваю, что колье сняли с мертвого тела, однако не уверен, что убийца именно за ним и охотился. Возможно, драгоценность стала... э-э-э...

— Незапланированной добычей? — Филип недоверчиво выдохнул и снял очки. — *Нон*. И мысли не допущу, что колье не было главной целью преступника.

— Сколько оно может стоить?

— От двух до двух с половиной тысяч фунтов стерлингов.

У меня пересохло во рту. Ничего себе, за такие деньги можно отгрохать целый дом!

— Точно?

— Ну да. А что?

— Леди Эдит считает, что колье стоит несколько сот фунтов.

— Может, так оно и было в сороковых, когда дедушка Харви купил его по сходной цене у разорившегося на железнодорожных акциях глупца. Тот отчаянно нуждался в деньгах. — Филип поднял брови. — Имей в виду, я тебе этого не говорил.

Я кивнул, успокаивая друга.

— Надо сказать, что в любом случае колье тогда было недооценено. Учитывая его происхождение...

— А что с происхождением? Кто предыдущий владелец?

— Одна из любовниц графа Тьерри, куртизанка и подруга Жозефины де Богарне. — Филип потянулся к книжной полке. — Постой-ка. Сейчас покажу тебе изображение получше, чем на твоём рисунке.

Друг повел пальцем по корешкам книг и вытащил толстый том с вытесненным золотом названием: «*Couillard, Paris*».

— Как это произносится?

— Ку-э-йяр. Пьер Куэйяр учился у Нито.

— У кого?

Филип уселся в кресло и, надев очки, принялся листать страницы, а я наблюдал за его маленькими ловкими руками — инструментом настоящего ювелира. Книга пестрела изображениями изысканных коле, диадем, серег, браслетов и колец.

— Мари-Этьен Нито и его сын Франсуа открыли ювелирную компанию «Шоме» в тысяча семьсот восьмидесятом году. «Шоме» выполняла заказы Наполеона. У меня в прошлом году был выставлен кинжал их работы. Ты ещё им восхищался.

— Помню.

— Пьер Куэйяр некоторое время проходил практику у Нито, а потом, в восемьсот четвертом, основал собственное дело, которое продолжил его сын, а затем и внук. Их лавка до сих пор существует — в районе Пляс-Вандом.

Филип замолчал, рассматривая открытую страницу.

— То самое кольцо? — наклонившись к нему, спросил я.

— Нет, просто одна из моих любимых вещей. — Он снова начал листать книгу. — Ага, вот и оно!

На левой странице я разглядел плотный текст на французском, на правой же красовалось цветное изображение драгоценности и дата: 1810. Только теперь я понял, насколько элегантным было кольцо, а кулон выглядел даже крупнее, чем я ожидал.

— Какой огромный сапфир! Наверное, именно он и влияет на стоимость?

— Отчасти. Ценности добавляет мастерство ювелира. — Друг ткнул пальцем в репродукцию. — Видишь, это сапфиры из Индии. У них особая шлифовка — «кабошон». — Филип согнул ладонь, изображая перевернутую чашу. — Гладкие выпуклые камни, в отличие от фасетной огранки. Куэйяр как раз такими и славился. А бриллианты

закреплены в технике «паве». Камни плотно прилегают друг к другу, подобно булыжникам на мощеной мостовой. — Приятель сложил пальцы в замок. — Таким образом каждый бриллиант добавляет блеска своему соседу. Это выдающаяся работа.

Рассмотрев репродукции, я отодвинул книгу.

— А леди Эдит одолжила такой шедевр подруге, словно обычный зонтик.

— Судя по тому, что ты рассказал, она просто не знает его истинной цены, — сказал Филип, убирая том на полку.

— Что предпримет похититель, заполучив подобную драгоценность?

— М-м-м... — приподнял брови Филип. — Понятия не имею. Открыто носить кольцо нельзя — уж слишком оно известно. Законным образом продать также невозможно. Любой ювелир, способный купить эту вещь, тут же ее признает и свяжется с полицией.

— Если этот ювелир соблюдает профессиональную этику, — ввернул я.

— Ха! Да если он даже нечист на руку — все равно сообщит куда следует, чтобы получить вознаграждение, — покачал головой друг.

— Наверное, ты прав, — признал я. — Однако, если ювелир свяжется с местным полицейским участком, мы в Ярде можем об этом и не знать.

— Есть мастера, готовые помочь знатной семье тайно продать свои драгоценности, — продолжил Филип, покрутив в пальцах лупу в серебряной оправе. — Вор может навести справки о таких ювелирах.

— Допустим, похититель понимает, что ему не удастся продать кольцо целиком. Сможет ли он найти мастера, чтобы разъединить драгоценность на части?

— Бред! — вспыхнул Филип. — Для любого ювелира, имеющего хоть маломальскую репутацию, подобная работа сродни намеренной порче картины периода Ренессанса!

— И все же такое возможно...

— Увы... — развел руками друг. — Опытный мастер всегда в состоянии разобрать драгоценность и распилить камни. Потом их происхождение уже не установишь.

— Кто мог бы на это пойти?

Приятель молча поджал губы.

— Филип, я не собираюсь преследовать таких дельцов. Моя задача — найти убийцу.

Он тяжело вздохнул.

— Есть человек, который, скорее всего, будет в курсе, если кольцо всплывет. Я наведу справки.

— Спасибо, дружище. — Я поднялся. — Дай мне знать, если что-то услышишь.

ГЛАВА 8

В Скотланд-Ярд я вернулся к четверем, и меня уже на входе остановил сержант Коул, вручив письмо. Ма Дойл... Я напрягся, словно в ожидании удара. Последний раз она присылала записку мне на службу, когда я еще тянул лямку в речной полиции — сообщила, что Пэта убили. Я вскрыл конверт, в спешке порвав и вложенное в него письмо. Пришлось сложить куски.

«Микки, загляни ко мне, как только сможешь. Не волнуйся — у нас все хорошо. Ма».

Слава богу... И все же наверняка у ма — важные новости. Я забегал к ней по крайней мере раз в месяц на воскресное чаепитие и собирался зайти как раз на этой неделе. Однако чем бы ни хотела поделиться со мной ма, — судя по письму, тянуть не следует. Я вышел на улицу и поймал кэб. На Леман-стрит отпустил кэбмена и двинулся в восточном направлении — к Уайтчепелу. Пешком пройти было и проще и быстрее, чем тащиться в кэбе по запруженным улицам.

* * *

Мне не исполнилось и двенадцати, когда исчезла моя мать. С месяц я искал ее по всему Уайтчепелу. Все это время обо мне заботились друзья. Потом до меня дошло, что негоже заставлять их меня подкармливать — ведь мать научила меня читать и писать, да и силушкой бог не обидел. И я, связавшись с одним человеком с Чиксенд-стрит, взялся за ограбления магазинов. Джонни стоял на стреме, пока я вскрывал витрину, просовывая кончик ножа между стеклом и рамой. Стекло давало трещину в виде звезды, и я бесшумно вынимал его из рамы. Дальше за дело принимался Дэнни, вытаскивая из лавочки стоящий товар. Вырученных денег обычно хватало на еду и угол для ночлега.

Так продолжалось до того дня, когда я наткнулся на троицу стервецов, избивавших в переулке беззащитного парнишку. Наверное,

я прошел бы мимо, но услышал, как парни обзывали свою жертву грязным ирландцем. Даже не помню, как выхватил нож. Когда пришел в себя, осознал, что стою, сжав в захвате самого здорового из подонков, приставив стальное лезвие к его горлу.

— Отпусти его, или порежу! — прошипел я ему в ухо.

Троица оторопела. Никто не трогался с места, пока пленник не пробормотал:

— Ладно...

— А теперь убирайтесь! Все трое!

Я опустил нож и оттолкнул мерзавца. Видимо, в тот момент меня больше занимал валяющийся в грязи мальчишка, потому что толчок вышел неубедительным. Противник тут же взмахнул ножом, целясь в лицо, и мой лоб обожгло болью. Хорошо, что я не убрал свой клинок и сумел ответным ударом пырнуть здоровяка в плечо. Взвизгнув, тот упал на землю. На меня набросился его поделник в кепке, и его кулак врезался мне в голову. Я согнулся, и противник нанес мне несколько тяжелых ударов по спине, сбив дыхание. И все же мне удалось развернуться и достать ножом его бедро.

Враги бежали, выкрикивая проклятия.

Я наклонился и, упершись руками в колени, перевел дух. У парнишки кровило из носа и изо рта, и он был скорее зол, чем испуган.

— Чертовы уроды! — выплюнул он.

Я выпрямился, и мальчишка осмотрел мой лоб. Мы были примерно одного возраста. Спасенный, несмотря на невысокий рост, сложение имел крепкое.

— Меня зовут Пэт Дойл, — представился он и добавил, коснувшись своего лба: — Пойдем к нам, ма займется твоей раной.

Покачиваясь от слабости, мы двинулись по узким переулкам, и Пэт спросил, где я живу и кто научил меня так владеть ножом. Я пожал плечами, и новый товарищ, бросив взгляд в мою сторону, настаивать не стал. Глаза у него были синие, как и у меня; впрочем, как и у многих ирландцев. Наконец мы добрались до лавочки, сбоку от которой шла лестница в жилое помещение на втором этаже. Его мать обработала мой порез, и Пэт поинтересовался, останусь ли я на обед. Потом попросил меня задержаться еще ненадолго, и его просьба, похоже, успокоила миссис Дойл.

— Не волнуйтесь, мэм, — буркнул я. — Мне помощь не требуется. У меня все на мази.

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать, — на всякий случай соврал я.

— На мази, говоришь? Чем занимаешься?

Я промолчал, и она устало вздохнула.

— Ма, он меня выручил, иначе я сыграл бы в ящик, как Фрэнсис, — серьезно сказал Пэт.

Миссис Дойл, притянув сына к себе, чмокнула его в лоб и кивнула.

— Спасибо, что позаботился о моем мальчике. Его смерти я не пережила бы.

После ужина, когда камин уже прогорел, мы собрались у кровати, которую миссис Дойл делила с близняшками — Элси и Колином, и она пересказала нам одну из легенд о знаменитом воине Кухулине. Моя мать тоже была родом из Ирландии, но подобных эпосов я от нее никогда не слышал.

Шли годы, и ма Дойл рассказывала нам то о Лугайде, Абхартах и древних банши, то о феях и Джонни Фриле. Мы с Пэтом могли сколько угодно обмениваться снисходительными улыбками, считая старые мифы сказочками для близнецов, однако слушал я с удовольствием. Голос ма взмывал вверх, и тогда ее слова, словно звонкие монеты, отскакивали от потолка. Если я и считаюсь неплохим рассказчиком — это все ее школа.

В общем, я переехал к Дойлам, и на этом моя воровская карьера закончилась. Ма Дойл сразу дала понять, что не потерпит такого способа зарабатывать на жизнь. Впрочем, вряд ли ей удалось бы сводить концы с концами, сидя с детьми в нашем квартале, и каждый из нас чем-то занимался. Мне поручили помогать в лавочке, выполнять разные поручения и учить Элси арифметике. Разумеется, я ворчал, подметая полы и таская тяжелые тюки с чаем с верфи в кладовую, и все же втайне гордился и даже получал удовольствие от работы, сознавая, что не стал для ма обузой.

Через пару лет подросли двое племянников, и ма Дойл поручила им следить за лавочкой. Мы с Пэтом подались в порт. По десять часов в сутки грузили товар, а потом я продвинулся по службе, став лодочником — перевозил грузы на суда в маленьком плашкоуте.

Работа была нелегкой, и я возмужал, превратившись в парня, способного спокойно перекинуть тюк весом в сотню фунтов с причала на палубу. Не знаю, к худу то было или к добру. Во всяком случае, однажды в порт заглянул Симус О'Хаган и увидел меня с мешком чая через плечо. Симус спросил, не желаю ли я заработать денег.

— А что надо делать?

— Биться на кулаках. — Он не отводил от меня взгляда. — Боксировать приходилось?

— Никогда.

— Научиться хочешь?

Я тотчас понял, что Симус предлагает мне бокс без перчаток. Подобные бои были вне закона. Случись полиции нагряться с облавой в боксерский зал, каждого из бойцов бросили бы на несколько месяцев в сырые кутузки Уайтчепела. Упечь в тюрьму ирландца — несравненное удовольствие для любого полисмена.

— Сколько платите?

— Процент с выручки. Для начала могу пообещать фунт в неделю. — Симус сплюнул коричневую от табака слюну. — Это как новичку, но с такими плечами и ручищами ты сможешь зашибать и больше.

Четыре фунта в месяц?

Деньги были нужны — я этого и не скрывал. Знал, что означает дополнительный доход — и для ма Дойл, и для меня. Для всех нас. Симус глянул мне в глаза и улыбнулся.

— Почему вы обратились именно ко мне? — удивился я, кивнув в сторону десятков мужчин, спящих в порту, многие из которых были сильнее меня, хотя и старше.

— Только никому, — не ответив на вопрос, шепнул он и вручил мне обрывок картона с адресом. — Приходи вечером, к половине девятого.

Симус не внушал мне особого доверия, — стоило лишь глянуть в его жесткие, горящие, словно у змеи, глазки, но мне было семнадцать, и я гордился, что из огромной толпы грузчиков выбрали именно меня.

Клочок картона до вечера жег мне грудь. В шесть часов я сказал себе, что никуда не пойду. На улицах драться приходилось не раз, но ведь это не то же самое, что бои на ринге. Кто сказал, что меня не собираются заманить в ловушку? Могли убить, зарезать, и никто не

знал бы, где меня искать. Да и О'Хагана я видел едва ли не первый раз в жизни. Хорошо бы навести справки, да расспросы лишь вызовут подозрение.

В половине восьмого, заметив, как ма корпит над книгой с записями о выручке, решил — попробую! Хуже не будет. Не понравится — сбегу.

В восемь мне вспомнился змеиный блеск в глазах О'Хагана, и я вновь передумал.

Посмотрел на маленькую Элси, штопающую юбку единственной драгоценной иглой, которую она на ночь втыкала в кусок коричневого войлока, на Пэта, гоняющего по тарелке корочку хлеба, чтобы собрать подливку до последней капли. Подумал о поступке ма Дойл, которая, возможно, спасла мне жизнь, дав приют в своем доме.

В половине девятого я уже стоял у дверей боксерского клуба. Порой думаю: как сложилась бы моя жизнь, останься я тогда дома?

Клубы, где проходят кулачные бои, — темные зловещие норы, пропитанные вонью гнили, пота и крови, которой бывает столько, что на земляном полу стоят темные лужи. И в то же время атмосфера завораживала.

Я проскользнул в зал, сразу попав под косые взгляды зрителей. Подошел О'Хаган: поприветствовал, одобрительно глянув в глаза. Сам воздух клуба был наполнен запахом алчности и ожиданием боя.

О'Хаган вытолкнул меня на ринг, и я выиграл в тот вечер три боя из трех. Впрочем, противники уступали мне и в росте, и в весе. Тем не менее, в схватке с новичком каждый из них считался фаворитом. Мне удалось заработать два с лишним фунта, и я попал на крючок. Таких легких денег у меня еще не было никогда.

Так прошел почти год, а потом О'Хаган сказал, что я должен сдать матч. То есть — проиграть специально.

— Какого черта? Почему? — возмутился я.

За все время у меня случилось лишь одно поражение, и я был страшно горд. Обладая быстрой реакцией, ударов в голову не пропускал, что вкупе с силой и мощным сложением позволяло побеждать почти каждого соперника.

— Ставки уже не дают прежней прибыли. Ты побеждаешь так часто, что против тебя просто не хотят ставить. — Он сплюнул мне

под ноги табачную слюну. — Ты перестал приносить мне деньги. Надо что-то делать.

Я возненавидел его предложение. В жилище Дойлов протекала крыша; коврики были все время мокрыми от дождя, и вода, просачиваясь в кладовую, испортила три барреля чайного листа. Я планировал потратить заработок за этот месяц на ремонт. Стоя за рингом, я уже смирился с тем, что сдать матч придется. Всего один бой...

О'Хаган выставил против меня высокого жилистого парня по имени Девлин. Выглядел тот точь-в-точь как я в первый день на ринге. Через год-другой Девлин вырастет в хорошего надежного бойца. Один из боксеров, Мерфи, остановил меня перед выходом на ринг и тихо сказал:

— Пропусти от него пару ударов, чтобы все было не так очевидно.

— Что? — вздрогнув, переспросил я.

— Думаешь, ты выиграл первые бои, потому что настолько силен? — насмешливо фыркнул Мерфи.

Его слова ударили меня, словно обухом по голове, и я страшно обозлился.

— Иисусе... Не знал, что ты такой болван... — моргнул Мерфи.

Меня окатила волна стыда. Выиграл ли я честно хоть один из тех ранних матчей? Бьюсь об заклад, что да! Прекрасно помню, как одобрительно смотрел на меня О'Хаган, когда я укладывал на ринг Джо Келли, Томми Мэкки, а потом и Лема Шэнехана.

А если нет?

Я поймал взгляд, брошенный Симусом на букмекера, увидел, как Симус подтолкнул того локтем, и на меня обрушилась неприглядная истина: я — не более чем пес на собачьих боях, всего лишь средство для набивания чужих карманов.

Ну что же, Микки, для тебя это тоже бизнес... Сделай то, что от тебя требуется: сдай матч, получи деньги, а потом уйдешь навсегда.

На ринг я вышел с пустой головой. Сейчас пытаюсь не судить себя строго: я был молод, горяч, и весь кипел от унижения. Уже через десять секунд намерение поддаться сопернику испарилось без следа. Девлин нанес неплохой первый удар, после чего я выложился без остатка. Приди я в клуб после целого дня работы в порту, Девлин еще мог бы пару-тройку раз пробить мою защиту. Но в тот вечер у него не

было ни единого шанса. Уже через двадцать секунд он оказался на полу, перевернулся и еще минуту неподвижно лежал на спине.

Я вытер угол рта, ощутив соленый привкус крови на губах, и глянул на О'Хагана. Тот стоял у стены с каменным лицом, скрестив руки на груди. Отвернувшись, он сплюнул себе под ноги.

Я отдавал себе отчет в том, что только что случилось. Впрочем, я принес ему чертову уйму денег, и рассчитывал, что мне дадут еще один шанс, как случилось после поражения от Гэхана. Подойдя к О'Хагану, пробормотал, прикрывшись рубахой:

— Следующий раз проиграю.

— Убирайся ко всем чертям!

Перед моим мысленным взором мелькнуло лицо ма Дойл. Я точно знал, как она помрачнеет, когда поймет, что денег за кулачные бои больше не будет. Впрочем, ма изо всех сил будет скрывать разочарование. Меня охватило раскаяние.

— Клянусь, я сдам следующий бой...

— Выметайся, я сказал! — безжалостно рявкнул Симус.

— Но... мне нужны деньги, — промямлил я.

— Проклятый идиот! — прошипел О'Хаган. — Я и так почти ничего не заработал за этот месяц, а теперь вообще чуть ли не банкрот!

Я перевел дух, попытавшись взять себя в руки.

— А мой фунт за эту неделю?

— Тебе повезет, если я не вышибу из тебя дерьмо, — хрипло рассмеялся О'Хаган. — Уберешься ты или нет?

Как быстро все изменилось... Я выбрался из грязного логова и побрел домой.

После моего рассказа о сегодняшнем дне у ма Дойл отвалилась челюсть — как я и ожидал. И все же минуты не прошло, как она похлопала меня по руке:

— Денег-то мы заработаем, Микки. Но боюсь, что Симус будет тебя преследовать. — Ма вздохнула. — Он поступил жестоко, вышвырнув тебя за единственный промах, — и это после всего, что ты для него сделал. Другое дело, что у некоторых людей нет чувства жалости. Их ничем не проймешь.

— Я пообещал ему проиграть следующий бой. Черт, сдам любой матч, какой ему захочется. Теперь знаю — все это делают.

— В Ирландии О'Хаганы всегда считались отбросами, — щелкнула языком ма. — Доверять им нельзя.

Она часто повторяла, что надежность — именно то качество, которое отличает настоящего человека от всякой гнили.

На следующее утро мое изумление испарилось, сменившись гневом. Несколько следующих дней я вынашивал планы мщения: подумывал сдать О'Хагана полиции — пусть расшибется о твердь неумолимого закона. Ма немедленно поняла, о чем я мечтаю, и спросила:

— Чего хмуришь брови?

— Да нет, ничего, — пробурчал я, ремонтируя ножку стула.

Она приподняла пальцем мой подбородок, заставив глянуть ей в глаза.

— Хочу отомстить О'Хагану, — признался я.

— Ах, Микки, не будь глупцом, — встревожилась ма. — Все кончится тем, что мы увидим тебя в гробу... — Она опустила на колени рядом со мной, и ее лицо смягчилось. — Знаю, тебе больно, и все же овчинка выделки не стоит. Мы с тобой понимаем, что О'Хаган поступил несправедливо, и все же я рада, что с боями покончено. Придумаем что-нибудь другое, вот увидишь!

Ее слова подействовали словно бальзам, и мой гнев утих.

Наверное, этим все и кончилось бы, однако через пару дней полиция нагрянула в клуб и арестовала кучу народа, в том числе и О'Хагана. Полисмены были вне себя от радости: еще бы, удалось взять ирландца с личным, с кучей денег на руках, а записи в его книгах изобличали еще добрый десяток участников. Симус не сомневался, что подставил его я, и в тот день, когда он угодил в тюрьму, ма прибежала в порт и втиснула мне в руку несколько монет, а в другую — сумку с вещами и запасом еды.

— О'Хаган передал весточку на волю, что ты его сдал.

— Это неправда! — запротестовал я.

— Клянешься? — Она испытующе посмотрела мне в лицо.

— Вот тебе крест! Ты ведь меня убедила — месть не стоит того, чтобы за нее умирать.

— Ну, раз так, бог даст — правда когда-нибудь выплывет наружу. И все же сегодня тебе придется уехать, Микки. Потом напишешь, где тебя искать.

Ма быстро обняла меня, пробормотав благословение, и подтолкнула в направлении Леман-стрит.

Оттуда я добрался до Ламбета, где и устроился в столичную полицию, — мою силу и крепкое телосложение оценили и там.

Облачившись в полицейскую форму, я получил возможность кое-что выяснить и узнал, что молодой Девлин далеко не сразу оправился после памятного боя. Его отцу стало известно, где пострадал сын. Именно он и навел полицию на О'Хагана. Я тайно отправил сообщение в Уайтчепел и в конце концов получил записку от Симуса, что тот считает мои слова правдой, и все же продолжает винить меня за бой с Девлином.

С тех пор прошло десять лет, и я больше не обменялся с ним ни словом. Так или иначе, мы с Симусом заключили негласную сделку: он знал, что я не раз мог его арестовать, и все же не сделал этого. Мне же случалось бывать в Уайтчепеле, и меня никто не трогал. И все же оставались люди, считавшие меня ирландской крысой, которые с удовольствием со мной покончили бы.

Каждый раз, выходя на Леман-стрит, я сжимал рукоятку полицейской дубинки.

* * *

Я открыл дверь в лавочку, где, как обычно, толпился десяток покупателей. Миссис Уинн, заметив меня, улыбнулась, и я подмигнул в ответ. Впрочем, в разговор вступать не хотелось. Ма в зале не было, зато за прилавком стояла засветившаяся от радости Элси.

— Ма в задней комнате? — спросил я, кивнув на дверь.

Элси, покачав головой, указала на потолок, и я в нетерпении побежал вверх по лесенке, открыл дверь своим ключом и вошел.

— Ма!

Она вышла из спальни и заключила меня в объятия.

— О, Микки! Спасибо, что пришел!

— У вас все хорошо?

— Ну да! — удивленно распахнула она карие глаза. — Я же писала — все замечательно.

У меня словно гора с плеч свалилась.

— Господи, Микки, что у тебя с лицом? — Ма заставила меня повернуться к свету. — Неужели снова занялся боксом?

— Конечно, нет! — Я наклонился и поцеловал ее в щеку. — Ничего страшного, я в порядке.

Она снова окинула меня внимательным взглядом, как делала, когда я являлся домой с синяками после боя.

— Что ж, отлично.

Ма еще несколько секунд прижимала меня к груди, затем отпустила. У меня потеплело на душе — так приятно, когда тебя обнимает самый близкий человек, ставший тебе приемной матерью... Я погладил ма по плечу и расстегнул пальто, продолжая незаметно ее рассматривать. Медно-рыжие волосы слегка поредели на висках, на круглом лице появилось несколько новых морщинок, ну а в целом она выглядела совсем неплохо. Уайтчепел скручивает людей в бараний рог, но ма Дойл не из тех, кого легко сломать. Ее жизнь была довольно благополучна — в лавочке бойко продавались свечи и прочие товары по вполне умеренным ценам, к тому же ма умела проявить сочувствие, не унизив человека жалостью, и в нужный момент предложить чашку чая.

— Чайку заварить? — спросила она. — Ветер сегодня холодный, даже через окна задувает.

Мы прошли в кухню, и ма добавила:

— Был на реке?

— Сегодня — нет. Вчера был. А что?

— От тебя пахнет речным бризом — как в те времена, когда вы с Пэтом работали в порту.

Я задержал на ней взгляд. Пэта ма вспоминала нечасто, однако сейчас его имя прозвучало не случайно. Понюхав рукав, я фыркнул.

— Твоя правда.

В шкафчике нашлись две чистые чашки и блюдца, а ма тем временем поставила чайник на огонь и пристально посмотрела мне в глаза.

— Выглядишь усталым. Похож на привидение, честное слово.

— У меня все хорошо, ма. Рад тебя видеть — хотя что я тебе рассказываю? Выкладывай, зачем звала?

— Сначала чай, потом все остальное.

Вода закипела, и ма, заварив крепкий чай, добавила в него молока. Мы уселись. Первый же глоток согрел меня изнутри, и я в ожидании разговора поставил чашку на блюде.

Ма нахмурилась, и ее лицо приобрело озабоченно-деловитое выражение. Знакомая история... Наверное, столкнулась с серьезным затруднением, но нашла решение, и заметная роль в нем отведена мне.

— Хотела поговорить о сыне моей сестры. Эйлин умерла пять лет назад — да ты помнишь.

Неужели прошло пять лет?... Я кивнул: *помню*.

— Месяц назад скончался ее муж, так что Гарри теперь живет у нас.

— Он там? — мотнул я головой в сторону спальни.

— Нет, я отправила его с Колином по делам — нужно было сперва поговорить с тобой наедине. — Ма вздохнула. — Рассчитывала, что ему здесь будет хорошо, да ошиблась.

— А что не так?

— Уайтчепел не для него, Микки, — покачала головой ма. — Двух дней не прошло, как я это поняла.

— Похоже, парень слишком хорош для нашего квартала? — язвительно спросил я.

— Не в этом дело, — задумчиво проговорила ма, откинувшись на спинку стула. — Гарри похож на тебя, Микки, — так же умен, только ему не хватает сообразительности скрывать свой ум. — Она печально улыбнулась, но улыбка быстро пропала, и в ее глазах засветилась тревога. — Не хотела тебя ни о чем просить, ты и так много делаешь. Думаешь, я не вижу, как ты что-то суешь Элси и Колину, когда появляешься у нас?

— Бывает, заведется в кармане лишняя монетка. — Покачав головой, я отпил остывающий чай. — Чем я могу помочь? Поговорить с ним? Гарри требуется совет?

— Знаешь... — заколебалась ма. — Мне пришло в голову: почему бы Гарри некоторое время не побыть при тебе?

Я закашлялся — чай попал не в то горло.

— Ма, меня почти не бывает дома. Как я могу взять к себе мальчика?

— Он не мальчик, Микки. Так или иначе, ему почти шестнадцать, хотя и не факт, что он выглядит на свой возраст. Вдруг ты найдешь ему

временную работенку в Ярде? Писарем или посыльным, а я тем временем что-нибудь соображу. — Она нахмурилась. — Его уже дважды били. Ты же знаешь Уайтчепел.

Я знал. Здесь погибли Пэт и Фрэнсис, а оба были парнями сильными и неглупыми. Все справедливо. Ма столько лет меня опекала, а теперь хочет, чтобы я ненадолго взял под крылышко ее племянника. Для обитателей Уайтчепела не было ничего важнее сна, пищи, безопасности и работы, и эти карты каждый старался держать при себе, чтобы впоследствии сорвать банк в большой игре. Когда я только появился в доме Дойлов, ма сразу дала понять, что у нее так не заведено. Она отдала мне все четыре козыря; не только мне, но и Пэту, и Элси, и Колину. Ни разу не намекнула, что я стал для нее обузой, хоть и приходилось порой заваривать одни и те же чайные листья по два раза.

— Не переживай, ма, — натужно улыбнулся я. — Что-нибудь придумаю.

Отставив чашку, я потянулся за пальто. Ма тоже поднялась, бросив на меня ласковый взгляд.

— Спасибо тебе, Микки. Не стала бы тебя просить, но пока других мыслей у меня нет.

— Когда пришьешь паренька?

— Завтра, ближе к полудню. — Она замялась. — Знаешь, может, Гарри сперва и не производит впечатления, но стоит поговорить с ним — сразу поймешь, что парнишка он хороший.

— Не переживай, — повторил я, чмокнул ее в щеку и открыл дверь. — Как-нибудь справимся.

* * *

В отдел я прибыл вовремя — меня поджидал посыльный с сообщением.

Больших улучшений пока нет, но уже не то, что вчера. Надеюсь, что ты сегодня заглянешь. Джеймс.

Сокрушенно посмотрев на часы, я тихо застонал. Половина седьмого. Куда же делся день? Мне ведь еще предстоит найти Энтони Тергуда.

Решение пришло само собой. Дело Мадлен Бэкфорд официально раскрыто. Женщина, слава богу, нашлась. Остается ждать, когда она заговорит. Разумеется, следует регулярно навещать миссис Бэкфорд, попытаться завоевать ее доверие, однако Винсент требует бросить все силы на расследование убийства Роуз Альберт, и времени на Мадлен сейчас просто нет. Я поискал глазами Стайлза. Задание как раз ему по плечу. Молодой инспектор с равным успехом общается что с молодыми девушками, что со старыми ведьмами. Джеймс с ним несколько раз встречался и считает, что Стайлз — умный и располагающий к себе человек.

— Стайлз! Выйдем на минутку?

Инспектор с готовностью отложил бумаги и натянул пальто.

Мы вышли во двор. На улице сгущались сумерки. Из-под арки ворот доносился скрип колес и цоканье лошадиных копыт. Мостовая влажно блестела, но дождя не было. Отблески уличных фонарей падали на камни, и каждый булыжник словно передавал свет своему соседу.

«Паве»... Булыжники-то — словно бриллианты в колье.

— Что-то случилось? — с любопытством осведомился Стайлз.

Я вкратце рассказал, как нашел Мадлен Бэкфорд и почему пришлось отвезти ее не домой, а в госпиталь.

— Она совсем не говорит?

В голосе Стайлза прозвучали странные нотки, и я понял, в чем тут дело. Инспектор верил мне безоговорочно, и все же к правилам относился куда более трепетно, чем я.

— Пока нет. Просто хотелось бы выгадать для нее еще немного времени.

— Понял.

— Винсент требует, чтобы я сосредоточился на убийстве дочери судьи. — Я помолчал. — Предложил передать некоторые дела вам. Я против.

Стайлз облегченно вздохнул.

— И все же рассчитывал, что вы присмотрите за Мадлен, а мне нужно встретиться с Энтони Тергудом — помните фотографию в

медальоне? Он сегодня вечером должен появиться в клубе.

— Отлично, — дружелюбно откликнулся инспектор. — Повидаюсь с ней, а потом — домой.

Я благодарно кивнул и добавил:

— Вряд ли Тергуд слышал о смерти Роуз. Они ведь были тайно помолвлены, но Тергуд не в ладах с семьей Альбертов.

— Жаль беднягу, — вздохнул Стайлз. — Значит, вы первым сообщите ему грустную весть? Не завидую.

Я не стал говорить, что скорее готов встретиться с несчастным кавалером, чем с Мадлен Бэкфорд. И дело не в том, что она на меня напала. Это все ерунда. В ее отчаянии было нечто такое, что будоражило воспоминания, которые я предпочел бы похоронить навсегда.

ГЛАВА 9

Я пересек Сент-Джеймс-стрит и направился по Пэлл-Мэлл к Трафальгарской площади, поглядывая на развевающиеся над клубами вымпелы. «Клуб армии и военно-морского флота», «Мальборо», «Клуб гвардии». «Клуб Оксфорда и Кембриджа», который посещали исключительно выпускники университетов. «Атений» с дорическими колоннами у входа — клуб Джеймса.

Вход в «Пембертон» находился за углом, на Уинчер. Поднявшись по ступеням, я рассмотрел латунную табличку на стене справа от двери: «Только для членов клуба. Иных посетителей просим пользоваться другим входом». Стрелка на табличке указывала вправо.

Пришлось обойти здание и дернуть шнур колокольчика у боковой двери.

— Инспектор Корраван, Скотланд-Ярд, — представился я открывшему дверь человеку. — Как к вам обращаться?

— Лумис, — нахмурился привратник. — Чем могу помочь?

— Мистер Энтони Тергуд сейчас в клубе? У меня к нему важное дело.

— Сейчас узнаю, — сказал привратник, указав мне на деревянный стул, и направился вглубь коридора.

Не обращая внимания на жест Лумиса, я последовал за ним и заглянул в открытую им комнату. Бильярдная... Обшитые деревом стены, камин с мраморной отделкой, ряд картин маслом. Из комнаты донесся взрыв хохота и стук бильярдных шаров. В дверь выплыл клуб сигарного дыма, и привратник, войдя в бильярдную, прикрыл створку.

Через несколько минут Лумис вынырнул в коридор в сопровождении молодого человека, весьма напоминающего свое изображение в медальоне. Мистеру Тергуду — высокому светловолосому джентльмену — было, пожалуй, лет двадцать пять. Костюм приличный, но не броский. Лицо приятное — открытое и честное, высокий лоб, небольшой шрам на подбородке. Тергуд вежливо затушил сигару в пепельнице, прежде чем подойти ко мне. На фотографии его улыбка выглядела не слишком приятной, на деле же оказалась просто скромной. Если этот человек и убил Роуз Альберт,

следует отдать ему должное: актер он великолепный. Так или иначе, я считал, что мистер Тергуд о смерти Роуз никакого представления не имеет.

— Я — Энтони Тергуд, — представился он. — Чем могу вам помочь?

— Инспектор Корраван. Мы можем где-то поговорить наедине?

— Хорошо, — бросил он, и его улыбка сменилась настороженной миной. — Пройдемте.

Меня провели в комнату, напоминающую размером мой кабинет в Скотланд-Ярде. Камин здесь не горел, и в помещении было не жарко. Шерстяной ковер кое-где зиял проплешинами, из которых торчали нити. На стене висела богато обрамленная карта Африки, подсвеченная двумя неяркими светильниками.

— Лумис сообщил, что вы из Скотланд-Ярда, — не садясь, сказал Тергуд. — Что вам угодно?

— Когда вы последний раз видели Роуз Альберт?

— Это мое личное дело, — вспыхнул собеседник. — Кто поручил вам...

Пришлось сразу его перебить:

— Я никого не представляю и не собираюсь чинить вам неприятности. Кое-что случилось, поэтому мне нужно знать: где и когда вы последний раз видели мисс Альберт.

Молодой человек уселся в одно из кожаных кресел, не отрывая взгляд от моего лица.

— Три дня назад. Мы встретились в парке. А в чем дело?

— Вы не отправляли ей записку в понедельник, когда состоялся бал у лорда Харви? — присев, спросил я.

— Разумеется, нет! — Тергуд нахмурился. — Но почему вас это интересует?

Дальше отмалчиваться смысла не было.

— Мистер Тергуд, тело мисс Альберт нашли вчера утром в маленькой лодке на Темзе. Ее убили около двух ночи, после того как она покинула дом лорда Харви.

Тергуд замер, приоткрыв рот; его зрачки расширились и потемнели. Подобную реакцию сыграть чрезвычайно трудно.

— Мне очень жаль, — произнес я.

— Вы ошибаетесь, — на секунду задохнувшись, пробормотал молодой человек. — Она заночевала у Эдит.

— Боюсь, ошибки нет. Отец опознал тело.

— Это какая-то дурацкая шутка? — гневно сверкнул глазами Тергуд. — Мистеру Альберту стало известно о наших отношениях?

— Это не шутка, — покачал головой я.

— Предъявите документы! — потребовал он.

Я протянул ему удостоверение, и молодой человек, изучив его, обмяк в кресле, закрыв лицо руками. Удостоверение упало на пол.

— О господи, господи...

Он поднял на меня заплывшие слезами глаза и на минуту показался совсем юным.

— Как она умерла? Ее мучили?

— Полагаем, что в момент смерти мисс Альберт была без сознания, — не колеблясь, ответил я.

— Как? — беззвучно выдохнул Тергуд.

— Ее задушили.

Из его горла вырвалось рыдание, и в этот миг с громким скрипом приоткрылась дверь. В дверном проеме показался невысокий круглолицый мужчина с сигарой в руке.

— Слушай, Тони, у тебя все в порядке?

Коротышка остановился, перевел глаза с Тергуда на меня, и его жизнерадостная улыбка сменилась недоверчивым взглядом.

— Что здесь происходит?

— Сэм, этот человек говорит, что Роуз умерла, — прошептал молодой человек.

— Боже, как это? — ошеломленно спросил коротышка. — Я и не знал, что она болела.

Прикрыв дверь, он бросил сигару в пепельницу и сел рядом с приятелем.

— Болезнь тут ни при чем. Мисс Альберт убили позавчера ночью, — объяснил я, поняв, что Тергуд отвечать не собирается. — Кстати, я из Скотланд-Ярда.

— Кому понадобилось ее убивать? — по-прежнему недоверчиво осведомился Сэм.

— Пока неизвестно. На мисс Альберт было чрезвычайно дорогое кольцо, которое она одолжила на бал у леди Эдит Харви. Возможно, мы

имеем дело с ограблением. Однако непонятно, для чего грабителю понадобилось увозить девушку к Темзе, где он положил ее тело в лодку.

— В лодку? — уставился на меня Сэм. — Что еще за лодка?

— Маленький плашкоут, — в таких суденышках речники перевозят товар.

У Сэма отвалилась челюсть, и он несколько раз быстро моргнул.

— Кто-то из вас в понедельник вечером был на балу у лорда Харви? Может, заглядывал туда ненадолго? — спросил я.

— Что? Нет-нет, — помотал головой Тергуд. — Мы с Роуз никогда не появлялись вместе на публике — не хотели, чтобы нас заподозрили.

— Тогда где вы были?

— Два дня назад? — Молодой человек наморщил лоб, пытаюсь вспомнить. — По-моему, здесь.

— Да, Тони был в клубе. Мы играли в карты, — добавил Сэм.

— Вы уверены, что это именно Роуз? — в отчаянии пробормотал Тергуд. — Ошибка исключена?

Как бы мне ни хотелось утешить молодого человека, пришлось подтвердить:

— Мне очень жаль, но на теле обнаружили медальон с инициалами Роуз. Внутри была ваша фотография. Именно так мы и установили личность погибшей.

— Серебряный медальон? — тяжело сглотнув, уточнил Тергуд. — В форме сердечка?

Я кивнул.

— Мой подарок... — Молодой человек снова закрыл лицо руками, издав тяжелый низкий стон. — Неужели Роуз убили из-за нашей помолвки?

— Вряд ли вы имели какое-то отношение к мотиву убийства, — ответил я. — И все же мне нужно задать вам еще несколько вопросов.

Сэм положил руку на плечо приятеля.

— Имеются ли у вас соображения, кто мог бы желать смерти мисс Альберт?

Тергуд, уставившись в пол, помотал головой.

— Расскажите о Роуз: как вы познакомились, какие у вас были планы на будущее?

Молодой человек поднял голову и посмотрел на приятеля. Сэм, дружески сжав его плечо, тут же поднялся.

— Я буду в курительной, — сказал он и тихо прикрыл за собой дверь.

Глаза Тергуда вновь увлажнились; его губы затряслись, и молодой человек сжал челюсти, пытаясь унять нервную дрожь. Слезы прочертили по его щекам две извилистые дорожки.

— Весь прошлый год мы с Роуз пытались найти выход: как нам пожениться, как жить, где жить... Боже мой, тогда казалось, что все это так важно!

Тергуд прав — перед лицом смерти все прочие соображения и вправду кажутся незначительными мелочами.

— Мистер Тергуд, я понимаю — вам сейчас не до моих расспросов. И все же время идет, и с каждым часом шансов найти преступника становится все меньше. Мне нужна ваша помощь. Я никогда не встречал Роуз, а вы знаете о ней больше, чем кто-либо. Мне требуются подробности.

— Подробности? — недоверчиво переспросил молодой человек.

— Именно.

Он хрипло засмеялся.

— Вроде того, как она намазывала мармелад на тост? Может, рассказать вам, что она божественно играла на фортепиано? Знаете, что Роуз только что прочитала «Анну Каренину»? — Тергуд гневно повысил голос: — Разве подробности позволят вернуть к жизни мою любимую? Скажите «да», и я с удовольствием посвящу вас во что угодно! — Он снова уронил голову, и его узкие плечи содрогнулись от рыданий. — О господи... Прошу, оставьте меня в покое!

В его словах прозвучала такая боль, что у меня защемило сердце. Самый тяжелый момент расследования — когда просишь человека рассуждать логически, а между тем он еще не оправился от первого приступа горя.

— Хорошо, — спокойно ответил я. — Где можно застать вас завтра утром?

— Сноуден, двадцать два, — всхлипывая, пробормотал молодой человек. — Верхний этаж.

— Спасибо, мистер Тергуд. Еще раз повторю: мне очень жаль, — вздохнул я, поднимаясь из кресла.

Попросив Лумиса вызвать Сэма из курительной комнаты, я вышел на улицу. Сырой вечерний воздух мигом проник под пальто.

Тергуд никакого отношения к смерти Роуз не имеет — в этом можно поклясться. Вероятно, Филип прав. Невзирая на странное представление, которое убийца устроил с телом девушки, мотивом преступления, скорее всего, стало кольцо «Тьерри».

Хорошо бы завтра с утра заглянуть к Филипу, вот только у меня назначена встреча с Гаверлингом, а еще нужно посетить сэра Перси и Энтони Тергуда. Отложим визит к ювелиру на послезавтра. Кстати, надо будет послать запрос речникам — вдруг они что-то обнаружили, подняв лодку на берег?

Я добрал до дома, лег в постель и забылся тревожным сном.

ГЛАВА 10

Двадцать лет назад строители перекрыли приток Флит-ривер, протекавший вдоль Фаррингтон-стрит. Освободившееся место заняла железнодорожная ветка; потом перестроили часть Сохо, и длинные улицы стена к стене заполнили похожие друг на друга двухэтажные дома. Тротуаров в этом районе не было, так что жильцы шагали из входной двери прямо на мостовую. Мое жилище находилось в самой середине одной из этих улиц. Дом небольшой, но для меня — в самый раз. Кухня и просторный зал с камином внизу, и две спальни на втором этаже. Ма Дойл помогла мне обставить комнаты, так что свободного пространства в доме поубавилось. В гостиной (как гордо называла ее ма) стояли три удобных кресла, пара столов и этажерка для книг; на стенах — две картины. Полочки в кухне были забиты тарелками и прочей посудой, а в спальнях мы поставили по кровати и приспособили умывальники. В свою спальню я втиснул еще и маленькую печку, и все равно по утрам было холодно.

Сбросив одеяло, я поднялся и зябко обхватил себя руками. Дрожа, быстро натянул брюки с рубашкой. Теперь можно и умыться. На бегу сварил кофе; обжигаясь, выпил его залпом, без молока и вышел в холодное лондонское утро.

Первая встреча — с Гаверлингом.

Занавески на окнах были открыты, и я рассмотрел несколько светящихся ламп и неясные силуэты людей, снующих по комнатам.

Я поднял дверной молоток, но не успел постучать, как дверь открылась, и вышедший из конторы молодой человек указал мне на лестницу на второй этаж. Клерк у входа спросил мое имя и без проволочек, словно долгожданного гостя, проводил меня в глубину здания.

Мой взгляд сразу упал на большой опрятный стол в центре комнаты, освещенный тусклым утренним светом, падающим из трех ромбовидных окон. Хозяин кабинета, отступив от книжного шкафа, поприветствовал меня. Гаверлинг был сухощав и высок — почти с меня ростом. Передвигался он осторожно, опираясь на трость, и заметно прихрамывал.

— Здравствуйте, мистер Корраван. Я — Эдгар Гаверлинг.

Леди Эдит описывала семейного поверенного как «милого человека». У меня такого впечатления не сложилось. Гаверлинг был явно умен, и я отметил пронизательный взгляд карих глаз из-под густых бровей, седеющие волосы и тонкие, постоянно сжатые губы — поверенный словно пытался держать рот на замке, дабы не подвести своих клиентов. Сесть мне не предложили, да и сам хозяин кабинета остался стоять.

— Вы пришли по поводу Роуз, — утвердительно сказал он, сразу лишив меня возможности понаблюдать за его первой реакцией.

— Стало быть, вы в курсе дела?

— Ее отец вчера сообщил мне о несчастье.

Гаверлинг опустил голову, и его узловатые руки на рукоятке трости заметно задрожали.

Возможно, милым он не был, однако не был и бесчувственным, и мне внезапно захотелось завоевать его доверие. Не успел я открыть рот, как Гаверлинг заговорил:

— Мистер Корраван, я, будучи поверенным семьи Альбертов, занимающимся наследственными вопросами и составлением завещаний, считаю основным правилом своего ремесла осмотрительность и тактичность.

— Понимаю, однако... — с упавшим сердцем пробормотал я.

— Я считаюсь официальным лицом до тех пор, пока нахожусь в конторе. Поэтому, — загадочно добавил он, потянувшись за пальто, — предлагаю вам прогуляться на свежем воздухе.

Мое сердце вновь подпрыгнуло, словно боксер, уклоняющийся от внезапного левого кросса. Я на некоторое время застыл, недоуменно уставившись на Гаверлинга, который уже перешагнул порог. Затем схватил шляпу и заторопился вслед, гадая, правильно ли понял его слова. Неужели сам факт выхода из конторы освобождает поверенного от ограничений, накладываемых профессией? Занятно, но так тому и быть...

Спустившись по ступенькам, я догадался, что мистер Гаверлинг, подобно служанке Люси, ожидал нашей встречи. Наверняка поверенный планировал мне что-то сообщить — но лишь до определенного предела. Интересно, куда он меня ведет?

— Пройдемся до Линкольнс-Инн-Филдс? — предложил Гаверлинг.

— Почему бы и нет.

Хромота не позволяла поверенному идти быстро, но боли он, похоже, не испытывал. А может, уже давно привык к своему увечью.

— У вас уже есть догадки относительно личности убийцы? — осведомился Гаверлинг, не отрывая взгляда от мостовой.

— Разговор останется между нами, не так ли?

— Разумеется, мистер Корраван, — серьезно ответил поверенный.

— Благодарю.

— Вашу надежность подтвердил человек, которому я полностью доверяю.

Я внимательно изучил лицо Гаверлинга, однако оно оставалось совершенно бесстрастным; уточнять, у кого он наводил справки, бессмысленно.

— Прекрасно.

Вполне можно сообщить ему часть наших выводов, получив взамен равноценные по важности сведения. Я ему — фунт, он мне — двадцать один шиллинг.

— Леди Эдит рассказала, что вы разговаривали с Роуз во время бала.

— Верно.

Судя по односложному ответу, их беседа — слишком ценный факт. Не получив размена, Гаверлинг не откроется. Что ж, отдадим пару шиллингов.

— Помните кольцо, в котором танцевала Роуз?

— Колье «Тьерри»? — искоса посмотрел на меня поверенный.

— На теле его не было.

Гаверлинг на миг сбился с шага.

— Разве судья вам не сказал?

— Нет.

— Насколько мне известно, леди Эдит, одолжив Роуз драгоценность, не хотела привлекать к этому внимания. Она надеется, что кольцо найдется где-то в доме.

Гаверлинг бросил на меня недоверчивый взгляд, и я щелкнул языком, подтверждая, что согласен с маловероятностью подобного исхода.

— Кхм, — откашлялся он. — Полагаете, что Роуз убили из-за кольца?

— Не знаю. Украшение стоит несколько тысяч фунтов, и каждый из двух сотен гостей его видел. — Помолчав, я добавил: — Мы делаем все возможное, чтобы вести следствие, не поднимая шума. Однако, честно говоря, при таком раскладе большого смысла в убийстве я не вижу. Почему похититель просто не надел маску, чтобы девушка не смогла его опознать? Зачем убивать?

— Вот именно! — воскликнул Гаверлинг. — Что же это за представление такое? — Он остро глянул на меня. — Ведь лодка — это не что иное, как экиклема.

— Как вы сказали?

— В древнегреческих трагедиях экиклему использовали, чтобы, например, сообщить зрителю, кто является убийцей. Из-за сцены выкатывалась специальная платформа на колесах, на которой разыгрывалось то, что как бы за сценой и произошло. Подобный ход использован у Софокла в «Антигоне».

На углу Гаверлинг остановился, упершись концом трости в углубление в брусчатке.

— Пытаюсь обнаружить возможные связи мисс Альберт с рекой, — сообщил я. — Не слышали о деле чайной компании «Желтая звезда»?

— Конечно, к тому же о нем мне напомнил и сам судья. Однако Куинн, владелец компании, вполне законопослушен. Он уплатил небольшой штраф, после чего нанял дополнительных сторожей, чтобы в будущем предотвратить подобные злоупотребления. Дело было достаточно давно; не думаю, что оно связано с убийством.

Я был склонен согласиться с Гаверлингом и вычеркнуть данный мотив из своего списка.

Дойдя до угла площади, поверенный свернул, видимо, решив обойти ее вокруг. Кажется, теперь его очередь выложить несколько шиллингов.

— Через пару месяцев Роуз стала бы совершеннолетней, и ее тетка — Ливина — завещала ей на день рождения... м-м-м... ценный подарок. Роуз хотела выяснить, при каких условиях она его получит. Условие было только одно: средства должны быть размещены в

трастовый фонд на имя племянницы, к которому будущий муж не имел бы доступа.

— Ага, а в противном случае то наследство, с которым Роуз вступила бы в брак...

— ...стало бы собственностью ее супруга. Все верно, — закончил за меня Гаверлинг.

— Могла ли сумма, указанная в завещании, побудить человека к убийству?

— Ну, сумма довольно значительна. Акции и доли в разных компаниях оцениваются примерно в полторы тысячи фунтов.

Колье стоило дороже, и все же подарок на день рождения Роуз в шесть раз превышал мой годовой доход.

— Если Роуз не востребует наследство, оно отходит ее младшему брату, Питеру. — Гаверлинг поднял руку, предупреждая мой вопрос, и, помолчав, продолжил: — Однако Питер намерен связать свою жизнь со служением Богу.

— Это еще не алиби, — нахмурился я. — Между Кембриджем и Лондоном регулярное железнодорожное сообщение. Он вполне мог приехать в столицу и вернуться обратно уже к обеду.

— Питер — слабовольный молодой человек нервного типа. Поверьте, у него подобных наклонностей нет.

— А второй брат, Хью? Ему тетушка что-то отказала?

— Хью не достанется ни фартинга, — скривил губы поверенный. — Тетка его не жаловала.

Похоже, Гаверлинг и сам недолго любил брата Роуз.

— Стало быть, на балу вы обсуждали только наследственные дела?

— Это был самый важный вопрос для мисс Альберт. — Гаверлинг свернул на дорожку, ведущую к деревьям в центре площади. — Мистер Корраван, не мое дело вам советовать, однако не приходило ли вам в голову, что тут два не связанных между собой преступления: первое — кража колье, второе — убийство?

— Мне тоже не удастся свести их в единое целое, — признался я. — По-моему, вор постарался бы действовать скрытно, а убийца, забрав колье, лишь привлек к себе дополнительное внимание. Разумеется, совпадения бывают самые невероятные.

— Я тоже так считаю, — печально согласился поверенный.

Мы продолжили прогулку, обойдя вокруг маленького сквера в середине площади. В июне здесь расцветут розы, а сейчас из земли торчали лишь голые черенки и таблички с латинскими названиями цветов.

— Что вы знаете об Энтони Тергуде? — спросил я и добавил, пристально глядя в глаза собеседнику: — Слышал, что они с Роуз тайно помолвлены.

Интересно, насколько Роуз доверяла Гаверлингу.

— Это правда, — легко согласился поверенный. — Вам удалось с ним поговорить?

— Да, вчера вечером, но разговор получился совсем кратким. Мне еще предстоит встретиться с мистером Тергудом, поэтому хотелось бы знать, можно ли ему верить.

— Роуз могла полюбить только достойного человека, — заметил Гаверлинг. — Тергуд — архитектор, служит в строительной компании. Роуз он любил искренне. Полагаю, он будет с вами правдив; во всяком случае, расскажет вам то, что ему самому представляется правдой.

— Прекрасно.

Гаверлинг остановился на перекрестке двух дорожек и поднял голову к кронам деревьев.

— Вероятно, в ходе расследования вам случится узнать несколько неприглядных истин о семье Альбертов.

Ага, вот и оно... Сейчас Гаверлинг выложит мне целый фунт.

— Я просил бы вас проявить деликатность, — пробормотал поверенный. — Роуз не одобряла того, что происходит в ее семье, однако вряд ли пожелала бы, чтобы ее смерть сделала эти факты достоянием общественности.

— Я не собираюсь отражать в отчетах факты, прямо не относящиеся к расследованию, хотя правильно говорят, что истина рано или поздно выплывет наружу.

— Вы в это верите? — грустно сказал Гаверлинг. — Я — нет. По моему, так считают лишь идеалисты и схоласты. Подавляющее же большинство уверено, что порой нам доступна лишь часть правды — и это уже хорошо.

— Пожалуй, — согласился я. — И все же мне свойственно копать до тех пор, пока есть что копать.

— Мне именно так и показалось, — сухо ответил Гаверлинг. — Если до вас дойдет слух, что у судьбы давний роман с актрисой Мари Дюпре, дальше копать не стоит. Это правда.

— Роуз знала?

— Знала. Впрочем, не думаю, что это важно. Мари уже много лет является любовницей мистера Альберта. — Поверенный рассеянно поводит тростью по гравию. — Вероятно, вам расскажут, что Хью проматывает свое содержание в игорных домах и склонен к кутежам. В Кембридже он держится лишь за счет репутации своего деда. Мать Роуз крутит романы с семейными докторами. Кстати, их у нее трое.

— Что-нибудь еще? — мягко поинтересовался я.

— Разве этого недостаточно? — посмотрев мне в глаза, вздохнул Гаверлинг.

У меня был еще один вопрос, но пришлось взять пару минут на размышление, поскольку я понял: не знаю, как с прочими Альбертами, но к Роуз Гаверлинг питал нежную привязанность.

— Что из себя представляла мисс Альберт? Можете предположить, кто хотел бы причинить ей зло?

Поверенный отвернулся, задержав взгляд на церкви через дорогу. Часы как раз начали бить десять. Дождавшись, когда перезвон утихнет, он заговорил дрожащим голосом:

— Она была одной из самых замечательных девушек на моей памяти. Умная, честная, верная. Из нашего мира ушел лучик света, мистер Корраван. — Гаверлинг прослезился. — Я — поверенный ее семьи; мне за это платят. И все же горжусь, что мне выпала честь называть себя другом Роуз.

Меня поразила глубина его чувства, и я не нашелся, что ответить.

— Хорошего вам дня, мистер Корраван.

Кивнув на прощание, он направился к выходу с площади, и я медленно побрел вслед, размышляя над тем, что услышал.

Разговор отвлек меня от колье, заставив задуматься о «верности», как выразился Гаверлинг. Это слово никак не сочеталось с рассказом леди Харви о том, что Роуз бесчестно повела себя с ее племянницей.

Возможно, сэр Перси откроет мне глаза на эту загадку.

ГЛАВА 11

Меня провели в комнату, пропитанную перегаром выпитого вчера виски и сигарного дыма, где меня ждал сэр Перси.

Мне сразу показалось, что женщины наверняка считают его красавцем. Еще бы — высокий стройный мужчина, брюнет с высокими скулами, красиво вылепленными губами и утомленным взглядом серых глаз. Сэр Перси напоминал древнегреческого тирана, портрет которого Белинда как-то показывала мне в Национальной галерее. Я мысленно поставил рядом с ним леди Эдит с ее милым пухлым личиком и пришел к мысли, что более неподходящую пару отыскать сложно.

Мы уселись в обитые малиновым бархатом кресла, и сэр Перси, вытащив серебряный портсигар, предложил мне сигарету. Я отказался, и он закурил. Его пальцы были тонкими и изящными — под стать сложению. Руки хозяина ничуть не дрожали.

— Вы слышали известие о судьбе мисс Альберт? — начал я.

Сэр Перси, на миг загрустив, положил сигарету на край стеклянной пепельницы.

— Ужасное происшествие, не так ли? Видел ее всего лишь пару дней назад. Странно сознавать, что это была наша последняя встреча. Такая красивая девушка...

Его слова прозвучали так, словно мы обсуждали картину в музее. Сэр Перси совершенно не напоминал бывшего поклонника.

— Похоже, вы ею восхищались?

Он затаился, и только потом ответил:

— Ну, я встречал ее всего несколько раз, однако понял, что мисс Альберт — человек достойный. На фортепиано она играла на удивление хорошо. Отличные аккорды — никакого диссонанса.

— Стало быть, вы просто дружили? — спросил я.

Судя по рассказам Люси Марлинг или леди Харви, можно было сделать несколько иные выводы.

— Скорее, были случайными знакомыми. Она близко сошлась с семьей Харви, с которой я также был дружен. — Он махнул

сигаретой. — Так что несколько раз видел мисс Альберт в их доме, как и многих других.

Сэр Перси вел себя как человек, которого огорчила смерть знакомой женщины, и в то же время не пытался разыгрывать трагедию — а этого следовало ожидать, будь он виновен в гибели Роуз. И все же я усомнился в его искренности.

— Обратили ли вы внимание, в каком наряде она была на балу? — поинтересовался я, откинувшись на спинку кресла.

— В каком наряде? — выгнул бровь сэр Перси. — Боюсь, это не по моей части.

— Значит, вы не помните и тех драгоценностей, что она надела в тот вечер?

— Не помню, но вы можете расспросить Эдит — она наверняка знает, — ответил собеседник, снова опустив сигарету на пепельницу.

Ни малейшего проблеска интереса, разве что некоторая озадаченность.

Сэр Перси машинально взглянул на часы, и я задал следующий вопрос:

— Можете предположить, кто желал бы причинить вред мисс Альберт?

— К сожалению, я знал ее недостаточно хорошо, чтобы судить о таких вещах. Легче всего сказатья другом. А с настоящими врагами дело не такое ясное, вам не кажется? — Он направил на меня кончик сигареты. — Наверное, и в этом случае вам лучше всего поговорить с Эдит.

— Что вы думаете о мистере Гаверлинге?

— Гаверлинг? — от души рассмеялся сэр Перси. — Вы же не считаете, что он причастен к убийству?

Я промолчал, и собеседник, ухмыльнувшись, затушил сигарету.

— Я беседовал с ним лишь пару раз в жизни. Гаверлинг удручающе скучен. Никакого чувства юмора. Очень немногословен. Впрочем, полагаю, для поверенного это отличная характеристика.

— Во сколько вы покинули дом лорда Харви?

— Точно не скажу, — безмятежно улыбнулся сэр Перси. — Видите ли, я тогда здорово набрался. Есть такой недостаток. Мы ушли вместе с Эндрю Паскалем, так что он за меня может поручиться; он, а

еще мой дворецкий, Уорнер. — Сэр Перси кивнул на дверь. — Сможете задать ему вопрос, когда будете уходить.

Поняв намек, я попрощался. Уорнер, ожидавший меня у выхода, подтвердил, что сэр Перси в понедельник явился домой поздно, и в постель дворецкий господина проводил уже после трех ночи.

Похоже, Уорнер не слишком одобрял поведение сэра Перси.

— В каком состоянии он прибыл? — понизив голос, поинтересовался я.

Дворецкий молча покачал головой, сокрушенно поджав губы.

— Был сильно навеселе?

Уорнер кивнул.

— На ногах стоял?

— Почти нет, — вздохнул слуга и пожелал мне хорошего дня.

Я подозревал, что в рассказе леди Харви об отношениях Роуз и сэра Перси была доля истины, и все же считал не слишком вероятным, чтобы сей благородный господин задушил несчастную девушку. Так или иначе, прислушаемся к Люси Марлинг. Надо будет хорошенько расспросить мистера Тергуда.

* * *

На Сноуден, двадцать два стоял старинный дом, из тех, что постепенно приспособливают под многоквартирное жилье. Квадратный вестибюль был заставлен вешалками, стойками для зонтов и столами, заваленными газетами и коробками. Поднявшись на три этажа вверх, я постучал.

Дверь открылась, и на пороге появился мистер Тергуд — все в том же костюме, что и вчера вечером. Молодой человек выглядел измученным; его глаза опухли и покраснели. Тем не менее, Тергуд учтиво кивнул и пригласил меня в гостиную, выходящую окнами на дорогу.

Хозяин предложил мне на выбор любое из двух кресел, и мы уселись напротив друг друга.

— Извините, что я вчера был груб.

— Я все понимаю — ужасные новости...

Тергуд молча покачал головой. С улицы доносился шум экипажей и ржание лошадей. Где-то стучал молот кузнеца, перекрикивался рабочий люд.

— Мне нужно выпить, — пробормотал молодой человек, потерев глаза. — Составите компанию?

Я не брал в рот спиртного уже несколько месяцев, и вопрос застал меня врасплох. С одной стороны, выпить было бы неплохо; с другой — понятно, к чему приведет первый же глоток.

— Пожалуй, я пас.

Тергуд взял с серванта графинчик, плеснул себе скотча на палец и, вернувшись в кресло, сделал глоток. Его руки заметно дрожали.

По комнате распространился легкий древесный аромат. Хороший виски... Я сглотнул слюну.

— Расскажите о Роуз. Когда вы с ней познакомились?

— Два года назад, — начал Тергуд, катая бокал в ладонях, — на благотворительном вечере у лорда Льюиса. Тот собирал деньги для благотворительного общества своей супруги.

— Вечеринка проходила у него дома?

— Да. Я дважды танцевал с Роуз, а потом она попросила меня проводить ее на балкон — ей не хотелось танцевать с лордом Уоллесом. — Он коротко и грустно улыбнулся. — Она порой так поступала.

Уклонялась от данных обещаний?

— Что вы имеете в виду?

— Ей были неприятны перепившиеся скоты. Например, Лорд Уоллес — вечно пьяный боров — имеет дурную привычку давать волю рукам. — Тергуд поставил бокал. — В то же время Роуз готова была идти на любые лишения ради любимых людей. Даже если они этого и не заслуживали. — Его голос дрогнул.

— Я слышал о ее семье. Актрисульки, доктора-любовники, игорные дома...

Тергуд мрачно кивнул.

— Расскажите мне еще о вас с Роуз. Когда вы с ней встречались?

— Я провожал ее после занятий музыкой, — вздохнул мой собеседник. — Виделись на вечеринках, иногда я заходил к ней домой.

— Мне казалось, что вы хотели сохранить ваши отношения в тайне.

— Сначала ни о какой тайне речь не шла. — Молодой человек допил виски. — Я был всего лишь одним из нескольких поклонников. Однако в какой-то момент ее отец заметил, что между нами зреет настоящее чувство, и сообщил дочери: согласия на такой союз он не даст.

— Почему он был настроен против вас?

— Вот почему. — Тергуд обвел свою комнату рукой, сжимающей пустой бокал. — Я — всего лишь представитель среднего класса.

— Так ведь и у судьи титула нет, — возразил я.

— Именно. И ему очень хотелось заполучить титул хотя бы для дочери.

— Понятно...

— Через пару месяцев Роуз должна была унаследовать кое-какие деньги от тетки, — продолжил Тергуд. — Плюс мой заработок в «Бэрри и Бэнкс». Этого хватило бы на свадьбу, а потом Роуз переехала бы ко мне.

Молодой человек погрузился в воспоминания, а мне пока не хотелось обрывать нить разговора.

— Леди Эдит упомянула, что они с Роуз иногда обменивались украшениями.

— Вроде бы да, — пожал плечами Тергуд. — Роуз как-то дала ей поносить гребень с драгоценными камнями. А что?

Объяснять я не стал и задал вопрос, который поберег напоследок:

— Что вы можете рассказать о сэре Перси Дюкхарте?

Атмосфера в комнате вдруг сгустилась. Молодой, человек вскочил с кресла и, повернувшись ко мне спиной, плеснул себе еще виски.

— Почему вы спрашиваете?

— Мне сказали, что Роуз ему не доверяла, но, тем не менее, у них был непродолжительный роман.

Тергуд, фыркнув, отошел к окну. Я тоже поднялся и тронул его за локоть.

— Мистер Тергуд... У них была любовная связь?

— Нет! — решительно ответил он.

— Может быть, она знала о сэре Перси нечто неприглядное?

Он напрягся. Похоже, я попал в точку. Энтони стиснул бокал так, что побелели пальцы.

— Мистер Тергуд...

— Она кое-что мне рассказывала, но под честное слово. Я обещание не нарушу.

Пришлось притопнуть ногой.

— Я не раз видел, как человека убивали и за меньшее! Что уж говорить об угрозе потери репутации и денег? Насколько хорошо вы знаете сэра Перси? Можете ручаться, что он не причинил бы зла Роуз? Мог ли он нанять убийцу?

Тергуд в ужасе обернулся, и я решил его дожать.

— У сэра Перси имелась любовница? Может, он проигрался в карты? Что там за тайны? Я не уйду, пока вы не расскажете.

— Похоже, вы ни перед чем не остановитесь? — бросил Тергуд.

Я невольно вздрогнул, и все же решил смолчать.

— Он предпочитает мужчин, — пробормотал молодой человек, отвернувшись к окну.

Для меня это почти ничего не значило, но в кругах, где вращался сэр Перси, его пристрастия стали бы источником злых сплетен.

— Откуда Роуз узнала?..

— В прошлом году ее пригласили на одну вечеринку на открытом воздухе, и Роуз случайно наткнулась там на сэра Перси. Он был... не один. — Тергуд отхлебнул виски и вызывающе уставился на меня. — Ну вот. Я предал доверие Роуз. Довольны?

Я пропустил его реплику мимо ушей.

— Сэр Перси был в курсе, что Роуз известна его тайна?

— Поэтому он и прекратил ухаживать за Эдит. — Видимо, выражение лица выдало мое удивление, и Тергуд, вздохнув, договорил: — Приданым Эдит станут вложения, приносящие десять тысяч годового дохода. Перси сделал бы ее несчастной. Роуз пообещала ему, что никому ничего не расскажет, если он прекратит ухаживать за Эдит. Он так и поступил. А люди заговорили, что Роуз отбила у подруги кавалера. — Тергуд со стуком поставил бокал на подоконник. — Слухи вызвали целый скандал, но Роуз не могла бы обелить свое имя, не затронув честь Эдит. Как бы там ни было, она понимала, что рано или поздно шумиха утихнет.

Стало быть, Роуз терпела попреки общества ради подруги...

— Эдит об этом известно? — спросил я.

— Не уверен, что ей открыто сообщали о наклонностях сэра Перси, и все же она знала: Роуз старалась ее защитить.

— А сэр Перси, значит, теперь ухаживает за Мелиндой Фентон?

— Ее отец владеет медными рудниками. Бедная девочка...

Иронии в голосе Тергуда я не уловил.

— Мог ли сэр Перси убить Роуз, чтобы она ничего не рассказала Мелинде?

— Поговаривают, что он ухаживает за девушками, чтобы успокоить свою мать, — покачал головой молодой человек. — У него нет серьезных намерений. С чего бы ему убивать Роуз?

Деньги, подумал я. Деньги или хотя бы видимость респектабельной репутации — ведь в обществе циркулируют слухи о неестественной дружбе сэра Перси с... Как его? — Эндрю Паскалем.

— Мы обязательно найдем виновного, — пообещал я, протянув руку за своей шляпой.

Тергуд промолчал.

Я уже открывал дверь, когда из комнаты послышался его голос:

— Отдал бы все на свете... — хрипло сказал Тергуд, обратив на меня полный тоски взгляд. — Если даже Роуз и совершила что-то предосудительное, — смирился бы с чем угодно, лишь бы она осталась со мной. Я ее любил!

У меня перед глазами вдруг мелькнул образ Белинды, распростертой в той лодчонке. Горло сжало спазмом, и я не смог ответить.

Он снова отвернулся к окну. Я вышел, прикрыв за собой дверь, и двинулся по застеленным ковровой дорожкой ступеням. Из квартиры на первом этаже донеслось бряканье кастрюль; кто-то невнятно заговорил, засмеялся...

Выйдя на улицу, я глубоко вздохнул.

Список подозреваемых все рос: две сотни гостей лорда Харви, видевших колье, сэр Перси, рисковавший потерять богатую невесту, брат Роуз — Питер... Под подозрение мог попасть и судья, поскольку Роуз знала о его любовнице; впрочем, эта версия была не слишком убедительна. Много лет назад я отбросил бы ее без раздумий, однако за годы службы не раз арестовывал отцов, убивавших собственных дочерей. Да, мистер Альберт первым сообщил об ее исчезновении — и

что с того? Горе судьбы выглядело неподдельным, но мне в этой жизни приходилось видывать всякое.

ГЛАВА 12

В Ярд я вернулся в пятом часу, и дежурный сержант Коул подозвал меня к своему столу.

— Инспектор, к вам подошел посетитель. Сидит аж с одиннадцати. Говорит, вы его ждете. — Сержант поднял брови. — Представился как Гарри.

Вот черт! Племянник ма... Надо же, совсем вылетело из головы.

— Где он?

Коул махнул в сторону бокового коридора, и я, повернув за угол, увидел парнишку. Тот скучал, прислонившись головой к стене и прикрыв глаза.

Ма была права. Ничего примечательного. Обычный долговязый парень с неровно подстриженными, падающими на лоб темными волосами. Лицо бледное, выступающий вперед подбородок, тонкие руки вяло перебирают лежащую на коленях шапку. Шерстяное пальто хорошее, но далеко не новое. Ботинки потертые, но еще крепкие. Подойдя ближе, я рассмотрел густые черные ресницы — такие больше пошли бы девочке. На левой щеке — поблекший синяк. Кажется, ма говорила, что мальчишку пару раз били...

Я нарочито шаркнул по полу, чтобы не испугать Гарри, и мальчик, открыв карие глаза, раздраженно прищурился.

— Гарри Лиш?

— А вы — мистер Корраван? — спросил он ломающимся подростковым голосом, окинув меня угрюмым взглядом.

Значит, Уайтчепел не для него? Что ж, соглашусь. Судя по выговору, парнишка закончил частную школу. Да и манеры, как говорит Белинда, утонченные.

— Пойдем со мной, парень, — кивнув в ответ, предложил я. — Извини, что заставил ждать.

Гарри с некоторым трудом поднялся. Обошлось ли дело одними синяками? Хотя, наверное, просто затекли ноги от долгого ожидания.

Мы вошли в кабинет, и парнишка бросил взгляд по сторонам. Я вдруг осознал, какое впечатление производит мое логово на посетителей. Кучи бумаг, два простых стула у обшарпанного

конторского стола; окно настолько грязное, что едва пропускает уличный свет. Впрочем, Гарри осматривался скорее с любопытством, нежели с презрением. Ладно, наплевать.

— Присаживайся, — предложил я, указав на стул.

Мальчик устроился на краешке, положив шапку на колени. Взгляд твердый и довольно уверенный, но не вызывающий. Не похож на человека, безропотно дающего себя избить, хотя что он мог противопоставить хулиганам?

— Расскажи о себе, — сказал я.

— По-моему, основное вы обо мне и так знаете, — пожал узкими плечами Гарри. — Мать уже пять лет как умерла, а отец — чуть больше месяца назад, и я переехал из Лидса к тетке. Только, похоже, я ей не слишком нужен.

— Ошибаешься, — осадил его я. — Ма Дойл — человек великодушный, таких поискать — не найдешь. Ей просто кажется, что тебе нечего делать в Уайтчепеле. Полагаю, она права.

Мой резкий тон отбил у Гарри желание ершиться, и он опустил глаза.

— Наверное, — вяло пробормотал он. — Но податься мне больше было некуда.

— Ма считает, что у меня тебе будет лучше, — заметил я, и Гарри оторвал взгляд от пола.

— У вас здесь только полицейские? Я вроде бы видел одного посыльного, пока вас ждал.

— Посыльные есть.

— Понятно.

— К чему у тебя лежит душа? Есть соображения? — поинтересовался я, откинувшись на спинку стула. — Вряд ли ты желаешь стать инспектором полиции.

— Хочу быть доктором. Хочу помогать людям.

Я постарался скрыть раздражение. Можно подумать, полицейские не помогают людям... С другой стороны, наверняка новости о скандале в Скотланд-Ярде попали на первые полосы газет в Лидсе.

— Ладно, допустим. Что ты умеешь?

— Ну, ничего такого особенного. Знаю грамоту и арифметику. В прошлом году выиграл конкурс чтецов — декламировал «Энеиду». —

Обратив внимание на мое замешательство, Гарри снисходительно добавил: — Это поэма Вергилия. Написана на латыни.

— Сбавь тон, — бросил я. — Тебе пытаются помочь.

Мальчишка покраснел и отвел взгляд в сторону.

Сквозь дверь донесся громкий вопль. Кричала женщина. За криком последовала длинная фраза на иностранном языке — вроде бы на французском — и бурные рыдания.

— Где Ландау? — перекрывая шум, послышался бас сержанта Коула.

— Его пока нет, — ответил один из клерков, Мансел, — так что ей придется подождать, пока он не появится.

— Что с ней? — спросил Гарри.

— Откуда мне знать? По-французски не понимаю, — хмыкнул я.

— Зато я понимаю, — вскинул голову мальчишка.

— Поговоришь с ней? — предложил я, поднимаясь из кресла.

Гарри вышел вслед за мной. В центре вестибюля стояла брюнетка лет двадцати пяти, и в ее глазах, заметавшихся между мной и Гарри, плескался ужас.

— Пардон, мадам, — начал мальчик. — Же парле франсе.

Облегченно вздохнув, женщина разразилась новой тирадой. Для нас с Коулом и Манселом ее слова были китайской грамотой, однако Гарри слушал, временами кивая, и поглаживал посетительницу по руке, а та цеплялась за него, словно за спасательный круг.

Наконец дама иссякла, и Гарри повернулся к нам.

— Они с мужем ждали поезда на станции Пикадилли, когда к ним подошли два человека. Один из них приставил нож к спине мужа — вот так, — показал Гарри, — а другой схватил ее за руку и потащил прочь. Пригрозил, что мужа убьют, если она издаст хоть звук, так что кричать она не решилась. Ее посадили в вагон второго класса и подождали, пока поезд не тронется. На следующей станции она выскочила, поймала кэб и поехала в полицию.

— Как же кэбмен ее понял?

— «Полиция» на обоих языках звучит одинаково, — объяснил мальчик.

— Спроси ее о тех двух мужчинах. Как они выглядели? Англичане или французы? Может, она кого-то из них знает? Кстати, как ее зовут?

Гарри задал несколько вопросов, и женщина заговорила, жестикулируя дрожащими руками. Говорила она долго, и наконец Гарри перевел ее речь.

— Ее зовут мадам Тереза Бонавелль, мужа — Эдуард. Три дня назад они приехали из Франции. В Лондоне у них живут друзья. Никого из двух мужчин она не узнала, однако один из них говорил по-французски, так что, видимо, преступники догадались, что имеют дело с путешественниками из Франции. Судя по акценту — не англичане. Ростом оба ниже вас, темноволосые, пальто у обоих непритязательные. Обоим лет по тридцать. У одного были усы и борода, у другого — только усы, и еще она заметила у безбородого красную родинку на правой щеке. Кепи он надвинул на глаза.

Я, одобрительно кивнув, обернулся к сержанту.

— Дайте Гарри бумагу, пусть запишет показания мадам Бонавелль. Я тотчас отправлю человека на Пикадилли — вдруг кто-то видел, как двое мужчин уводят с платформы третьего. — Помолчав, пока сержант обеспечивал Гарри всем необходимым, я добавил: — Пусть опишет внешность мужа.

Мальчик сказал женщине несколько слов, и та вытащила серебряный медальон. Слава богу, что кто-то придумал эти побрякушки... Внутри лежал русский локон и маленькая фотография. Бывает, дело о пропаже человека начинаешь с меньшего.

Инспектор Лей отбыл на Пикадилли, прихватив с собой медальон, а женщина, сев на скамейку, устало прислонилась к стене. Я поманил Гарри в боковой коридор.

— Почему не сказал, что владеешь французским?

— Вы не спрашивали, — спокойно ответил мальчик.

— Иногда следует думать самому, — закатил глаза я.

— Честное слово, не думал, что это важно, — сконфузился парнишка. — Ну, еще я умею ездить верхом и ухаживать за лошадьми. Учился на одной ферме в Лидсе.

— Ты что, хороший наездник?

— Не то чтобы наездник, просто люблю возиться с лошадьми. Как-то раз помогал ветеринару, когда тот принимал роды у кобылы.

Ах да, он же хочет стать доктором... Латынь знает. Мальчик с претензиями.

У меня в голове прозвучал звоночек.

Наверное, мальчик поладит с Джеймсом. Кстати, мне так и так следует заскочить в госпиталь.

— Хорошо, — сказал я. — Где твои вещи?

— Все при мне, — указал Гарри на саквояж под скамейкой.

М-да, это и весь его багаж?..

Я внезапно ощутил жалость к мальчишке, вспомнив, как сам очутился на улице с маленьким узелком, в котором почти ничего не напоминало о доме. Но мое сочувствие лишь унизит Гарри.

— Ну что, давай сообразим что-нибудь с ужином, а потом я познакомлю тебя с одним человеком.

ГЛАВА 13

Закусывая пирогом в ближайшем пабе, я сообщил Гарри, что по пути домой мы заглянем в госпиталь Святой Анны.

— Зачем? — подозрительно нахмурился он.

— Во-первых, мой друг — Джеймс Эверетт — заведует там отделением. Как любой доктор, он знает латынь, и, думаю, вы с ним вполне могли бы сойтись.

— Значит, вы хотите спихнуть меня к приятелю? — осведомился Гарри.

— Ну, если ты это так называешь... — сказал я, прожевав кусок пирога. — Ты ведь планируешь чем-то заниматься, а работа в больнице куда лучше, чем служба посыльного. Разве не так?

Меня удостоили легким кивком.

— Если не понравится — подыщем что-то еще.

Закончив ужин, я бросил на стол несколько монет, и мы направились к госпиталю.

— А во-вторых? — поинтересовался Гарри, пытаюсь приноровиться к моему шагу.

— Что? А... У Джеймса есть пациентка, которую мне нужно проведать.

Я пошел быстрее, желая избежать дополнительных вопросов, и через несколько минут мы уже стояли у ворот госпиталя. На звук колокольчика появился Оуэн.

— О, инспектор Корраван!

— Здравствуйте, Оуэн. Познакомьтесь — это Гарри Лиш.

— Добрый вечер, — любезно произнес привратник.

— Доктор Эверетт еще не ушел?

— Вроде бы заглянул в одну из палат, но уже скоро закончит.

Джеймса мы обнаружили в кабинете — приятель заполнял карточку пациента. Пришлось подождать. Гарри, нерешительно двинувшись к полкам, заставленным книгами в кожаных переплетах, по пути остановился у анатомической модели сердца. Потом его внимание привлекло заключенное в рамку подробное изображение человеческого черепа, и мальчик уставился на него, словно в транс.

— Здравствуй, Корраван, — наконец произнес Джеймс, отложив ручку. — Кстати, Стайлз до сих пор здесь, так что я не рассчитывал тебя сегодня увидеть. — Он бросил взгляд на Гарри, восторженно застывшего перед схемой. — А это кто?

— Гарри Лиш, — представил я мальчика. — Племянник ма Доил. Гарри даже не обернулся.

— А, вот как? Что Мэри? — спросил Джеймс. — Последний раз видел ее на Рождество.

— У нее все прекрасно. И будет еще лучше, если я подыщу этому мальчику достойное занятие. К сожалению, в Ярде ничего подходящего нет. Гарри знает грамоту и арифметику, а еще латынь и французский. Намерен стать доктором.

— Хм. — Джеймс поднялся и подошел к парнишке. — И как тебе схема? Я составил ее с помощью одного приятеля.

Гарри смутился, и Джеймс подбодрил его легкой улыбкой.

— Ну, — пробормотал мальчик, — ваша схема куда лучше, чем в книгах. Здесь есть не только кости и мышцы, но и нервы, и все полости. И все так понятно обозначено...

Вряд ли Гарри мог угодить моему другу больше. Что самое интересное, говорил он искренне.

— Хочешь пройтись по госпиталю? — предложил Джеймс. — Корраван как в воду смотрел, что привел тебя ко мне. Я всегда найду занятие для наблюдательного молодого человека — если, конечно, тебя интересует работа с пациентами.

— Конечно, сэр! — распахнул глаза Гарри.

— Пойдем со мной. Один из моих учеников тебе все покажет.

Гарри, запихнув саквояж за стул, ушел с Джеймсом. Через несколько минут приятель вернулся с довольно озадаченным видом.

— Когда он у тебя появился?

— Ма вчера попросила меня заглянуть. Рассказала, что мать Гарри умерла, а недавно скончался и отец. У мальчика никого не осталось, кроме ма — во всяком случае, больше никто не согласился о нем позаботиться. А Уайтчепел ему точно не подходит.

— Мне тоже так кажется, — решительно заявил Джеймс, усевшись за стол. — Значит, ты превратился в няньку?

— Куда мне, — пробормотал я, заняв кресло напротив. — Мальчишка — маленький сноб, да еще и ершистый. Надеялся, что ты

найдешь с ним общий язык.

Я лукаво улыбнулся.

— Парень он неглупый. Тебе не следует запрещать ему учиться.

— Серьезно, Джеймс... Ты можешь придумать ему какое-то занятие? — спросил я, откинувшись на спинку.

— Разумеется. Могу поручить заполнять истории болезни и помогать моим студентам. Кстати, ты, наверное, хочешь спросить меня, как там миссис Бэкфорд? — поинтересовался Джеймс, скрестив руки на груди.

— Ну да, — отозвался я, подавив зевок. — Хотя не знаю, сколько времени смогу ей уделять — потому и отправил к тебе Стайлза. Винсент подкинул мне любопытное дело об убийстве.

— Что значит «любопытное»?

Джеймс писал книгу о нарушениях мозговой деятельности, и одна из глав была посвящена убийцам.

Я кратко рассказал ему о случае с мисс Альберт, и Джеймс, тихо присвистнув, снял очки и протер их носовым платком.

— Напоминает миф о несчастной Аслауг.

— О ком?

— Аслауг — королева викингов, жена Рагнара, легендарного датского короля, — просветил меня Джеймс. — У скандинавов было принято помещать тела покойников королевской крови — или из богатых семей — в лодку, куда укладывали и принадлежащие усопшему драгоценности. — Он водрузил очки на нос и посмотрел на меня поверх оправы. — Да ты должен это помнить, ведь Белинда в прошлом году ходила с тобой на «Трагедию об Аслауг и Рагнаре» в бесплодной попытке приобщить тебя к культуре. Пьесу давали в «Критерионе». Боюсь, ты тогда все проспал.

— Да ладно тебе, — фыркнул я. — Расскажи лучше о миссис Бэкфорд.

В глазах Джеймса засветился интерес. Сегодня он явно считал Мадлен куда более занятным случаем, чем в день ее поступления в госпиталь.

— Я продолжаю считать, что ее мозговая деятельность нарушена, однако и симптомы, и причина нарушений отличаются от того, с чем я обычно сталкиваюсь. — Он нагнулся ко мне. — Бэкфорд упоминал, что его жена владеет французским?

— Не припомню такого.

— Может, рассказывал, что у нее была в детстве гувернантка-француженка или сама Мадлен какое-то время жила во Франции?

— Ничего подобного он не говорил.

Джеймс торжествующе улыбнулся.

— Она ни слова не проронила во время бодрствования, и все же за то время, что я ее наблюдаю, произошло нечто странное. В первую ночь Мадлен говорила во сне. Дежурная сиделка обычно записывает все, что пациенты бормочут по ночам. Так было и на этот раз, но речь Мадлен показалась ей настолько исковерканной, что не удалось разобрать ни слова. — Джеймс открыл ящик стола. — Сегодня ночью при ней была другая сиделка. Она-то и догадалась, что миссис Бэкфорд говорит по-французски.

Вот так так...

— Ты не пытался спросить, где она учила язык?

— Конечно, нет! — встревожился приятель. — Стоит нагрузить утомленный мозг миссис Бэкфорд ее же ночным бредом, и у нее в голове возникнет полный сумбур! Уж не говорю о том, что она будет бояться заснуть: вдруг выдаст во сне то, что пыталась сохранить в тайне?

— Так что же она все-таки сказала ночью?

— Сиделка Эймс не слишком хорошо знает язык, однако кое-что уловила. Сейчас прочитаю.

Достав из ящика лист бумаги, Джеймс вздохнул:

— Хорошо бы Эймс записала слова Мадлен по-французски, но она предпочла их перевести.

— Это лучше, чем ничего.

— Ну да. — Приятель поправил очки. — Так вот: «Мне жаль, мне так жаль... Я видела...» Последнее слово Эймс не расслышала. — Я кивнул, и Джеймс снова перевел взгляд на записи. — Она разобрала еще три слова: «кухня», «нож» и «Пьер». Потом миссис Бэкфорд начала кричать, и сиделка дала ей успокаивающее.

— Стало быть, теперь следует выяснить, кто такой Пьер, — тихо пробормотал я. — И что такого ужасного видела миссис Бэкфорд.

— Ну, это уже тебе решать. Я выяснил, что Мадлен владеет французским, — наверняка этот факт о чем-то говорит.

Разумеется, Джеймс прав.

Он сложил листок и убрал его в ящик.

— Ты упоминал, что твой протеже тоже знает французский?

— И вполне прилично.

— Может быть, я похищу его у тебя на несколько дней.

Ага, значит, приятель решил оставить миссис Бэкфорд еще на какое-то время.

— Если Гарри не против, — с облегчением согласился я.

В дверь постучали, и Джеймс крикнул:

— Войдите!

На пороге появился Стайлз, немало удивившись моему присутствию.

— О, инспектор! Не знал, что вы здесь.

— Жду Гарри, — объяснил я.

— Видел его в компании с молодым доктором, — улыбнулся Стайлз. — Они решили зайти к одному из пациентов в мужской палате. Гарри так и сыпал вопросами.

— Дождусь, когда мальчик все посмотрит, потом завезу его к тебе, — предложил Джеймс. — Давай не будем его торопить.

— Вообще-то я планировал сегодня остаться у Белинды...

— Ну, тогда Гарри поедет ко мне, — неуверенно сказал приятель.

— Нет уж, наверное, не стану задерживаться, приду домой.

Пропускать запланированную встречу с Белиндой не хотелось. Мы обычно виделись по четвергам, однако и Гарри не должен чувствовать себя никому не нужным. Я натянул пальто и кивнул на прощание. Стайлз, открыв мне дверь, также вышел из кабинета. Очутившись на улице, я попросил молодого инспектора рассказать о миссис Бэкфорд подробнее.

— Я не видел ее при поступлении в госпиталь, поэтому сравнивать не могу, но говорят, что ей лучше. Во всяком случае, она принимает пищу и спит, — сообщил Стайлз, натягивая перчатки. — И все равно она пуглива, словно жеребенок.

На улице быстро темнело. Поднялся ветер, и я, надвинув шляпу поглубже, засунул руки в карманы.

— Инспектор, прошу прощения, если вам показалось, что я с неохотой взялся за это поручение.

Мне так вовсе не казалось, но я скрыл удивление.

— У меня была на то одна причина. — Стайлз на миг смутился и, помолчав, решительно продолжил: — Когда вы рассказали, что миссис Бэкфорд отказывается говорить, я сразу вспомнил свою сестру, Кэти.

— Даже не знал, что у вас есть сестра.

— И не одна, а целых три, уж извините.

Очевидно, напарнику было несколько неловко рассказывать о своей семье.

— Сейчас Кэти замужем, родила сына. — Инспектор откашлялся. — Когда ей исполнилось тринадцать, ее лучшая подруга Лили выскочила из дома на улицу и попала под тяжелую телегу с сеном. Лили погибла на месте, а Кэти видела ее смерть из окна.

Я невольно представил себе жуткую сцену; похоже, загрустивший Стайлз тоже прокручивал ее в голове.

— Кэти после этого молчала две недели и едва притрагивалась к пище. Просыпалась по ночам, кричала, металась... Мы по очереди дежурили у ее постели. Через некоторое время шок прошел, но Кэти до сих пор подскакивает от малейшего шороха. Ее поведение чрезвычайно напоминает мне то, что происходит с миссис Бэкфорд.

Постояв, мы снова двинулись вперед.

— Доктор Эверетт говорит, что Мадлен следует видеть меня каждый день, тогда она рано или поздно со мной заговорит.

— Каждый день? — расстроился я. — У вас ведь куча...

— Ничего страшного! — перебил Стайлз. — Знаете, если бы подле Кэти постоянно находился человек, способный помочь...

— Вы — хороший человек, Стайлз.

— А потом, — вспыхнул молодой человек, — миссис Бэкфорд внушает мне сочувствие.

Мы дошли до утла. Здесь наши дороги разошлись, и мы решили ненадолго остановиться.

— Как мы объяснимся перед мистером Бэкфордом? Вряд ли ему понравится, что исчезновение его жены теперь расследует другой инспектор.

— Скажем, что я нашел одного носильщика с железнодорожной станции, тот якобы видел, как Мадлен садится в поезд. Ну а я пытаюсь вычислить ее маршрут, — с готовностью ответил Стайлз.

— Но, Стайлз... Дело-то, по сути, завершено, — нахмурился я. — Ничего хорошего, что мне приходится держать это в тайне от

Винсента. Если он вдруг выяснит, что вы отложили другие дела, чтобы...

— Как он выяснит? Да и дело, кстати, не раскрыто — во всяком случае, мы не знаем, что заставило миссис Бэкфорд бежать из дома, — искренне возмущился инспектор. — Вдруг кто-то вспомнит, о чем забыл упомянуть в разговоре с вами? Я могу подружиться с кем-то из горничных, — улыбнулся он. — Вы всегда говорили, что служанки знают все на свете.

— Говорил, — признал я. — Кстати, для вас это расследование может оказаться способом познакомиться с хорошей девушкой.

— Я не пытаюсь... я не ищу... — заволновался Стайлз и тут же запнулся, поняв, что над ним подшучивают.

— Давайте зайдем к Винсенту завтра утром. Скажу ему, что мы до сих пор ищем Мадлен по больницам и приютам. А вы якобы собаку съели на железнодорожных перевозках. Изучите сегодня вечером справочник. Города на каждой ветке, расписания движения поездов. Ваш рассказ должен выглядеть убедительно.

Стайлз передернул плечами и тяжело вздохнул.

— Сделаем.

Мы распрощались, и я, остановившись у края оживленной дороги, наблюдал за напарником, легкой походкой направившимся в другую сторону. Вспомнил, как его семья заботилась о Кэти. А ведь у нас со Стайлзом совершенно разное прошлое... Вероятно, поэтому молодой инспектор не так осмотрителен и насторожен, как я, и совсем не прочь беззаботно посмеяться. Я представил, как Стайлз разговаривает с горничными в доме Бэкфордов, как улыбается, располагая их к себе. Свидетелей мой подчиненный выслушивал настолько внимательно, что не отвлекся бы даже на грохочущий под окном грузовой состав.

Я же подмечал каждое кажущееся мне подозрительным движение.

ГЛАВА 14

Дальше мой путь лежал к дому Белинды в Белгравии.

Наверное, кто-то назвал бы ее моей любовницей. Я же воспринимал Белинду несколько иначе. Может, потому, что никто из нас раньше не связывал себя семейными узами. Кстати, Белинда никогда и не желала выйти замуж. Сказать, что она моя содержанка? Еще вопрос, кто кого содержит. Белинда Гейл была дочерью состоятельного джентльмена и писала романы и пьесы, она заработала за последние семь лет столько, что таких денег обычному инспектору Скотланд-Ярда в жизни не получить. Каждую неделю она устраивала по несколько приемов в своем доме, приглашая писателей и художников, ученых и музыкантов. Но четверги были нашим днем, и сегодня я как никогда хотел увидеть Белинду. Минуло всего двое суток с того дня, как речники обнаружили тело Роуз, а казалось — прошла целая вечность. Любимая не переставала меня убеждать, что за каждым преступлением кроется вполне логичная причина, которая обязательно проявится — как в тот раз, три года назад, когда мы с ней и познакомились.

* * *

Мне тогда пришлось расследовать незаконное проникновение в дом Белинды. Грабители перевернули все вверх дном в ее библиотеке. Единственным предметом обстановки, оставшимся на своем месте, оказался стоявший ровно посередине комнаты огромный письменный стол, обитый поверху коричневой кожей. Большие окна выходили на улицу, и одно из них было взломано. Занавески взлетали и опускались под порывами ветра; электрическая люстра над головой плавно покачивалась, разбрасывая отблески света по углам библиотеки. Книжные шкафы зияли голыми полками — их содержимое валялось на полу неопрятными грудями: газеты и книги, ручки и чернильницы. То ли вор отчаянно искал нечто конкретное, то ли просто задался целью устроить как можно более жуткий кавардак.

Встав посреди разгрома, я задумался: интересно, чем зарабатывает на жизнь хозяин дома? Мои размышления прервал голос за спиной:

— Видимо, грабитель забрался в окно.

Голос был женским — низким и мелодичным. Я обернулся. Из кресла в стиле эпохи королевы Анны поднялась женщина примерно моего возраста — высокая, стройная, белокожая, с выразительными и умными глазами, в сером шелковом платье. Ее темно-каштановые волосы были убраны в сеточку на затылке. Должно быть, жена состоятельного стряпчего или богатого купца, а может, — банкира.

Она подошла ко мне, пройдя сквозь полосу колеблющегося света.

— Я — Белинда Гейл.

— Это библиотека вашего супруга? — осведомился я. — Он сейчас дома?

— Библиотека моя, — поправила меня дама. — А супруга дома нет, потому что я не замужем.

Я привык к тому, что мне часто возражают, и все же негодую, если собеседник выказывает раздражение или презрение. Впрочем, свои чувства стараюсь держать при себе. Мисс Гейл же говорила слегка насмешливо, но не зло, и я отчего-то испытал странный восторг и даже приступ некоторой самонадеянности.

Ого, не замужем?.

Она вдруг представилась мне полуодетой, с распущенными по плечам темными волосами, и видение заставило меня покраснеть. Видимо, женщина неверно истолковала мое смущение и, улыбнувшись, отчего на ее щеках появились маленькие ямочки, произнесла:

— Не переживайте, инспектор. Вы не первый, у кого я создала впечатление замужней дамы.

— Не первый, кто вас недооценил, — это вы хотели сказать?

Улыбка стала шире, тронув уголки ее губ, а у прекрасных карих глаз образовалось несколько лучиков. Я на несколько секунд лишился дара речи, что мне не свойственно — мысли отчего-то перестали цепляться одна за другую.

К счастью, преступление удалось раскрыть достаточно легко. Взломщика мы вычислили уже через две недели. Им оказался глава одного чрезвычайно ревностного религиозного сообщества,

выразивший таким образом протест против присутствия на вечеринках мисс Гейл смутьянки Анни Безант.

По прошествии двух недель расследования я безнадежно влюбился, а поводов видется с Белиндой больше не осталось. Думал о ней несколько месяцев подряд и наконец решился сделать предложение.

Тогда-то она и рассказала мне о своих страхах по поводу замужества: ее мать — прекрасная, умнейшая женщина — потеряла рассудок через три года после свадьбы, и Белинда с отцом двенадцать лет жили в постоянной тревоге, а потом мать повесилась. Отец, пока был жив, не раз внушал дочери, что замужество — шаг непоправимый, и, находясь на смертном одре, заставил ее поклясться: Белинда должна изучать будущего мужа по крайней мере несколько лет, прежде чем за него выйти. Еще он взял с дочери обещание, что та останется единоличной владелицей доставшегося ей капитала.

Белинда сразу поставила мне условие: я должен хранить наши чувства в тайне ото всех. Отношения развивались медленно, и «четверги» стали очередным этапом. Я обещание держал, рассказав о своей любви лишь Джеймсу — и то испросив разрешения у любимой.

* * *

При свете газового фонаря я открыл своим ключом черный ход и, не успев закрыть дверь, очутился в объятиях Белинды, нежно прошептавшей мое имя.

Мы отужинали у камина, и я устроился на диване с чашкой горячего кофе. Белинда закрыла окна, задернув их тяжелыми узорчатыми шторами, и все же с улицы пробивался стук дождевых капель.

— Кофе не остыл?

Я обернулся на голос. Белинда стояла, словно призрак, в своем белом кружевном пеньюаре, который обычно надевала на ночь — впрочем, не всегда. Ее темные волосы были красиво уложены.

Господи, прямо как у Роуз Альберт...

— Что стряслось? — спросила Белинда. — Вид у тебя какой-то странный.

Я промолчал, и она призывно протянула ко мне руки.

— Как холодно... Даже от камина толку никакого. Пойдем в постель, Майкл.

Так меня звала только она, и мне нравилось, как звучит мое имя, когда его произносит Белинда. Для всех остальных я — Микки или инспектор; иногда — просто Корраван.

— На ночь не останусь, любовь моя, — покачал я головой. — Негоже мальчику провести вечер в одиночестве.

Стоит попасть в ее постель — уж не уйдешь.

— Хорошо. Приведи его в следующий раз. Мне любопытно встретиться с Гарри после всего, что ты рассказал.

Она свернулась клубочком подле меня и, отхлебнув из моей чашки, отдала ее обратно.

— А теперь выкладывай: что тебя тревожит?

Мы не раз играли в подобную игру. Писатель есть писатель: Белинда читала мое лицо как книгу, следила за жестами, раскладывала мой день на завязку, кульминацию и окончание, словно в одном из своих романов. Порой я рассказывал ей о расследованиях, хотя обычно дожидался, когда до раскрытия преступления останется совсем немного. Не желал, чтобы Белинда знала о первых стадиях, когда бродишь, словно слепец в тумане. Так и сегодня — посвящать ее в дело Роуз Альберт пока не хотелось.

Белинда не любила, когда я хранил подробности расследования в секрете. Чем-то с ней нужно поделиться. А кстати...

— Во вторник встретил Блэра. Столкнулись на Уоппинг-стрит.

В глазах Белинды немедленно вспыхнуло сочувствие, и я раздраженно завертелся, словно уж на сковородке.

— Вы разговаривали?

— Перекинулись парой слов. Я заглянул туда буквально на несколько минут. По-моему, он хотел, чтобы я просто посмотрел на одно суденышко. — Помолчав, я сухо добавил: — Кажется, еще ему не терпелось напомнить, насколько он меня презирает.

Белинда кинула на меня острый взгляд, однако голос ее был нежен:

— Если Блэр тебя презирает — он бы уже давно забыл о твоём увольнении. Ведь времени-то прошло немало, Майкл. Раз уж он тебя вызвал — значит, ищет пути к примирению. — Она улыбнулась. —

Хотя с чего он взял, что Уоппинг и Скотланд-Ярд находятся по разные стороны баррикад? Для меня это загадка.

— Ну, я не уверен, что он хотел видеть именно меня. Так, всего лишь догадка. — Я пожал плечами. — Может, он что-нибудь мне и сказал бы, но со мной был Стайлз. Встреча получилась ужасно неловкой. Бедняга Стайлз! Так и не смог понять, почему Блэр настолько холоден.

— Ты ему не объяснил? — спросила Белинда, закинув руку на спинку дивана.

— Нет.

Она недоуменно покачала головой, а я сделал глоток кофе. Напиток уже остыл, и я, должно быть, скорчил недовольную гримасу, потому что Белинда тут же потянулась за чашкой.

— Сейчас сварю еще.

Похоже, она с трудом сдерживалась, чтобы не дать мне совет, который я слышал уже не раз: когда-нибудь мне все же следует рассказать Блэру о причинах увольнения. Другое дело, что Белинда не знала подробностей. Я в свое время сообщил ей, что ушел с Уоппинг-стрит, как только выяснил: некоторые инспекторы речной полиции получали взятки от таможенников, а когда те пытались прикрыть лавочку — полицейские пускали в ход силу. Я не желал быть замешанным в грязных делах.

Честно говоря — не в подкупах дело. Сам я взятки не брал, однако отдавал себе отчет: на реке дела иначе не делаются. Ушел потому, что понял: Блэр, превыше всего ценивший преданность, солгал, чтобы защитить двух инспекторов-речников — Пая и Вика, которые не просто намяли кому-то бока. Пай с Виком убили одного из таможенников — Кевина Уолша. Я повлиять на события не мог никоим образом. Может, у меня и были доказательства, только в суде мое слово ничего не стоило бы против показаний Блэра и двух убийц. Поэтому я молча подал заявление, и Блэр до сих пор считает, что Майкл Корраван — всего лишь задравший нос предатель-ирландец.

Порой я склонялся к мысли, что Блэр невиновен. Возможно, Пай врал, что шеф речников обеспечил им с Виком липовое алиби. Может, Белинда и права — надо просто объясниться, рассказать Блэру, почему я ушел на самом деле. Возможно, он изменил бы свое мнение обо мне. Однако... Допустим, Блэр и в самом деле ни при чем. Тогда мой

вопрос — не солгал ли он, чтобы покрыть убийц, — стал бы для него настоящим оскорблением. Бывший начальник возненавидел бы меня еще больше, так что игра не стоила свеч.

Сомнения в виновности Блэра закрадывались лишь изредка — я все-таки всегда держал в уме грустную истину. Блэра я знал хорошо и был уверен, что он в любом случае встал бы на защиту Пая и Вика. Если смотреть правде в глаза — осудив убийц, Кевина к жизни не вернешь, зато речная полиция потеряла бы двух опытных, прекрасно знающих реку инспекторов. Если Блэр виновен — он никогда не сознается. Дело в том, что убийц можно осудить и спустя несколько десятилетий после преступления. Не было никакого смысла начинать подобные разговоры. Ни тогда, ни сейчас.

Вернулась Белинда с двумя чашками кофе. На лице ее было написано сочувствие, словно она следила за ходом моей мысли и пришла к тем же выводам, что и я.

— Прости, что заставила вспомнить, Майкл.

В ее глазах светилось такое тепло, что мое сердце перевернулось.

Как хорошо, что она у меня есть...

— Сейчас меня это уже не так волнует, как раньше.

Я осторожно принял из ее рук чашки и, поставив их на стол, притянул Белинду к себе и запустил руки в ее шелковистые волосы.

Джеймсу и Гарри придется немного подождать.

ГЛАВА 15

Подойдя к дому Бэкфордов, я заметил ожидавшего поодаль Стайлза. Дернул за шнур колокольчика, и мне открыл дворецкий Куинси — бесстрастный молчаливый мужчина. На этот раз в его глазах мелькнул ужас, смешанный с тревогой. Любопытно... Впрочем, дворецкий тут же взял себя в руки и провел нас в кабинет.

Со Стивеном Бэкфордом мы разговаривали уже, наверное, раз пять-шесть, встречаясь именно в кабинете. Почти всю стену напротив входа занимал камин, облицованный белым с тонкими прожилками мрамором. В углу стоял письменный стол, а в центре комнаты, на большом турецком ковре, расположился круглый ломберный столик, покрытый зеленым сукном. В кабинете пахло сигарным дымом. Сегодня нас ожидали оба брата — Стивен и Роберт. Мужчины походили друг на друга, как две капли воды, хотя Стивен был на год старше. Оба чуть выше среднего роста, гладко выбриты и, можно сказать, недурны собой. У обоих высокий лоб, русые вьющиеся волосы и карие глаза под красиво изогнутыми бровями.

Роберт остался в кресле, а Стивен поднялся, и его лицо осветилось надеждой. Пальцы, заложенные за лацкан, дрожали.

— Инспектор Корраван... — Он обернулся к брату. — Вы ведь помните Роберта?

Я кивнул обоим братьям.

— Есть что-то новое?

— Возможно, — сказал я, невольно устыдившись обмана.

На приятном лице Стивена появилась вымученная улыбка, и он заметно напрягся.

— Хотел бы представить вам инспектора Стайлза, — сказал я, указав на напарника. — Судя по всему, он обнаружил зацепку на железной дороге, которая может вывести нас на след миссис Бэкфорд.

— То есть вы больше не ведете это дело? — с тревогой спросил Стивен.

— Не совсем так. Стайлз знает все железнодорожные ветки и графики движения поездов даже лучше, чем «Брадшо»^[4], и знаком со многими носильщиками и служащими на станциях.

— Вот как, — пробормотал Стивен, сделав жест в сторону кресел у окна.

Мы расселись, и Стайлз заговорил:

— Я нашел человека, который вроде бы видел, как ваша супруга садилась в междугородный поезд.

— Вам это только сейчас стало известно? — подал голос Роберт.

— Инспектор Корраван расспрашивал людей на вокзалах сразу после исчезновения вашей супруги, но никто ее по фотографии не опознал, — принялся оправдываться Стайлз. — Я вчера был на Юстоне^[5] по другим делам и встретил там одного носильщика, который отсутствовал на службе, когда инспектор Корраван наводил справки. Этот человек припомнил даму, напоминающую вашу супругу, — обратил на нее внимание, поскольку та была без пелерины и выглядела чрезвычайно расстроенной. Уехала она ранним утром с седьмой платформы, как раз когда носильщик заступил на смену. С этого пути обычно уходят составы в северо-западном направлении. Конечная станция — Бирмингем. Поезд был обычным, не скорым.

— Значит, Мадлен уехала из Лондона, — нахмурился Стивен.

— Куда она могла податься? — кивнув, спросил Стайлз. — Может, у нее живут знакомые по пути в Бирмингем?

— А что там за города?

— Боксмур, Блетчли, Уолстон, Беркхамстед, Рагби, Ковентри, Бирмингем, — с готовностью перечислил инспектор.

— Не знаю, — покачал головой Стивен. — Вроде бы у Мадлен были дальние родственники со стороны матери где-то в районе Блетчли.

До сих пор Бэкфорд ни о каких родственниках не упоминал, однако я сделал вид, что меня его слова не удивили.

— Фамилию не припомните? — уточнил Стайлз, достав блокнот с огрызком карандаша.

— Мадлен о них почти никогда не рассказывала. Бронвелл или Бромвелл — что-то в этом роде.

— Еще один вопрос, — сказал инспектор, сделав аккуратную пометку в блокноте. — Не говорит ли ваша супруга на иностранных языках — например, — на французском?

— На французском? Ну, может, несколько фраз и знает — как и все. Бегло точно не владеет. А что?

— Носильщику показалось, что она говорила не по-английски, — объяснил Стайлз.

— Вероятно, Мадлен просто невнятно изъяснялась, — предположил Роберт. — Все-таки она была не в себе.

Стивен метнул на Роберта быстрый взгляд — похоже, иронический тон брата ему не понравился. Тот передернул плечами и погрузился в кресло, поглаживая перстень с крупным рубином.

Стайлз сделал еще одну запись в блокноте.

В кабинет вошла сухощавая служанка лет двадцати пяти.

— Кофе подать, сэр? — спросила она, поставив на ломберный столик серебряный поднос с блестящим кофейником и чашками.

— Кажется, мы тебя не вызывали, — нахмурился Роберт, и женщина смущенно заморгала.

— Прошу прощения, сэр. Миссис Уилкинс сказала, чтобы я принесла кофе...

— Не волнуйтесь, Гарриет, — мягко прервал служанку Стивен. — Хотите по чашечке? — обернулся он к нам.

Я отказался, а Стайлз, к моему удивлению, кивнул:

— Благодарю, если можно. Знобит с самого утра — должно быть, простуда.

— Странно, что носильщик вдруг вспомнил Мадлен, — заговорил Роберт.

— Кстати, чем она собиралась заплатить за билет? — добавил Стивен.

— Сам думал об этом, — пожал плечами Стайлз. — Могла ли она заложить что-то из вещей? Кольцо, брошку?

— Возможно, обручальное кольцо? — предположил я, и Стивен тяжело вздохнул.

— Надеюсь, ей это в голову не пришло.

Стайлз, улыбнувшись служанке, потянулся за кофе, и Гарриет также ответила ему робкой улыбкой. Наверняка сэр Роберт внушал ей страх, и ее рука заметно дрожала, так, что с чашки сорвалась коричневая капля. Стайлз ловко подставил рукав и поймал каплю на манжет, сохранив чистоту ковра.

Гарриет в ужасе замерла.

— Это я виноват, — быстро сказал молодой инспектор. — Мама вечно упрекала меня в неловкости.

— Немного соли, и пятно сойдет, — чуть дыша, предложила служанка.

Стайлз едва заметно подмигнул женщине, и та слегка приободрилась, бросив на него благодарный взгляд.

— Вы свободны, — бросил Стивен и, дождавшись, когда Гарриет покинет кабинет, повернулся ко мне. — Вы все еще продолжаете поиски в Лондоне?

— Объявления в газетах пока результата не дали, — кивнул я. — Обходим по очереди все местные заведения, постепенно расширяя круги от вашего дома. Это занимает время.

Стивен прикрыл глаза ладонью, помолчал и, отняв руку, грустно пробормотал:

— Будем молиться за ее благополучное возвращение.

— Еще вопрос, — вставил слово Стайлз. — Не было ли у вас каких-либо неприятностей со слугами в течение последнего года? С кухонными работниками, например, или с лакеями?

Да, верно... *Кухня, нож, Пьер...*

Стивен задумался.

— М-м-м... более-менее. Пришлось расстаться с тремя слугами. Где-то... — Он глянул на брата. — Где-то в июне или в июле прошлого года.

Наконец нечто новенькое; возможно, из этого что-то удастся извлечь.

— А что случилось? — осведомился Стайлз.

— Лакей решил вернуться к себе в деревню — сообщил, что Лондон ему не подходит. А две служанки... — Стивен сокрушенно покачал головой. — Молоденькие, легкомысленные девушки. Наша экономка, миссис Уилкинс, несколько раз заставляла их празднично валяющимися на кровати или гуляющими по магазинам в то время, когда обе должны были усердно трудиться.

— Сможете припомнить их фамилии?

— Э-э... — озадаченно протянул старший из братьев.

— Миссис Уилкинс наверняка помнит, но ее сейчас нет, — добавил Роберт.

— Ах, — пробормотал Стайлз, водя карандашом в записной книжке. — Я смогу вернуться позже и расспросить вашу экономку.

— Нет, не стоит, — подал голос Стивен. — Я вспомнил. Джозеф Таун, Элли Прайс и... э-э... Энни Маккей.

— Вы сейчас начнете искать Мадлен в городках к северу от Лондона, верно? — спросил Роберт, заворочавшись в своем кресле.

Стайлз обратил внимание на попытку сменить тему разговора, и все же согласно кивнул, поставив на поднос недопитую чашку.

— Скоро отходит нужный нам поезд — не хотелось бы на него опоздать.

Мы попрощались с братьями и вышли из дома. Сырой прохладный воздух сразу покрыл гусиной кожей руки и шею. На улице было безлюдно — лишь пара одиноких прохожих. Один из них — высокий и, очевидно, преждевременно поседевший мужчина — показался мне знакомым.

Сделав несколько шагов, я оглянулся. Седовласый как раз подошел к двери дома Бэкфордов.

Вот кого ждал открывший нам дверь Куинси...

— По-моему, Роберт заставляет старшего брата чувствовать себя не в своей тарелке. Кстати, обратили внимание на Гарриет? — спросил Стайлз.

— На служанку? — игриво подмигнул я. — О да, милая женщина.

— Видели, что она побледнела, как смерть, глянув на Роберта? — чуть дернул уголком рта молодой инспектор. — А он смотрел на Гарриет так, словно хотел о чем-то предупредить.

И все-таки две пары глаз куда лучше, чем одна.

— Сможете наладить с ней отношения?

— Не скажу, что она мне нравится, — недовольно скривился Стайлз. — Все же неплохо бы ее разговорить.

— Стайлз, я вовсе не настаиваю, что вам следует изображать влюбленность в эту женщину. Но вам лучше встретиться с ней где-нибудь в городе. Может, пригласите ее на чай?

— Почему нет? Только придется ей прямо сказать, что у меня есть некоторые вопросы.

— Кстати, кофе предназначался не нам, — пробормотал я, вдруг вспомнив, откуда знаю седовласого прохожего.

— О чем вы говорите?

— Мимо нас только что прошел мистер Тафт, своего рода частный детектив, — мотнул я головой в сторону дома Бэкфордов. —

Подвизается на розыске людей, хотя далеко не всегда тем самым преследует благородные цели.

— Частный детектив? — Напарник встал как вкопанный. — Неужели Бэкфорд считает, что мы ни на что не способны?

— Все может быть.

Стайлз нахмурился так, что брови его сомкнулись в прямую линию.

— Сегодня он вел себя иначе, чем во время предыдущих встреч?

— Похоже, сегодня он был несколько на взводе. Сказал кое-что, о чем умалчивал раньше. Например, до сегодняшней встречи не упоминал о родственниках Мадлен в Блетчли.

— Точно! В ваших записях они не фигурировали, — заметил Стайлз. — Видимо, Бэкфорд был не слишком откровенен.

— Вы схватились за карандаш, словно получили серьезную улику, — слегка улыбнулся я.

Стайлз чихнул и, вытащив платок, вытер нос.

— Я кое-что разузнал о Бэкфордах. Вы слышали, что их судоходная компания сейчас в некотором упадке? Месяц назад случился неприятный инцидент с нападением пиратов в Индийском океане.

— Какое отношение это имеет к Мадлен?

Стайлз тонко улыбнулся, ощутив в моем голосе скепсис.

— Пытаюсь найти факты, которые не укладываются в общее представление об их семье. Кстати, со слов Роберта, миссис Уилкинс дома не было, а между тем Гарриет заявила, что кофе попросила принести именно она.

Каюсь, не заметил этого противоречия, а ведь Стайлз был прав.

— Верно, и Роберт еще старался отвлечь Стивена от разговора о слугах.

— Интересно... Может, у них такие затруднения, что они перестали платить прислуге?

— Хм. Не исключено, что поэтому и уволилась троица, упомянутая Стивеном, — предположил я, и мы на несколько минут остановились на углу. — Поеду на Уоппинг-стрит, разузнаю, что удалось выяснить о той плоскодонке. Заодно расспрошу о «Бэкфорд шиппинг». Скорее всего, Блэр что-то да слышал, особенно если у них неприятности.

— Спасибо, — поблагодарил меня инспектор.

— А вы им не слишком-то доверяете, Стайлз, — сказал я, и напарник ответил мне печальным взглядом.

— Я вижу Мадлен каждый день. У нее в глазах стоит ужас. Не знаю, виновен ли в этом Бэкфорд, однако мне хочется выяснить, в чем тут дело.

А что, в его словах есть смысл, решил я, наблюдая, как он уходит. Опыт подсказывал, что подлинный страх скрыть почти невозможно. Нередко истина, которую ты ищешь, кроется в тех причинах, что его вызвали.

ГЛАВА 16

Штаб речной полиции казался необычно безлюдным для пятничного утра. У входа дежурил сержант Мейсон, просиявший при виде меня.

— Приветствую, инспектор Корраван!

— Как жизнь, Мейсон? Как жена?

У сержанта слегка поехал вверх уголок рта, словно он не мог сдержать улыбку.

— Прекрасно, сэр! В субботу родила двойню!

— Бог ты мой, да эта женщина — просто чудо!

— Я не заслужил такого счастья, инспектор, уж поверьте, — довольно ухмыльнулся Мейсон.

— Корраван! — окликнул меня Блэр, встав на пороге своего кабинета.

— Передавайте ей привет, Мейсон, — сказал я и направился к Блэру.

— Тебя прислал директор? — осведомился тот.

— Нет, почему? — удивился я, закрывая дверь, однако шеф речников жестом попросил оставить ее открытой — дал понять, что долго рассиживаться со мной не намерен.

Опустившись в кресло, Блэр насупился, а я, несмотря на его враждебный настрой, испытал укол сожаления. Бывший начальник был уже немолод, а служба, как ни крути, нелегка.

Меня сесть не пригласили, так что пришлось разговаривать стоя.

— С чего бы Винсенту меня сюда отправлять?

— Откуда мне, черт возьми, знать, почему наблюдательному комитету вздумалось поручить ему присматривать за мной, — фыркнул Блэр.

Я вспомнил утро вторника. Со слов Стайлза у меня сложилось впечатление, что сам Блэр попросил направить к нему людей из Ярда. Вероятно, мы друг друга не поняли — или Стайлз не разобрался.

— Комитет вознамерился не только в Ярде навести порядок, — бросил Блэр, заметив мое замешательство. — Когда Винсент заступил на свою должность, меня уведомили, что я обязан сообщать ему о

каждом убийстве на реке. Ничего они этим не добьются, только расследования затянутся вдвое против обычного.

Вот и объяснение, почему нам со Стайлзом пришлось ехать сюда три дня назад. Впрочем, в обсуждение я втягиваться не собирался. Стоял и молча смотрел на Блэра. Тот оторвал руки от подлокотников кресла и решительно хлопнул по столу.

— Итак, уже есть соображения о мотивах убийства?

Я кратко рассказал ему о том, что удалось выяснить, упомянув, что мотивом убийства могло стать кольцо.

— Очевидных связей с рекой обнаружить пока не удалось.

— Мы вытащили лодку на берег и очистили днище, — потерев подбородок, сообщил шеф речников. — Обнаружили клеймо в виде буквы «Т».

— Уверены, что это именно «Т», а не «Г», например?

Литерой «Г» помечала свои суда компания Вильмота Гельмсвирта, хотя обычно клеймо находилось на левом борту.

— Сам посмотри, — угрюмо буркнул Блэр. — Я сперва подумал о Террингтоне, если, конечно, он начал клеймить свои суда. Его доки находятся выше по течению, а лодок там полно — так что кто-то вполне мог увести один плашкоут. Никто и не заметил бы.

Ход его мыслей понятен. Компания Террингтона — одна из самых успешных в торговле текстильными изделиями — работала и с тканями, и с кружевами, и бог знает с чем еще. Однако мало ли торговцев, чьи имена начинаются с «Т»...

— Планировал отправить человека на его верфи — выяснить, все ли лодки на месте, — поджав губы, сказал Блэр. — Впрочем, должно быть, тебе хочется съездить туда самому, — добавил он, искоса глянув в мою сторону.

Я ощутил себя рыбой, которую ловят на живца. Съездить-то можно, однако сперва следует выяснить, что известно Блэру.

— Почему именно Террингтон? Есть располагающие факторы?

— Располагающие факторы? — передразнил меня Блэр. — Господи, Корраван! Кто из вас учился в частной школе — ты или Винсент?

— Так почему Террингтон? — повторил я, пропустив его реплику мимо ушей.

Блэр откинулся в кресле, нервно барабанил пальцами по подлокотнику.

— Полгода назад вскрылось одно дельце. Его компания мухлевала с весом тюков.

Знакомая история. Нечистоплотные купцы иногда добавляют песок в тубы, на которые наворачивается ткань. За счет лишнего веса растет цена тюка.

— Кто-то из конкурентов сдал его таможенникам?

Блэр кивнул.

— Наверняка Престон?

— Думают на него. Кстати, месяц назад подожгли один из его доков. Сгорело четыре плашкоута.

Блэр постучал карандашом по столу, дожидаясь, пока я соберусь с мыслями.

— Нет ли у семейства Альбертов связей с Террингтоном или Престоном?

— Не знаю, — ответил шеф речников, качнувшись на протестующе заскрипевшем кресле. — Может, и есть.

Захотелось пойти на попятную. Только разборок между торговцами нам не хватало... Мало мне разговоров с ювелирами и знакомыми Роуз Альберт. Неужели ее смерть — результат торговых войн? Мог ли Альберт председательствовать на судебном процессе, в котором участвовал Террингтон или Престон? А если судья имеет акции одной из этих компаний? Надо снова поговорить с Гаверлингом.

— Есть кое-что еще, — прервал молчание Блэр. — Мы нашли кусочек шелковой ткани, зацепившийся за щепку в лодке. Возможно, жертва сопротивлялась — значит, была еще жива, когда убийца запихивал ее внутрь.

У порога кто-то кашлянул, и мы одновременно обернулись.

В дверях, встревоженно поглядывая на Блэра, стоял молодой сержант.

— Сержант Уикли просит вас срочно прибыть в лондонский порт. Там задержали одну лодку. Говорят, под бочками с джином нашли оружие. В накладной написано «Бельгия».

Я насторожился. Кто-то отгружает оружие в Бельгию?

Блэр, поднявшись, снял пальто с крючка, и я обратился к сержанту:

— Подождите минуту, нам нужно еще кое-что обсудить.

Сержант заколебался, но, заметив кивок Блэра, вышел в коридор.

— Что-нибудь можете сказать о «Бэкфорд шиппинг»?

Блэр, продолжая застегивать пальто, кинул на меня раздраженный взгляд. Похоже, считает, что я утаил от него кое-какие сведения.

— А что? Есть причины считать, что плашкоут принадлежит Бэкфордам?

— Нет, это совсем другое расследование. Жена Бэкфорда пропала почти месяц назад. — Я сделал паузу. — Говорят, не так давно на его судно напали пираты?

Выражение лица бывшего начальника изменилось, и в его глазах загорелся огонек: то ли интерес, то ли воспоминание о тех днях, когда я заходил к нему в кабинет с докладом об установленных в ходе следствия странностях. Подумав, он нехотя кивнул.

— Два его корабля подверглись нападению в районе Мальдив.

— Что-нибудь еще?

— Вроде бы компания благополучно пережила убытки, — пожал плечами Блэр.

Поблагодарив его, я сказал:

— Заеду на верфи через день-другой. А где лодка? Хотел взглянуть на клеймо.

— В ангаре. Мы ее заперли. — Он открыл ящик стола и вручил мне ключ. — Закончишь — верни.

Я вышел вслед за бывшим шефом на отсыревший деревянный пирс. Блэр уехал с сержантом, а я направился к длинному ангару и повернул ключ в замке. Затхлый воздух внутри по-прежнему отдавал плесенью; сквозь грязные окна едва пробивался тусклый свет. В скудном освещении я разглядел старые брезентовые носилки и полки, забитые инструментами и запасными частями для полицейских катеров, сваленными в груды ржавого хлама. Металлическая кровля протекала; под ногами шныряли крысы. Интересно, от кого они запирают ангар?

Лодка была подвешена на двух крюках. Как и говорил Блэр, клеймо в виде литеры «Т» нашлось на одной из досок днища, почти в середине. Пригнувшись под плоскодонкой, я осмотрел ее снизу от носа до кормы, однако больше никаких обозначений не нашел. Букву

вывели небрежно, словно от руки. Верхняя черточка перекошена, книзу «Т» расширилась. И все же «Т», никак не «Г».

Заперев ангар, я вернул ключ и отправился в госпиталь. В голове крутился вихрь. Еще час назад у меня было две версии причины убийства Роуз: личные мотивы либо кольцо «Тьерри». Не исключал я и третью — какой-либо громкий процесс, где председательствовал мистер Альберт. А что, если лодка — послание от одного крупного торговца к другому? Тогда тело Роуз — всего лишь способ сделать сообщение недвусмысленным. Стоило подумать, что девушку использовали для подобной цели, и внутри у меня все перевернулось.

Как всегда, зонт я забыл в отделе, и капли дождя затекали за воротник плаща. Я озяб и устал. Заберу Гарри из госпиталя, поедем домой. Как только доберусь до кровати — сразу нырну под одеяло.

ГЛАВА 17

Проснувшись в субботу утром, я обнаружил, что кровать Гарри заправлена, вчерашняя его рубашка свисает с крючка на стене, а сам Гарри уже ушел в госпиталь. Позавтракав бутербродом и кофе, я двинулся к Темзе.

Склады Террингтона были процветающим предприятием: стены из добротного красного кирпича, множество окон. Спросив бригадира о букве «Т» на днище плашкоута, я получил ответ, что лодки в их компании помечаются иначе. Он показал мне маленькие латунные бирки, прикрученные к левому борту. Ни бирки, ни отверстий от шурупов я на нашем вещественном доказательстве не обнаружил, да и лодки у Террингтона были в гораздо лучшем состоянии.

Плашкоуты Престона оказались чуть больше; банок в них было пять, а не четыре, как в нашем случае.

На всякий пожарный я посетил верфь «Желтой звезды», но и там лодки клеймили совсем иначе — цифрами, вырезанными на носу. Если убийство Роуз и было связано с одной из этих компаний, то лодка эту гипотезу не подтверждала.

Я провел еще несколько часов на берегу, проверив пару соседних доков, однако пользы из прогулки не извлек. По всей видимости, плашкоут принадлежал частному лодочнику, работающему на сдельной оплате, и версия с колье снова начала представляться мне самой очевидной. Тем не менее, придется на днях пройтись и по противоположному берегу, чтобы окончательно прояснить вопрос.

В четвертом часу мне захотелось поесть и почитать газету. Найдя ближайший паб, я перекусил и полмили до госпиталя прошел уже в темноте.

Джеймса не было, а в его кресле восседал Гарри, углубившийся в толстенный том. Пришлось напомнить ему, что ужинаем мы у Белинды и опаздывать негоже.

Парнишка недовольно поднялся и накинул пальто.

— Зачем мне туда идти? Только вам помешаю. Лучше бы я остался здесь и...

— Белинда хочет с тобой познакомиться, — перебил я.

— С чего бы это?

— Такой она человек. Не переживай. Бел тебе понравится куда больше, чем я. И хватит причитать. Тебе нужно поесть, и, скорее всего, от ужина ты будешь в восторге. Буду очень обязан, если ты проявишь вежливость — Белинда старалась.

Гарри, закатив глаза, выразительно промолчал. Всю дорогу до Белгравии он мрачно тащился у меня в кильватере.

Белинда сама впустила нас в дом. Приветствие Гарри пробурчал сквозь зубы, но Бел не обиделась. Напротив, похоже, сочла его очаровательным парнем, и уже через пару минут он начал потихоньку оттаивать. К тому времени, когда мы сели за стол, мой подопечный вел себя вполне пристойно.

Наряд любимой привел бы в восхищение любого мужчину — что уж говорить о пятнадцатилетнем подростке. Шелка оливкового оттенка придавали ее лицу нежное тепло, подчеркивая глубокую зелень глаз. Белинда расспрашивала Гарри, понравился ли ему Лондон, успел ли он посетить хотя бы один музей, нравится ли ему работа в госпитале... Интерес Белинды был неподдельным — все-таки писательница, — и мальчик вскоре поддался ее чарам. Наконец она решила узнать, что Гарри сейчас читает.

— В основном те книги, что нахожу в кабинете доктора Эверетта, — тут же оживился парнишка. — Только что начал замечательный трактат одного врача — Карпентера.

— Ты об Уильяме Карпентере, физиологе?

Я едва ли не злорадно наблюдал, как Гарри уронил вилку. Он тут же подхватил прибор и, покраснев, бросил на меня подозрительный взгляд. Я развел руками.

— Мы с ним дружим, — продолжила Белинда, словно не заметив разыгранной нами сценки. — Наверное, ты захочешь познакомиться с Уильямом?

— О... — пробормотал Гарри. — Я, конечно... но мне сначала нужно дочитать его книгу. Она ведь довольно сложная.

— Ну, он и сам человек непростой. — У Белинды на щеках образовались ямочки. — А что тебе еще нравится кроме научных трудов?

— Люблю романы! — воскликнул мальчик и поспешно добавил извиняющимся тоном: — Только, боюсь, ваших пока не читал.

— Ничего страшного, Гарри. А каких авторов ты предпочитаешь?

— Уилки Коллинза, например. «Лунный камень» — одна из моих любимых книг.

Белинда улыбнулась, и глаза Гарри расширились от удивления.

— Вы и его знаете?

— Нас познакомил художник Генри Чарльз Брэндлинг — друг моего отца. Генри в свое время сопровождал мистера Коллинза в путешествии по Корнуоллу.

Гарри откинулся в кресле с отвалившейся челюстью. Поражение его было неоспоримым.

— После ужина покажу тебе мою библиотеку. Можешь взять все, что понравится, правда, есть несколько исключений.

— О, благодарю вас, — немного скованно произнес Гарри и попытался переключиться на рыбу, двигавшуюся под его вилкой, словно живая.

— А ты где был сегодня? — спросила меня Белинда.

— Так, бегал туда-сюда.

Мой уклончивый ответ заставил ее нахмуриться, и она снова повернулась к Гарри.

— Темзу уже видел?

— Да, в четверг. — Он бросил попытки прикончить рыбу и отложил приборы. — По-моему, неприятное зрелище. Кстати, я задумался о названии. Было такое средневековое словечко — «темиз». Означает — «темный». А кельты называли реку «Тамезас». — Гарри метнул на меня слегка строптивый взгляд и снова перевел глаза на Белинду. — Слова — интересная штука. Любопытно, как они переходят из одного языка в другой.

— Между прочим, «тамас» на санскрите означало «тьма», — поддержала его Белинда, положив приборы на тарелку. — Иногда это слово переводят как «безразличие», и это значение представляется мне более подходящим. Мне Темза всегда казалась холодной и безразличной к людским страданиям.

— Темза — река, а не человек, — возразил я.

— А я воспринимаю ее как человека, — сказала Белинда. — Темза — такая же обительница города, как и мы с вами.

— А что такое город? — добавил Гарри. — Город — это его жители.

- Он с нами сердцем говорит... — улыбнулась Белинда.
- ...и сердце речь его родит, — закончил Гарри.
- Это из «Кариолана» Уильяма Шекспира, — пояснила Белинда.
- Конечно, конечно, — проворчал я.

* * *

Закончив пустопорожнюю беседу, Белинда поднялась из-за стола, и мы перешли в библиотеку. Она включила люстру, и Гарри, пробежав взглядом по полкам, ахнул:

— Ого! Это все ваше?

— Многие книги принадлежали еще моему отцу, — объяснила Белинда, коснувшись плеча мальчика. — Посмотри, может, и правда что-нибудь возьмешь почитать.

Он тихо поблагодарил, не отрывая взгляда от книг, а мы, выйдя в гостиную, уселись на наше обычное место у камина. Белинда сняла домашние туфли и подложила ногу под себя, устроившись грациозно, словно кошка.

— Очень интересный молодой человек, — сказала она.

— Наверное. — Я скорчил недовольную гримасу. — Со мной-то он не особо разговаривает, зато с Джеймсом трещит без умолку. И к тебе, похоже, теперь неровно дышит.

— Вы с ним не слишком ладите, потому что похожи друг на друга, — заметила Белинда, и я хмыкнул.

— Что смешного?

— Белинда, он много лет учился, — недоверчиво уставился я на нее. — Я вот по-французски ни бум-бум и в конкурсах по латыни отродясь не выигрывал. Читать не люблю — разве только газеты, — а Гарри от книг за уши не оттащишь. Он хочет стать доктором, а я бы занялся чем угодно, кроме медицины. Гарри же нечего делать ни на боксерском ринге, ни в порту.

— Объяснить? — подняла брови Белинда.

— Попробуй.

— Я сегодня увидела мальчика — умного, гордого, упрямого. Его родители умерли, и Гарри сбежал из Уайтчепела почти с пустыми руками.

Назидательный тон Белинды мне не понравился, и я немного напрягся.

— По-моему, Мэри Дойл решила, что ты — единственный человек, который способен понять ее племянника.

— Я знаю кучу людей, которые ушли из Уайтчепела без гроша в кармане.

— Ради бога, Майкл... — Она раздраженно фыркнула. — Тебе никогда не приходило в голову, что Мэри делает это не только для Гарри? Вдруг она переживает, что ты одинок?

— Мне компаньоны не требуются.

— Может, и так, однако...

— И на Гарри у меня времени просто нет.

Мой резкий ответ заставил Белинду слегка сбавить напор. Она окинула меня изучающим взглядом и все-таки продолжила:

— Признавайся, был сегодня на Темзе?

Порой ее интуиция меня несколько пугает.

— Был, мимоходом.

— Майкл, почему я должна вытягивать из тебя по словечку? Ты уже второй раз за эту неделю ходишь на реку, а ведь я знаю — ты этого не любишь. Что случилось? — Она намотала на палец каштановый локон. — Новое расследование?

— Одно из сотни других. — Я вытащил из-за спины жесткую подушку с кисточками и отложил ее в сторону. — Расскажи лучше, что там случилось дальше с этой гувернанткой и девчонкой-француженкой.

— Майкл, не надо! — возмутилась Белинда.

— Чего «не надо»?

— Не надо обращаться со мной как с девочкой. Думаешь, меня можно отвлечь, просто спросив о новом романе? Почему ты не говоришь о том, что тебя беспокоит?

— Твои истории куда интереснее, — пробормотал я, рассчитывая, что Белинда рассмеется и на этом все закончится.

Негодующе нахмурившись, она уставилась на огонь, и я ощутил приступ раздражения. Да, я был неспокоен, но ссориться перед уходом не хотелось — а нам с Гарри не следовало слишком засиживаться.

— Ничего такого у меня не случилось. Просто на столе скопилась куча дел, и мне это не очень нравится.

Белинда отвернулась и положила голову на руки.

— Куча дел у тебя каждый божий день. У Дойлов все в порядке? Как Элси, как Колин?

— Вот что я нашел! — слышался от дверей восторженный голос Гарри.

Мы одновременно обернулись. Парнишка стоял на пороге с горящими глазами, прижимая к груди томик.

— Всю жизнь хотел ее почитать! — Он повернул книгу корешком. — Дарвин, «Происхождение видов». Я действительно могу на время ее забрать?

— Разумеется, — улыбнулась Белинда.

Гарри перевел взгляд с нее на меня, и его лицо потухло. Понял, что у нас случилась размолвка. Не дожидаясь, пока молчание станет совсем уж неловким, я вскочил с дивана и склонился над Белиндой, коснувшись губами ее щеки.

— Нам пора. Не провожай, у дверей холодно. Спокойной ночи, Бел.

— Спокойной ночи, — сказала она словно в пустоту, слегка дернув подбородком, и я знал, что означает этот жест. — До свидания, Гарри, — уже более тепло произнесла Белинда, — надеюсь, мы скоро увидимся.

После натопленной гостиной в коридоре и правда оказалось не жарко — меня даже пробил дрозь, пока мы с Гарри спускались по лестнице. Мальчик молча шел за мной. Вечера, которые я проводил в компании Белинды, были лучшей частью каждой недели, и все же, запирая за собой дверь черного хода, я ощутил некоторое облегчение. Разумеется, я любил Бел, однако не особенно одобрял ее склонность к препарированию людских мыслей и чувств. Мне, например, неприятно, когда их вытаскивают на свет божий. Пусть остаются в темных закоулках мозга.

ГЛАВА 18

Ранним утром в понедельник я обнаружил письмо, подсунутое под входную дверь. Внутри лежала открытка, на ней — две строки, выведенные аккуратным почерком Филипа Дюрелла:

«Стаффорд, 237. Только с утра. Спросить Уолтера.
Этому человеку можно доверять».

Нужный дом я нашел быстро. По указанному Филипом адресу располагалась отнюдь не ювелирная мастерская, а обычный частный особняк. Стрелка часов едва перевалила за восемь, когда я дернул шнур дверного колокольчика. На пороге появился худой сутуловатый мужчина лет шестидесяти пяти с копной совершенно седых волос. Хозяин изучил меня пристальным взглядом бледных голубых глаз.

— Доброе утро. Я — инспектор Корраван. Филип сказал мне спросить Уолтера.

Напряженное лицо мужчины расслабилось, и он пригласил меня в дом.

— Никакого Уолтера не существует. Просто пароль, чтобы я понял, что это действительно вы. Меня зовут Бенджамин Фидлер. Я решил, что встреча в этом месте позволит нам сохранить тайну.

Он провел меня в безупречно обставленную гостиную. В подобных ситуациях я предпочитаю до поры до времени не открывать рта — никогда не знаешь, чего от тебя ждут, и не представляешь, что тебе скажут.

Седовласый, вновь осторожно глянув мне в лицо, сложил костлявые руки на коленях и первым нарушил тишину:

— Филип не вдавался в подробности, чем вы заслужили его доверие.

— Если уж он предпочел об этом умолчать, вряд ли и мне стоит лишний раз распространяться, — вежливо сказал я.

— Хм... — Фидлер помолчал, не сводя с меня взгляд немигающих, словно у птицы, глаз. — Ваши слова останутся между нами. На самом деле, я не стал бы с вами встречаться, однако Филип заявил, что это вопрос жизни и смерти.

Он скривил губы — похоже, считал, что мой приятель несколько преувеличил.

Я не ответил, и Фидлер заговорил, словно читал по бумажке:

— Колье «Тьерри» вскоре будет обнаружено в целости и сохранности. Его найдут в доме Харви.

Вот сюрприз так сюрприз! Седовласый поджал губы, явно считая, что продолжать не стоит, и все же я не удержался:

— Вам его приносили? Наверное, показывали камни с целью продажи?

— Нет.

— Стало быть, этот человек обращался к кому-то из ваших знакомых, — догадался я.

— Филип обещал, что вы не станете на меня давить, — недовольно сморщился Фидлер. — Разве вам недостаточно знать, что пропажу вернут?

Я откинулся в кресле, обдумывая его слова. Похоже, кольцо кто-то украл — его не просто потеряли или случайно переложили в другое место. В любом случае оставался вопрос: оставила ли Роуз драгоценность в доме Харви или грабитель снял ее с мертвого тела?

Филип писал, что этому человеку можно доверять. Скорее всего, его слова касались не только сообщения Фидлера; видимо, можно рассчитывать, что тот действительно не предаст наш разговор огласке.

— Я не все могу вам сказать — точно так же, как и вы. И все же кое-что сообщу, поскольку вы должны понимать, в чем мой интерес.

Хозяин дома осторожно кивнул.

— Леди Эдит Харви на время бала одолжила кольцо своей подруге. Эта женщина ночью покинула особняк Харви, а наутро ее нашли мертвой. Колье при ней не было.

— Ого, — тихо пробормотал Фидлер, удивленно распахнув глаза.

— Филип не сомневается, что именно кольцо и послужило мотивом убийства. У меня же другое мнение. Мне следует установить: вышла ли женщина из дома в кольцо? Надеюсь, вы понимаете, как это важно.

— Если кольцо осталось в доме, значит, ее убили по иной причине, — медленно проговорил седовласый.

Я кивнул, и он заморгал, явно что-то обдумывая.

— Допустим, я скажу, что кольцо осталось в доме — этого достаточно?

— Если еще поясните, почему вы в этом уверены...

— Хорошо. — Он сплел пальцы в замок. — Наутро после бала кольцо нашли в одной из комнат на втором этаже. Человек, забравший драгоценность, передал ее другому лицу, а дальше кольцо показали одному не слишком разборчивому ювелиру, который не брезгует краденными вещами.

— Так-так...

Видимо, Фидлера успокоило, что я не требую от него имен, и он расслабился.

— Ювелир немедленно понял, что ему принесли, и, тем не менее, согласился разъединить изделие на отдельные элементы, вырезав камни. Прибыль предполагалось поделить. Так или иначе, камни узнаваемы даже без оправы, а один из них — особенно. Речь о том сапфире, что сидит в кулоне. Камешек весьма необычной формы и цвета. — Фидлер сделал паузу. — Сделка была уже на грани заключения, и продавец обещал подойти с товаром на следующий день. Однако ювелир сообразил, что владельцы уплатят за пропавшую драгоценность хорошее вознаграждение. Получится выгоднее, нежели продавать камни по отдельности, что займет несколько месяцев. Их еще надо тайком вывести на рынок, а это — существенный риск. Поэтому ювелир решил связаться с семьей Харви, а заодно обвинить в воровстве нашедшего кольцо человека.

Я заметил, что Фидлер старается избегать упоминаний пола похитителя.

— Однако план сорвался?

— Помощник ювелира понял, что задумал его хозяин, — покачал головой собеседник. — Решил, что это грязный трюк, так что, не дожидаясь, когда вор принесет кольцо, обратился ко мне за советом. Я сказал, что ему следует немедленно предупредить потенциального продавца и не допустить бесчестного поступка. Таким образом, вчера вечером кольцо вернули человеку, который подложит его туда, откуда оно исчезло.

Наверняка кто-то из прислуги...

— Мистер Корраван, — тяжело вздохнул седовласый, — подавляющее большинство из нас — люди порядочные. Мы работаем честно.

— Не спорю. — Надев шляпу, я поднялся. — Кстати... часто ли подобные камни появляются на рынке законным образом? Раз в год? Может, чаще?

— Раз в десятилетие, если уж на то пошло.

Фидлер проводил меня до двери, и мы распрощались.

Выйдя на улицу, я погрузился в утреннюю суету города — прохожие, телеги, экипажи — и разочарованно застонал, осознав, что все это время невольно настраивался на самый очевидный мотив — грабеж.

* * *

Несколько часов я провел на доках по другую сторону реки, расспрашивая народ о литере «Г» на днище лодки, но ценных сведений так и не получил. В конце концов направился в Ярд, где меня ждала записка:

«Прошу Вас срочно заглянуть в мою контору. Есть разговор. Гаверлинг».

Я догадывался, что хочет мне сказать поверенный, и все же решил выполнить его просьбу.

Меня сразу провели в его кабинет. Гаверлинг поджидал меня за столом.

— Прошу! — указал он на стул напротив. — Извините, что не встретил у дверей, — нога сегодня дает о себе знать.

— Сочувствую, — пробормотал я, сев на скрипнувшее подо мной кожаное сиденье.

— Хотел сообщить, — начал Гаверлинг, скрестив руки на груди, — что необходимости заниматься вопросом исчезновения колье больше нет. Пропажа нашлась. Похоже, вы уже в курсе, — отметил он, наблюдая за моей реакцией.

— Узнал только сегодня из конфиденциального источника.

— Похоже, колье оказалось для вас сродни копченой селедке, — тяжело вздохнул Гаверлинг.

— То есть?

— Ее аромат настолько силен, что перебивает у гончей запах зайца, пусть и ненадолго, — вяло махнул он рукой. — Копченую селедку нередко используют, натаскивая пса для охоты.

— Значит, меня на этом подловили, как охотничью собаку, — усмехнулся я.

— Любой на вашем месте посчитал бы колье дичью, мистер Корраван, — с извиняющейся улыбкой сказал Гаверлинг. — Помните, вы сами говорили о невероятных совпадениях?

— Что ж, теперь нужно вернуться на след зайца.

— Я в вашем распоряжении.

— Наверняка трюк с помещением тела в лодку что-то означает, — заметил я, выпрямившись на стуле. — Не было ли у семейства Альберт деловых интересов на Темзе? Возможно, судья имеет акции в компаниях Террингтона или Престона?

— Текстиль? — покачав головой, нахмурился Гаверлинг. — Никогда об этом не слышал. Однако...

Я задержал дыхание.

— Бабушка Роуз сделала состояние на стали, и две ее дочери — мать Роуз и Ливина — получили долю в компании «Болдуин». Часть этих акций составляет наследство Роуз.

— «Болдуин»... — повторил я. Знакомое название... — Они ведь поставляют материалы для строительства зданий и железных дорог?

— И мостов, — добавил Гаверлинг. — «Болдуин» только недавно заключила контракт на два моста к западу от Челси-Рич-Тауэр.

Я насторожился. Контракты на городское строительство — жирный и лакомый кусок. Несколько раз не обходилось без скандала, когда право на подобные объекты переходило в нужные руки путем подкупа или негласных договоренностей.

— Судья контролирует акции своей супруги?

— Конечно, хотя в силу особой оговорки в случае смерти мужа они переходят обратно к миссис Альберт.

— Интересно, какая фамилия у тетушки Ливины?

— Болдуин. Ливина так и не вышла замуж.

В дверь постучали, и в кабинет просунул голову молодой человек.

— Мистер Гаверлинг, к вам следующий клиент.

Я поднялся, и мы с поверенным попрощались.

Строительными контрактами в Лондоне ведал кабинет министра внутренних дел — третий по влиятельности департамент правительства. А вдруг судья в попытке поднять цену своих акций оказал давление на кого-то из членов кабинета и в итоге «Болдуин» получила желанный контракт? Вдруг Роуз стало известно об этих делишках, и поэтому ее пришлось убить?

Вот это дичь так дичь... Допустим, я займусь расследованием взяточничества в кабинете министра внутренних дел. Уж не говоря об убийстве... Я мигом вообразил себе огромного кровожадного тигра, прыгающего мне навстречу, представил себе его когти-кинжалы и сияющие подобно ножам острые клыки.

ГЛАВА 19

Джеймс прислал записку, решив предупредить меня, что Гарри проведет несколько суток в госпитале — нужно было понаблюдать за миссис Бэкфорд во сне, так что во вторник утром я проснулся в одиночестве. Одеваясь и приводя в порядок мысли, сварил себе крепкий кофе и выпил его еще дымящимся.

Хороший сон всегда помогает поднять настроение и способность к размышлению. Я как раз выспался, поэтому быстро составил план, наметив несколько человек, которых следует расспросить о возможном давлении, которое судья или «Болдуин» могли оказать на членов кабинета. В Ярде я появился в приподнятом состоянии духа — кажется, даже что-то тихонько мурлыкал себе под нос.

А потом увидел Стайлза, и мой энтузиазм немедленно иссяк. Молодой инспектор стоял у дверей отдела с несчастным выражением лица. Моя ухмылка исчезла в тот миг, когда я обратил внимание на напряженную позу подчиненного.

— Что стряслось, Стайлз?

— Еще одна...

— О чем вы?

— Еще одна мертвая женщина в лодке. — Стайлз заметно побледнел. — Винсент отправляет нас на Уоппинг-стрит.

* * *

В юности я как-то выпал из своего плашкоута в ледяную воду. Течение потащило меня вниз и в сторону; ноги свело судорогой. Я тонул, и мир вокруг превратился в серую дрожащую хмарь, а потом и вовсе померк.

К счастью, старик Том Миллер видел момент моего падения и, когда я в очередной раз всплыл, молотя руками по воде, протянул мне конец длинного весла. Том подтащил меня ближе, схватил за рубаху и поднял на борт. Я сел на палубе, дрожа и отплевываясь.

— Река чуть не забрала тебя, — оскалил он черные зубы.

С того дня я решительно изменился. Раньше все норовил перевезти побольше груза, да побыстрее, чтобы хорошо заработать; теперь же меня заботила еще и безопасность.

Сейчас произошло нечто похожее — вторая жертва заставила меня размышлять иначе. Первый и единственный вопрос: «Кто убил Роуз?» уступил место лавине других. Почему именно эти две женщины? Что у них общего? Обоих нашли мертвыми во вторник утром. Манера убийцы или всего лишь совпадение? Я вспомнил рассказ Гаверлинга. Что, если семьи убитых девушек имели связи с компанией «Болдуин» или с одним из членов правительства?

В отдел я вернулся с царящим в голове сумбуром. Скинул пальто, уселся за стол и вытащил свои записи, касающиеся Роуз, колье и судьи. Возможно, в этой стопке бумаг кроется нечто ценное, чего не удалось заметить сразу? По большому счету почти всю кучу можно выкинуть в мусорную корзину. Я уронил голову на руки и вдруг ощутил озноб, пробежавший между лопаток.

Ле луп... Волк.

Именно из-за этого убийцы я в свое время начал налегать на спиртное так, что после пришлось пообещать Белинде: к бутылке больше не притронусь.

Задумавшись, я не заметил, как в кабинет вошел Стайлз. Напарник остановился у стола, не сводя с меня глаз.

— Я тоже вспомнил «Волка», инспектор. Другое дело, что наши жертвы не истерзаны, да и нашли их тела не в темных переулках.

Он решительно потряс головой, хотя в глазах его по-прежнему сквозила неуверенность.

По этому случаю мы со Стайлзом работали прошлой осенью. Первое убийство произошло субботней ночью; шла вторая неделя судебного процесса против Скотланд-Ярда. В следующую субботу — новый труп, а потом и третий — ровно через неделю. Преступник убивал женщин, служивших в мюзик-холлах и театрах Сохо. Жертв находили задушенными, с отметидами от когтей на теле. Погибшие — женщины в возрасте от восемнадцати до тридцати двух лет — ничем не напоминали друг друга и знакомы между собой не были. Почему именно эти три? И что убийца хотел сказать следами когтей?

В довершение всего история стала известна нечистоплотному газетчику Джону Фишелу. Сразу после первого убийства он разыскал

двух свидетелей. Те, получив от него по доброй бутылке виски, заявили, что видели у мюзик-холла подозрительного француза. На следующий день «Бикон» дал броский заголовок на первой странице: «ФРАНЦУЗ УБИВАЕТ НЕВИННЫХ ЖЕНЩИН». Статья вызвала волну нападений на французские лавочки и церкви, серьезно затруднив наше расследование.

После второго убийства Фишел прослышал о следах когтей и состряпал новый материал под названием «„*ЛЕ ЛУП*“ ТЕРРОРИЗИРУЕТ СОХО». Обнаружив третий труп, мы прочли еще одну статью: «СКОТЛАНД-ЯРД ПОКРЫВАЕТ „ВОЛКА“! ПРОДАЖНОСТЬ ПОЛИЦИИ НЕ ЗНАЕТ ПРЕДЕЛА!» Хуже недели на моей памяти не было. Ярд осаждали толпы орущих людей, грозившихся с нами покончить.

А потом убийства прекратились. «*Ле луп*» остановился, испугавшись, что мы со Стайлзом напали на его след, — мне хотелось думать именно так, однако мы к нему даже не подошли близко.

— Роуз Альберт — не девушка из мюзик-холла, — прервал молчание Стайлз.

Я промолчал. Перед глазами у меня стоял уже не тигр. Его сменил смеющийся, оскаливший окровавленные зубы волк.

Последнее время меня преследовали неудачи. Каковы шансы поймать «Волка» — или подражающего ему человека — на этот раз?

* * *

Дорогу до доков на Уоппинг-стрит мы провели почти в полном молчании.

На этот раз Блэр встретил нас в сопровождении троих инспекторов-речников. Те молча поприветствовали нас кивками; Блэр же ни меня, ни Стайлза словно не заметил. Стоял на ветру, прищурившись, всматриваясь вдаль. Холодный бриз продувал насквозь, и я с облегчением вздохнул, когда появился полицейский катер. Плашкоут, волочащийся за ним на буксире, был длиннее того, в котором нашли Роуз, и не так потрепан. На этот раз никто не потрудился прикрыть труп одеялом.

Связь с убийством Роуз представлялась мне очевидной. Симпатичная светловолосая женщина, чуть моложе первой жертвы. И тоже в вечернем платье. Руки связаны, юбки распороты, запястья в крови. На дне лодки плавали размокшие листья и лепестки, и я сразу вспомнил слова Джеймса о похоронах викингов. Возможно, мусор в лужице воды символизировал ценности, которые умерший уносит с собой в могилу.

— Она чуть младше, но... — пробормотал под ухом Стайлз.

— Знаю.

В глазах молодого инспектора я угадал страх. Скорее всего, и он, поглядев на меня, подумал то же самое.

Мы оба боялись, что стали свидетелями нового типа преступления, куда более опасного, чем эпизодические убийства, совершавшиеся в Лондоне. Скотланд-Ярд был не готов противостоять новой угрозе.

ГЛАВА 20

Личность погибшей женщины мы установили только через три дня. Могли и раньше, но помешало недоразумение.

Джейн Дорстоун была в гостях у друзей — Ливерингов, где планировала остаться до четверга. Однако в понедельник, сразу после похода в театр, девушка неожиданно решила прервать свой визит. Таким образом, родители Джейн пребывали в уверенности, что дочь гостит у Ливерингов, а те считали, что девушка уехала домой. В четверг Дорстоуны забеспокоились. Отец обратился в участок полиции в Мейфэре, и дежурный направил его к Винсенту, так что мистер Дорстоун прибыл в Скотланд-Ярд, не подозревая, что его дочь уже мертва.

Мы с Винсентом встретились с несчастным отцом в кабинете шефа. Разумеется, начальник восседал за столом, я же стоял у книжного шкафа, откуда отлично видел лицо посетителя.

Мистер Дорстоун был высоким, но довольно субтильным мужчиной. Вялый рот, слабый подбородок. Упав в кресло, он потянул вниз манжеты, словно пытаясь полностью прикрыть кисти рук, хотя портной сшил его рубашку по мерке.

— Приношу свои извинения, однако вам придется повторить рассказ, — заговорил Винсент. — Как вы обнаружили, что дочь пропала?

Мистер Дорстоун поправил усы, обдумывая ответ.

— Мы завтракали, когда пришла записка от Изабеллы. Записка для Джейн. Мы удивились, ведь дочь гостила у нее до сегодняшнего дня. Так что жена решила открыть конверт.

— Письмо у вас с собой? — осведомился я.

Дорстоун пошарил по внутренним карманам, но конверта не нашел и явно расстроился.

— Простите, но я... э-э-э... помню его наизусть. Изабелла спрашивала, не сможет ли Джейн завтра составить ей компанию за ланчем. Еще она поинтересовалась, как там Сидни.

— Сидни?

— Это мой сын, — смущенно пробормотал Дорстоун. — Он... э-э-э... болен. Изабелла его очень любит.

— Сколько лет вашему сыну? — уточнил я, отчего-то решив, что Сидни — подросток.

— Двадцать пять, — ответил Дорстоун, вновь пригладив усы.

Ответ был неожиданным, я наострил уши. Что за странный тон? Виноватый и в то же время пренебрежительный... Надо будет узнать о братце Джейн побольше.

— Что вы предприняли, прочитав письмо Изабеллы? — спросил Винсент.

— Разумеется, поехал к Ливерингам. — Дорстоун склонил голову набок, словно мир перед ним перевернулся и изображение следовало поправить. — Изабелла сообщила, что Джейн уехала еще в понедельник, сразу после театра. Вроде бы к дому друзей подъехал наш экипаж, и кучер передал дочери записку.

— Ваш экипаж? — переспросил Винсент.

— Именно, — надломившимся голосом сказал Дорстоун. — Изабелла в этом не сомневается. Мы держим его в конюшне недалеко от дома. Вероятно, им кто-то завладел, а впоследствии вернул на место.

Неплохо было бы узнать точное время, но...

— По какому адресу находится конюшня? — поинтересовался я.

— Марлтон-юз, двадцать. Это прямо на углу.

— У вас постоянный кучер?

— Да, Джозеф. Но в тот день у него как раз был выходной.

— А вы проводили вечер дома?

— М-м-м... Нет. Я отправился в свой клуб на кэбе. — Дорстоун встревоженно нахмурился. — Послушайте, Джозефа расспрашивать бессмысленно. Он никогда не причинил бы вреда Джейн.

— Мы не сомневаемся, — согласился Винсент, и я вновь взял слово:

— На какой спектакль ходили Джейн с Изабеллой?

— Да какая разница? — вытаращился на меня Дорстоун.

— Инспектора интересует, в каком театре была ваша дочь в тот вечер, — внес ясность Винсент. — Нам нужно знать, откуда именно пропала Джейн.

— Ах да, — в замешательстве пробормотал наш собеседник. — Но... я не знаю. Какое-то новое место. По-моему, «Необычные встречи».

— «Невероятные встречи», это в Винчестере, — бросил мне Винсент и обернулся к посетителю. — Где живут Ливеринги?

— Реддинг-стрит, четырнадцать.

В Мейфэре... Еще одна связь с предыдущей жертвой.

— Можете рассказать нам о дочери? Сколько ей было лет? — мягко спросил я и тут же прикусил язык.

Впрочем, Дорстоун не заметил моей невольной оговорки.

— Семнадцать.

— Как она выглядит?

— Белокурая девушка, очень симпатичная, сероглазая. Примерно такого роста. — Дорстоун приложил руку к плечу.

— В каком наряде она отправилась в театр?

— Понятия не имею, — недоуменно глянул на меня отец жертвы. — Наверное, Изабелла вам скажет.

— Как Джейн обычно проводит время?

— Ну, не знаю. Ездит с визитами. По воскресеньям, разумеется, посещает церковь. Любит читать.

Роуз также любила книги... Хотя чтение — далеко не самая очевидная связь между погибшими девушками.

— В какую церковь вы обычно ходите?

— В церковь Святого Мартина — это в районе Филдс.

Я припомнил высокий шпиль на Трафальгарской площади и спросил:

— Джейн помолвлена?

— Да нет, — после недолгого колебания протянул Дорстоун.

— Мистер Дорстоун, — вклинился в наш разговор Винсент, — слышали ли вы о поклонниках дочери? Может быть, к кому-то из них она была равнодушна, а кого-то, наоборот, терпеть не могла?

— В прошлом году ее руки просил Сэмюел Гордон, но Джейн ему отказала. Боюсь, он был очень разочарован. А в последнее время все идет к помолвке с Робертом Эддингтоном. То есть — очень на то похоже, хотя о свадьбе он пока не заговаривал. Знаете, для Джейн было бы унижительно... э-э-э...

— Ваши слова останутся в тайне, — пообещал Винсент.

— Оба — весьма достойные молодые джентльмены. — Дорстоун насупился. — Наша дочь не из тех, кто может втихомолку сбежать с кавалером в Шотландию. Джейн далеко не так глупа.

Мы помолчали, затем Винсент достал портрет, выполненный полицейским художником, и положил его на стол.

— Мистер Дорстоун, это ваша дочь?

Изучив рисунок, отец погибшей девушки напрягся, переводя взгляд с меня на Винсента, и произнес дрогнувшим голосом:

— Подождите... Что это за игры такие?

— Мистер Дорстоун, это не игры, — печально сказал Винсент. — Если на рисунке действительно ваша дочь, то... Одним словом, во вторник утром ее нашли убитой в лодке на Темзе. Впрочем, это всего лишь рисунок...

Дорстоун осел в кресле, словно получив удар по голове. Глядя на его застывшее лицо, я не мог ему не посочувствовать, как это обычно бывает в подобные минуты.

— Естественно, пока у нас нет полной уверенности, — продолжил Винсент, — поэтому вынуждены просить вас посетить морг с целью опознания. — Он помолчал. — Мне очень жаль. Очень, очень жаль. Ужасная трагедия...

— Нет, это не она! — вскинул голову Дорстоун.

В его голосе прозвучала абсолютная уверенность, и в кабинете наступила тишина. Наконец Винсент поднялся.

— Мистер Дорстоун, молю бога, чтобы вы были правы. Однако, в таком случае, погибла другая девушка — тоже чья-то дочь, — и мне следует уведомить ее семью. Не смогли бы вы пойти нам навстречу?

— Разумеется! Несчастные родители!

Дорстоун поднялся и с готовностью присоединился к моему шефу. На меня никто из них даже не оглянулся.

Ну и прекрасно. Я уже распланировал остаток дня. Накинув пальто, вышел на улицу, вспоминая только что состоявшийся разговор.

Однако дерзко... Умыкнуть на часок-другой экипаж отца намеченной жертвы? Видимо, так же убийца действовал и неделю назад? Подъехал в знакомом Роуз экипаже... Интересно, что такого содержалось в записке, если Джейн сочла необходимым немедленно покинуть друзей? Допустим, заболел брат... Стало быть, примерно

таким же образом убийца выманил с бала Роуз: например, написал, что матери стало плохо.

Следует поговорить с Изабеллой Ливеринг, причем еще до того, как девушка узнает, что ее подруга мертва.

Три дня мы уже потеряли.

ГЛАВА 21

На первый взгляд, Изабелле Ливеринг едва исполнилось восемнадцать. Идеально белое личико, маленький носик, аккуратный рот. Подбородок — симметричный, перевернутый треугольник. Обычно про подобные лица говорят: утонченная, светская внешность. Мне-то кажется, что такие девушки напоминают кошечек.

Слава богу, Изабелла не отличалась ни хитростью, ни свойственной кошкам изворотливостью. Серьезная и сдержанная голубоглазая девушка. Во время нашего разговора она не переставала теревить подол своего платья, перебирая его тонкими пальчиками.

Начальник дал мне добро поговорить с ней с глазу на глаз, поэтому дверь в гостиную я предпочел закрыть — от любопытных ушей.

— Мисс Ливеринг, — начал я, — вы с утра отправили письмо Джейн...

Девушка кивнула.

— Джейн уехала в понедельник вечером — у нее было безотлагательное дело. Почему вы написали подруге лишь через несколько дней? Разве не переживали?

Изабелла вздохнула, прикусив ровными белыми зубками нижнюю губу.

— Вы ведь знаете, куда Джейн направилась из театра, не так ли?

Девушка бросила на меня умоляющий взгляд. Похоже, горела желанием помочь, и в то же время ее сдерживало какое-то обещание, данное подруге.

— Я скажу мисс Дорстоун, что мне пришлось оказать на вас определенное давление, так что она сможет во всем винить меня, а не вас.

Покосившись на дверь, Изабелла еле слышно заговорила:.

— Ей пришла записка от брата. Сидни просил Джейн приехать немедленно.

— Куда приехать?

— Думала, вам рассказали, — удивилась Изабелла. — Он... он в здравнице.

— В здравнице... — повторил я. Что ж, во всяком случае, понятно, почему смутился Дорстоун. — И давно он там?

— Чуть больше года, хотя на Рождество приезжал домой.

— Вы считаете, что Джейн не солгала насчет содержания записки?

— Конечно, нет! Она была так обеспокоена и печальна... А если уж у Джейн такое лицо — значит, у Сидни какие-то неприятности.

— Брат часто ей пишет?

Изабелла отвела взгляд.

— Мисс Ливеринг...

— Он присылает письма мне, а я потом передаю их Джейн, — вздохнула девушка.

— В каком заведении лечится Сидни? — спросил я, втайне надеясь, что заведение не слишком далеко.

— «Седдон-холл». Это в Суррее.

Мое сердце екнуло. Я знал это место. Несколько лет назад о нем писали многие газеты. Основал здравницу человек, сделавший состояние на торговле разными лекарствами и мазями. Однажды ему захотелось устроить место отдыха для людей, страдающих туберкулезом и нервными заболеваниями. Полагая, что долина Темзы рождает миазмы, способствующие развитию заболеваний, заведение он построил как можно дальше от реки и все же достаточно близко к Лондону, чтобы до здравницы можно было спокойно добраться поездом. Джейн вполне могла обернуться туда и обратно всего за несколько часов.

— Миссис Дорстоун придет в ярость, — продолжила Изабелла. — Джейн иногда говорила ей, что остается у меня с ночевкой, а сама навещала брата. Кстати, ее тетка Мэри живет в Суррее, совсем недалеко.

— Почему Сидни поместили в лечебное заведение?

Лицо девушки скривилось от боли — значит, причина могла быть только одна.

— Он пытался покончить с собой?

— Сидни вскрыл себе вены, — прошептала Изабелла.

Я тут же вспомнил порезы на запястьях убитых девушек.

— Он писал Джейн в августе, — пробормотала девушка, пряча глаза. — Умолял ее о встрече, однако миссис Дорстоун спрятала его

письмо, и Джейн даже не знала, что Сидни его посылал. Так что на этот раз, когда ей передали записку...

— ...не поехать она не могла, — закончил я.

— Прошу вас понять, инспектор. Сидни — не сумасшедший. И вовсе не так слаб духом, как говорит миссис Дорстоун. Он просто чрезвычайно много думает.

В этой фразе я услышал слова любящей сестры.

— Джейн его очень любит, верно?

— Конечно! — Мисс Ливеринг сжала руки так, что побелели костяшки пальцев. — Сидни — чудесный человек. Умный, добрый... Он никак не должен был там очутиться!

Ее голос задрожал. Ого, получается, молодого человека любила не только Джейн Дорстоун!

Я ощутил внутренний толчок. Тут есть какая-то связь...

Изабелла смотрела на меня с таким ожиданием, что я не стал останавливаться на забрезжившей было догадке.

— Надолго ли Джейн обычно оставалась у Сидни?

— Самое большее — на пару дней, поэтому я и решила утром, что уже можно написать ей домой.

Вытащив записную книжку, я сделал несколько заметок и поднял глаза на девушку.

— Мисс Дорстоун надевала в театр драгоценности?

Шанс был невелик, однако почему не спросить? Возможно, убийца обратил внимание на девушек именно по этой причине.

— Надевала. Брошь с камеей — она когда-то принадлежала ее бабушке. Собственно, Джейн ее и не снимала.

— Но ничего особенно дорогого на ней не было?

— Нет, Джейн равнодушна к драгоценным камням.

— Спасибо, мисс Ливеринг, — сказал я, поднимаясь и закрывая записную книжку. — Благодарю вас за терпение.

— Когда увидите Джейн, скажите, чтобы она приехала ко мне, — попросила девушка, нервно ломая пальцы. — Терпеть не могу оказываться в подобном положении.

Я надел шляпу, скрыв под ней виноватый взгляд — ведь правды от меня Изабелла не услышала, и торопливо попрощался. Направившись в сторону конюшни на Марлтон-юз, еще раз вспомнил весь разговор, останавливаясь на тех фразах, которыми мисс Ливеринг описывала

любовь Джейн к своему брату. Наконец удалось уловить связь, которая мелькнула у меня в голове во время визита: Джейн была предана своему брату точно так же, как и Роуз — своей подруге Эдит Харви. Уж не знаю, какой вывод сделал из этого убийца, однако общие черты налицо: погибли две молодые и привлекательные девушки, а пресловутая преданность казалась еще одной тоненькой ниточкой, связывающей Роуз и Джейн.

Имелось и нечто более очевидное: и та, и другая жили в Мейфэре. Кстати, как и миссис Бэкфорд! В ночь побега на ней было красивое платье; возраст почти как у Роуз и Джейн — лишь несколькими годами старше. И Мадлен не менее симпатична, чем погибшие девушки. А если предположить, что убийца и намечал ее в качестве первой жертвы? Правда, миссис Бэкфорд удалось сбежать...

Я замер посреди улицы.

Когда пропала Мадлен? В среду, верно?

Вытащив записную книжку, я принялся лихорадочно листать страницы. Да, точно. В среду. Как раз в тот день, когда Стивен Бэкфорд в компании Спира ходил в клуб и в театр. Я вышел из оцепенения и двинулся дальше. С каждым шагом мысль о связи Мадлен с двумя жертвами убийцы казалась мне все менее заслуживающей доверия. Что у них общего? Сотни женщин в Мейфэре ведут практически один и тот же образ жизни. Мадлен замужем — никаких секретных помолвок, да и покидать дом, судя по словам супруга, ее никто не заставлял. Никто не заманивал в знакомый экипаж. Долгое время до побега женщина находилась в смятенном состоянии ума, чего не скажешь ни о Роуз, ни о Джейн. И как, интересно, сумела бы миссис Бэкфорд сбежать от сильного мужчины, который легко справился с другими девушками?

Я разочарованно почесал в затылке. Явную связь обнаружить в любом случае невозможно, пока миссис Бэкфорд не заговорит.

Ладно. Мне сегодня еще много с кем предстоит встретиться. Например, с Сидни Дорстоуном; возможно, с Мэри — тетушкой Джейн. И все же в первую очередь меня интересовал человек, сидевший на козлах экипажа Дорстоунов.

ГЛАВА 22

Конюшня в Марлтон-юз вполне могла бы вместить дюжину лошадей и четыре-пять экипажей. Войдя через боковую дверь, я обнаружил внутри четверых картежников за колченогим деревянным столом. Под левой рукой каждый из них держал кучку монет; у правой руки стояло по кружке эля. Наверняка за пивом игроки бегали в ближайший паб.

Я представился и сказал:

— Есть несколько вопросов касательно экипажа Дорстоунов. В понедельник вечером он пропал из конюшни.

Мужчины переглянулись и уставились на меня.

— Мы ничего об этом не знаем, — ответил один. — Мы тут ни при чем.

— Мне всего лишь хотелось бы понять: когда именно экипаж уехал, и когда его вернули на место. Сможете помочь?

Игроки погрузились в молчание, разглядывая карты. Втиснувшись между двумя из них, я положил руки на стол.

— Думаю, никому из вас не повредит, если человек из Скотланд-Ярда будет у вас в долгу. Кстати, с меня четыре пинты эля.

Худой русский мужчина наконец оторвал взгляд от карт.

— Я отвозил мистера Суэйлза к Юстону. Вернулся к половине десятого. Экипажа Дорстоунов уже не было.

— А когда уехали?

— Часов в семь, — виновато пробормотал картежник. — Тогда карета еще стояла на месте.

До Юстона отсюда ехать минут двадцать. Скорее всего, кучер решил воспользоваться хозяйским экипажем, чтобы подзаработать на обратном пути. Я наградил собеседника одобрительным кивком, и мужчина облегченно вздохнул.

— Кто-нибудь помнит, когда экипаж снова появился в конюшне?

— Я пришел на следующее утро, еще шести не было. Карета уже стояла, — подал голос картежник слева.

— В понедельник вокруг конюшни болтался какой-то тип, — снова заговорил худой мужчина, кивнув в сторону паба. — Я сразу

решил: не местный.

— Как он выглядел?

— Примерно как вы. Такой же высокий, крепкий. Наверное, лет сорока с хвостиком. Волосы темные, почти до плеч, густая борода.

— Полагаете, он мог взять экипаж?

— Может, и взял, — буркнул мужчина, выпятив губу. — Присматривался — это точно.

— Попробуйте спросить в пабе, — подсказал еще один кучер. — Наверное, он забегал выпить пива.

— Вполне возможно.

Я повернулся к выходу.

В пабе воняло пролитым и закисшим пивом и подгоревшим луком. За стойкой расположился бармен, окидывающий свое хозяйство внимательным взглядом. Видно, наблюдательный парень — такие всегда полезны. Поздоровавшись, бармен мигом отметил мое деформированное ухо, глянул на руки, на пояс, куда я цеплял дубинку, и удовлетворенно хмыкнул. Вычислил он меня без труда, однако мой визит его нисколько не беспокоил.

Я заказал кружку и спросил бармена о мужчине, которого описали кучера.

— Имени не знаю, а на вид помню, — не стал отпираться бармен. — Заглядывал к нам два дня подряд. Брал по паре кружек эля, и все сидел, тянул их потихоньку. Вон за тем столиком сидел, у окна.

Я подошел к указанному барменом столу. Окно выходило прямо на главный вход в конюшню, откуда выезжали кареты.

— Что-нибудь еще дельное вспомните?

— Кашлял сильно — аж булькало все. Чахотка или что-то в этом роде. Мой дядька страдал этой гадостью, потому и знаю.

Прикончив кружку, я заказал четыре пинты для кучеров и собрался уходить, но бармен поманил меня к стойке и склонился к моему уху.

— Боксер?

— Был когда-то, — ответил я с забившимся сердцем.

— На ринг вернуться не подумываете?

— Ни за что, — покачал я головой.

— Мог бы предложить вам неплохой заработок, — буркнул бармен, окинув оценивающим взглядом мои плечи и руки.

Меня пробил жар.

— Нет. Благодарю.

Еще один Симус О'Хаган — тоже смотрит на меня, как на зверя в клетке.

Мне вдруг пришло в голову, что высокий темноволосый незнакомец вполне мог действовать по чьему-то приказу, и тот, кто его нанял — человек сильный и властный, — многое поставил на карту.

ГЛАВА 23

Лежа в постели, я рассказал Белинде о Роуз и Джейн, и Бел, склонив голову мне на плечо, пробормотала:

— Хорошо, что объяснил, хотя мог бы это сделать еще на прошлой неделе.

Она толкнула меня в бок голой ногой.

— Всего лишь одно из множества дел, — сказал я, слегка покривив душой. — Тем более в субботу мы были у тебя с Гарри. Не стал при нем вдаваться в подробности. Да и мешать не хотелось — вы так упивались цитатами из Шекспира...

Пропустив колкость мимо ушей, Бел оперлась на локоть.

— Наверное, в вашем разговоре с Гаверлингом было здоровое зерно. Помнишь, в какой позе оставлял трупы «Волк»? Каждая из убитых женщин лежала с заведенными за голову руками.

Я недовольно заворчал.

— А вот скажи: волосы нынешних жертв были распущены или забраны?

— У Роуз была примерно такая же укладка, как ты сама делаешь: волосы перекинута через плечо, локоны завиты. У Джейн — распущены.

— Обе лежали на спине?

Станный тон Белинды заставил меня перекатиться на кровати и глянуть ей в лицо.

— Что тебе пришло в голову, Бел?

— Вспомнилась «Волшебница Шалот».

Заметив мое недоумение, она добавила:

— Я как-то читала тебе эту балладу. Написал ее Теннисон. Главная героиня — заточенная в башне знатная леди. На Шалот наложено проклятие, так что она может видеть мир лишь в волшебное зеркало, да ткать гобелены. За пределы башни ей выйти не суждено. Потом появляется Ланселот. Узница бросает на него взгляд, и зеркало разбивается. Шалот понимает, что теперь смерти ей не избежать, и забирается в лодку, устелив ее днище цветами. Она направляется вниз по реке, в Камелот. А Ланселот понимает, кого встретил, поскольку до

его ушей доходили рассказы о прекрасной пленнице. Неужели не помнишь?

— Ты никогда не читала мне эту поэму, — покачал головой я.

Белинда снова игриво пихнула меня в бок и надела шелковый пеньюар.

— Нет, читала! Почему ты никогда не слушаешь стихи?

— Когда ты одета, как сейчас, мне просто не до поэзии.

Бел хихикнула и, подхватив подсвечник, оставила меня в темноте. Я накинул халат, купленный ею специально для меня, и последовал за любимой в библиотеку. Белинда, встав у книжной полки со свечой в руке, провела пальцем по корешкам.

— Ага, вот и она!

Полистав страницы, она протянула мне книгу.

— «Волшебница Шалот», издана в тысяча восемьсот тридцать третьем, — прочел я и поднял взгляд на Белинду. — Это ведь баллада о даме, погубившей мужчину?

— Скорее о желании женщины попасть в реальный мир, — покачала головой Бел. — Ей хотелось стать чем-то бóльшим, не просто изустной легендой.

— То есть ты считаешь, что преступник, убивший Роуз и Джейн, вообразил себе нечто подобное?

— Я считаю, что тебе следует прочесть эту поэму, — твердо сказала Белинда. — Пойдем к камину.

Устроившись на диване подле любимой, я молча прочел первую строфу при свете свечи.

— Читай вслух. Люблю это произведение, хотя оно довольно печальное.

Я продекламировал первые строки, неловко спотыкаясь на рифмах:

«По обе стороны реки цвели поля, росли сады,
Вздымая ввысь свои цветы;
А чрез поля дорога шла,
Что в крепость Камелот вела».

Закончив чтение, я заметил, что у Белинды на глаза навернулись слезы.

— Бел, это всего лишь стихи!

— Только представь себе: несчастная женщина провела всю жизнь взаперти, потом влюбилась в человека, который даже не знал, что она существует. — Бел сморгнула слезу и усмехнулась: — «Волшебница Шалот» каждый раз заставляет меня плакать...

— Не понимаю, какая тут связь с убийствами, — буркнул я, закрыв книгу. — Впрочем, если преступник знаком с поэмой Теннисона, стало быть, он — человек образованный. Уже что-то.

Белинда фыркнула, промокнув глаза рукавом:

— Несколько лет назад одна художница создала картину по мотивам поэмы. Француженка, Софи-Жанжамбр Андерсон.

— Это известная работа?

— Во всяком случае — уважаемая. Одна из первых картин в ливерпульском собрании. По версии Андерсон, леди Шалот плыла в лодке, прикрывшись сотканным ею гобеленом. Эта интерпретация не слишком напоминает твоё дело. Тем не менее, женщина в лодке прекрасно одета; у нее длинные волосы, и дно лодки покрыто цветами. — Белинда нахмурилась. — Впрочем, на ее холсте в лодке присутствует еще и мужчина. Судя по картине, низкого происхождения.

— Ну, я не думаю, что преступник убивает именно из-за этой поэмы.

— Не из-за поэмы! — Белинда шлепнула меня по руке. — На самом деле, убийца мог и не слышать о Теннисоне, однако тело женщины в лодке для него явно что-то значит.

Допустим...

— С Джеймсом говорил? — задумчиво спросила Бел. — Он вполне может обнаружить связь между способом убийства и причиной, которая заставляет преступника лишать женщин жизни.

Я медленно кивнул, продолжая сомневаться.

— Могу поговорить с моим издателем, — у него наверняка есть репродукции картины, — предложила Белинда.

Я едва не ответил отказом, и все же... Бел не шутила. Ее любовь ко мне была столь же бескорытна, как и чувства погибших девушек.

— Наверное, так будет проще — не придется ехать в Ливерпуль, — признал я.

Похоже, мне удалось слегка удивить любимую; впрочем, на ее лице тут же заиграла шаловливая улыбка. Меня погладили по руке.

— Не буду ему писать, пока ты не вернешься в постель!

ГЛАВА 24

На следующее утро Винсент, вызвав меня в свой кабинет, вручил мне письмо от Блэра.

— На второй лодке никаких обозначений.

Я с трудом подавил досаду — столько времени потратил, бродя по верфям! — и рассказал шефу о своих достижениях. О «Волшебнице Шалот» умолчал. С утра связь между жертвами показалась еще менее явной, чем вечером, при свете свечей.

Винсент внимательно меня выслушал и кивнул, похоже, отмечая мои соображения в сторону.

— Корраван...

Я отпустил дверную ручку, не успев перешагнуть порог, и обернулся.

— Наблюдательный комитет пристально следит за нашим расследованием. — Шеф неторопливо подошел к окну. — Особенно мистер Куотермен.

Черт, только этого не хватало!

Винсент встретился со мной взглядом.

— Вы ведь знаете, что Куотермен нам не враг. Недоверчив — такой характер. И все же его настороженное отношение к Скотланд-Ярду имеет под собой основания. — Шеф состроил сокрушенную мину. — Сегодня утром в «Таймс» появилось его интервью — помните дело Дэниэлса? Куотермен продолжает придерживаться мнения, что тот человек остался бы жив, носи вы полицейскую форму. Считает, что Дэниэлс бросился бежать, поскольку не знал, что вы — полицейский.

Я ощутил, что краснею от гнева.

— Неправда! Дэниэлс точно знал, что я...

— Правда или нет, — предупреждающе поднял руку Винсент, — однако Куотермен — человек влиятельный, и передовица в газете лишь добавляет веса его словам. Так вот, дальнейшие решения комитета, безусловно, зависят от успешного раскрытия текущего дела, но не только. Если газеты пронюхают про серию убийств до того, как вы...

Я дернулся, представив себе заголовки.

— Знаю.

— Мне не хотелось бы отстранять вас от расследования, потакая Куотермену. — Винсент крепко сжал спинку своего кресла. — Вам нужна помощь?

— Нет, Стайлза вполне достаточно.

Шеф посмотрел на меня с некоторым сомнением, и я подавил негодование, постаравшись забыть о том, что человек, стоящий передо мной, самостоятельно не раскрыл ни единого дела.

Винсент передвинул на дюйм одну из лежавших на столе бумаг.

— Вот еще что: Куотермен желает, чтобы вы переговорили с одним персонажем по имени Маклафлин.

— Он нам интересен? — безмятежно спросил я, по-прежнему скрывая раздражение.

— В прошлом году его осудили за похищение девушки, которую он удерживал на верфи, у шлюпочной мастерской. Девушка сбежала, однако у нее остались шрамы на запястьях. — Винсент сделал паузу. — Вам знаком этот случай? Маклафлин проживал в Уайтчепеле.

— Не уверен, сэр, — откликнулся я, словно никогда не слышал произнесенного шефом имени.

Он скептически глянул на меня и, не дождавшись ответа, кивнул.

— Хорошо. Прошу вас сделать все возможное, чтобы найти этого человека. В протоколах судебного заседания наверняка будет его адрес.

Похоже, на этом пока все...

О Нате Маклафлине я знал достаточно, что давало мне основания не обращать внимания на просьбу Куотермена.

Стайлз ждал в отделе — сидел за своим столом, мрачно уставившись на исписанный мужским почерком лист бумаги. Заметив меня, он оторвался от документа и прошептал:

— Мадлен идет на поправку.

— Она заговорила? — спросил я, присев рядом.

— Пока говорит только по ночам, однако начала улыбаться. Вчера взяла меня за руку.

— Надо же, меня только когтями полосует, — хмыкнул я.

— Она не виновата, — серьезно глянул на меня Стайлз. — Оказывается, ее пичкали лауданумом.

— Лауданумом?

Сильнодействующий препарат, спиртовая настойка опиума...

— Аптекарь, работающий недалеко от кабинета доктора Уиллиса, показал, что тот нередко выписывает женщинам лауданум для успокоения нервной системы. — У Стайлза в глазах мелькнула тень сомнения. — Я спросил у доктора Эверетта: что будет, если Мадлен вдруг лишит этой настойки, которую она принимала долгое время? Он говорит: все, что угодно, — от непроизвольного тремора и мышечных спазмов до маниакального бреда.

В словах Стайлза я отчетливо услышал знакомые интонации Джеймса.

— Постепенно эти симптомы сходят на нет. Вот и причина ее поведения в приюте. Потом-то Мадлен стала гораздо спокойней.

Надо признать: выводы Стайлза слегка сбили меня с толку. Я уже успел выбросить из головы несчастную миссис Бэкфорд, однако напарник занимался ее делом столь добросовестно, что добился некоторого прогресса. Стыдно... Как я мог не поинтересоваться у доктора Уиллиса, чем тот лечит Мадлен...

— Раз она даже не удосужилась взять свое пальто, то что уж говорить о...

— Да-да, понятно.

Стайлз неуверенно посмотрел на меня, и я проклял себя за резкий тон.

— Хорошо, что вы поговорили с аптекарем. Весьма разумный шаг, — поднявшись, угрюмо сказал я.

— Вчера миссис Бэкфорд была в более-менее ясном рассудке и даже заговорила по-английски, хотя и невнятно. Что-то про переулок, но мы расслышали лишь «...лейн». Недалеко от дома Бэкфордов есть парочка, не дальше чем в ста ярдах. Уиллис-лейн и Кинсли-лейн. Я прошелся туда вечером — решил поговорить с дворниками, подумал, что могу найти людей, видевших Мадден той ночью.

— А! Хорошая мысль.

Благодарно склонив голову, Стайлз вдруг громко чихнул и полез за носовым платком. Хм, нос-то у него уже красный, видимо, насморк совсем одолел... Весна — время коварное, что говорить.

— Будьте здоровы, — сказал я и вышел из кабинета.

ГЛАВА 25

Дверной молоток на двери дома Дорстоунов скрывал мрачный траурный венок, так что я постучал кулаком.

Слуга, открывший дверь, проводил меня в библиотеку, где, сидя в кресле, ждал глава семейства. Рядом с ним на столе стоял поднос с тостом и чашкой чая, но ни к тому, ни к другому отец девушки даже не притронулся.

Приблизившись, я обратил внимание на его покрасневшие опухшие глаза и мятую одежду, словно Дорстоун спал, не раздеваясь. Его смятение можно было понять: фактически потерять сына из-за расстройства рассудка, а потом еще и дочь, павшую от руки убийцы... Настоящий ад.

Не дождавшись приглашения, я придвинул к себе стул, уселся и обратился к хозяину дома:

— Мистер Дорстоун, мне очень жаль, однако есть несколько вопросов. Впрочем, ничего сложного.

Он безнадежно глянул мне в глаза.

— Нет ли вероятности тайной помолвки между вашей дочерью и мистером Эддингтоном?

Если да, сходство с Роуз приняло бы четкие очертания.

— На прошлой неделе, — едва заметно покачал головой Дорстоун, — Джейн по секрету поведала мне, что Эддингтон ее беспокоит: вроде бы он уже не проявляет столь же искренних чувств, как раньше. Я сказал, что это полная ерунда. Надо быть глупцом, чтобы потерять такую девушку.

— Не связаны ли вы или члены вашей семьи с компанией «Желтая звезда», с Террингтоном или Престоном?

— Нет. Почему вы спрашиваете?

— Тогда, может быть, с «Болдуин»? Или с министром внутренних дел?

Он с недоумевающим видом откинулся в кресле.

— Кто вам такого наговорил?

— Нет-нет, никто.

— Тогда к чему подобные вопросы? — вспыхнул Дорстоун и тут же, разрыдавшись, спрятал лицо в ладонях.

Я замолчал. Через несколько минут собеседник успокоился, достал платок и вытер нос.

— Прошу вас, не надо... — попросил он. — Прекратите эти глупые, бессмысленные расспросы.

— Мистер Дорстоун, я вам сочувствую. И все же... У нас есть основания полагать, что Джейн собиралась навестить вашего сына...

— Она ездила к нему почти каждый месяц, — сказал Дорстоун, облизав сухие губы. — Сидни больше никого не хотел видеть.

— Прошу у вас разрешения его посетить.

— Конечно, я могу написать сыну письмо, — нерешительно пробормотал он. — В любом случае, нет ни малейшего шанса, что Сидни имеет отношение к...

— Тем не менее, я был бы вам очень признателен.

Он медленно поднялся и, переместившись за стол, достал лист бумаги и обмакнул ручку в чернильницу. Несколько минут в комнате раздавался лишь скрип пера, и вдруг Дорстоун в панике оторвал взгляд от письма, словно выйдя из ступора.

— Вы не должны рассказывать ему о Джейн. Доктор сказал, что любое потрясение может убить Сидни! Его нервы слишком расшатаны.

— Он не знает о смерти сестры? — изумился я.

— Не знает. Поклянитесь, что будете молчать! В противном случае письмо я вам не отдам.

Он схватил бумагу, будто собираясь тотчас ее разорвать.

Я подавил стон разочарования. Каким же, черт возьми, образом должен я в таком случае выяснить хоть что-то об убийстве Джейн?

Так или иначе, слово дать пришлось, и Дорстоун, поставив подпись, слабым движением, словно лишившись последних сил, подтолкнул ко мне законченное письмо.

— Пожалуйста. Вы получили то, что хотели, а уж будет ли с того толк...

Он уперся локтями в стол и снова закрыл лицо.

— Благодарю вас, — тихо сказал я и вышел из комнаты.

Добравшись до Чаринг-Кросс, я сел на поезд до Суррея и принялся размышлять: как расспросить Сидни о сестре, не перейдя

черту. Были вещи, которые я сказать мог, была и запретная тема.

Поезд, скрипя тормозами, подошел к станции. При выходе из вагона мой взгляд сразу упал на указатель к здравнице. Итак, мне налево. «Седдон-холл» — в четверти мили от вокзала.

Ворота для пешеходов были открыты, и я прошел извилистой дорожкой к внушительному корпусу из светлого камня, строгие линии которого смягчали высаженные через правильные интервалы деревья.

Я открыл дверь в квадратное фойе, украшенное изображениями медиков, заботливо обследующих прикованных к постели пациентов. Все картины были написаны маслом, и на каждой присутствовал маленький столик со сверкающей бутылкой. Подозрительно прищурившись, я разглядел этикетки с надписью «Седдон»^[6] и невольно фыркнул.

— Добрый день! — раздался за моей спиной мужской голос.

Обернувшись, я вынужден был приноровиться к росту подошедшего ко мне человека, едва достигавшему пяти футов.

— Здравствуйте. Я — инспектор Корраван из Скотланд-Ярда. Хотел бы увидеть одного из ваших пациентов, — сказал я, вытащив письмо.

— Меня зовут Харпер, я здешний администратор.

Открыв письмо, Харпер внимательно ознакомился с содержанием, и его лицо застыло непроницаемой маской.

— Хм. Мистер Дорстоун... — Сложив бумагу, администратор вернул ее мне и сообщил: — Боюсь, посещение этого пациента ограничено.

— Мне требуется всего лишь несколько минут, если уж все так строго. У меня срочный вопрос по линии одного расследования. Его отец...

— Его отец не имеет полномочий предоставления допуска к нашим больным, — выпрямился во весь рост коротышка.

— Надеюсь, мистер Дорстоун находится в здравнице? — сдерживая гнев, осведомился я.

— Разумеется. — Харпер заложил руку за лацкан жилета. — Однако пациенту не следует разговаривать с посетителями, которые могли бы его расстроить. Это касается и полиции.

— Знаете, кто такой Том Флинн? — понизив голос, поинтересовался я.

— Да, — прикусив губу, ответил администратор.

В марте прошлого года Том Флинн опубликовал серию статей о злоупотреблениях, царивших в лечебнице «Кортвелл». Тамошние доктора ставили эксперименты над больными, проводя лечение магнитотерапией и инъекциями железа, вследствие чего несколько пациентов скончались. Разразился громкий скандал; в итоге лечебнице пришлось сменить почти весь штат.

— Так вот, Том Флинн — мой большой друг.

Я довольно сильно преувеличил, однако взгляд коротышки выдержал твердо.

Поджав губы, Харпер сделал жест, означающий, что он умывает руки.

— Ну что ж... Обязан вас уведомить, что данный пациент в прошлом причинял себе увечья. Если подобное произойдет после вашего визита, мы возложим всю вину на вас!

— Приложу все силы, чтобы не расстроить мистера Дорстоуна. Скажите, покидал ли он за последние несколько месяцев пределы здравницы?

Бросив на меня кислый взгляд, коротышка исчез в кабинете, и я расслышал отдаленный звук колокольчика. Наконец Харпер вышел с папкой в руках, а из-за угла появилась медицинская сестра — приятная женщина лет тридцати пяти.

— Да, мистер Харпер?

— Миссис Ньюком, прошу вас найти в карточке все, что интересует инспектора. Затем проводите его в палату пациента. Визит будет кратким.

Последнюю фразу коротышка произнес с особым нажимом.

Сестра, открыв папку, поинтересовалась:

— Что вы желаете знать?

— Когда мистер Дорстоун последний раз выезжал из вашего заведения?

— Он находится здесь под другой фамилией, — поколебавшись, сказала сестра. — Думаю, вы понимаете. Родственники просили называть его мистером Дрю.

Стало быть, псевдоним. Оно и неудивительно.

— Итак?

— Полтора месяца назад, — сообщила миссис Ньюком, проведя пальцем по странице. — Четырнадцатого числа.

Если записи в карточке достоверны — ни первого, ни второго убийства Дорстоун совершить не мог.

— Уверены?

— О, разумеется, — серьезно отозвалась сестра. — Разрешение на выезд давали мистер Харпер и еще одна сестра — миссис Уинн. Таковы правила.

Интересно, а если им хорошенько заплатить... Мог ли персонал сделать вид, что не заметил ухода пациента? Если уж здесь изменили фамилию Сидни, кто мешает подтасовать иные факты?

— Не было ли у него посетителей последнее время? Может быть, сестра или тетка?

Миссис Ньюком сверилась с записями.

— Сестра приезжала три недели назад, а с тех пор — никого.

— Ведет ли пациент переписку? Кто-нибудь в курсе его корреспонденции?

— Конечно, — подтвердила сестра. — Мистер Дрю получает письма от Джейн и сам ей пишет. Больше он ни с кем не переписывается.

— Что он за человек? — спросил я.

— Замечательный молодой джентльмен, — сразу смягчившись, улыбнулась сестра. — К сожалению, с ним приключилась беда. — Закрыв папку, она повернулась к лестнице. — Да вы сами все увидите.

Поднявшись на второй этаж, мы прошли по застывшему в угрюмой тишине коридору. Сестра постучалась в дверь палаты. Ответа не последовало, и миссис Ньюком отперла замок своим ключом.

У окна сидел мужчина в кресле-каталке. Повернувшись к нам с радостным нетерпением, он тут же помрачнел, и миссис Ньюком приветливо сказала:

— Мистер Дрю, к вам посетитель.

Мы молча изучили друг друга. Дорстоун оказался худощавым, даже несколько изможденным человеком. Из-под тщательно отглаженных брюк выпирали острые колени. Отросшие темные волосы спадали ему на плечи, однако Сидни был гладко выбрит.

— Вернусь через пятнадцать минут, — сообщила сестра. — Четверть часа — это все, чем вы располагаете.

Прикрыв за собой дверь, она щелкнула замком.

— Я видел вас в окно, на дорожке у корпуса, — резко бросил Сидни. — Вы всегда так торопитесь?

— Боюсь, что да, — усмехнулся я.

— Что вы от меня хотите? — спросил он, указав мне на кресло.

Я уселся, еще раз провел в уме красную линию и медленно заговорил:

— Меня зовут. Майкл Корраван, и я пытаюсь выяснить происхождение письма, которое на днях получила ваша сестра Джейн.

— Письмо? От кого же? — встревожился молодой человек.

— Вот в этом нам и предстоит разобраться. — Я достал записную книжку (хотелось чем-нибудь занять руки) и начал нащупывать тропинку между ложью и правдой: — Когда вы последний раз писали Джейн?

— Мне запрещено переписываться с сестрой, — желчно сказал Сидни. — Матушка не разрешает.

— Знаю, что мисс Ливеринг служит вашим курьером, — заметил я, покосившись на него, — но не собираюсь об этом распространяться. Ваша мать не в курсе моего визита.

— Две недели назад, — опустил глаза, тихо сказал молодой человек. — Во вторник. Отправил Джейн стихи — надеялся, что ей понравятся.

— В прошлый понедельник не писали?

— Нет, — ответил он, бросив на меня любопытный взгляд. — А что случилось?

— В понедельник вечером Джейн поступило письмо. Они с мисс Ливеринг как раз были в театре. В записке было сказано, что вы хотите немедленно видеть сестру.

— Вы имеете в виду, что мой почерк кто-то подделал? — обеспокоенно встрепенулся Сидни. — Что там конкретно говорилось?

— Точно не знаю. К сожалению, письмо утеряно.

— Видимо, матушка, увидев, что письмо от меня, отправила его прямоком в мусорную корзину, — хмыкнул молодой человек.

— Кто, кроме ваших родителей и Джейн, знает, что вы здесь? — поинтересовался я, пропустив его реплику мимо ушей.

— Разумеется, прислуга. Дядя, тетка — она живет неподалеку. Изабелла и ее семья. Больше никто. — Он презрительно скривил

губы. — Вряд ли матушка желает, чтобы об этом говорили.

— Письма вы обычно пишете в палате?

— Иногда. Бывает, что и в фойе, на переносном столике.

— Позвольте взглянуть на ваше бюро?

Сидни, покачнувшись, поднялся из кресла и отомкнул бюро.

— Прошу.

Я вытащил один лист из пачки, лежавшей в столе. Тонкая белая бумага хорошего качества.

— Могу я взять образец?

— Разумеется.

— Мисс Ливеринг — единственный ваш курьер?

Он кивнул, наморщив лоб.

— Однако... Как странно! Кто же мог писать от моего имени? С Джейн все в порядке?

— Все прекрасно. — Сложив лист, я убрал его в карман. — Просто письмо действительно показалось ей странным.

— Она же поняла, что рука не моя — как иначе? У меня ужасный почерк, и Джейн об этом не раз говорила.

Конечно, Сидни был прав. И все же убийца мог создать видимость, что письмо писал мистер Харпер или один из здешних докторов.

— Можете закрыть бюро, — сказал я. — Не знаете ли вы молодую женщину по имени Роуз Альберт?

— Нет, а что? — ответил он, качнув головой.

— По всей видимости, — продолжил я плести паутину лжи, — она в понедельник появлялась в доме ваших родителей, распространяла буклеты о правах женщин. — Я пожал плечами. — Впрочем, не думаю, что тут есть какая-то связь.

— Если и разносила, — фыркнул Сидни, — матушка отправила ее буклет вслед за моим письмом.

— Миссис Дорстоун не любит подобные воззвания?

— Нет, а вот Джейн как раз увлекается.

По его губам пробежала нежная улыбка.

— Вы очень любите сестру, не так ли?

— Конечно. Она — мой единственный верный друг.

Мне на секунду стало нехорошо. Смерть Джейн станет для Сидни тяжелым ударом. У меня неожиданно вырвалось:

— Разрешите спросить, почему вы здесь?

Покраснев от стыда, Сидни наклонил голову. Впрочем, ответил он невозмутимо:

— Слабость, инспектор. Умственная и телесная.

— Так считают медики?

— Да, — тускло подтвердил он.

— Мистер Дорстоун, — произнес я, поднимаясь, — всегда найдутся люди, желающие вам что-то внушить. Мне, например, когда-то говорили, что я до жути глуп, и мой удел — таскать мешки с зерном да махать кулаками на боксерском ринге.

Молодой человек с интересом поднял голову, приоткрыв рот.

— Не собираюсь вас обманывать. — Я и вправду говорил искренне. — Мне показалось, что вы — наблюдательный и умный человек. Мисс Ливеринг очень хорошо о вас отзывается и, похоже, считает себя вашим другом.

Лицо Сидни разгладилось.

— Я — не доктор, но если уж вы провели здесь какое-то время, не пора ли вам кое-что пересмотреть в своей жизни? Возьмите себя в руки. Предпримите что-нибудь. Сколько вам лет?

— Двадцать пять.

— Вас не могут удерживать здесь против воли. Всего-то и нужно, что найти доктора, который подпишет нужную бумагу. — Вытащив записную книжку, я вырвал из нее листок и записал на нем два имени: свое и Джеймса. Добавил адрес госпиталя. — Вы можете написать этому человеку. Он — мой друг, занимается душевными расстройствами.

Молодой человек взял листок, не отрывая от меня удивленного взгляда.

Я взял шляпу, попрощался и покинул здравницу, не встретив по пути ни Харпера, ни миссис Ньюком.

Одно можно сказать точно: Сидни не убивал свою сестру. Стоило лишь увидеть выражение лица молодого человека, когда он говорил о Джейн... Кто же подделал письмо? Откуда этому человеку было известно, как именно его составить, чтобы убедить девушку поздно вечером запрыгнуть в экипаж без всякого сопровождения?

И что будет с Сидни, когда он услышит о смерти сестры?

Мне снова стало не по себе.

Я продолжал изучать имеющиеся зацепки, хотя с каждым днем все больше убеждался, что Роуз Альберт и Джейн Дорстоун, похоже, ничего не объединяет. Говорил с их друзьями, семьями, клерками и духовниками. Кто-то плакал, другие ужасались, третьи были вежливы и предупредительны. Я пришел к выводу, что Роуз и Джейн не были знакомы. Ни общих друзей, ни наставников; их семьи посещали разные церкви. Выяснилось, что судья продал большую часть акций «Болдуин», так что ни о каком контрольном пакете и речи быть не могло. Ни Альберт, ни Дорстоун не знали никого в кабинете министра внутренних дел. Поклонники девушек — Тергуд, Гордон и Эддингтон — принадлежали к разным профессиональным сообществам и посещали разные клубы, причем Гордон вообще членом какого-либо клуба не являлся. Никаких связей с чайной или текстильной компанией либо с «Болдуин» выявить не удалось. Судья Альберт состоял в клубе «Адваллер», созданном для лиц юридических специальностей, а уже третье поколение мужчин, носящих фамилию Дорстоун, посещало «Клавеллс». Никто из Дорстоунов не знал Ливину Болдуин.

Я осмотрел лодку, в которой нашли Джейн, однако, как и предупреждал Блэр, никаких опознавательных знаков в ней не обнаружил. Все мои действия походило на попытку удержать воду в сите.

В глубине души я ждал следующего вторника и третьего труп.

ГЛАВА 26

Я проснулся с ощущением страха. Одеваясь, понял: пойду в Ярд — значит, буду лишь сидеть и дергаться, пока не поступит дурная весть.

Или не поступит... Хотя это вряд ли.

Час был еще ранний, и все же я направился на Уоппинг-стрит.

Редкий, необычный день. Нечасто Темза выглядит серебристой, а не просто грязной. И правда — артерия. Никак не выгребная яма. Движение на реке было плотным, однако вполне упорядоченным и ритмичным.

Блэр стоял на краю пирса, и, присмотревшись к нему, я решил: пока новостей об очередном трупе не поступало. И все же бывший шеф дежурил у реки. Несмотря ни на что, я ощутил, что все-таки мы с ним похожи. Новое дело волновало его точно так же, как и меня.

Шляпа Блэра была сбита на затылок, руки в карманах. Мое появление его несколько не удивило. Он коротко кивнул и вновь перевел взгляд на реку.

— Новостей нет?

— Нет. — Он покосился на меня. — Видел утренние газеты?

— Нет, а что? — напрягся я.

— «Рейнольдс» пишет, что прошлой ночью молодой человек пытался покончить с собой в «Седдон-холле». А до того его вроде бы посещал инспектор Корраван из Скотланд-Ярда.

Блэр говорил равнодушно, но меня бросило в жар.

— Как? — выдавил из себя я.

— Бросился с крыши.

Конечно, я понимал, что бывший шеф пытается меня уязвить, и все же при мысли о Сидни ощутил слабость в коленях. Должно быть, мой визит пробудил в нем подозрения, и Дорстоун-младший каким-то образом узнал о судьбе сестры. Я вновь увидел несчастного молодого человека в кресле-каталке, вспомнил взгляд, с которым он воспринял мое пожелание собраться с силами...

Руки затряслись, и я сунул их в карманы с такой силой, что треснула подкладка.

— Он выжил?

— В газете об этом ничего не говорится.

Лицо Блэра по-прежнему оставалось бесстрастным, и все же в его голосе сквозило удовлетворение.

На этот раз злорадство бывшего шефа меня задело. Как можно находить удовольствие в новостях о том, что молодой человек пытался свести счеты с жизнью? У меня внутри все перевернулось — словно сердце попало в водоворот. Все же Блэр изменился за эти пять лет. Он всегда был грубоват и резок, но теперь эти качества лишь усугубились. В нем сквозила ненависть — наверное, в основном ко мне, а не к остальному миру. Я вдруг осознал — как отрезало, — что шеф речников мне больше не нравится, что я не способен им восхищаться. Невольная вспышка чувств меня напугала. Следом пришло понимание: наша связь прервалась решительно и бесповоротно.

Мои размышления прервал голос Блэра:

— У Винсента осталось полно друзей-газетчиков с тех времен, когда он служил в «Телеграф». Полагаю, им с него причитается: ведь это друзья создали ему известность, после чего он и стал директором.

Винсент слил в газеты сведения о моем визите в «Седдон-холл»? Какой-то абсурд. Может, он чем-то и обязан репортерской братии; наверное, я не пользуюсь его особым расположением, но заставить меня скверно выглядеть в глазах общества? Скотланд-Ярду подобная реклама явно не на пользу.

Я не стал отвечать на грязные намеки, поймав взглядом длинный низкий пароход, борющийся с течением с таким ревом, что завибрировали доски на пирсе.

— Можешь здесь не торчать, — буркнул Блэр. — Я напишу, если выловим еще одну.

— Наверное, для этого рановато, — возразил я, и мы погрузились в молчание.

Колокол на церкви пробил половину десятого, и я позволил себе осторожный вздох облегчения.

К этому часу тела Роуз и Джейн уже обнаружили, и сегодня, без сомнения, люди Блэра внимательно изучали реку. Дай бог, чтобы дело ограничилось двумя жертвами.

А потом мы увидели лодку. Плыла она быстро, держа курс прямо на нас.

— Черт... — прошептал Блэр.

На борту были два констебля. Оба гребли изо всех сил, что-то крича в нашу сторону. Нет, слишком далеко...

— Жива? — гаркнул Блэр.

Констебль утвердительно мотнул головой, и я кинулся к участку.

— Кэб, живо! Поедем в госпиталь! Она жива!

Шестеро речников, сидевших в помещении, раскрыли рты, потом один из них, опомнившись, выскочил за дверь. Раздалось три пронзительных полицейских свистка, потом еще три.

Я вернулся на пирс как раз вовремя: женщину укладывали на носилки. С подола ее платья слетело несколько мокрых листьев и лепестков. Пострадавшую спешно понесли в участок, и я придержал дверь.

— За кэбом уже побежали, — крикнул я Блэру, не сводя глаз с женщины.

Сегодняшняя жертва была старше двух предыдущих, лет двадцати пяти — тридцати, и не столь миловидна, как Роуз или Джейн. Простое серое платье без орнамента разрезано, в отличие от прочих двух случаев, от горла до талии. Порыв ветра отбросил край распоротого лифа, обнажив правую грудь женщины. Один из констеблей остановился и поправил платье. Промокшие и спутанные волосы жертвы до нападения были, видимо, уложены в довольно скромную прическу. Руки связаны. На правой — кольцо. Синяков и повреждений на лице больше, чем у двух погибших девушек, но кровавых пятен на юбках я не увидел. Туфли отсутствовали, и из-под платья высывались босые ступни.

Точно ли женщина жива?

— Дышит? — бросил я, пройдя за констеблями и Блэром обратно на улицу.

— Пульс прощупывается, — ответил один из речников.

Стало быть, шанс есть...

Женщину уложили в кэб, и Блэр скомандовал кучеру:

— В госпиталь на Денмарк-стрит! Проедешь по Найтингейл, потом направо по Сент-Джордж-роуд. Не жалея лошадей!

Блэр захлопнул дверцу у меня перед носом, и кэб тронулся, громыхая колесами по неровному булыжнику.

Я настолько сосредоточился на пострадавшей женщине, что недоверие и злость на Блэра куда-то отступили; он же по-прежнему смотрел волком.

Обернувшись к неуверенно глазевшему на меня констеблю, я попросил:

— Раздобудьте мне еще один кэб.

Тот трижды дунул в свисток, и через пару минут я уже залезал в подъехавший экипаж.

Неужели убийца на этот раз сознательно оставил жертву в живых? Лодка, связанные руки — здесь без изменений. Но почему платье разрезано иначе? Да и наряд женщины простенький по сравнению с платьями Джейн и Роуз. Опять же, сегодняшняя жертва старше, да и замужем. Почему преступник выбрал именно ее?

Оставалось рассчитывать, что женщина выживет и сумеет нас просветить.

* * *

«Денмарк-стрит», один из старейших госпиталей Лондона, представлял собой скопление зданий, сложенных из разномастного кирпича и расположенных правильным четырехугольником. Когда я подошел к воротам, первый кэб уже отъехал.

Направившись ко входу, я остановился, услышав звук мчащегося за спиной экипажа, и меня посетило неприятное предчувствие. Неподалеку от Уоппинг-стрит находились две редакции, и нам невероятно повезло, что газетчики за последние две недели ни разу не унюхали царившей у штаба речников суматохи. Как правило, те репортеры, которых я знал, ходили, надвинув на глаза кепи, и сутулились, словно стараясь избежать любопытных взглядов. Впрочем, не исключено, что просто стыдились. А может, — и то и другое. Тем не менее, среди этой братии попадались и приличные люди, не раз мне помогавшие.

Из кэба выбрался крепкий человек в бесформенной шляпе, и я облегченно выдохнул.

Том Флинн из «Фалкона».

Том не был моим «близким другом», как я напел Харперу, — скорее, хорошим знакомым, да и «Фалкон» весьма отличался от других изданий, вечно рыщущих в поисках скандальных фактов. Особо в этом смысле выделялись «Бикон» и «Рейнольдс» — вот кто со злорадством

представлял нас неуклюжим сбродом. Том обладал отличным слогом, был умен, бесстрашен и тверд. Любой факт он проверял дважды, свои источники держал в секрете и, в отличие от Фишела, не давал ходу информации, когда я объяснял ему, почему с публикацией следует подождать. Впервые мы встретились, когда я служил еще в речной полиции. Том тогда не проявил должной осторожности, задавая кому попало острые вопросы о портовых рабочих и профсоюзах. В итоге его деятельность завершилась парой сломанных ребер и разможенной фалангой пальца. Я рассказал ему о людях, которых лучше избегать, и репортер внял моим советам.

Но как он догадался сегодня приехать на Денмарк-стрит? Услышал свистки констебля? Или удачно проходил с утра мимо штаба речной полиции? Том был ранней пташкой — это я знал точно.

Флинн, сунув руки в карманы, подошел ко мне. Он был на голову ниже меня, но крепок и широк в плечах. Яркие зеленые глаза на круглом лице с маленьким носом могли быть жесткими, словно лед. У Тома наметилась лысина, которую он старательно прятал под шляпой.

— Привет, Том!

— Здравствуйте, инспектор Корраван.

Газетчик криво ухмыльнулся — иронически и с легким намеком в глазах, словно мы поняли друг друга без слов. Наверное, так оно и было. По большому счету занимались мы одним и тем же — искали объяснения происходящим событиям, только с разными целями.

— Что вас сюда привело? — осведомился я.

— Видел причалившую к пирсу лодку, — прищурился он. — Видел, как оттуда выносили женщину. «Денмарк-стрит» — ближайший к отделу речной полиции госпиталь.

В логике ему не откажешь...

Я направился к дверям, и Том спросил, припустив за мной:

— Кто она?

— Пока не знаем.

— Где ее обнаружили?

— Ниже по течению, у доков, — ответил я, взявшись за ручку.

— Интересно, каким ветром вас занесло на Уоппинг-стрит? — искоса глянул на меня Том.

Я промолчал, и газетчик поинтересовался, указав подбородком на больничный коридор:

— Блэр там?

В ответ на мой кивок Том поморщился. Блэра он недолюбливал.

— Том, я знаю, что вам нужно написать хотя бы пару строк. И все же: можно пока не упоминать, что пострадавшая жива? Расскажу вам все, как только смогу. — Я сделал паузу. — Вы будете первым, кто узнает, что к чему.

— Не советую тянуть долго, инспектор Корраван, — поджал губы репортер.

— Не буду, — пообещал я.

Он надвинул шляпу и вышел во двор, я же двинулся на поиски Блэра. Завидев меня в фойе, тот насупился, и на этот раз я не стал скрывать раздражение:

— Винсент наверняка захочет быть в курсе событий. Кстати, снаружи бродит Том Флинн. Он видел, как лодка подплыла к пирсу, однако дал мне обещание не рассказывать о подробностях.

По сути, я сделал Блэру одолжение, о котором он не мог попросить Тома сам. Бывший шеф буркнул под нос «спасибо» и добавил:

— Придется подождать, пока ее не устроят.

Наконец к нам вышла молодая темноволосая сестра.

— Пойдемте.

Мы поспешили за ней, миновав несколько переполненных пациентами палат, и наконец попали в большую комнату, разделенную на несколько частей серыми ширмами. В дальнем от нас конце стоял доктор, на ходу делая пометки в истории болезни. Раздвинув ширмы, к нам вышла дородная медицинская сестра. Увидев Блэра, сделавшего шаг вперед, женщина твердо заявила:

— Она пока не в состоянии принимать посетителей. Полицейских — тем более.

Блэр напрягся, явно ожидая весомых доводов от меня — молодого и куда менее внушительного сотрудника полиции. В прежнюю роль удалось войти легко — словно заступил на один из старых, хорошо изученных маршрутов патрулирования. Блэр направился к доктору, а я извиняющимся тоном заговорил с медсестрой:

— Мы здесь, чтобы ее защитить. Впрочем, не буду скрывать: опасность может угрожать и вам тоже.

— Мне? — Женщина слегка потеряла уверенность.

— Не исключено, что преступник постарается напасть на свою жертву еще раз. И... — заколебался я, — тот, кто попытается ему помешать, подвергнется опасности.

Медсестра тяжело выдохнула, заставив приподняться накрахмаленную белую накидку.

— Вы и в самом деле считаете, что он осмелится последовать за этой женщиной сюда, в госпиталь?

— Честно говоря — не знаю. Надеюсь, что нет. Однако, если вам не сложно поставить стул перед ширмой, мы отрядим сюда дежурного констебля. Он останется здесь, пока женщину не выпишут. Разрешите нам организовать дежурство?

Она кивнула.

— Кстати, я — главная сестра. Моя фамилия — Хейз.

— Прошу вас никому не сообщать имя пациентки.

— Понимаю. В любом случае мы его пока, к сожалению, не знаем.

— Частенько люди считают, что от нас одни неудобства, — пробормотал я, записывая имя сестры в блокнот, и она грустно улыбнулась.

— Знаете, многие не верят, что их может коснуться зло. Нам-то об этом известно куда больше.

Сестра Хейз отошла, и я посмотрел в сторону Блэра, разговаривающего с доктором. Беседа явно была важной, и в какой-то миг бывший шеф переменял позу — похоже, услышал нечто неожиданное. Блэр что-то ответил; доктор его поблагодарил. Всего несколько минут, а у нас уже два союзника в госпитале.

Так или иначе, наш главный союзник пока недосыгаем.

У меня зачесались руки отодвинуть ширму — так хотелось бросить хоть один взгляд на женщину. Сестры Хейз поблизости не было, и я сделал шаг вперед. Одно движение — и мы увидим пострадавшую.

— Корраван... — Блэр взял меня за локоть.

Мы вышли из палаты, и я прошептал:

— Побуду здесь, пока она не очнется.

— Нет. Я пришлю констебля. — Он вывел меня в коридор. — Мне известно ее имя: Шарлотта Форсайт Манро.

— Доктор ее знает? — удивился я, остановившись на полушаге.

— Знаком с ее семьей, — ответил Блэр. — Супруг пострадавшей сейчас в Париже, выехал по службе. Отец — тоже доктор. Я сказал, что родителей мы уведомим.

— Доктор считает, что ее намеренно оставили в живых?

— Возможно. Он предполагает, что миссис Манро — в положении.

Заметив мой удивленный взгляд, шеф речников добавил:

— Срок небольшой.

— Выходит, это и остановило убийцу? — недоверчиво спросил я, припомнив ее разрезанное от шеи до талии платье. — Ребенок не пострадал?

— Пока неизвестно.

Я невольно застонал.

— Я отдам распоряжения констеблю Гартли, а ты наведишь семью миссис Манро. Пурди-стрит, двенадцать. Это в Марилебоне.

Его тон меня покоробил.

— Предварительно заедешь в Ярд и доложишь Винсенту, — бросил Блэр, потеряв лицо.

— Это вовсе не по пути... — начал я.

— Знаю, — отрезал Блэр. — Но, черт возьми, Винсенту не понравится, что его держат в неизвестности. Не хочу, чтобы он опять на меня гавкал.

Опять? Хм, интересно...

Мы вышли в фойе, где столкнулись с двумя направлявшимися к палате констеблями. Оказавшись на улице, я подзвал кэб и приказал кучеру ехать в Скотланд-Ярд.

Проехав около мили, передумал и, постучав в стенку, попросил кэбмена отвезти меня к дому Форсайтов. Плевать, что на Блэра будут «гавкать», зато я смогу предоставить Винсенту более подробный отчет, если переговорю с родителями миссис Манро. Кроме того, начальник наверняка занят. Заехать к нему — значит потерять час, а то и все два. А вдруг у Шарлотты Манро нет этих двух часов?

ГЛАВА 27

Жилище Форсайтов на Пурди-стрит, совсем рядом с Мейфэр, оказалось куда более скромным, нежели дома предыдущих жертв. Супружеская пара, вышедшая ко мне в гостиную, была одета прилично, но без особых претензий. Миссис Форсайт производила впечатление женщины утонченной и довольно робкой; ее супруга мой неожиданный визит явно раздосадовал. Садиться никто из них не стал.

— Доктор Форсайт, миссис Форсайт, — почтительно начал я, — меня зовут Корраван, инспектор Корраван из Скотланд-Ярда. Боюсь, у меня нерадостные новости.

— Сомневаюсь, что люди вашего сорта способны приносить хорошие известия, — буркнул доктор, нервно теребя лацкан жилета.

подавив желание ответить в том же тоне, я продолжил:

— Дело касается вашей дочери, миссис Манро. Сегодня ночью на нее напали; по счастью, она жива и находится в госпитале «Денмарк-стрит», в районе Уоппинга.

В темных глазах миссис Форсайт заплескалась паника, и женщина слепо зашарила руками, пытаясь ухватиться за высокую спинку мягкого кресла.

— Послушайте, вы уверены? — спросил доктор, шагнув ко мне. — Вас, ребят из Ярда, столько раз ловили на неверных выводах...

— Вашу дочь узнал доктор Мастерсон. Он и отправил меня к вам, — перебил я, пытаясь жестом успокоить собеседника. — Миссис Манро получает должный уход, однако речь к ней пока не вернулась. Я надеялся, что вы расскажете, где она была вчера вечером.

Супруги переглянулись. Миссис Форсайт продолжала пребывать в отчаянии; на лице доктора отразилась смесь страха и смятения.

— Шарлотта весь вечер была у нас, — отрезал он.

— До девяти часов, — прошептала женщина.

— Она ушла уже после девяти, Маргарет, — нервно поправил ее доктор.

— Вы точно видели, что дочь дома?

Форсайт дернулся, словно в лицо ему бросили оскорбление.

— Что? Вы имеете в виду — в девять? — Он нахмурился. — Что именно с ней произошло и где?

— На миссис Манро напали и бросили в лодку. Ваша дочь в этот момент, скорее всего, была без сознания. Обнаружили ее этим утром недалеко от Уоппинг-стрит, чуть ниже по течению.

— В лодку! — ахнула мать. — Но зачем?

— Насколько серьезно она пострадала? — резко спросил Форсайт.

— Ей связали руки и забили в рот кляп, — поколебавшись, ответил я. — Возможно, у нее сотрясение мозга. Пока это все, что нам известно.

Миссис Форсайт, разрыдавшись, упала в кресло. Ее муж прислонился к каминной полке, ухватившись за ее край, и низко склонил голову. Несмотря на довольно грубые манеры доктора, мне стало его жаль. Все же пострадала его дочь, и гнев отца вполне объясним.

Выдержав паузу, Форсайт вскинул голову, и я понял, что ошибся: глаза доктора сверкали от ярости, горя не было и в помине. Впрочем, взгляд его был адресован не мне, а бедной миссис Форсайт.

— Говорил тебе, что она попадет в беду! — прорычал доктор. — Если якшаешься по вечерам со всяким отребьем — обязательно нарвешься! Слава богу, что она не погибла из-за своей глупости — и, между прочим, из-за твоей тоже! — Он наклонился к супруге, всем своим видом источая презрение. — Ты только и делала, что ее поощряла, лишь бы угодить любимой доченьке. Видишь, к чему это привело?

Миссис Форсайт было явно не до мужа — несчастная женщина раскачивалась в кресле, прижав руки к вискам, и из ее глаз неудержимым потоком лились слезы. Доктор постоял над ней, сжав кулаки, будто сдерживая желание дать жене пощечину, и вышел из комнаты. Дверь за ним яростно хлопнула.

Не знаю, чего я ожидал. Точно не семейной ссоры.

За спиной раздался сдавленный стон, и я, обернувшись, опустился на колено перед креслом.

— Миссис Форсайт...

Дверь распахнулась: в комнату вбежала рыжеволосая служанка. Девушка бросилась к госпоже, положила руку ей на плечо и ласково зашептала что-то на ухо.

— Госпожа ужасно расстроена, — тихо пояснила служанка, встретившись со мной взглядом. — Вам лучше уйти.

Глянув на мертвенно-бледное лицо миссис Форсайт, я встал и неохотно позволил горничной проводить меня к выходу.

— Что он хотел сказать? — пробормотал я себе под нос, раздумывая над заявлением доктора, что Шарлотта общалась с каким-то отребьем.

В дверях холла возник застегивающий пальто Форсайт. Наверняка собрался проведать дочь.

— Мы вас больше не задерживаем, инспектор.

— Доктор... — начал я, но Форсайт, выпрямившись, будто проглотил трость, процедил:

— Разговор окончен! — Обернувшись к служанке, он приказал: — Не смейте с ним говорить! Если попробуете — я вас немедленно выставлю на улицу. И вас, и любого, кто проявит несдержанность.

— Конечно, сэр...

Девушка, склонив голову, распахнула передо мной дверь, и я вышел на улицу, пропустив доктора вперед.

— Доктор Форсайт, вчера вечером ваша дочь могла погибнуть... И все же она жива.

Помедлив у порога, он бросил:

— Не смейте говорить, что ей повезло!

Служанка отвела взгляд в сторону. Доктор спустился со ступеней, и девушка с негодованием посмотрела ему вслед, а потом перевела взгляд на меня.

Похоже, служанка может кое-что рассказать — более того, она совсем не против со мной побеседовать. Придется повременить, и все же я узнаю, в чем тут дело.

ГЛАВА 28

Я снова подозвал кэб и направился в Скотланд-Ярд. Слава богу, есть двадцать минут на раздумья.

Видимо, Винсент ждал меня с нетерпением. Минуты не прошло, как он появился на пороге моего кабинета.

— Ездили на Уоппинг-стрит? — испытующе глянул он на меня, прикрыв дверь.

Я уселся за стол; шеф устроился напротив.

— Да, сегодня утром была третья.

Прикрыв глаза, Винсент потер виски, оставив на коже красные пятна.

— Каждый вторник по женщине в лодке...

— Есть некоторые отличия, — спокойно поправил я. — Но самое главное — сегодняшняя жертва жива.

— Что вы говорите? — удивился шеф.

— Она госпитализирована в «Денмарк-стрит». Нам повезло — один из тамошних докторов знает ее семью. Пострадавшую зовут Шарлотта Форсайт Манро. Похоже, она в положении. Сам мистер Манро сейчас во Франции.

— В положении... — глухо повторил Винсент. — Господи, боже мой!

Он встал, сделал пару шагов от стены к стене — в моем кабинете не разбежишься, — и оперся о спинку стула. Мы посмотрели друг на друга.

— Вы навестили ее родственников?

— Родителей. Живут на Пурди-стрит.

Винсент помолчал, рассматривая свои руки, вцепившиеся в стул, и наконец, собравшись, поднял глаза.

— Корраван, на будущее: я должен быть в курсе ваших перемещений. — Он поднял руку, предупреждая мои возражения. — Знаю, почему вы с утра отправились к речникам. И все же вы могли потратить лишнюю минуту, чтобы отправить мне сообщение, — я ведь обязан знать обстановку.

— Слушаюсь, сэр.

Спорить я не стал, и все же моя интонация заставила шефа сверкнуть глазами.

— Боюсь, вы меня неправильно поняли. Дело не в любезности, мистер Корраван. Нам, сотрудникам Скотланд-Ярда, негоже проявлять неосведомленность на случай, если у кого-то возникают вопросы.

— Я просто решил, что следует раздобыть больше оперативных данных для отчета, сэр.

— Да, разумеется, — сказал Винсент, не отрывая от меня взгляда. — В следующий раз потрудитесь присылать мне записки с курьером. Присылать своевременно, Корраван. Сделайте мне такое одолжение.

Спорить глупо.

— Конечно, сэр.

— А теперь продолжайте.

Я рассказал об утренних событиях, оставив напоследок неожиданное появление Тома Флинна, и начальник огорченно покачал головой.

— Хорошо, что «Фалкон», а не «Бикон» или «Рейнольдс», — успокоил его я. — Том не станет намеренно публиковать новости, которые могли бы затруднить следствие.

— И все же, если он что-то даст на первой полосе сегодня вечером, завтра это окажется во всех газетах, — справедливо заметил Винсент. — Странно, что Флинн каждый раз появляется вовремя. Вспомните хотя бы кражи в Вестминстере месяц назад.

— Он очень неглуп, — признал я. — Кстати, Блэр оставил в госпитале одного из своих констеблей, и сообщит нам, как только миссис Манро придет в себя. Надеюсь, ее показания помогут положить конец этим преступлениям.

— Нам решительно нельзя допустить, чтобы Флинн или любой иной газетчик узнал о предыдущих двух жертвах, — в задумчивости взялся за подбородок шеф. — В противном случае Лондон охватит паника, и преступник изменит свою методику. Хотя... он уже оставил в живых очередную жертву. Стало быть, отошел от прежнего образа действий.

— Хотелось бы выяснить, что имел в виду отец Шарлотты, говоря об отребье на улицах, — вставил я.

— Похоже, доктор Форсайт сейчас немного не в себе, — предположил Винсент. — Наверное, надо дать ему день-другой, потом посетите его еще раз.

Я промолчал; шеф выглянул в окно и после паузы заговорил снова несвойственным ему рассеянным тоном.

— Боюсь, наша страна изнемогает. Страдания множатся, и не угадаешь, какая именно беда тебя ждет.

— Прощу прощения, сэр? — уставился я на него.

— Помните предсказание Малкольма в «Макбете»? — ответил Винсент, так и не отвернувшись от окна. — Порой кажется, что зло приобретает новые формы. Становится более изощренным.

Слова шефа совпали с моими собственными ощущениями: меня беспокоило, что преступления меняют свой характер, переходят на новый уровень. Я пытался задвигать такие мысли на задворки мозга, не в последнюю очередь потому, что не видел смысла вспоминать цитаты давно ушедших от нас авторов. Кроме того, меня не покидала надежда: Шарлотта Манро способна изменить расстановку сил, если нам удастся поговорить с ней в течение нескольких следующих дней.

Винсент пошел к выходу, однако остановился на пороге, взявшись за ручку двери.

— Вы посмотрели материалы по Нату Маклафлину? Я чертыхнулся про себя.

— Пока нет, но обязательно посмотрю. По-моему, я знаком с человеком, который подскажет, где найти Ната.

Похоже, Винсент хотел что-то ответить, однако передумал и лишь молча кивнул.

Мне предстояло уделить целый час заполнению оперативного дневника. Внезапно накатила усталость, и я плюнул на бюрократию, занявшись взамен письмом в «Седдон-холл» — следовало узнать, как дела у мистера Дрю.

Письмо я с внутренним содроганием бросил в почтовый ящик и, впервые за год, по дороге домой завернул в паб за выпивкой. Словно со стороны услышал, как, перекрикивая царивший в зале шум, прошу порцию виски.

Зачем я это сделал? Сам не пойму. Наверное, отчаяние, сквозившее в голосе Винсента, напомнило мне о моих собственных тревогах. Быть может, я ощутил свою ответственность за вторую

попытку Сидни лишить себя жизни. Быть может, мне стало не по себе при мысли, что придется вернуться в Уайтчепел в качестве инспектора полиции. Мне предстояло вызнать у своих близких о Маклафлине — плоти от плоти Уайтчепела, таком же, в сущности, парне, как и я сам.

Да, я не пил уже почти год — и что с того? Тело помнило, как тепло в животе от одного глотка дешевого виски успокаивает взбудораженные нервы. К окончанию очередного куплета звучавшей в пабе непристойной песенки привычный способ сработал.

ГЛАВА 29

Добравшись до дома, я заметил в окне отблески горящего камина. Значит, Гарри на месте. Прогуляться, дождавшись, пока мальчик не ляжет спать? Нет, уж слишком на улицах темно и холодно.

К моему удивлению, в гостиной сидел не только Гарри, но и Джеймс, попивающий кофе у растопленного камина. Нерешительно глянув на меня, Гарри перевел взгляд на лежавший на столе вечерний номер «Фалкона». Неброский заголовок под сгибом заставил меня поежиться. «ЖЕСТОКОЕ НАПАДЕНИЕ НА ТЕМЗЕ»... Однако сама заметка была краткой, и я, успокоившись, разделся, повесил пальто на крючок и взял газету.

— Там упоминается твое имя, — сказал Джеймс, махнув дымящейся трубкой.

Включив лампу, я приступил к чтению.

«Сегодня утром на Темзе произошло жестокое кровавое нападение на хорошо одетую женщину приблизительно двадцати пяти лет. Речная полиция обнаружила жертву на отмели у нижнего бассейна Темзы, неподалеку от лондонского порта. Женщина лежала в плашкоуте, среди цветов и листьев, словно живая картина.

Расследованием занимается группа полицейских инспекторов, включая инспектора Корравана. Читатели наверняка вспомнят, что мистер Корраван в январе раскрыл таинственное убийство Бердсли. Вне всяких сомнений, инспектор найдет человека, совершившего и это ужасное преступление».

Бросив газету на столик, я мысленно поблагодарил Тома. Репортер не только напомнил читателям о моем недавнем успехе. Верный своему слову, Том не стал писать, что жертва преступления жива, не упомянул и название госпиталя, куда ее доставили речники. В то же время я отдавал себе отчет, что мое имя появилось в заметке неспроста: это был явный призыв к действию. Скрипучий голос Тома зазвучал в моих ушах: «*Видите, какую услугу я вам оказал? Я жду...*»

Затянувшись, Джеймс прервал тишину:

— Значит, это вторая... — Заметив мое удивление, он добавил: — Ты ведь говорил о первой жертве, я тогда еще сказал, что антураж напоминает мне похороны викингов.

— Да, верно, — признал я. — Только на самом деле это уже третье подобное преступление. Уже третий вторник подряд.

— Серия, — выдохнул приятель.

В стеклах его очков отражался огонь камина, но я знал, что в глазах Джеймса сейчас светится интерес ученого.

— Что заставляет человека идти на такие злодеяния? — скривившись от отвращения, спросил Гарри.

— Джеймс говорит — один из четырех мотивов.

— Четыре мотива? — переспросил мальчик.

Плюхнувшись в третье, наименее удобное из всех кресло, я пояснил:

— Страх, месть, алчность и страсть.

— Однако насилие вкупе с цветами предполагает любопытный коктейль из жестокости и романтического влечения к зрелищности. Мне сразу приходит на ум болезнь: сифилис или перенесенная в детстве скарлатина, вызывающие психическое расстройство.

— Какая разница? — возразил я. — Это все неважно. Мне бы только поймать убийцу до того, как тот совершит очередное нападение.

Джеймс надулся, а Гарри задумчиво заметил:

— В статье так и сказано: «нападение». Из этого ведь не следует, что жертва умерла.

А мальчишка быстро соображает...

— Корраван, а Гарри-то прав. Она жива?

Я ощутил смесь раздражения, стыда и негодования. Не забеги я в паб — наверняка увел бы разговор в нужную мне сторону. А теперь делать нечего — Гарри и Джеймс выжидающе уставились мне в глаза.

Пришлось рассказать подробности дела, опустив лишь имена несчастных девушек. К концу моего повествования Гарри сидел с округлившимися глазами. В камине щелкнуло полено, и мальчик вздрогнул, словно в него отлетела искра.

— Первых двух тоже отправили в лодке вниз по реке? — поинтересовался Джеймс.

— И тоже с цветами и листьями, — кивнул я. — Примерно как в «Волшебнице Шалот».

— Неужели ты взялся за чтение поэзии? — недоверчиво глянул на меня приятель.

— Ты же знаешь, что нет. Белинда рассказала.

— Никогда не слышал о «Волшебнице Шалот», — вставил Гарри.

— Вы ее не проходили, — пояснил Джеймс. — Это современная поэзия, Теннисон.

— Еще есть картина по мотивам поэмы, в Ливерпуле.

— Теннисон писал о прекрасной женщине, проводившей дни за вышиванием гобеленов, — сказал Джеймс, повернувшись к Гарри. — На нее наложено заклятие, так что героиня не может покинуть башню, в которую ее заточили. — Он взмахнул трубкой, словно указывая на далекую темницу. — Однажды, выглянув в окно, узница увидела Ланселота и немедленно в него влюбилась. Шалот отчаянно захотелось попасться на глаза рыцарю, так что она села в лодку, застелив ее днище цветами, и отправилась вниз по течению — в Камелот.

— Потом героиня умерла от горя, — добавил я.

— Это ведь не современная история! — возмутился Гарри. — Сюжет позаимствован из «Смерти Артура». Теннисон его просто украл!

— Как ты сказал?

— «Смерть Артура». Это французское произведение, — пробормотал Гарри, опасаясь, что получит за умничанье.

— То есть автор — француз?

— На самом деле сэр Томас Мэлори был англичанином, — расслабившись, объяснил парнишка. — Родился в пятнадцатом веке. Его бросили в «Маршальси» за убийство, и он коротал время в темнице, собирая легенды о короле Артуре, а потом перекладывал их на английский, поскольку в основном все истории черпал из французских поэм и романов. Кое-какие из них мне приходилось читать в школе.

— И чем же отличается версия Мэлори?

— В его поэме дело происходило в Астолате, — сказал Гарри. — Отец леди Элейн устраивает рыцарский турнир, на который приезжает тьма народа, в том числе король Артур и Ланселот. Элейн знакомится с

Ланселотом и вручает ему сувенир — по-моему, платочек, — который рыцарь должен носить при себе.

— Пстой, пстой, — перебил его я. — Так главную героиню зовут Элейн?

— Ну да. Леди Элейн из Астолата. А что?

Что-то смутило меня в имени главного персонажа. Элейн... Что там говорил Стайлз? *Что-то про переулок, однако мы расслышали лишь «...лейн».* Вряд ли смятенный рассудок миссис Бэкфорд был занят легендами о короле Артуре. Но... несчастная женщина вполне могла говорить о какой-нибудь Элейн, и тогда переулок («...лейн») тут совершенно ни при чем. Надо будет сообщить Стайлзу об этой версии.

— Поехали дальше. Значит, Элейн вручила ему платок.

— Ну, Ланселот знает, как будет ревновать Гвиневра, если поймет, что он носит с собой памятный знак от Элейн, так что решает сражаться в маске. Турнир он выигрывает, но получает ранение. Элейн за ним ухаживает, и Ланселот пытается ей заплатить. Элейн впадает в негодование, и только тут рыцарь понимает: прекрасная леди его любит. Честно говоря — дурак дураком, — сморщился Гарри. — Потом он уезжает, разбив сердце несчастной даме, и та умирает. Челядь укладывает ее в лодку; туда же бросают письмо, где вся история рассказана в подробностях. Лодку с телом отправляют вниз по реке в Камелот.

— Да-да, припоминаю, — неторопливо затянувшись, подтвердил Джеймс. — Я читал отрывки этой истории в прошлом году, их публиковали в переложении на современный английский. Однако зачем убийце воссоздавать сцену из легенд времен короля Артура?

— Может, он писатель? Например, пытается перенести произведение в жизнь, — предположил Гарри.

— Что ж, не исключено, что преступник представляет себя Ланселотом, — задумчиво кивнул приятель.

— Или ненавидит красивых женщин — как тот человек в учебнике Карпендера, — добавил мальчик.

Я вдруг понял, что глазею на собеседников с отвалившейся челюстью.

— Боже, укрепи! История-то попала в газеты... У нас всего неделя, а потом Лондон накроет волна страха — скажут, что появился новый «Волк».

Мы замолчали, и Джеймс стал собираться.

— Тебе надо поспать, Корраван. Ты совсем измучен.

— Хочешь, оставайся у меня, — предложил я. — Вряд ли тебе удастся найти кэб. Час поздний.

— Мы приехали на больничном экипаже. — Он бросил на меня странный взгляд. — Ты разве его не заметил, когда подходил к дому?

Черт... Действительно, как я мог не увидеть карету с лошадьёу у своих дверей?

Ну да, допустим, выпил. Сейчас виски уже выветрился, и все же устал я так, что все плыло перед глазами. Уже полночь...

В постель я лег прямо в брюках. В шесть уже вставать — какой смысл раздеваться?

ГЛАВА 30

На следующий день я отправился в госпиталь. Подойдя к дверям, столкнулся с выходящим на улицу Флинном.

— Она уехала, — бросил репортер. — Еще вчера вечером. Мастерсон пока не появился, будет лишь через час.

Выходит, доктор Форсайт вовсе не собирался просто навестить дочь, а решил забрать ее домой. Черт... Как я сразу не догадался?

— Да что вас так беспокоит? — уставился на меня Том. — Она, слава богу, жива-здорова.

— Пока не могу сказать, — покачал головой я.

— Вы ведь знаете, что я мог сообщить в своей заметке больше, чем написал, — сказал репортер, сунув руки в карманы.

— Знаю, но прошу этого не делать. Обещаю, до вас никому не буду рассказывать о ходе дела.

— Этот случай может всколыхнуть Лондон, а то и всю страну.

— Почему вы так считаете?

— Что мы имеем? Респектабельная дама из среднего класса, странная попытка убийства... — пожал плечами Том. — Это привлечет внимание публики. А ведь после прошлогоднего суда над Скотланд-Ярдом народу требуется уверенность в своей полиции. Вчерашнее преступление в этом смысле скажется очень плохо, если вы его не раскроете.

— Поверьте, я чувствую то же самое. Не только я, но и Винсент. А если беспокоится шеф — значит, весь Скотланд-Ярд на ушах.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Флинн.

Мрачные слова Винсента все еще звучали у меня в ушах, и я невольно произнес:

— Вам не кажется, что в Лондоне зарождается новый, более жестокий тип преступника? Или это только мои фантазии?

Надо отдать Тому должное — мою реплику он воспринял серьезно.

— Боюсь, это правда. А что вы хотите? Огромное количество людей пытается поделить между собой блага, которых не так много.

Я ожидал от Флинна несколько другого и, что-то неразборчиво буркнув, направился к дверям.

— Скоро увидимся.

— До свиданья, — попрощался Том и вышел за ворота, придерживая хлопающие на ветру полы пальто.

Я вошел в больницу, где меня уведомили, что доктора Мастерсона раньше десяти не ждут. Смысла уходить не было, и я час с лишним беспокойно крутился на стуле у кабинета доктора, пока тот не появился в конце коридора.

— Итак, вы ее отпустили, — без экивоков начал я. — Считаете, что это разумно?

— Отец пациентки настоял на ее выписке, — пожал плечами доктор, открыл кабинет и, расстегнув пальто, продолжил: — Честно говоря, особой разницы, где приходить в себя, нет — за миссис Манро дома будет присматривать сиделка. Повреждений внутренних органов мы не обнаружили, ссадины и ушибы заживут. Сейчас ей более всего нужен покой.

— У меня вчера состоялся довольно странный разговор с ее родителями.

Доктор отвернулся, вешая пальто на крючок, и долго боролся с вешалкой, словно избегая моего взгляда.

— Ее отец сказал, что видит причину нападения на дочь в том, что она общается со всяким сбродом на улицах, — снова заговорил я. — И обвинил свою супругу, что она, дескать, этому потворствует. Случайно не знаете, что он имел в виду?

Усевшись за стол, Мастерсон крепко потер лицо и наконец глянул мне в глаза:

— Миссис Манро — женщина необычная. Дело в том, что ее с самой юности тревожат социальные нарывы.

— Вы хотите сказать, что наша пострадавшая занимается благотворительностью?

— Она не из тех, кто бездумно жертвует деньги, — сложив руки на животе, пояснил доктор. — Шарлотта сотрудничает с домом призрения падших женщин при Церкви Божией Матери-скорпомощницы.

— Вы говорите о церкви на Андервуд-роуд, в Ламбете? — вытаращился я.

— Именно. Лет пять назад там создали приют — в соседнем здании.

— Значит, она пыталась вернуть проституток к нормальной жизни...

Мастерсон кивнул.

— По вечерам она высматривает таких женщин на улицах Ламбета, кормит их, а затем устраивает в дом призрения. Потом помогает заблудшим найти достойную работу.

— Что ж, занятие, достойное восхищения, — признал я. — Она не бросила свою деятельность после замужества?

— Вовсе нет. Ее супруг — тоже борец за социальные реформы, хотя его больше интересует искоренение трущоб и улучшение санитарной обстановки. Впрочем, я не уверен, что миссис Манро и дальше продолжала бы свою миссию. — Помолчав, он добавил: — Дело в том, что она действительно была в положении.

Была?

— Вы хотите сказать, что она потеряла ребенка? — спросил я пересохшим ртом.

— О боже, нет! Я имел в виду — в момент нападения. Насколько могу судить — с ребенком все нормально.

— Доктор... Скажите, вы не обнаружили признаков изнасилования? Это важно.

— Нет, с чего вы взяли?

— Ее платье было разрезано.

— Простите, любезный, что сразу не ввел вас в курс дела, — глубоко вздохнул доктор. — Миссис Манро получила удар в лицо. Ей связали руки и заткнули рот кляпом, но это вы и сами видели. Никаких признаков иных насильственных действий нет.

— Как вы поняли, что она в положении? — с облегчением поинтересовался я.

— При обследовании обратил внимание на округлившийся живот, и пациентка подтвердила мою догадку.

Мое сердце екнуло.

— Она заговорила?

— Я спросил, и миссис Манро кивнула, — покачал головой Мастерсон. — Это был единственный случай за вчерашний вечер, когда она вступила в диалог.

— Сейчас она говорить может?

— Она все еще в шоке, — неуверенно произнес доктор, — однако чисто физиологических препятствий для разговора я не вижу. Только попрошу вас проявить такт и терпение. Шарлотта — женщина с сильным характером, и все же ей довелось пережить тяжелое испытание.

Я поднялся, готовясь попрощаться, но доктор, откашлявшись, добавил:

— Не удивляйтесь, если вас не пустят в дом.

— Но почему? — удивился я. Форсайт ясно дал понять, что не уважает Скотланд-Ярд, но наверняка горит желанием наказать виновного. — Вы хотите сказать, что отец пострадавшей не доверяет полиции?

— Мистер Корраван, — опустив взгляд, начал объяснять Мастерсон, — мы с ним до недавнего времени были коллегами, пока он не продал свою практику. Форсайт — человек сложный. Очень консервативный, чрезвычайно подозрительный. Одержим мыслями о безупречной репутации в обществе. Занятие дочери он всегда считал унижительным для семьи, — сказал доктор, посмотрев мне в глаза, — и наверняка решит не предавать огласке неприятное происшествие. Ему не нужны постыдные, как он полагает, слухи, поскольку они затрагивают не только Шарлотту, но и его. Полагаю, Форсайт сделает все возможное, чтобы воспрепятствовать вашему разговору с миссис Манро.

— Что ж, буду иметь в виду, — непроизвольно напрягшись, проговорил я.

ГЛАВА 31

Объяснив открывшему дверь слуге причину своего визита, я прошел в гостиную, где меня попросили обождать.

Просидев около получаса, я успел внимательно изучить комнату. Стены затянуты зеленоватыми матерчатыми обоями. Четыре картины в тяжелых золоченых рамах: на двух изображены строгого вида мужчины преклонного возраста, еще на двух — охотничьи сценки. Над каминной полкой с серебряными подсвечниками висит большое зеркало. В гостиной витает приятный аромат — свечи не сальные, а из настоящего воска. Над камином стоит ярко-зеленый ящичек непонятого назначения с вырезанным на крышке львом.

— Я ведь говорил вчера, что ваше присутствие в этом доме нежелательно, — раздался голос у меня за спиной.

— Добрый день, доктор, — обернувшись, спокойно ответил я. — Понимаю ваше негодование по поводу случившегося с миссис Манро...

— Бросьте этот покровительственный тон! Чем чаще вы здесь будете появляться, тем дальше пойдут гнусные слухи.

— Наверняка вы хотите найти виновного, — опешил я, разведя руками. — Хотел задать вам всего лишь несколько вопросов. Скорее всего, миссис Манро могла бы описать...

— Моя дочь не будет с вами говорить!

— Она не в состоянии? Или вы ей запретили?

Я сдерживался изо всех сил, и все же непроизвольно повысил голос.

— Шарлотта намерена оставить это прискорбное происшествие в прошлом, и я уважаю ее желание! — вспыхнул доктор.

— Раз ваша дочь не даст показания, возможно, вы ответите на мои вопросы за нее?

— Если пообещаете, что на этом мы закончим, — оценивающе глянул на меня Форсайт.

Я согласно кивнул, мысленно отобрав наиболее важные темы.

— Рассказывала ли миссис Манро о подробностях нападения, говорила ли, как...

— Нет. Я дал ей снотворное, и с тех пор, как мы приехали домой, она не просыпалась.

Домой? Интересно. Здесь все же был дом доктора, но никак не его дочери. Вероятно, он недолюбливает зятя? Возможно, выступал против брака?

— В какое время миссис Манро приехала к вам в понедельник? — задал я следующий вопрос, открыв записную книжку.

— Как раз к чаю, около половины пятого.

— Осталась ли она на ужин?

— Да. После ужина сослалась на усталость и в десятом часу уехала. Собственно, я вам об этом уже говорил, — слегка покраснев, ответил Форсайт.

Так-так... Что-то здесь не то. Откуда такая неуверенность? Доктор говорил едва ли не виноватым тоном.

— Чем занимается в Париже ее супруг?

— Он — инженер, работает с береговыми сооружениями. Решил, что во Франции наберется опыта по части водоотводов.

Ага, вот у кого прослеживается несомненная связь с рекой...

— Не была ли миссис Манро помолвлена до замужества с кем-то еще? Возможно, мистер Манро — не первый ее муж?

— Нет.

— Нет ли у вашей дочери недоброжелателей? Мог ли кто-то из них пойти на преступление? Например, отвергнутый поклонник? Возможно, она кого-то ненароком задела за живое, не имея в виду ничего...

— Моя дочь — добрая женщина, истинная христианка. Она в своей жизни и мухи не обидела.

Утверждение сомнительное, но допустим.

— Есть у вашей семьи какие-то серьезные связи с Темзой?

— Например? — непонимающе глянул на меня доктор.

— Акции судоходных концернов или компаний по производству металлоизделий? Может, есть доля в «Болдуин»?

Форсайт решительно помотал головой.

— Паи в торговых компаниях — «Террингтон», «Престон», «Желтая звезда»?

— Ничего подобного у нас нет.

— Какую церковь вы посещаете?

— Церковь Пресвятой Богородицы в Сент-Джонс-Вуд.
Альберты и Дорстоуны — прихожане другого храма...

— Вы ведь в прошлом врач?

— Я и сейчас врач! — возразил Форсайт, поджав губы. — Причем с университетским образованием.

— Продолжаете практиковать? — невинно осведомился я.

— Несколько лет назад отошел от дел. — Он запрокинул голову, словно пытаясь рассмотреть кончик носа. — Получил наследство от отца. Не сомневаюсь, что вы вообразили себе какую-то мерзкую историю, однако он всего лишь умер от сердечного приступа. Это произошло во сне, и я, естественно, к его смерти не имею ни малейшего отношения.

— Я ничего такого и не думал. — Пытаясь сохранить видимость спокойствия, я бесцельно поводил ручкой в блокноте, притворившись, что пишу заметку. — Кстати, ваша дочь говорит по-французски?

— Немного, — раздраженно ответил Форсайт, — как и всякая образованная англичанка.

Похоже, терпение доктора подошло к концу. Следующий мой вопрос Винсент, скорее всего, не одобрил бы.

— Знакомы ли вам имена Роуз Альберт или Джейн Дорстоун?

— Как-как?

Я медленно повторил.

— Нет, а почему вы спрашиваете? — фыркнул собеседник. — Это проститутки?

— Нет-нет. Судя по всему, вы не одобряете деятельность миссис Манро?

— Разумеется, не одобряю! — вспыхнул Форсайт. — Скажу вам кое-что откровенно, мистер Корраван, и будем считать, что мы наконец закончили. Моя дочь — глупая идеалистка. Подвергает себя страшному риску ради порочных женщин, отказавшихся от Бога и выбравших путь греха. И вдруг настает час, когда им требуется забота, мягкая постель и горячий суп, который Шарлотта с ложечки скармливает этим грязным шлюхам. Тьфу!

Сдерживая ответную реплику, я прикусил язык. Господь видит, что помыслы многих проституток невинны. Сколько женщин из Уайтчепела просто не имело выбора, когда дома — несколько голодных ртов...

— Их ум поражен, — ожесточившись, произнес Форсайт, сверкая глазами. — Они развращены и умственно, и телесно. Общение с падшими женщинами разлагает душу Шарлотты!

Обычно стараюсь держать козыри при себе, но бывают секунды, когда приходится выложить парочку на стол.

— Боюсь, вам далеко не все известно, доктор. — Я сделал паузу и продолжил: — Хотел вам кое-что рассказать, и, если после моих слов вы захотите, чтобы я ушел, — так тому и быть.

— Вы должны пообещать, что оставите нас в покое.

— Обещаю, — кивнул я, убрав записную книжку. — Разумеется, вас больше всего на свете беспокоит судьба собственной дочери, однако в опасности не только она. Миссис Манро — третья жертва, подвергшаяся насилию за последний месяц.

— Третья?

— Да. Первые две погибли. Именно поэтому, ради безопасности всех женщин Лондона, я и должен поговорить с вашей дочерью.

В лице Форсайта промелькнуло нечто неуловимое. Возможно — облегчение. Так или иначе, оно быстро уступило место презрительной улыбке.

— Хотите сказать, что моя дочь оказалась в опасности, потому что вы своевременно не поймали преступника?

О, черт... Кто мог подумать, что Форсайт среагирует именно таким образом...

Собеседник напрягся.

— Что у Шарлотты общего с теми другими женщинами?

— Обе молоды, красивы, хорошо одеты, — выложил я второй козырь. — Все три нападения случились в ночь на вторник. Есть и иные совпадения: тело каждой из жертв было обнаружено в лодке, усыпанным лепестками цветов. У каждой были связаны руки. Один и тот же почерк.

— Лепестки цветов, связанные руки... — эхом повторил доктор.

— Мне нужно всего пять минут, и...

— Ни за что!

— Мы могли бы поговорить с миссис Манро конфиденциально, без протокола, — сделал я попытку убедить собеседника. — Ее имя не будет предано огласке...

— Она достаточно пережила, — зло сощурился Форсайт. — Я не позволю, чтобы моя дочь стала предметом сплетен. Уходите и не возвращайтесь! Никто в этом доме с вами говорить больше не намерен.

Он дернул за бархатный шнур.

— Мы обязательно поймаем преступника, — сказал я, и Форсайт коротко, невесело усмехнулся.

— После всех ваших неудач? Последнее время их куда больше, чем было еще несколько лет назад. Я точно знаю, что на столе у каждого инспектора по дюжине нераскрытых дел.

Откуда ему это известно?..

Дойдя до точки кипения, я разыграл последнюю, самую жуткую карту:

— Что, если преступник желал смерти вашей дочери? Откуда вам знать, что он не придет за ней в ваш дом?

— Не надо считать меня глупцом! — гневно выпрямился Форсайт. — У дверей комнаты Шарлотты стоит охранник.

— Она ведь не сможет вечно сидеть взаперти! Подумайте, о чем попросила бы вас дочь. Миссис Манро посвятила свою жизнь спасению других...

— Видите, до чего ее довел такой образ жизни? — брызгая слюной, прошипел доктор. Угрожающе шагнув в мою сторону, он ткнул меня пальцем в грудь. — Довольно, слышите вы?

В гостиную вошла служанка, и Форсайт приказал ей проводить меня к выходу. Несмотря на злость и досаду, мне ничего больше не оставалось, кроме как уйти. Не в первый раз я пожалел, что нельзя применить физическую силу. Как иначе заставить этого человека сделать то, что требуется?

Спустившись за служанкой, я еще раз обернулся через плечо.

Пять минут... Пять чертовых минут.

Да, Джеймс частенько повторял, что женщина — собственность отца или супруга, и мое удостоверение сотрудника Скотланд-Ярда против подобного права бессильно.

Как же убедить Форсайта?

Пожалуй, надо немного проветриться.

Заглянув в паб, я заказал эль и жаркое. Обычно перекус занимает у меня совсем немного времени, но на этот раз я решил записать хронологию последних событий. На девять страниц в блокноте пришлось потратить почти два часа.

Закончив, я задумался о рыжеволосой служанке Форсайтов. Сегодня она в гостиной не появлялась. Можно ли с ней связаться, не заходя в дом? Все-таки я дал обещание... Своего господина девушка явно недолюбливала, а ведь слугам многое известно о жизни хозяев. Вполне возможно, что служанка даст мне козырь, которым я побью карту доктора.

Ну что ж... Любой слуга хоть иногда выходит на улицу, и черный ход в домах придумали не просто так.

ГЛАВА 32

Одну реплику доктора Форсайта — о наших неудачах — я в свои записи не внес. Его слова меня угнетали, и не только потому, что с ними не поспоришь. Куда больше беспокоило, что кто-то из сотрудников Ярда выносит сор из избы.

Винсент встретил меня в дверях своего кабинета. Сделав вид, что не заметил шефа, я направился к себе. Не успел повесить пальто, как Винсент, не постучавшись, возник на пороге.

— Вы снова пытаетесь встретиться с миссис Манро?

Шеф говорил так, словно знал о моем походе в дом Форсайтов, и я почувствовал: что-то тут неладно. Впрочем, додумывать эту мысль не стал — не до того.

— Пытался. Однако доктор Форсайт не допускает до нее посетителей.

— Как знать? Возможно, сама миссис Манро хочет оставить неприятные воспоминания в прошлом. Не исключено, что просто не желает становиться объектом сплетен.

Похоже, шеф не разделял мое негодование, почти дословно повторяя слова Форсайта.

Тяжело сглотнув, я решил быть осторожнее.

— Она ведь могла бы спасти жизни других девушек...

— Миссис Манро за других девушек не отвечает, — твердо сказал Винсент. — За них отвечаем мы с вами.

— Но... как же мне их защищать, если от меня утаивают важнейшие сведения?

— Следует искать другие способы, либо я найду более подходящего сотрудника, — поднял брови начальник. — К Форсайтам больше ни ногой! Вы меня поняли? Люди хотят, чтобы их оставили в покое, и еще одна попытка вторжения в их жизнь ничего нам не даст.

Ах вот оно что...

— Вы точно знали, что я сегодня утром был в доме Форсайтов, — медленно проговорил я. — Вы знали, что ее забрали из госпиталя...

Я посмотрел Винсенту в глаза. Спокойного серого оттенка как не бывало. Зрачки шефа метали громы и молнии — точь-в-точь как у

Форсайта.

Он достал из кармана бежевый конверт и показал его мне. На лицевой стороне — адрес черными чернилами. Почерк наклонный.

— Письмо я получил полчаса назад.

Винсент повернул конверт другой стороной, предъявив красную восковую печать с монограммой — витиеватой литерой «К».

Я недоуменно поднял взгляд на шефа.

— Похоже, Куотермен — дальний родственник или друг доктора Форсайта.

Черт возьми! Так это Куотермен рассказал доктору о нашей нагрузке и сопутствующих нам неудачах!

— Если вы попытаетесь вновь проникнуть в дом Форсайтов, вас арестуют за нарушение права на частную жизнь, — заявил начальник, сунув конверт в карман.

— Меня обвиняют в проникновении силой? — недоверчиво посмотрел я на него.

— Вчера вас попросили покинуть дом, — резко бросил Винсент. — Наверняка вы помните, что я предложил дать доктору день-другой. Вы сочли возможным проигнорировать мои слова. Куотермен пишет, что вы были безобразно грубы и даже опустились до оскорблений.

— Ничего подобного! — Столкнувшись со скептическим взглядом шефа, я добавил: — Да, иногда это случается, но не в этот раз. Пришлось просто напомнить доктору, что его дочь заботится о других, и...

— И вы сообщили Форсайту, что миссис Манро стала третьей жертвой. — По скулам начальника забегали желваки. — Вы не имеете права рассказывать о ходе следствия!

Тут не поспоришь, что говорить.

— Знаю, но я решил, что доктор осознает, насколько все серьезно, поймет, что это вопрос безопасности лондонцев.

— Какое ему дело до безопасности лондонцев? Форсайта сейчас волнует исключительно собственная дочь. — Винсент закатил глаза к потолку, словно миссис Манро находилась на втором этаже. — А мне теперь приходится упрашивать Куотермена успокоить доктора, иначе подробности дела всплывут в газетах.

Я открыл рот, готовясь возразить, и Винсент поднял руку в предупреждающем жесте.

— Прислушайтесь ко мне хоть раз! Неужели вы не понимаете, что наделали? Вы сами дали повод Куотермену считать моего старшего инспектора грубым и нетактичным человеком. Куотермену, который и так испытывает глубокие сомнения относительно судьбы Скотланд-Ярда! Более того, вы ведете это дело уже три недели и не добились никаких результатов. И об этом Куотермен теперь тоже знает!

— Мне стало кое-что известно о... — повысил голос я, однако Винсент остановил меня пронзительным взглядом:

— Вы разговаривали с Натом Маклафлином?

— Пока нет, но...

Винсент сжал зубы и все же говорил по-прежнему тихо:

— Корраван, если Куотермен желает, чтобы мы к нему прислушались, мы это делаем. Кроме того, я догадываюсь, что о деле Маклафлина вы осведомлены, и все же по каким-то причинам его защищаете. Видимо, вы упорствуете намеренно? Я намерен положить этому конец. Вы найдете этого человека. Вам понятно?

— Это напрасная трата времени, что тут непонятного? — взорвался я.

— Все, довольно, — отрезал Винсент. — С сегодняшнего дня убийствами на реке занимается Стайлз. Расследование требует такта, осмотрительности и готовности следовать приказам. — У меня отвалилась челюсть, а Винсент тем временем направился к двери. — Передайте ему папку для ознакомления. Сами ищите Маклафлина.

— Куотермен желает услышать, что я наказан? Потому вы и назначаете Стайлза? — Я едва не захлебнулся от возмущения. — Набираете очки за мой счет?

Винсент процедил, почти не разжимая побелевших губ:

— Корраван, отправляйтесь домой, пока мы не наговорили друг другу такого, о чем придется пожалеть. — Я не двинулся с места, и он тихо добавил: — Приказываю вам.

Подхватив пальто, я бросился к двери и выскочил в холл. Коллеги дружно отвели глаза. Слышали все до последнего слова...

Уже на улице я осознал: Винсент ни разу не повысил голос, так что коллеги слышали только меня.

Не успев опомниться, я очутился в пабе с бокалом виски в руках.

ГЛАВА 33

Просмотрев утреннюю почту, ответа из «Седдон-холла» я не обнаружил и примерно понял, что это значит. На службу явился в дурном расположении духа; нашел Стайлза, и мы распределили задания. Напарник попытается пообщаться со слугами миссис Манро, возможно — с ее друзьями и знакомыми, которых вспомнит прислуга. Я же отправлюсь сначала в церковь Божией Матери-скорпомощницы, затем — в Уайтчепел. Попытаюсь разыскать Маклафлина. Кэбмену я приказал ехать до моста Ватерлоо — оттуда до Ламбета дойду пешком.

Нужная мне церковь была одним из старинных католических храмов Лондона. Основала его в середине восемнадцатого века королева Анна. Церковь из тех, что мне нравятся — довольно простая, никакой безвкусной лепнины и витражей. Ее тяжелый колокол отзванивал только часы, не расходуя себя на четверти. На мраморной стене у входа высечен указатель к дому призрения, который ничем не напоминал приют для падших женщин. Ну и правильно. Известность несчастным нужна меньше всего.

Я дернул за шнур звонка. Дверь открыла молодая монашка в черно-белом одеянии. Выслушав мою просьбу, сестра прошепелявила:

— Вам лутфе поговорить ф матерью Луифой, только она фейчаф в рафдумьях.

— Больше мне никто не поможет? — спросил я, подавив стон.

— Профтите, фэр, — глянула на меня огромными голубыми глазами монашка. — Вам нуфно поговорить ф ней. Мофете подофдать в ее кабинете.

Меня проводили в белоснежную комнату, единственным украшением которой было деревянное распятие на стене. Большое окно выходило во дворик с садом. Простой стол, три деревянных стула и полка с книгами о мучениках — вот и вся обстановка. Монашка меня покинула, однако рассматривать в кабинете было решительно нечего, и я уселся в ожидании матери Луизы.

Появилась она через час, поприветствовав меня сложенными в молитвенном жесте руками. Должно быть, проводила в молитвах большую часть своего времени, хотя я рассмотрел несколько мозолей

на ее пальцах — видимо, приходилось поработать и лопатой в саду. Мать Луиза села, и мы обменялись взглядами. Точно угадать ее возраст было непросто — из-под платя виднелась лишь часть лба и лицо. Скорее всего, за сорок. Умные глаза, проницательный взор, а черты лица — мягкие.

— Чем могу помочь, инспектор?

— Вы наверняка знакомы с миссис Манро...

— О, да. Мы так рады, что она осталась в живых!

— Кто вам об этом сообщил? — невольно вздрогнул я.

Мать Луиза округлила глаза.

— Нет-нет, она действительно жива, — поправился я. — Просто мы старались хранить молчание, не хотели, чтобы преступник снова на нее напал.

Собеседница невольно осенила себя крестом.

— Мне по секрету рассказал об этом происшествии доктор Мастерсон, а я никому больше не говорила. Не сделаю ничего такого, что могло бы причинить вред нашему ангелу.

— Спасибо, — пробормотал я, откинувшись на спинку. — У нас некоторые сложности с расследованием: миссис Манро до сих пор в шоке, и мы не можем с ней побеседовать. Боюсь, мне придется задать вам несколько вопросов ради ее безопасности. — Мне не слишком хотелось выкладывать этот козырь, но помощь матери Луизы была чрезвычайно важна. — Надеюсь, вы не против?

— Конечно же, нет.

— Что вы можете рассказать о ее деятельности? — спросил я, доставая записную книжку и карандаш. — Бывали ли случаи, когда жизнь миссис Манро подвергалась риску?

— Наверное, доктор Форсайт обвинит нас в случившемся, — тяжело вздохнула мать Луиза.

— Судя по нашему с ним разговору — не исключено, — признал я. — Что же касается нас — мы виним лишь преступника. Тем не менее, если миссис Манро когда-либо угрожали или пытались причинить вред, ваш рассказ поможет следствию.

Собеседница, сложив ладони, тронула губы кончиками пальцев и прикрыла глаза. Никак молится? Нет, заговорила.

— Обещайте, что не передадите наш разговор ее отцу.

— Обещаю, — сказал я с внезапно заколотившимся сердцем.

— Как-то раз на нее напали, — начала монахиня, открыв глаза. — Это случилось за неделю до Пасхи, однако все обошлось: миссис Манро обычно сопровождает наш садовник, мистер Белл. Миссис Манро шла впереди него, когда ее схватил незнакомый мужчина и попытался утащить бедняжку в переулок. Садовник немедленно пришел на помощь.

— Как выглядел нападавший?

— Наверное, мистер Белл скажет точнее, — заколебалась она.

— Больше никаких неприятных происшествий не припомните? Может, миссис Манро кто-то ненавидел, угрожал ей?

— Угрозы мы получаем постоянно, инспектор.

— Понимаю. И все же — в ее адрес угроз не было?

— Если не считать гневных тирад ее отца, то нет, — печально улыбнулась мать Луиза.

— Вы присутствовали при этих разговорах?

Собеседница подняла брови, отчего кожа на ее лбу собралась морщинами под краем платя.

— Мистер Форсайт приходил сюда несколько раз. Говорил дочери, что она поступает глупо, а мы пригреваем ядовитых змей на своей груди. — Она склонила голову к плечу. — Где прошло ваше детство, инспектор?

— В основном в Уайтчепеле.

— Так я и думала. Не вижу в вас отвращения. — Мать Луиза скорбно нахмурилась. — А вот люди боятся. Отвращение — дитя страха, согласны со мной?

Я неопределенно хмыкнул, и монахиня мягко улыбнулась.

— Мистер Белл — человек простой, но хороший.

Она подошла к дверям и дернула за шнур колокольчика. В кабинете появилась еще одна монашка — женщина с некрасивым родимым пятном под глазом, и мать Луиза попросила ее привести садовника.

Через несколько минут на пороге появился крупный мужчина. Белл оказался примерно моим ровесником, однако, даже пригнувшись под притолокой, он был едва ли не на голову выше меня и уж точно на несколько стоунов тяжелее. Лицо круглое, загорелое, на лоб свисают сальные пряди темно-русых волос. Садовник бросил робкий взгляд на

мать Луизу. Да, прост, но руки — что бревна. Неудивительно, что миссис Манро предпочитала ходить по нашему району в его компании.

— Мистер Белл, это инспектор Корраван, — дружелюбно заговорила монахиня. — Ему требуется расспросить вас о том нападении на миссис Манро. Сможете рассказать, если что-то помните?

Взгляд садовника заметался между нами, и он неуверенно кивнул.

— Прямо сейчас?

— Да, пожалуйста, мистер Белл.

Мужчина повернулся ко мне, сжимая и разжимая кулаки, словно перебирая ручку граблей.

— Мы шли где-то за четыре улицы до реки. Уже стемнело. — Белл искоса посмотрел на меня. — Наверное, было часов девять. Миссис Манро... э-э-э... меня немного опередила. Как раз на этой улице мы нашли...

Он глянул за разрешением на мать Луизу, и та подбодрила его легким кивком:

— Продолжайте, мистер Белл.

— Нашли падших женщин. — Садовник говорил, осторожно подбирая слова, словно вспоминал когда-то заученные фразы. — Там было несколько совсем молоденьких, а миссис Манро всегда убеждает таких девушек идти с нами. Предлагает им поесть и все такое. Мы поговорили с двумя, потом встретили еще одну, и те две остались со мной. Миссис Манро отошла в сторону, и тут подскочил какой-то человек. Схватил ее — может, думал, что она — одна из...э-э-э... падших женщин. Она закричала, и я его оттолкнул. Он не причинил вреда миссис Манро — она сама так сказала. Разве что чуть помял капор.

— Как он выглядел?

— Э-э... — Белл насупился, силясь припомнить. — Лет тридцати, волосы темные. Ростом невысок. — Он приложил ладонь к середине своей грудной клетки. — В кепи.

На человека, замеченного около конюшни, нападавший, судя по описанию, никак не походил.

— Он что-нибудь говорил?

— Во всяком случае, я не слышал. Может, ей что-то и сказал.

— Вы привели в тот вечер кого-то из женщин сюда, в приют?

— Двух девушек, — мотнул головой Белл.

— Они все еще здесь?

— Одна из тех девушек у нас и умерла, бедняжка, — вздохнула мать Луиза, — а второй мы нашли работу служанки. Одну секундочку. — Порывшись за книгами на полке, она достала узкую конторскую книгу в матерчатом переплете и перелистнула несколько страниц. — Да, она уехала в одно имение в часе от Лондона. Имение «Тредуэллс».

— Спасибо за рассказ, — поблагодарил я Белла.

Тот дотронулся до края воображаемой шляпы и вышел из кабинета.

— Хороший человек, — сказал я, и мать Луиза согласно кивнула.

— Все мы — Божьи дети, и все несем в сердцах своих добро, инспектор.

— Все ли? — Я не смог сдержать некоторого скепсиса.

— Да, все, — твердо ответила монахиня.

Сделав еще несколько пометок, я убрал записную книжку.

— Еще один вопрос: бывало ли, что миссис Манро ссорилась с отцом по причинам, не относящимся к ее занятию?

— Не припомню такого, — невозмутимо ответила мать Луиза.

Монахиня явно лгала, и я взял паузу, однако глаз она не опустила.

Черт бы побрал Винсента с его предостережениями...

— Мать Луиза, миссис Манро — не первая жертва, на которую напал разыскиваемый нами человек. Были еще две девушки, и обе погибли.

Монахиня задержала дыхание и вновь мелко перекрестилась.

— Мы опасаемся, что он снова нападет на след Шарлотты. Даже если этого не случится, бог весть, сколько еще женщин пострадает от его руки. Вы что-то недоговариваете. Возможно, как раз этого мне и недостает, чтобы встать на пути убийцы.

— Шарлотта сказала мне кое-что по секрету, и я ее не подведу, — вздернула подбородок мать Луиза. — Не привыкла выдавать доверенные мне тайны.

— Ведь миссис Манро обязательно воспользовалась бы возможностью спасти других женщин, разве не так? — разочарованно заворочался я на своем стуле. — Уверен, она сделала бы все, что в ее силах.

В глазах монахини промелькнуло то ли сомнение, то ли сожаление, и все же она покачала головой.

— Вам придется дождаться, когда она сама вам все расскажет.

— К тому времени может умереть еще одна девушка!

Я бесцеремонно давил на ее чувство ответственности, однако мать Луиза видела меня насквозь. Ее глаза вспыхнули, хотя голос не дрогнул:

— Господь не оставит вас в ваших попытках найти виновного, инспектор.

* * *

Выйдя на улицу, я услышал за спиной хриплый шепот:

— Инспектор...

Под деревом стоял Белл, тревожно оглядываясь на двери дома призрака.

— Да, мистер Белл. Что вы хотели сказать?

— Слышал, вы расспрашивали матушку об отце миссис Манро.

— Расспрашивал, а что?

— Мать Луиза дала слово, а я-то — нет. Ведь человек не должен кривить душой, правда?

— Конечно, мистер Белл.

— Было дело, однажды я солгал. — Садовник покрутил в руках лопату так же легко, как я кручу в пальцах вилку. — Миссис Манро говорила, что ее отец тоже соврал, поклявшись на Библии, и разрушил жизнь одной бедной девушки. Так что миссис Манро учила меня: правду следует говорить всегда, а не тогда, когда хочется.

— Соврал, поклявшись на Библии? — переспросил я.

— Мать Луиза как-то раз брала меня на судебное заседание и тоже клялась на Библии. Только она говорила правду.

— Когда это случилось? И когда миссис Манро рассказала вам о проступке отца?

— Довольно давно... э-э-э... точно не помню, — испуганно ответил Белл.

Садовнику было непросто говорить с инспектором полиции, и я положил руку ему на плечо.

— Вы мне очень помогли. Не сомневаюсь, что миссис Манро будет вам чрезвычайно признательна.

Лицо Белла разгладилось. Я ступил за ворота, слыша за спиной его немелодичный свист, перемежаемый скрежетом вонзаемой в землю лопаты.

Интересно, о чем солгал Форсайт? Что такого он сказал, если, по словам садовника, умудрился разрушить чью-то жизнь? Учитывая деятельность миссис Манро, наверняка суд был связан с судьбой одной из уличных шлюх. Вот только что на этом процессе делал доктор?

Намерение порыскать по Уайтчепелу в поисках Ната Маклафлина после разговора с садовником пропало без следа. Неплохо бы сейчас встретиться с рыжеволосой служанкой.

Оставшуюся часть дня и весь вечер я провел неподалеку от дома Форсайтов, дожидаясь, пока рыжая девушка выйдет на улицу. Да пусть хоть кто-нибудь выйдет! Однако двери ни разу не открылись, хотя за оконными занавесками передвигались смутные тени.

ГЛАВА 34

На следующее утро, надвинув шляпу поглубже, я вновь занял свою наблюдательную позицию со стороны черного хода.

Так прошло три часа. В дом Форсайтов то и дело что-то доставляли. Удивительно, сколько нужно всякой всячины, чтобы вести домашнее хозяйство. Молоко, бакалея, пакеты, завернутые в коричневую бумагу, телеграммы... Я раз за разом поглядывал на окна. Невидимые пальцы слегка отодвинули занавеску и снова ее задернули. Кто стоял за тем окном? Интересно, где находится комната миссис Манро?

В конце концов ожидание меня утомило, и я решился постучать в заднюю дверь. С утра я стал уже шестым посетителем, подошедшим к черному ходу. Запыхавшись и утирая пот со лба, дверь отворила низенькая розовощекая девушка.

— Ой! Думала, пришел мальчик от мясника — что-то он задерживается, — выдохнула она. — Что вы хотите?

— Мне нужно поговорить с одной из служанок. Такая рыженькая, молодая.

— Вы даже имени не знаете? — негодуя произнесла девушка и начала закрывать дверь, но я подставил ногу.

— Скотланд-Ярд, — внушительно сказал я. — Не хотелось бы смущать вашу подружку перед хозяевами, да и смысла в этом нет.

Похоже, к солидарности служанки я возвал не напрасно. Девушка неуверенно оглянулась и шепнула:

— Входите. Сейчас позову вам Мод, только не задерживайте ее надолго.

Через минуту-другую по каменным полам зашаркали торопливые шаги. Увидев меня, Мод округлила глаза и остановилась как вкопанная.

— Ой! Вам ведь нельзя сюда приходить!

— У меня всего пара вопросов. Ответите, и я уйду.

— Что вы хотели? — понизив голос, спросила девушка, взволнованно перебирая пальцами передник.

— Что произошло в доме в понедельник вечером, до того, как уехала миссис Манро?

Мод метнула взгляд в глубину дома и придвинулась ближе. Говорила она быстро и тихо:

— Молодая госпожа поссорилась с отцом. Слава богу, миссис Форсайт рядом не было — она бы ужасно расстроилась. — Девушка покачала головой. — Ссора случилась после ужина, хозяйка как раз что-то обсуждала с экономкой.

— Из-за чего они поругались? — спросил я, почувствовав, как по коже забегали мурашки.

— Доктор сказал: миссис Манро виновата в том, что хозяйка плохо себя чувствует. Сказал — это из-за того, что молодая госпожа редко заходит.

— Почему бы ей не навещать родителей чаще?

— С самого суда не приходила, — шепнула девушка, продолжая теревить передник.

— Когда состоялся суд?

— С полгода назад, наверное, — наморщила лоб она.

— Суд касался работы миссис Манро в доме призрения?

— Нет, по поводу какой-то служанки, но я всего не знаю.

— Доктор сам отвез миссис Манро домой?

— Хозяин слишком много выпил за ужином, — покачала головой Мод, — так что молодая госпожа не захотела...

— Мод... — раздался шепот из коридора, и первая служанка, вынырнув из-за угла, схватила девушку за руку. — Беги наверх, быстрее! Тебя разыскивает миссис Бил! — Повернувшись ко мне, служанка бросила: — Доктор видел, как вы слоняетесь вокруг дома. Нас тут всех поувольняют из-за ваших разговоров! — Она распахнула дверь и подтолкнула меня в спину. — Выметайтесь отсюда, живо!

Сделав три больших шага, я выскочил на крыльцо и заторопился вверх по улице. Пригнув голову, завернул за угол, и вдруг меня схватили сзади за локоть. Я обернулся, ожидая увидеть побагровевшего от гнева доктора Форсайта, и уткнулся взглядом во встревоженное лицо Стайлза.

— Что вы здесь делаете? — буркнул я, высвободившись из его захвата.

— Инспектор, быстрее! — Он снова сжал мою руку и потащил прочь от дома. — Доктор заметил вас на улице, заложил карету и уехал в Ярд.

— Значит, Винсент исходит от злости... — Я горько усмехнулся. — От нас скрывают миссис Манро, связывая нам руки, и нас же потом обвинят за неудачу!

— Вы же знаете, что я на вашей стороне, — искренне сказал Стайлз, — но этот человек едва не потерял родную дочь. Он сейчас не в своей тарелке. Поставьте себя на его место.

Улицу мы перешли в молчании. Я брел рассеянно, вспоминая разговор с Мод, и едва не вляпался в лошадиную лепешку. Полученные сведения следовало обдумать, пока слова служанки еще свежи в памяти.

— Стайлз, мне необходимо выяснить, когда доктор Форсайт принимал участие в судебном процессе, и в каком качестве — как одна из сторон или как свидетель?

— Зачем?

Пробираясь по забитому людьми тротуару, я пересказал молодому коллеге слова Белла и Мод, которая его рассказ подтвердила.

— Возможно, доктор выступал свидетелем против проститутки, — предположил Стайлз. — Наверняка миссис Манро расстроилась, потому и прекратила бывать у родителей.

— Все может быть. — Мы сошли на мостовую и двинулись дальше, идя нога в ногу. — Похоже, Форсайт лжесвидетельствовал. Во всяком случае, Белл говорил об этом уверенно. — Отстранив мальчишку с кипой газет, я продолжил: — Что вам удалось выяснить в доме миссис Манро?

— Был довольно странный разговор. Во-первых, ее служанка сообщила, что миссис Манро уже несколько месяцев не навещала родителей. Мать просила ее прийти как-нибудь на ужин. Можно сказать — умоляла. На прошлой неделе даже заехала к дочери специально — поговорить. В понедельник за миссис Манро приехал кэб, однако Шарлотта уже ушла пешком. Получается, что отец прислал его, не известив дочь?

— Не вижу тут никаких противоречий. Значит, ее пытались похитить в момент отъезда из дома, но Шарлотта спутала злоумышленнику все карты, — возразил я. — Стало быть, дальше он

просто ждал ее у дома Форсайтов. И доктор лгал, заявляя, что проводил дочь до дома. Видимо, обратно она не добралась?

— Служанка точно не знает, — покачал головой Стайлз. — Ей сказали не ждать миссис Манро.

За разговором мы и не заметили, как добрались до Ярда. Перейдя улицу, Стайлз остановился, положив руку мне на предплечье.

— Инспектор, я никогда не видел Винсента в таком гневе, как сегодня утром... — Он помрачнел. — Форсайт орал во всю глотку, а когда ушел, меня вызвали к шефу.

Значит, Стайлзу пришлось принять на себя первый удар. Не завидую.

— Даже не знаю, кто еще, кроме вас, способен привести Винсента в чувство.

— Не сказал бы, что получаю от этого удовольствие, — моргнул молодой инспектор.

Прямо меня Стайлз не упрекал, и все же...

— Простите, — пробормотал я. — Что он говорил?

— Сказал, что отстраняет вас от этого дела, и намекнул, что вообще готов уволить.

— Уволить? — уставился я на коллегу.

— Это прозвучало только в нашем с ним разговоре, с глазу на глаз. По-моему, Винсент не вышвырнет вас на улицу, если вы извинитесь, объясните ему, почему это дело вас особенно тревожит. Он прислушается.

— «Особенно»? Что вы имеете в виду?

— Как же, Ле луп... — с некоторым удивлением отозвался Стайлз. — Я и сам знаю, что тот случай продолжает на вас давить. Он и меня до сих пор беспокоит. Дня не проходит, чтобы я не вспомнил.

— Винсенту-то какая разница?

— Ну, он поймет, почему вы действуете таким образом.

— И каким же?

— Слишком жестко, — помявшись, выдавил молодой инспектор.

— То есть вы полагаете, что извинения дадут мне шанс остаться на службе? — помолчав, спросил я.

— Надеюсь.

— Что ж, попробую. — Поразмыслив, я добавил: — Не рассказывайте ему, что я узнал у служанки. Винсент сочтет, что мы

выдумываем оправдания повторному визиту в дом Форсайтов.

— Договорились, — неуверенно кивнул Стайлз.

* * *

Я не из тех, кто пытается уклониться от неминуемого столкновения, так что без лишней робости перешагнул порог кабинета начальника. Пришел с повинной головой. Однако Винсент хотел видеть нас вместе со Стайлзом.

— Назовите хотя бы одну причину, по которой мне не следует прекращать ваши полномочия, — без всякого выражения начал шеф.

Взглянув в его каменное лицо, я промолчал. Вряд ли Винсента устроили бы мои объяснения. Ни один ответ его не удовлетворил бы.

— Инспектор Корраван гораздо лучше владеет материалом, чем я, сэр, — отважился Стайлз.

Шеф задумался, поднял голову, и тут началось. Словно пробку вышибло из бутылки. Целых полчаса он склонял меня на все лады, и присутствие Стайлза в кабинете его нисколько не смущало. Голос Винсент не повышал, но я и без того понимал, что в Ярде теперь дуют совершенно иные ветра, и те несколько топорные, прямолинейные методы, которых я придерживался в Ламбете и в речной полиции, здесь более не котируются. Я терпеливо выслушал речь шефа о том, как меняется работа полиции. Понял, что количество газет в Лондоне возросло, увеличилась и их аудитория, что мы всегда, ежедневно, ежечасно на виду. Оказывается, еще до вступления в должность Винсент знал, что я вспыльчив и капризен, что от меня в Ярде прямо-таки стонут. С его слов, я всегда считал, что прислушиваться к мнениям коллег — признак слабости, что мое кредо — идти по трупам. Ничего не могу сказать: утонченности у меня и в самом деле как у дикого медведя, проламывающегося сквозь бурелом. Надо отдать шефу должное. Он ни разу не поставил мне в вину мое прошлое в Уайтчепеле; впрочем, в его речи сквозило предположение, что я до сих пор ощущаю себя боксером из подпольного клуба и тем горжусь.

— Инспектор Корраван, — продолжал шеф, — не единственный сотрудник Ярда, которому есть что доказывать. Инспектору Корравану

следует учитывать, что за Ярдом следит не только наблюдательный комитет, но и широкая общественность.

Не помню, что он еще говорил.

Я сдерживался. Не сказал ни слова в свою защиту, хотя доводы Винсента были убийственны. Грустно молчал и виновато улыбался, пока шеф не иссяк и не выпроводил нас со Стайлзом из своего кабинета.

Смысл выступления Винсента был вполне очевиден. Меня бы давно отстранили от дела и выкинули из Скотланд-Ярда, однако за меня поручился Стайлз. Еще один проступок, и я окажусь на улице.

Спорить сложно. Ярд и вправду менялся. Менялся весь чертов мир. Другое дело, что я не мог переступить через себя.

* * *

Дверь паба я толкнул так, что та ударилась о стену и отскочила обратно, — даже пришлось ее придержать. Немногочисленные завсегдатаи испуганно оторвали взгляд от своих столов и снова уткнулись в кружки с элем, когда я пересек зал и выдвинул табурет из-под деревянной стойки бара. Круглолицый лысеющий бармен неторопливо приподнял могучую руку, решив поприветствовать нового посетителя, но, глянув мне в лицо, передумал.

— Чего желаете?

— Виски, — ответил я.

Бармен опрокинул горлышко бутылки в бокал, махнул тряпкой по жирной поверхности стойки и, избегая встречаться со мной взглядом, со стуком поставил передо мной янтарный напиток. Похоже, рассчитывал, что беспорядков я не устрою, а если вдруг — он всегда справится. Исполнив мой заказ, лысый повернулся к другому человеку, восседавшему за стойкой через два табурета от меня, — дородному мужчине, обхватившему обеими ладонями кружку эля.

— И что она сделала, когда обнаружила пропажу?

Не знаю, что со мной случилось, но невозмутимость бармена начала меня бесить. Виски я выпил двумя длинными глотками и громко стукнул бокалом о стойку, дав понять, что желаю еще. Лысый поймал мой требовательный взгляд и молча плеснул еще на дюйм

виски. Почувствовав, что его собеседник внимательно меня изучает, я сердито зыркнул в его сторону и второй бокал выцедил, не торопясь.

Подошел еще человек, занял табурет справа. Я обернулся к нему, с удивлением ощутив, как его тяжелая рука похлопала меня по спине. Новый посетитель, увидев, как я тронул рукоятку дубинки, поднял руки.

— Это ни к чему, Корраван.

Ага, Джон Фишел из «Бикона».

— И что тебе нужно? — осведомился я, не снимая руку с дубинки.

Фишел, сняв шляпу, откинул назад копну темных седеющих волос и оперся локтями о стойку.

— А вы как думаете? — вкрадчиво улыбнулся он. — Хочу знать о нападении на миссис Манро.

Я напрягся. Фишел ни словом не обмолвился об убийстве. Неужели слышал, что жертва выжила?

— Черт возьми, ты ведь знаешь, что я ничего не расскажу. А потом, что бы я тебе ни сообщил, ты все равно напишешь то, что считаешь нужным.

— Ну, это неправда, дружище! — возразил репортер, махнув бармену. — Мне пинту, пожалуйста!

Лысый, коротко улыбнувшись, поставил перед ним кружку.

Фишел понизил голос и вкрадчиво заговорил:

— Мне кое-что известно об отце жертвы — этом медике. Почему бы мне с вами не поделиться? Только я должен что-то получить взамен.

— Что ты знаешь?

— Обмен должен быть равноценным, Корраван, — покачал он головой, сделав длинный глоток. — Знаете, как арестанты обмениваются в тюрьме необходимыми вещами.

Я хрипло усмехнулся, и Фишел положил ладонь мне на руку, словно старый друг. Другом он мне не был. Захотелось сбросить его грязную лапу.

— Ладно, не обижайтесь. Мы ведь тоже обучены не хуже полицейских — способны сложить два и два.

— Баскоу ушел лишь потому, что ты дал в печать его адрес, Фишел. Еще два человека погибли именно из-за тебя. Вот чему вас

обучили!

Последняя моя реплика согнала легкомысленное выражение с лица репортера, и он скривился в ухмылке.

— Между прочим, это не я плел чушь собачью про убийства «Волка»...

— Убирайся отсюда, крысеныш, — зарычал я, поднявшись с табурета, и Фишел обжег меня взглядом, схватив шляпу.

— Ну и сиди со своим виски, ты, пьяный придурок! Посмотрим, чего добьешься!

— Знаешь, почему ты работаешь на «Бикон»? — крикнул я ему вдогонку. — Тебя выкинули из полиции за то, что ты трусливо сбежал от человека с ножом, вот почему! Трус чертов!

Похоже, мой залп достиг цели. Фишел обернулся, готовясь ответить, но тут в зале начали смеяться — сначала тихонько, а потом, видя, как покраснел газетчик, — в полный голос. Фишел отвернулся и направился к выходу. По несчастливой случайности под ноги ему бросилась собака, бежавшая к одному из столиков за обедками. Я видел краем глаза, как репортер жестоко пнул ее в бок, прямо под торчащие под кожей ребра. Животное тихо взвизгнуло, словно привыкло к ударам и знало, что шум поднимать бессмысленно.

Вскочив с табурета, я бросился к дверям, но мерзавец уже растворился в толпе. Я чертыхнулся, закрыл дверь и остановился, глядя на собаку. Милое создание — уже не щенок, подросток. Глазки коричневые, на мордочке длинный шрам, разноцветные уши... Собака бросилась прочь, не дав себя приласкать, и мне стало стыдно: пинок она получила отчасти по моей вине.

— Прости, девочка, — пробормотал я. — Не надо было мне его бесить.

Бармен плеснул мне еще виски. Может, даже два раза — не помню. Грустно было сознавать, что Фишел и вправду способен вычислить того, кто напал на миссис Манро, прежде чем это сделаем мы. По пути домой, несмотря на плывший в голове пьяный туман, я все силился сообразить: чем же зацепили меня слова Фишела? Что-то он сказал полезное... Но что именно, черт возьми? С трудом восстановив в памяти наш диалог, я наконец понял: репортер знал нечто интересное о докторе Форсайте и даже готов был к взаимовыгодному обмену.

— Этот медик, — сказал он...

Надо повидать Джеймса, тот наверняка что-то припомнит.

* * *

В госпитале было до невозможности жарко. Пришлось расстегнуть пальто и проветриться, помахав полами, так как рубашка липла к потному телу.

Джеймса в кабинете не оказалось, и я направился в женское отделение, а потом в мужское. Джеймс и Гарри стояли в дальнем конце палаты, склонившись над кроватью высокого мужчины. Джеймс задавал больному вопросы, а Гарри прилежно заносил ответы в карточку. Глянув на мальчика, я поздравил себя с несомненным успехом. Похоже, удалось найти для него самое подходящее место.

К кровати подошла санитарка с подносом, и доктор с помощником сделали шаг назад. Заметив меня, Джеймс кивнул; Гарри же, не отрывая глаз от своих записей, перешел к следующему пациенту.

— Добрый вечер, Корраван, — поздоровался приятель.

— Привет, — откликнулся я, мотнув головой в сторону палаты. — Что с ним?

— Начальная стадия паранойи.

Я бросил опасливый взгляд на Гарри, и Джеймс вздохнул:

— Считает, что люди над ним насмеются из-за роста. Прошлой ночью даже сделал попытку отрезать себе ноги.

Мне с трудом удалось подавить смех — я-то решил, что приятель говорит о Гарри.

— Жутко неприятное расстройство, — рассказывал приятель по пути к кабинету. — Больной думает, что маленький рост делает его менее заметным, а в то же время попытка отрезать себе ноги, напротив, привлекает к нему особое внимание.

— Бедолага, — искренне сказал я. — Вообще меня интересовал Гарри.

— Гарри? — вопросительно глянул на меня Джеймс.

— Почему он меня словно не замечает?

Добравшись до кабинета, мы уселись.

— Боюсь, Гарри чувствует себя несколько подавленным. — Приятель бросил на меня взгляд поверх очков. — Знаешь, Корраван, мальчик очень напоминает тебя.

— Белинда говорит то же самое.

Последнее слово я произнес невнятно и настороженно глянул на друга. Тот вроде бы не обратил внимания, и все же мне было доподлинно известно, что он скажет, узнав о нескольких порциях виски в пабе. Я сильно прикусил кончик языка. Боль взбадривает, и язык сразу перестает заплетаться.

— И она, как всегда, права, — заметил Джеймс. — Гарри — умный мальчик, который желает сделать что-то полезное для этого мира. Ощетинивается как ежик, стоит ему заподозрить, что его считают обузой, — совершенно твоя черта. Ты ведь с ним даже толком не познакомился, Корраван.

— Ну зачем я ему сдался, если ты от него без ума?

— Не корчи из себя идиота, — строго посмотрел на меня приятель.

— Закончу расследование — тогда и попробую узнать Гарри ближе, договорились? Сейчас совсем нет времени.

— Ему не требуется нянька, — возразил Джеймс. — Просто мальчик не должен просить сам, чтобы ему уделили хоть чуточку внимания.

— Господи ты боже мой! Не начинай, Джеймс! Хочешь, чтобы я чувствовал себя виноватым? Гарри ведь почти шестнадцать. Знаешь, чем занимался я в его возрасте? Выгружал тюки с чертовым товаром на пирс! Тебе ли не знать, как тяжело мне приходилось...

Джеймс протестующе поднял руки.

— Не вымещай на мне свое негодование! Ты спросил, почему Гарри тебя не замечает, — я ответил. Ну почему ты так вспыльчив?

Приятель почти в точности повторил слова Винсента, и я откинулся на стуле.

— Ладно, у меня хорошие новости: миссис Бэкфорд приходит к себе, — прервал паузу Джеймс. — Похоже, начала доверять Стайлзу и Гарри.

— Уже что-то! — воскликнул я и сразу кое-что вспомнил. — Кстати, Стайлз не говорил тебе, что Бэкфорды наняли частного

детектива? Его зовут Тафт. Если этот фрукт появится здесь, имей в виду.

— Да, твой коллега специально приезжал, чтобы рассказать об этой истории. Тафт сюда не заглядывал, но если вдруг — его не пустят на порог. — Джеймс махнул рукой, словно отгоняя комара. — Вчера ночью миссис Бэкфорд снова говорила, и Гарри расслышал имя — Рейчел.

— Рейчел? — повторил я, однако язык меня снова подвел.

Получилось «Решел». Мне хватило сил осознать свой промах, тем более что Джеймс пристально глянул мне в глаза.

— Ты что же, выпил? — возмущенно произнес он.

— Нет, просто устал. — Постаравшись придать своим словам правдоподобия, я добавил: — Да и вообще не в своей тарелке. Куотермен пожаловался Винсенту, что я, дескать, нетактичен. К тому же шеф недоволен тем, как продвигается расследование, и заявил сегодня, что у меня манеры, словно у громилы из Уайтчепела. Отвесил еще парочку других комплиментов. Дело он передал Стайлзу, а меня отрядил ему в помощь.

Если я хотел внушить Джеймсу жалость, пожалуй, следовало найти иные слова.

— А, вот как... — Приятель развел руками, будто ничего иного и не ждал.

Я ощутил раздражение. И все же мне требовалась помощь друга, так что пришлось сменить тему.

— Знаешь доктора Форсайта?

— Имя слышал, а что? — испытующе глянул на меня Джеймс.

— Третья жертва — его дочь.

— Вот оно что, — поднял брови приятель. — И как она?

— Насколько я понимаю, поправляется. Но мы с ней еще не говорили. Собственно, отец не разрешает ей с нами встречаться. Запер дочь на втором этаже своего дома, словно узницу в башне. — Я согнулся, упершись локтями в колени. — Что-то в этой семье есть странное, Джеймс. Миссис Форсайт, похоже, до смерти боится мужа, а миссис Манро несколько месяцев подряд не появлялась в родительском доме.

— Манро? — переспросил приятель. — Значит, дочь Форсайта замужем?

— Да. Ее зовут Шарлотта Манро, и она пытается возвращать проституток к...

— Слыхал, слышал, — неожиданно севшим голосом перебил меня Джеймс, и я примолк при виде его удивления. — Она прислала мне двух девушек, обе стали санитарками.

— Надо же, какое совпадение!

— Не сказал бы. Мать Луиза знает всех столичных врачей. В прошлом году она спросила меня, не хочу ли я дать шанс двум приличным, но доведенным до отчаяния девушкам. Привезла их сюда Шарлотта Манро. Не знал, что Форсайт — ее отец, — задумчиво добавил приятель.

— Нет ли у тебя возможности переговорить с ним, убедить его, что мы должны встретиться с Шарлоттой? Знаешь, как медик с медиком... Мои доводы на него не подействовали. Пришлось даже рассказать, что его дочь — не первая жертва, что убийца вполне может приняться и за других женщин. Бесполезно...

— Нет, Корраван. Видишь ли, вот эта часть мозга, — он приложил ладонь к правому виску, — сосредоточена на защите семьи. Это основной элемент нашего сознания, и если он начинает работать, — все остальное теряет свое значение.

— Ты что-нибудь о нем знаешь? Может, есть какая-то зацепка, которая мне поможет? — Джеймс удивленно уставился на меня, и я на секунду умолк, однако заставил себя продолжить: — До меня дошли слухи, что Форсайт скрывает какую-то позорную тайну, возможно, связанную с не так давно состоявшимся судом.

— Неужели ты опустишься до шантажа? — недоверчиво произнес приятель.

— Да нет, — отмахнулся я от его слов. — Мне нужен рычаг влияния.

— Господи, Корраван, — пробормотал Джеймс, откинувшись на спинку стула.

— Миссис Манро даже не знает, что случилось с другими девушками, — настаивал я, наклонившись через стол. — Не представляет, что произойдет еще с десятком женщин, если она не заговорит.

— Ну, зато она точно помнит, что произошло именно с ней. Вполне возможно, что и этого для нее достаточно. — Джеймс

продолжил с нажимом: — Ты не сможешь заставить ее говорить, если она к этому не готова. В противном случае Шарлотту ждет судьба несчастной миссис Бэкфорд, которая вообще лишилась дара речи. Прояви терпение.

— Преступник убивает в ночь на вторник. Сегодня пятница, — парировал я. — Чертовски сложно хранить терпение, если пять минут разговора могут изменить ситуацию.

— Попытки взять семью Форсайтов измором вряд ли помогут, — бросил Джеймс. — Кто тебе сказал, что ты вправе командовать людьми? Просить можешь. Другое дело, что тебе следует уважительно относиться к их решениям.

— Никем я не командую!

— Нет, командуешь! И мной когда-то пытался командовать. — Приятель хлопнул по столу. — Я знаю тебя уже десять лет. Ты все равно что собака, вцепившаяся в кость, и больше для тебя ничего не существует. Только сейчас эта кость в руках у женщины, которая едва не погибла. Опомнись, Корраван!

— Бог ты мой, ты сейчас говоришь, как Винсент...

— Кто знает — может, он и прав? Никогда об этом не задумывался? — ответил ударом на удар приятель, потом глянул мне в лицо и сбавил тон, вяло махнув рукой. — Нет в нашем разговоре никакого смысла. Я сегодня просто не в силах бороться с твоим напором.

Джеймс замолчал. Похоже, в нем говорила не только усталость. В его глазах я отчетливо видел отчаяние, смешанное с виной и отвращением. Точно так же приятель выглядел в тот вечер, когда пришел ко мне в страхе за жизнь своего племянника Мориса. Я тогда прислушался к предположениям одного из друзей пропавшего мальчика, прочесал частым гребнем полдюжины самых отвратительных борделей Лондона и в итоге в одном из них обнаружил Мориса — нагого, окровавленного и все-таки живого.

Как ни странно, воспоминания о том случае смягчили меня более, чем память о множестве услуг, которые Джеймс оказал мне впоследствии, и я спросил уже совершенно другим тоном:

— Что случилось, Джеймс?

Приятель машинально сгреб в аккуратную кучку разбросанные по столу скрепки и тщательно подровнял ее, словно раскладывал на лотке

хирургические инструменты.

— Вчера вечером я потерял пациента. Считал, что у него наблюдается улучшение, но... Знаю, мне следовало проконсультироваться. Не могу себя не винить.

— Прости, Джеймс. Мне очень жаль.

Он глубоко вздохнул, так, что с халата едва не отскочила пара пуговиц. Часы на камине пробили половину. Джеймс встал и потянулся за пальто.

— Я домой, — сообщил он. — Корраван, не начинай снова пить, пожалуйста. Ни к чему хорошему это не приведет.

— Я не пью. Мне есть чем заняться.

Попытка говорить четко ничего не дала: Джеймс глянул на меня грустно и разочарованно.

Выйдя из госпиталя, я заскочил в ближайший паб и уселся на табурет перед баром — точь-в-точь, как пару часов назад. У Джеймса определенно были причины смотреть на меня с отвращением.

После третьей порции виски мне стало совершенно все равно.

ГЛАВА 35

Раньше я умел пить, не пьянея, однако давненько не практиковался, потому и попал ключом в замочную скважину лишь с третьего раза. Открыв дверь, споткнулся о порог и с проклятиями начал расстегивать пальто.

Гостиная освещалась отблесками пламени из камина. Стало быть, Гарри дома? Довольно странно, учитывая, как он вел себя в госпитале.

— Гарри? — подал голос я, повесив пальто и шагнув в комнату.

— Нет, не Гарри, — раздался женский голос.

У камина с чашкой чая сидела Белинда, подсунув под себя ноги. Возлияния всегда приводят меня в мрачное и даже драчливое настроение, однако при виде Бел я впал в ступор. Красота Белинды не из тех, что рождается за туалетным столиком. Ее прелесть заключается в плавном контуре нежной щеки, изгибе бровей и аккуратном подбородке — настоящая, врожденная красота. Бел подготовилась к визиту с особым тщанием: темные волосы волнами ниспадали на плечи, прикрытые моим любимым платьем бледного голубовато-зеленого оттенка. Ее глаза загадочно светились в свете камина. Даже и не припомню, когда она выглядела лучше.

Наслаждайся, дурачок, подумал я. Если Бел поймет, что я выпил, — в следующий раз встретимся нескоро.

— У тебя все нормально? — спросила она.

— Что ты здесь делаешь?

— Скорее мне следовало задать тебе тот же вопрос, — округлила глаза Бел. — Ты не забыл, что я тебя вчера ждала? Сегодня пятница, Майкл, — помолчав, добавила она.

— Помню, что пятница, — буркнул я, усаживаясь в кресло и снимая башмаки.

— Ты вчера не пришел, и я заволновалась, — мягко сказала Белинда. — От тебя пахнет пабом... Где ты был?

Нагнув голову, я стряхнул с ноги ботинок и отбросил его в сторону. Выпил я немало, и все же сознавал, что любой более-менее пространный ответ тут же скажет Белинде, что дело пинтой эля не

ограничилось. А этот факт мне хотелось бы скрыть, поэтому я лишь тупо помотал головой.

— Майкл...

Вздыхнув, я выпрямился в кресле.

— Зверски устал, понимаешь?

Белинда соскользнула с кресла и, подойдя ко мне, приподняла мою голову за подбородок, заставив посмотреть ей в глаза.

— Ты пил... — пробормотала она, изменившись в лице, и опустила руку.

Удивление уступило место разочарованию.

Гостиная завертелась перед моими глазами, и я сделал над собой усилие, чтобы раскрутить ее обратно.

— Приготовлю кофе, — сказала Белинда и вышла из комнаты.

Тихо застонав, я закрыл глаза. Кофе не хотелось. Хотелось в постель.

Вернулась Бел и, втиснув мне в руку чашку с горячим кофе, опустилась на оттоманку подле моего кресла.

— Почему, Майкл?

— Что «почему»? — буркнул я, и оба слова слились в одно.

— Ты же давным-давно не пил. Расстроился из-за статьи в газете?

— А что там? — спросил я, застыв с чашкой в руке.

— Пишут, что в Лондоне убивают состоятельных женщин. И... вроде бы Скотланд-Ярд это замалчивает.

— Господи Иисусе...

Значит, Форсайт молчать не стал. Я выругался сквозь зубы — совсем как много лет назад в Уайтчепеле, и тупо уставился на темную жидкость в чашке.

— Что сегодня случилось?

— Что случилось? — фыркнул я, глотнул кофе и поставил чашку на столик. — Отец третьей жертвы не позволяет мне с ней побеседовать, потому что господь запрещает помогать полиции найти преступника. Винсент отчитал меня за плохие манеры. Джеймс обвинил в том, что я не так веду себя с Гарри. А теперь еще ты начинаешь... — Я понимал, что несправедлив, но темная сила заставила меня продолжить: — Не нужно читать мне морали!

Я едва не перешел на крик, и Белинда замерла на оттоманке.

— Я не собираюсь читать тебе мораль. Боже, Майкл... Неужели ты до сих пор меня не знаешь!

Сквозь алкогольную дымку пробился сигнал тревоги. Черт, надо мыслить рационально и перестать нести чушь.

— Конечно, знаю, — невнятно ответил я. — Ну, выпил, но рассудка ведь из-за этого не лишился.

Белинда положила ладошку на мою щеку и серьезно посмотрела мне в глаза.

— Помнишь, ты рассказывал мне одну историю? Когда ты дрался ради О'Хагана в этом жутком месте. Ты тогда осмотрелся и понял, что все вокруг жаждут, чтобы ты проиграл, потому что ставили против тебя.

Я молча кивнул.

— Когда дела идут неважно, ты снова становишься тем самым боксером, — мягко сказала она. — Один против всех. И тогда ты начинаешь сражаться даже со своими друзьями. Майкл, ты больше не на ринге, и я тебе не соперник.

Представив себе Белинду с хрупкими кулачками у груди, я невольно хмыкнул.

— Не смей меня, Бел. Я все прекрасно понимаю.

— Правда? — грустно спросила она, опустив руку. — Мне так не кажется. Больше того, по-моему, ты просто не хочешь понимать. До тех пор, пока мы — все остальные — находимся по другую сторону баррикад, ты продолжаешь в одиночку спасать мир, ведь так, Майкл? Ты — непобедимый Персей, стремящийся на выручку к несчастной, прикованной к скале Андромеде. — Она развела руками. — В таком качестве ты чувствуешь себя гораздо лучше.

Я открыл рот, готовясь поспорить, однако Белинда меня остановила. Впрочем, ни одной связной мысли у меня не было, да и об Андромеде я имел самое смутное представление.

— Позволь мне закончить, Майкл. Я знаю тебя несколько лет, но кое-что поняла лишь сегодня. Превращаясь в героя, ты избавляешься от необходимости задуматься о своих слабостях. — Она покачала головой. — Тебе не приходится сочувствовать бессильной и испуганной жертве. Твоя задача — спасти ее.

— И что же тут неправильного? — вскинулся я.

— Я не говорю, что это неправильно. Просто... ты сам себе не решаешься признаться в своей человечности, а это... это трусость, — неохотно закончила Белинда.

— Трусость? — Я ткнул пальцем в сторону двери. — Считаешь, что трусость — это желание противостоять человеку, готовому убивать и...

— Да не в этом дело! — с досадой бросила Белинда. — Ты можешь представлять перед людьми лишь в двух ипостасях: ты с ними либо сражаешься, либо спасаешь. Ни та, ни другая ипостась не даёт тебе возможности проявить чувства, свойственные обычному человеку, а ведь каждый из нас чего-то страшится, тоскует, сомневается. До сих пор ты вполне успешно существовал в своем мире, потому что, сражаясь или спасая, ты обычно выигрываешь за счет силы или... — Она запнулась, подбирая слово. — Или абсолютной безжалостности. И вот ты начинаешь опасаться, что не сумеешь раскрыть дело или спасти от смерти девушку, или дюжину девушек. — Белинда вновь развела руками. — Разве ты позволишь мне или любому другому человеку оказать тебе помощь? Нет, на выручку тебе приходит виски. А если кто-то тебе и поможет, то слова благодарности не дождетя. — Она безнадежно качнула головой. — Да, у тебя самые благие намерения. Я знаю, что это так. Но почему бы тебе не умерить свою гордыню, перестать вести себя подобно одинокому герою? Почему не спуститься на землю, как делает большинство из нас? Разве ты не видишь, что хотя бы тень сочувствия к отчаявшемуся, уязвимому собрату сделает тебя гораздо лучше и как человека, и как полицейского?

Я вдруг ощутил, что больше не хочу ее слушать.

— Ты считаешь меня персонажем своих романов, Бел. Пойми, мой характер нельзя взять и переписать. Я — чертовски хороший инспектор, что бы там ни думал Винсент или любой из моих близких.

Белинда хотела было возразить, но передумала и лишь вздохнула:

— Ладно, не бери в голову.

Она встала, нагнулась за накидкой, лежащей на кресле, и повременила, глядя на меня.

— С Винсентом ты бороться не можешь — вот в чем проблема. Спасать его тоже не требуется. Но я сейчас не готова продолжать этот

разговор. — Она оделась и с некоторым удовлетворением добавила: — Завтра наверняка будешь чувствовать себя мерзко.

Меня ее логика не устраивала, хотя железных доводов наготове не было. Так что я сделал ход, который считал заведомо выигрышным:

— Я стою обеими ногами на земле, потому что при рождении мне не полагалась карета, в которой можно уберечь от грязи красивые ботиночки, и ты об этом помнишь.

Даже сквозь затуманенный мозг я понимал: это удар ниже пояса, нечестный и несправедливый. Да, Бел родилась в богатой семье, однако никогда не попрекала меня моим прошлым. И ее семья тоже сталкивалась с горем, которому деньгами не поможешь.

Белинда сразу осунулась и открыла дверь.

— Выйди со мной, — холодно произнесла она. — Мне нужно поймать кэб.

— Разве тебя не ждет экипаж?

— Не знала, что придется уехать.

В ее голосе прозвучал упрек, и все же я, решив не исправлять допущенную ошибку, сунул ноги в башмаки, смяв задники, и вышел с Белиндой на угол. Подозвал кэб и помог ей забраться внутрь. Боже, я ведь делал это тысячу раз, чувствуя тепло ее пальцев, затянутых в перчатки, и всегда ощущал в душе холод, когда рука Бел выскользнула из моей ладони. Я назвал кэбмену адрес, причем пришлось повторить трижды — мой язык каждый раз нес невнятицу, — и наконец кэбмен меня понял.

Экипаж отъехал. Я вошел в дом, запер дверь и попытался скинуть ботинки, зачертыхавшись, когда один из них не пожелал слезать с ноги. Сбросив башмак, метнул его в стену и бросился наверх, где упал в неразобранную кровать.

Мы и раньше ссорились, но на этот раз я, даже находясь в дурмане, понимал: такого еще не было. Иначе с чего бы такая боль в груди...

ГЛАВА 36

Проснулся я к полудню от тупого биения крови в висках. Игнорировал его, сколько мог, пока не понял, что стучит не в голове. Кто-то барабанил в дверь.

Я сел в кровати с гудящей головой и тошнотворным вкусом во рту. Желудок крутило. Стук продолжался. В одном Белинда была права — я и в самом деле чувствовал себя омерзительно. Зажав голову в ладонях, прислушался. Стук возобновился.

Господи ты боже мой... Неужто Гарри забыл ключ? Если так, вежливой улыбки он от меня не дождется.

С трудом встав, я оглядел измятую одежду, спустился на первый этаж и отпер дверь. На пороге стоял Тимми, курьер из Ярда. Парень раскраснелся и вспотел.

— Меня послал мистер Стайлз, — выдохнул он, — просил передать, что нашли четвертую.

— Четвертую... — тупо повторил я.

Тимми согнулся, упершись руками в колени.

— Еще одна леди в лодке...

— Но... сегодня ведь суббота, — пробормотал я, чувствуя, как темнеет в глазах. Точно ли суббота? Интересно, сколько я проспал? — Суббота, верно ведь?

— Ну да, — неуверенно глянул на меня парень. — Мистер Стайлз просил немедленно отвезти вас на Уоппинг-стрит.

— Что он сказал — жива ли леди?

— Нет, погибла.

Тимми говорил уверенно — вероятно, сам видел тело, и мое сердце упало. Соображал я до сих пор туго, однако вину свою видел невооруженным глазом. Черт меня дернул сообщить Форсайту о серии убийств... Доктор немедленно проговорился, мои слова попали в газеты, и в результате преступник сделал следующий шаг на три дня раньше.

— Мне нужно переодеться, — сказал я, пригласив Тимми пройти.

Войдя в вестибюль, я окинул взглядом ждущих в нетерпении репортеров. Девять человек... Дежурный сержант тщетно пытался навести порядок. Здесь были и Том Флинн, и Джон Фишел. Остановившись у порога, я прислушался к разговору в кабинете, стараясь не попадаться на глаза Винсенту.

Опознавательных знаков на лодке не обнаружено. Украшений на жертве также нет. Дауэр уже нарисовал портрет погибшей, хотя я сильно сомневался, что, установив ее личность, мы поймем мотив убийцы.

— Запястья жестоко порезаны, — произнес кто-то.

Я немедленно представил себе окровавленные женские руки. Меня бросило в пот, и тут же по спине пробежал холодок. Кинувшись к выходу, я едва успел выскочить в переулок, где меня вывернуло наизнанку. Согнувшись в три погибели, постоял, схватившись за стену: стошнит еще или нет?

На мою спину легла твердая рука. Том Флинн... Странно, на лице его не было и намека на насмешку. Том был серьезен и озабочен.

— Когда вы последний раз ели?

Я промолчал.

— Пойдемте.

Он довел меня до паба в паре улиц от участка, указал на столик в углу, и я сел, все еще ощущая вкус желчи в горле. Том вернулся с двумя дымящимися кружками и тарелкой еды и устроился напротив, наблюдая, как я поглощаю картошку, запивая ее горячим кофе. Похоже, вопросов у репортера накопилось немало, однако он дождался, пока я не опустошу тарелку.

— Почему вы не прошли в кабинет?

Я настороженно глянул на Тома, но он лишь махнул рукой:

— Не переживайте, на страницы «Фалкона» наш разговор не попадет.

— Винсент мной недоволен.

— Это почему же?

— С чего бы вам обо мне беспокоиться?

Вопрос прозвучал грубовато, и я попытался его смягчить, выдавив улыбку. Том почесал подбородок и ничего не ответил, лишь пристально глянул мне в глаза.

Я вздохнул. Том — человек разумный и порядочный, и совершенно не заслуживает дурного обращения. К тому же, пока я отмалчивался, другая газета уже успела опубликовать кое-какие новости, так что я у Тома в долгу.

— Винсент вчера обмолвился о моей тактичности — сравнил меня с медведем, продирающимся сквозь подлесок. — Репортер криво усмехнулся. — Да, я совершил глупый поступок, рассказав отцу третьей жертвы о первых двух. Пытался его убедить в необходимости разговора с дочерью. Он же все вывалил в прессу.

— «Таймс» сообщила только, что Ярд замалчивает убийства состоятельных жительниц столицы, — прищурился Том. — Тех двух женщин тоже нашли на реке? И тоже в лодках?

— Один и тот же почерк, — кивнул я, и Том задумался.

— Любопытно, что отец третьей пострадавшей сообщил в газету не все подробности. Сказал ровно столько, сколько требуется, чтобы опорочить Ярд. Про лодки там ни полслова не было.

И правда, странно. С другой стороны, Форсайт был настолько разгневан, что мог пропустить мои слова мимо ушей либо просто не придать им значения.

— Его фамилия — Форсайт. Доктор, приостановивший практику. Есть в нем нечто сомнительное.

— Могу потихоньку навести справки, — хмыкнул Том.

— Если Винсент прослышит об этом хоть краем уха, — тут же догадается, что вы действуете по моей просьбе, — покачал головой я. — И тогда, хм... тогда он точно выбросит меня на улицу.

— А если преступник снова убьет? — спросил Том, и я невольно вздрогнул. — Можно порыться в наших архивах. Уж об этом Винсент не узнает.

У меня в ушах зазвучали упреки Белинды — дескать, я никогда не приму чью-то помощь. Бел словно за спиной стояла — так ясно я ее услышал.

— Подождем пару дней, Том, — выдавил я еще одну улыбку. — Дам вам знать, если возникнет необходимость. Договорились?

Он покрутил в руках кружку и, дождавшись, когда я допью кофе, заговорил:

— Как медведь сквозь подлесок? Что ж, понимаю. Сам недалеко ушел. Но, знаете, иногда невредно уподобиться сове.

— Сове, значит... — задумчиво повторил я.

Том грустно улыбнулся и вновь посерьезнел.

— У меня был один редактор, умнейший человек. Умер в прошлом году. Так вот, он дал мне совет. — Том обвел пальцем круг над головой. — Слышали, что совы умеют крутить шеей на триста шестьдесят градусов? Умеют ждать, пока в лесу не стихнет мешающий им гвалт.

— То есть мне следует прекратить дергаться? Лучше сесть на жердочку и ждать, пока ответ не придет сам собой?

Я ухмыльнулся, дав понять Тому, что вижу в его совете желание помочь. Репортер уперся локтями в стол и машинально потер изувеченный палец.

— Ну, гарантий не дам, но, судя по опыту, нужный ответ нередко получаешь, прекратив давить на человека.

— Понимаю, Том.

Мы помолчали, и я смущенно добавил:

— Кстати, я вам благодарен. Вы все-таки не упомянули в статье, что миссис Манро осталась жива.

— Вы просили, я сделал, — дернул плечом репортер, и все же я чувствовал себя обязанным.

— Мне очень неловко, что я не рассказал вам подробностей. Прошу еще немного подождать.

— Конечно. — Том приподнял кружку — дескать, — не обижается. — В следующий раз угостите меня кофейком.

* * *

Расставшись с Томом, я долго стоял на мосту Блэкфрайерс, наблюдая за рекой, играющей течениями, словно мускулами. Оцепенение сбросил только после полудня, а когда день стал клониться к вечеру и на набережной Виктории сквозь дымку пробились золотые искорки газовых фонарей, я пошел домой, пробираясь среди крикливых мальчишек с кипами газет. Углядев на первых страницах заголовки жирным шрифтом, какой обычно прибегают для новостей о железнодорожных крушениях или о попытке покушения на королеву, купил «Бикон» — тот наверняка

превзошел все остальные издания. Сорванец, торговавший газетами, орал во всю глотку: «Убийства! Убийства! Покупайте, пока все не продал!»

Швырнув ему монету, я остановился посреди толпы, вглядываясь в текст при свете уличного фонаря. Статья без подписи, в стиле Фишела.

**СТОЛИЧНЫХ ДАМ УБИВАЮТ,
СКОТЛАНД-ЯРД ВАЛЯЕТ ДУРАКА.
НОВЫЙ ДИРЕКТОР НЕ ВЛАДЕЕТ СИТУАЦИЕЙ**

«За последний месяц совершена дюжина нападений на лондонских женщин, а Скотланд-Ярд очередной раз доказывает свою несостоятельность...»

Я заставил себя прочитать заметку до конца. Разумеется, Фишел подал новости так, что могло показаться: абсолютно все женщины Лондона в опасности, а полиция не продвинулась ни на дюйм. Судя по его намекам, Скотланд-Ярд занимался лишь расследованием нападений на самых состоятельных леди, не обращая внимания на остальных. Послушать Фишела — так получалось, что мы безбожно обманываем публику, и кресло под Винсентом уже шатается. Подводя итог, репортеришка еще раз пересказал историю с судебным процессом над детективами Скотланд-Ярда, словно о ней успели позабыть.

Швырнув газету в урну, я отправился к дому Белинды.

* * *

По субботам Бел обычно приглашала гостей. Нередко звала и меня, однако я каждый раз отказывался. В толпе ее друзей мне было бы неудобно, к тому же я знал, что наш день — четверг, когда нам никто не помешает. А больше мне ничего и не нужно.

Встав на другой стороне дороги, я наблюдал за подъезжающими к дому экипажами. Хорошо одетые люди поднимались по ступенькам; кареты, высадив пассажиров, освобождали место другим экипажам. На пороге гостей встречал дворецкий Роберт. Каждый раз, когда

открывалась дверь, изнутри доносились звуки музыки, исполняемой струнным квартетом.

В глубине души я желал, чтобы Бел чувствовала себя после ссоры не в своей тарелке; надеялся, что она отменит вечеринку. И все же, подавив гнусный внутренний голосок, я восхитился ее умению не изменять себе. Бел всегда ценила твердость характера, постоянство правил и привычек и не раз рассказывала мне о своей матери, желая, чтобы я понял ее натуру.

Отъехал последний экипаж. Двери захлопнулись.

Ощувив волну сожаления, я прикрыл глаза. Вспомнились волосы Бел, в которые я имел привычку зарываться лицом, ощущая себя настолько в ее власти, что любые мои слова, сказанные в ее присутствии, приобретали совсем иной смысл. Бывало, испытывал желание сразиться с Бел или спасти ее, но этим наши отношения не ограничивались.

Я побрел домой, не заглянув ни в один из десятка встретившихся по дороге пабов. Наверное, до меня наконец дошло: надо меняться.

Гарри был дома — сидел у камина, как и во вторник. На этот раз один, без Джеймса. На столике лежало несколько газет.

Глянув на меня, парнишка моргнул и задал вопрос с тревогой в голосе:

— Уже известно, кто она?

— Ее портреты разослали по участкам, — покачал головой я. — Наверное, завтра будет что-то определенное.

— Она... мертва? — тихо спросил Гарри.

— Мертва, — ответил я, погрузившись в кресло.

— Вы напали на след убийцы?

— Я бы так не сказал. Непонятно, что общего у этих четырех женщин, если они вообще чем-то связаны. Но, по-моему, любовь и алчность тут ни при чем.

— Есть ведь еще страх и месть, как говорит доктор Эверетт.

— Страх чего? Мечь — кому? — рассудительно ответил я. — С чего бы убийце бояться этих женщин? И какое зло они вместе или по отдельности могли ему причинить?

Мы помолчали, глядя на умирающий в камине огонь, и наконец я признался:

— Устал так, что даже в голову ничего не лезет.

— Подумал, что сегодня могу переночевать здесь, — бросил Гарри с деланной небрежностью. — Все равно миссис Бэкфорд пока ничего нового не говорит.

Меня тронула тщательно скрываемая забота парнишки. Гарри пытался сказать, что мы с ним союзники, и в то же время не хотел, чтобы я чувствовал себя перед ним в долгу.

Черт... Негоже отказываться от помощи друзей. Пусть получают удовольствие.

— Спасибо тебе, Гарри. Хорошо, что составил мне компанию.

В глазах мальчика вспыхнул огонек удивления, и он робко улыбнулся.

— Ладно, спокойной вам ночи.

Он вышел из комнаты.

Забыв об усталости, я сел у огня, предавшись размышлениям. Джеймс обронил, что мы с Гарри похожи в том, что ни один, ни другой не желал чувствовать себя обузой. Сегодняшняя доброжелательность мальчишки на меня здорово подействовала, заставив погрузиться в воспоминания.

Помню, как первые несколько дней после исчезновения матери носился по улицам, отчаянно пытаюсь ее разыскать. Потом меня охватило уныние и страх, и я проводил дни, забиваясь в укромные уголки и закоулки Уайтчепела. Коротал там время до темноты, пока меня не подбирали добрые люди. Друзья матери долго меня подкармливали, предоставляя свой кров. Даже не помню, сколько я так существовал. Наверное, до того вечера, когда миссис Телл, у которой и без того было четверо детишек, в том числе грудной младенец, не позвала меня на ужин. Она и раньше меня приглашала, но на этот раз я, потянувшись за вторым куском хлеба, заметил у нее на лбу угрюмую складку. Я тогда отдернул руку, словно обжегшись.

Потом мы все улеглись в кровать, и я слышал, как женщина месила тесто — готовилась печь хлеб на завтра. Только тут до меня дошло: ведь мама тоже наверняка хлопотала по хозяйству, когда я отходил ко сну. Не хотела, чтобы сын видел: если живешь в Уайтчепеле — тебе не хватает ни сна, ни пищи, ни покоя. Есть только работа, которую невозможно отложить на потом. В ту ночь я испытал унижение и стыд при мысли, что являюсь обузой для таких матерей, как миссис Телл. В мои-то годы... Как же я был глуп и эгоистичен!

Спали мы вместе с Чарли. Я долго смотрел в потолок, размышляя: чем я хуже других мальчишек? Неужели не могу заработать шиллинг-другой, чтобы расплатиться за доброту миссис Телл? Наутро внимательно смотрел, как она делит на пятерых краюшку хлеба. Наблюдал, как хозяйка долго жует свою корочку, не торопясь ее проглотить. Проглотишь — считай, что и не было ее. Выйдя после завтрака на улицу, я решил: внесу свою долю, добуду хлеба. Другое дело, что приличная буханка, от которой каждому можно было бы отрезать по хорошему ломтю, стоила полшиллинга. Что же делать? Я заглянул в десяток лавочек, предлагая свою помощь: убраться, сбегать по поручениям. Хозяева лишь качали головой. Наконец добрался до одной пекарни. Долго наблюдал, как покупатели заходят и выходят с выглядывающими из сумок золотистыми батонами. Заметил, как уличный мальчишка попытался вытащить хлеб из авоськи какой-то женщины, однако не преуспел: воришке надрали уши. Тут надо быть осторожнее...

За десять минут до закрытия в пекарню зашло сразу несколько человек. В тесном зальчике воцарился беспорядок, и я уверенно перешагнул порог вслед за ними. Вытащил один из десятка батонов, торчавших в корзине, сунул его под рубаху и получил свою порцию аплодисментов и восхищенных восклицаний в домике Теллов. Батон был еще теплым, и меня благодарили все, кто мог: и Чарли, и Дэнни, и Бетти, и даже малыш. Миссис Телл улыбнулась:

— Спасибо, Майкл! Как же ты его добыл?

Правдоподобный ответ я подготовил по пути:

— Помог одному из уличных торговцев дотащить несколько мешков картошки до прилавка.

Миссис Телл бросила на меня внимательный взгляд. Вечером, когда я забрался в нашу с Чарли постель, она обняла меня и поцеловала в макушку.

— Хороший ты парень, Микки...

Я понял: благодарили меня не только за хлеб, а за то, что я постарался отплатить за ее заботу. С тех пор я понял: если ты слаб, тебе всегда помогут, однако всему есть предел. По большому счету ценить тебя будут за силу и уверенность, за решительность, граничащую с дерзостью. За надежность.

Эти качества я обрел, и до сих пор они служили мне верой и правдой. К сожалению, расследованию они пока не помогли никак. Возможно, как говорила Белинда, именно то чувство беспомощности и отчаяния, которое я испытал в юности, позволит мне понять натуру человека, которого я пытался вычислить.

Дрова в камине обратились в пепел, когда я наконец поднялся с кресла. Наверху толкнул дверь гостевой спальни. Гарри спал, подогнув ноги, не умещавшиеся в короткой кровати, и я испытал едва ли не отцовскую нежность, слегка приправленную грустью.

ГЛАВА 37

В семь утра на следующий день меня разбудили церковные колокола. Должно быть, я снова задремал, — во всяком случае, подошедшего к кровати Гарри заметил, лишь когда тот потряс меня за плечо.

— Просыпайтесь, мистер Корраван!

Раскрасневшийся, словно от бега, Гарри был странно серьезен; от его пальто пахло сыростью — видно, уже куда-то выходил с утра.

— Еще один труп? — вскочив, спросил я.

— Нет-нет, — торопливо ответил мальчик.

Мое сердце вернулось на положенное место, и я, прищурившись, глянул в окно. Пелена дождя почти скрыла дома на противоположной стороне улицы. Сколько времени? Могло быть и девять, и двенадцать...

— Доктор Эверетт хочет, чтобы вы подъехали в госпиталь.

— Что-то случилось?

— Да нет, все в порядке, — глянул на меня Гарри. — Просто сказал мне привезти вас к нему. По-моему, у него какой-то посетитель.

— Сколько времени? — проворчал я.

— Половина одиннадцатого.

Заставив себя встать, я снял одежду с вешалки.

— Подожди минутку.

Гарри вышел. Я смочил полотенце под краном, протер лицо и посмотрел на себя в зеркало. Впервые за последние несколько дней мои глаза не выглядели воспаленными. Выйдя в гостиную, я накинул пальто.

— Наверное, лучше взять зонт, — неуверенно предложил мальчик, потянувшись к стойке, и я криво усмехнулся.

Гарри скорчил обиженную гримасу. Пришлось пояснить:

— Я смеюсь не над тобой. Честно, не в тебе дело. — Я протянул руку за зонтом. — Ты слово в слово повторяешь Стайлза — тот тоже вечно пытается уберечь меня от простуды.

— А, вот оно что... — Гарри улыбнулся в ответ и тут же посерьезнел. — Сам-то он не больно своим советам следует.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Выглядит мистер Стайлз неважно. Вчера вечером в госпитале настаивал, что чувствует себя хорошо, а сам кашлял. Похоже, у него температура.

— Ну, надеюсь, с ним все будет в порядке. Парень он крепкий.

На улице моросило, и мы, открыв зонты, в молчании дошли до следующей улицы. Остановились на углу, пропуская экипаж, и Гарри заговорил:

— Вы с мисс Гейл в прошлый раз поругались из-за меня?

— Что-что? — обернулся я.

Гарри откинул зонт за голову и решительно сказал:

— Ну, когда мы приходили к ней на ужин. Вы ведь точно поссорились.

Ах вот оно что. О той размолвке я уж и забыл.

— Нет, Гарри. Там была совсем другая причина.

— А-а... — недоверчиво протянул мальчик.

— Белинда хотела, чтобы я рассказал ей о расследовании, и...

— А вы не собирались этого делать? — поинтересовался Гарри, видя, что я примолк.

— Да нет. Я ей доверяю, так что дело не в этом. Просто предпочитаю не распространяться о следствии, пока у меня самого не сложится четкое представление. — Сделав еще десяток шагов, я добавил: — Она недавно сказала, что я не люблю признавать свои ошибки, скрываю их даже от нее.

Гарри испытующе посмотрел мне в глаза, и пришлось его успокоить:

— Еще раз говорю — к тебе это не имеет никакого отношения.

По дороге я размышлял: надо же, как часто случаются недоразумения... Причем в половине случаев даже не подозреваешь, что человек тебя на самом деле не так понял. Ладно хоть Гарри решил разобраться.

— Кстати, миссис Бэкфорд стало лучше, — прервал мои рассуждения мальчик. — Говорить-то она особо не говорит — в основном кивает или качает головой, зато ночью уже не мечется. Спит нормальным сном.

— Джеймс сказал, что она вроде бы упоминала какую-то Рейчел?

— Да, и очень внятно. А до того три ночи подряд повторяла одни и те же слова: нож, стол, огонь, красный камень. У меня даже сложилось впечатление, что она их заучила, как стишок. — Гарри нахмурился. — Только это никакой не стишок — я знаю. И в «Волшебнице Шалот» такого не встречается. Я проверил.

— А что насчет Пьера?

Гарри озадаченно моргнул.

— Джеймс говорил, что она произносила это имя.

— А, да. Но, по-моему, это не имя. «Пьер» ведь по-французски значит «камень». Вот она и твердит из раза в раз: «красный камень, красный камень».

— Ага, ясно. Кстати, насчет стихов. — Я сделал паузу. — Стайлз рассказывал, что миссис Бэкфорд как-то произнесла «лейн», и ему показалось, что речь идет об одном из переулков у ее дома. А мне вот сдается, что она сказала «Элейн». А ты как думаешь?

— Может быть, — вновь наморщил лоб Гарри. — Только я сам от нее такого не слышал.

— Хм. Ну что ж, я рад, что Мадлен потихоньку приходит в себя. — За разговором мы добрались до ворот госпиталя, поприветствовали Оуэна и прошли во дворик. — Могу вечером купить что-нибудь, поужинаем вместе после работы.

— О, не стоит...

— Гарри, ты уж прости, — я не особо гостеприимный хозяин. — Мальчик покосился на меня. Что делать, заслужил... — Видишь ли, ты приехал как раз на следующий день после того, как мы обнаружили первое тело. Каждую неделю умирает новая женщина, и это меня чертовски расстраивает. — Помедлив, я положил руку на дверную ручку и закончил: — Да ты и сам видишь...

Гарри закивал, неловко, по-мальчишески выражая мне поддержку.

— Да, конечно, конечно.

И все же его лицо осветила улыбка, и я, с облегчением выдохнув, открыл дверь. Есть первый за сегодня правильный поступок!

* * *

Джеймса мы нашли в кабинете, где он, стоя у стола, разговаривал с женщиной в сером платье служанки и в серой же шляпке. Свет из окна освещал их лица, но собеседники стояли боком ко входу, и я не сразу понял, с кем говорит Джеймс.

Услышав скрип двери, оба повернулись. М-да, женщина-то — Белинда. Однако к чему этот маскарад?

Я замер на полушаге, и меня охватил стыд вперемешку с удивлением. Крайне неловко столкнуться лицом к лицу с любимой женщиной, по отношению к которой ты повел себя на днях, словно пьяный осел. Но — слава богу, я хотя бы ее увидел. Не знаю, с чем сравнить... Вроде как засовываешь руку в карман и вдруг находишь там завалившийся фунт.

— Добрый день, Майкл, — сдержанно и невозмутимо поздоровалась Белинда.

Джеймс вопросительно глянул на нас, но я отвел глаза и спросил:

— Что случилось?

Приятель молча протянул мне конверт, и Белинда пояснила:

— Нашла утром под дверью.

Дешевый конверт — в таких лавочки обычно хранят разные квитанции. На лицевой стороне прыгающими буквами (словно писали левой рукой) выведена фамилия Белинды. Я вытащил письмо.

Мисс Гейл,

Скажите вашему инспектору, чтобы прекратил лезть в это дело с убийствами женщин на реке. Если не перестанет — вам будет плохо, а ведь он вас любит, как я посмотрю. Не хочу причинять вам вред, но придется, как и тем, другим леди. Просто скажите ему — пусть подождет. Позже он поймет, в чем тут дело.

Меня охватила неприятная дрожь.

— Наверное, убийца, — предположил Джеймс. — А говорит-то, похоже, искренне.

Я почти не прислушивался к словам приятеля, уставившись на Белинду. Перед глазами проносились страшные картины, как убийца затаскивает ее в лодку. Страх вполз в мое сердце и распространился по всему телу. Стало трудно дышать.

Словно издалека послышался голос Бел:

— Майкл, прекрати! Немедленно прекрати! Со мной все в порядке. — Я медленно перевел взгляд на ее лицо. Выражение встревоженное, но тон вполне рассудительный. — Ничего страшного не произошло.

— Тебе надо уехать из Лондона.

— Нет, — сказала она. — Я перееду к Кэтрин, мы только что обсуждали это с Джеймсом.

К сестре? Ни в коем случае...

— Белинда, ты должна уехать из города.

— У меня здесь есть некоторые обязательства.

Она упрямо вздернула голову, и Джеймс кашлянул, прося слова.

— Мы тут гадали, каким образом этому человеку стало известно о ваших отношениях. — Он помолчал. — Видимо, прочитав в газетах, что ты ведешь это дело, преступник без труда тебя нашел.

— И все же это не объясняет, как он вычислил Белинду, — возразил я.

— Просто проследил за тобой до ее дома, — приподнял бровь Джеймс.

Не дав мне вставить ни слова, Бел сказала:

— Майкл не был у меня с позапрошлого четверга.

— Не совсем так, — вяло пробормотал я, ощутив дрожь в коленях. — Прошлой ночью я подходил к твоему дому. Наблюдал за твоими гостями.

Белинда в замешательстве умолкла, и я повернулся к приятелю, чьи брови взлетели над оправой очков.

— Кто еще знает о вашей... э-э... связи?

— Вряд ли это кому-то известно, — ответила Бел. — Двум-трем самым верным друзьям, не более.

— И Гарри, — медленно произнес я. — Только не могу себе представить, как убийце удалось бы на него выйти.

— А кстати, где он? — обернулась Белинда.

— Где-то здесь, в госпитале.

Меня снова пробила дрожь при мысли, что Гарри сегодня ночевал у меня. Вдруг убийца следит за моим домом? Поняв, что Гарри — близкий мне человек, преступник мог пуститься по его следу прямо от

моих дверей, мог угрожать мальчику... Я вдруг вспомнил, как два дня назад провожал Бел.

— Помнишь вечер пятницы? Ты еще приходила ко мне. А если он проследил за тобой до твоего дома?

— Ему совершенно необязательно было за мной следить, Майкл, — запинаясь, пробормотала Белинда. — Ты ведь три раза назвал мой адрес кэбмену.

— Наверняка ты заметил бы, что кто-то болтается вокруг, — сказал Джеймс.

Набравшись виски? Наверяд ли.

Я встретился глазами с Бел, и она пожала плечами:

— На улице было темно.

У меня в голове вновь заметались видения: я смотрю, как отъезжает кэб, увозящий Белинду, следит за ним и затаившееся в тених чудовище. Слава богу, что он не напал на Бел в тот же самый вечер...

Я вспыхнул от ярости, однако попытался сдержать чувства. Белинда ласково посмотрела на меня.

— Пожалуйста, не ходи домой, — спокойно сказал я. — Если даже не успела собрать вещи — все равно тебе не следует там появляться.

— Поеду сразу к Кэтрин, там и пережду.

— Прости, Бел. Клянусь...

— Не надо, Майкл, — покачала она головой. — Я справлюсь.

Мне надо было так много ей сказать, но мы были не одни.

— Во всем этом есть и положительная сторона, — заметила Бел. — Возможно, ты только что узнал нечто важное об этом человеке.

— Почерк, образование. Если только в письме он специально не маскируется, — подтвердил Джеймс.

— Не исключено, что у преступника есть сообщник — он и пишет письма, которыми выманивает женщин из дома, — задумался я.

— Кстати, да, — признала Белинда. — Вот только думаю: вдруг его цель — вовсе не женщины, которых он убивает? — Она перевела взгляд с меня на Джеймса. — Может, преступник решил отомстить их отцам или мужьям? Представьте, какую боль испытает мужчина, узнав, что его подруга погибла. Вдруг убийца хочет обречь этих людей на долгие страдания?

Я словно обухом по голове получил. А ведь она права...

Первым пришел в себя Джеймс. Кивнул, словно истина и вправду лежала на поверхности. Да так оно и было. В противном случае письмо получил бы я, а вовсе не Бел. Всего произошло четыре нападения, и о трех жертвах точно можно сказать: их было кому любить. Письмо, адресованное Белинде, вполне укладывается в эту логику.

Боже ты мой, выходит, мы все это время шли по неверному пути?

— Тогда женщины между собой не связаны никак, — выдохнул я. — Все дело в их мужьях и женихах.

— А что общего между этими мужчинами? — спросила Белинда.

— Тергуд — архитектор. Один из бывших поклонников Джейн Дорстоун служит в университете, другой — в банке. — Я погибал пальцы. — Манро — инженер, работает над проектом очистки Темзы, то есть имеется некоторая связь и с Тергудом, и с рекой.

— Их-то убийца не предупреждал, — вставила Белинда, кивнув на письмо.

— У него не было изначальной цели отомстить мне. Я — всего лишь помеха на его пути.

— Похоже, убийца смирился с мыслью, что ты его поймаешь. Впрочем, он считает, что это должно произойти не сейчас, — заметил Джеймс, снова рассматривая письмо. — А сама по себе поимка для него лишь вопрос времени.

— Наверное, ему нечего терять, — предположил я, вспомнив слова бармена о кашле подозреваемого. — Не исключено, что у него смертельная болезнь.

— Пожалуй, этим и объясняется изменение его методы. Пятница вместо понедельника? Его время подходит к концу, — согласился Джеймс.

— Может, он чувствует себя обреченным, потому что у него в жизни ничего нет, ему не для кого и незачем жить, — тихо сказала Белинда. — Возможно, убийца одинок, и этот план — все, что у него осталось.

Мы переглянулись.

В дверь постучали, и в кабинет, не дожидаясь ответа, заглянул Гарри.

— Мисс Гейл, пришел сержант, готов вас забрать.

— Я попросил в полиции сопровождающего, чтобы ее проводили к сестре, — пояснил Джеймс.

— Хорошая мысль, — согласился я.

Мне бы самому присмотреть за Бел, однако, чем меньше нас видят вместе — тем лучше.

Белинда взяла зонтик, и мне захотелось ей что-нибудь сказать — извиниться за то, что подверг любимую опасности, за свое дурацкое поведение. Поздно. Она уже направилась к двери и, не обернувшись, вышла вместе с Гарри. Я остался наедине со своей виной и сожалением. Да и в целом состояние было просто омерзительным. В этот миг во мне что-то сломалось, и я дал себе клятву: если придется наступить на горло своей песне при расследовании этого дела — я это сделаю.

Лучше отказаться от своих привычек, чем потерять Бел.

ГЛАВА 38

У Ярда шумела толпа. Нырнув под каменную арку, я увидел множество народа — точь-в-точь, как прошлой осенью. Люди кричали, толкались и размахивали кулаками.

— Негодяи, опять вы за свое!

— Наверное, они сами и убивают женщин!

— Что вы скрываете?

— Лжецы, лжецы!

подавив стон, я пробрался сквозь толпу и, коснувшись двери, ощутил, как меня схватили двое мужчин. Я вырвался, и сержант Викс, впусив меня внутрь, тут же запер замок. Внутри царила атмосфера всеобщего уныния. Крики доносились и сквозь закрытую дверь. Орали то же, что и полгода назад: «Защищает кое-как нас прогневший Скотланд-Ярд!»

Я окинул взглядом комнату. Все упорно делали вид, что невозмутимо занимаются своим делом. Кабинет Винсента был нараспашку — видимо, шеф давал понять, что не собирается отсиживаться в тишине посреди хаоса; наоборот, он всей душой с нами — вот о чем говорила открытая дверь.

Я прошел к нему, зажав в руке письмо убийцы. Более предъявить мне было нечего, однако я надеялся, что этого козыря окажется достаточно.

Стол Стайлза стоял пустой, и я вспомнил слова Гарри, что молодой инспектор выглядит неважно. Ладно, сейчас не до этого. Я постучал костяшками пальцев по косяку.

Винсент поднял голову. Лицо напряженное, взгляд хмурый, недовольный.

На столе шефа лежали две газеты. Я рассмотрел заголовки:

«ИНЦИДЕНТ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ: ЗЛОЙ УМЫСЕЛ?» и «КРУШЕНИЕ ПОЕЗДА В МАНЧЕСТЕРЕ».

Пришлось с сожалением признать: убийства на реке — далеко не единственная забота Винсента.

— Прошу прощения, сэр, — почтительно начал я. — Помню, что вы велели мне не появляться, пока не позовете сами. Признаю... —

мой голос дрогнул. — Признаю, что иногда действовал грубо — не всегда удается справиться с собой. И все же вам стоит взглянуть на это. — Я протянул ему конверт. — Письмо адресовано моей... моему хорошему другу — мисс Белинде Гейл. Она получила его сегодня утром.

— Мисс Гейл, писательница? — поднял брови Винсент.

— Так точно.

Он дважды прочел письмо, положил его на сверкающий чистотой стол и поднял на меня вопросительный взгляд.

— Похоже, мы шли по неверному пути, сэр, — сказал я. — У жертв и в самом деле нет ничего общего.

Шеф задумался, затем в его глазах мелькнуло понимание, и он медленно откинулся в кресле.

— Вы считаете, что дело в мужчинах? В мужчинах, которые любили этих женщин?

Я слегка расслабился. Судя по всему, Винсент спорить не собирался.

— Мне кажется, сэр, что мы... то есть, кто-то из отдела должен еще раз поговорить с Энтони Тергудом, тайным женихом Роуз Альберт. Она была первой жертвой и, как мне представляется, наиболее важной. Если мы выйдем на след человека, который задумал причинить боль мистеру Тергуду, то, возможно, обнаружим связь и с остальными убийствами.

— Тергуд — архитектор, — медленно кивнул шеф. — Манро тоже занимается строительством. Банкир — это, вероятно, финансирование их проектов, — размышлял он, словно мои заметки лежали у него перед глазами.

Надо же, все помнит. Я скрыл удивление, чтобы ненароком не задеть начальника.

Винсент, поднявшись из-за стола, прошел к окну и взглянул на реку.

— Что вы знаете о Маклафлине? — Он обернулся и посмотрел мне в глаза. — Полагаю, вы с ним еще не говорили. Но имя-то вам явно известно.

— Да, сэр, — признал я. — Моя семья его знает, и, хотя я не владею подробностями, все говорят, что парень он хороший и осудили его несправедливо. Девушка рассказывала, что Маклафлин три дня

удерживал ее взаперти, но после суда стало известно, что ее в это время видели в нескольких лавочках. — Винсент прищурился, и я быстро добавил: — Возможно, свидетели обознались. Однако осудили его лишь на основании показаний якобы пострадавшей.

— Я читал материалы дела. Маклафлин пытался скрыть, что работал на той верфи.

— Испугался, потому и солгал, — возразил я. — Знаю одного человека, который поможет мне его найти. Сэр, из Уайтчепела этот парень или нет — неважно. Если я пойму, что он имеет отношение к нашему делу — обязательно его задержу.

— В документах суда есть его адрес: пансион на Брук-стрит, шестнадцать.

Я скрыл разочарование. Разумеется, в первую очередь хотелось встретиться с Тергудом, однако мне и так повезло, что шеф вообще не возражает против моего дальнейшего участия в расследовании.

— Может быть, с Тергудом поговорит Стайлз?

— Нет, — покачал головой Винсент. — Стайлз болен; в субботу я отправил его домой.

Я насторожился. В субботу отправили домой, и он до сих пор не на службе? Видимо, Стайлзу хуже, чем показалось Гарри.

На лице Винсента отразилось сожаление вперемешку с досадой — выбора у него не было, снова приходилось полагаться на меня. Как же успокоить шефа?

Я вновь слышал голос Белинды: *«Почему бы тебе не умерить свою гордыню, перестать вести себя, словно одинокий герой?»*

Помявшись, я сказал:

— Сэр, если желаете, я могу сам встретиться с Тергудом и остальными. Или сначала найти Ната? Может, еще что-то прикажете?

Винсент некоторое время молча изучал меня и наконец ответил:

— Хорошо. Поговорите с Тергудом и другими, Ната оставьте напоследок. Если угодно — на завтра. Однако по остальному доложите мне сегодня вечером.

— Конечно, сэр. Только час может быть уже поздний.

— Я буду здесь.

Он взялся за газету, и я решил, что на этом разговор закончен, но, поставив ногу на порог, услышал голос за спиной:

— Спасибо, что показали письмо и поделились мыслями.

Винсент говорил прохладно, но вежливо.

— Не за что, сэр, — ответил я и вышел.

Особого оптимизма тон шефа не внушал, и все же я льстил себя надеждой, что мое падение по наклонной в его глазах приостановилось.

ГЛАВА 39

На Сэквилл-стрит находилась и строительная фирма «Чарльз Бэрри», и банковская группа «Роберт Ричардсон». Пришлось прождать в фойе не меньше двух часов, пока Тергуд вернется с деловой встречи. Наконец он появился — бледный и расстроенный, а увидев меня, омрачился еще больше. Тем не менее, в кабинет меня пригласил и на вопросы отвечал вполне охотно. Нет, угроз он не получал ни в каком виде. Нет, об Эндрю Манро никогда не слышал, с поклонниками Джейн — Сэмюелем Гордоном и Робертом Эддингтоном — не знаком.

— Эти двое — подозреваемые? — спросил Тергуд.

Я покачал головой.

— Газеты видели? Читали о других нападениях на женщин?

— Одна и та же рука? — печально кивнул собеседник.

— Пока мы склонны считать именно так. На счету преступника уже четыре нападения.

Тергуд потер глаза и закрыл лицо ладонями. Посидев некоторое время в тишине, я сказал:

— Дело в том, что у четырех жертв нет ничего общего, поэтому мы заподозрили, что между собой могут быть связаны их мужья, женихи или поклонники.

Молодой человек в ужасе поднял голову:

— О господи! Вы полагаете, что Роуз умерла из-за меня?

— Мы пока не знаем, имел ли убийца личные мотивы. Кто мог желать причинить вам вред? Причина может быть любой. Допустим, вы кого-то невольно оттолкнули или задолжали денег. Может, кто-то должен вам?

— Ничего такого не припоминаю. — Тергуд обмяк в кресле, опустив руку на подлокотник и потер подбородок. — Нет, не знаю...

Собеседник выглядел настолько удрученным, что я решил сменить направление разговора.

— Мы не отказались от версии связей с рекой. Сколько вы уже служите в этой фирме?

— Четыре года.

— Какие именно здания строите?

— Самые разные. — Он махнул рукой в сторону образцов, висевших в рамках на стене кабинета. — Например, насосную станцию в Итальянских садах в Гайд-парке, церковь Святого Стефана в Далвиче. Еще Берлингтон-хаус на Пикадилли.

— А на реке?

— На реке — нет. — Подумав, он поправился: — Хотя есть контракт на реконструкцию Внутреннего храма. На реку он не выходит, однако находится рядом, к востоку от моста Ватерлоо.

— Как ваша фирма вышла на этот контракт? — спросил я, усевшись удобнее.

— Заявки на конкурс подали три строительных фирмы, и месяц назад объявили результат. Мы победили. Материалы уже заказаны — кое-что везут из Уэльса, остальное из Италии. В начале следующего года начнем работы.

— Какие фирмы с вами конкурировали?

— «Томас Кьюбитт» и «Уолтер Энгстром». — Приложив пальцы к вискам, Тергуд добавил: — Энгстром был в ярости. В прошлом году он реставрировал «Греевский инн» — одну из трех других школ подготовки барристеров. С другой стороны, его компания взяла два новых подряда на работы в отелях Мейфэра, так что без дела не сидит. Да и у Кьюбитта заказов больше, чем он может осилить.

— Могли ли владельцы этих фирм прийти в такое негодование, что решились бы причинить вам вред?

— Сильно сомневаюсь. Наше участие в этом проекте — дело случая. Что уж говорить обо мне... Энгстром вообще не склонен к жестким поступкам, да и Кьюбитт не из той породы. Его страсть — проектирование. Какой из него убийца...

— Допустим, — прервал я молодого человека. — Дело в том, что меня сейчас интересуют любые возможные связи с рекой.

— Понимаю, — подавленно отозвался Тергуд, — однако ничего больше в голову не приходит.

Я и сам приуныл, но сделал еще одну попытку:

— Не закупаете ли вы строительные материалы у «Болдуин»?

— Разумеется. Да и не только мы. «Болдуин» — один из крупнейших лондонских поставщиков балок.

— Бывают ли у вас контракты от министерства внутренних дел?

— Иногда, — с несчастным видом ответил молодой человек. — Скажите, когда примерно вы докопаетесь до мотива убийства?

— Мы все ближе к разгадке. В любом случае вам не следует винить себя в смерти Роуз.

Тергуд тяжело сглотнул, и я продолжил:

— Еще вопрос. Не знаете ли вы случайно кого-нибудь по имени Элейн? Может, у Роуз была такая подруга?

— Никогда не слышал, — помотал головой собеседник.

Иного ответа ожидать не приходилось; я продолжал блуждать в потемках.

— Можете никому не рассказывать о нашем разговоре? — попросил я, поднимаясь с кресла. — Мы не хотим, чтобы в обществе гуляли дикие домыслы, — это лишь затруднит расследование.

— Разумеется.

Мы попрощались, и, ступив на порог, я оглянулся. Тергуд смотрел в пустоту с печальным и безнадежным выражением лица. Грусть словно состарила его сразу на десяток лет. А еще он был озадачен — словно ребенок, столкнувшийся с бедой, которой не в силах противостоять.

Я мог бы рассказать молодому архитектору, что в детстве потерял мать, которую любил больше всего на свете, что способен понять его горе. Только поможет ли Тергуду мой рассказ? Вспомнилась глубинная, опустошающая боль, подступавшая к сердцу в ночных кошмарах; проблески надежды при виде любой женщины, хотя бы отдаленно похожей на мать. Хотелось закричать, завывать, даже умереть, когда я полностью осознал, что мама не вернется.

И все же чувства были настолько свежи, что я точно знал: никаких слов не хватит, чтобы утешить молодого человека.

* * *

Наступил полдень. Эддингтона дома в такое время наверняка не будет. Полистав записную книжку, я нашел название банка, где служил поклонник Джейн. Банк «Центральный» на Ньюгейт-стрит — прямо под стенами собора Святого Павла — находился совсем недалеко. Я вышел на набережную и свернул в северном направлении.

Эддингтона я нашел на рабочем месте. Вид у него был осунувшийся; под глазами залегли глубокие тени. Завидев меня, он вздрогнул, словно ожидая удара; впрочем, через секунду оправился и сердито сверкнул глазами. На щеках его расцвели красные пятна.

— Инспектор? — холодно произнес банкир.

Сесть мне не предложили, так что пришлось остановиться с другой стороны стола, опершись на спинку стула. В кабинете было тепло — горел камин, и я расстегнул пальто.

— Мистер Эддингтон, приношу извинения, что тревожу вас на службе.

— Я видел статьи в газетах, — поджал губы молодой человек. — Джейн была не первой жертвой.

— Вы правы, однако у нас появились новые данные, — ответил я, заметив, что, в отличие от Тергуда, пребывающего в отчаянии, Эддингтону горе заменил гнев. Значит, следует говорить с ним как можно деликатнее. — Видите ли, мы не нашли ничего общего между погибшими женщинами, поэтому сейчас изучаем возможные связи между их семьями и возлюбленными.

— Я вам скажу, на кого следует обратить особое внимание, — напрягшись, заявил молодой человек. — На мать Джейн. Мерзкая особа!

Я достал из кармана записную книжку с карандашом.

— Поясните, пожалуйста.

— Она сделала Джейн несчастной! — взорвался Эддингтон. — Порицала ее за все на свете — от одежды до количества джема на тосте.

Манеры не слишком приятные, однако вряд ли миссис Дорстоун могла решиться на убийство из-за джема, да и к вопросу связи Джейн с другими жертвами слова Эддингтона ничего не добавляли.

— Что ж, здесь есть над чем подумать, — пробормотал я, сделав заметку в блокноте. — С вашего позволения, еще несколько вопросов. Знакомы ли вы с Энтони Тергудом и Эндрю Манро?

— Не знаком. — Молодой человек гневно выпрямился, словно готов был тотчас прыгнуть через стол и схватить убийцу. — Вы их подозреваете?

— Нет-нет, — успокоил я Эддингтона. — Может быть, вам известен человек, который держит на вас зло? Допустим, завистники?

— Нет, откуда? — не задумываясь, ответил молодой человек и тут же запнулся. — Вы хотите сказать, что ее смерть...

Он поднял руки, словно отменяя саму возможность подобного предположения.

— Мистер Эддингтон, не случилось ли у вас в прошлом размолвок с кем-либо на почве денег, долгов?

— Ничего такого... Ну, были какие-то пари с друзьями в клубе. Кто-то даже мне задолжал, но пять фунтов — не та сумма.

Конечно, я знал людей, готовых убить и за меньшие деньги. Впрочем, члены клуба наверняка расценивали пять фунтов как сущую ерунду, как и сам Эддингтон.

— Мы также изучаем вопрос: не был ли связан кто-то из близких Джейн с рекой.

— С Темзой?

— Ну да, ее ведь нашли в лодке, — напомнил я. — И не только ее. Всех четырех.

— Понятия не имею, кто мог бы иметь отношение к Темзе, — раздраженно бросил банкир. — Я порой прогуливаюсь по набережной, как и любой житель города. Пью чай, который доставляют речные суда. Наша экономка при готовке пользуется привозными специями.

— В первую очередь меня интересует ваша служба в банке, — сдержавшись, ответил я.

— А... — Эддингтон слегка сбавил тон. — Многие наши клиенты связаны с Темзой. Бог мой, да почти каждая компания в Лондоне! Кому-то везут сырье по реке, кто-то хранит товар в складах вдоль берега. Строят суда, куют газовые фонари, что освещают набережную...

— У вас есть какие-то связи с «Болдуин»? Знаете, фирма, занимающаяся металлоконструкциями.

— Ну да, они у нас обслуживаются, — кивнул банкир, и у меня в душе зародился проблеск надежды.

— А ваша семья? Имеете ли вы знакомства в министерстве внутренних дел или в фирмах, занимающихся строительным делом?

Эддингтон изменился в лице и поднялся из-за стола, вцепившись в спинку кресла.

— Не знаю, чем вам это поможет, но кузен моей матери — сэр Чарльз Вестингфорд.

Имя знакомое, но откуда?..

Заметив, что я растерялся, Эддингтон подсказал:

— Сэр Чарльз — помощник министра внутренних дел.

Я вновь приободрился.

— У вас такой вид, будто это что-то значит, — усмехнулся молодой человек. — Честно говоря, я сомневаюсь, что Джейн хоть раз встречалась с дядей. Разве что, — скривил он губы, — когда-то были среди других гостей на одном из наших приемов. Другое дело, что сэр Чарльз не снисходит до болтовни с дамами, которые являются приложением к мужу или к своему папеньке.

— Ну что ж, — с притворной беспечностью сказал я, — тогда еще пара вопросов. Имеете ли вы лично или ваш банк какое-то отношение к Внутреннему храму или к архитектурному бюро «Бэрри и Бэнкс»? Или, допустим, к Кыобитту или Энгстрому? — Эддингтон каждый раз отрицательно качал головой. — Нет ли среди ваших знакомых женщины по имени Элейн? Возможно, у Джейн была подруга с таким именем?

— Не припомню.

— Последний и самый деликатный вопрос: что вы можете рассказать о Сэмюеле Гордоне? Насколько мне известно, мисс Дорстоун была с ним знакома.

— Да, — вздохнул молодой человек. — Сэм просил ее руки в декабре прошлого года. Но, по-моему, сейчас он помолвлен или к тому идет. Словом, у него другая возлюбленная.

— Где Сэмюел сейчас? Мистер Дорстоун сказал, что вроде бы он учится за границей.

— Нет, уже вернулся. Сейчас служит в Оксфорде, читает там классику английской литературы.

М-да, вряд ли Гордон имеет связи с Темзой или со строительными проектами.

Я убрал в карман записную книжку, дав понять Эддингтону, что приближаюсь к концу.

— Где можно встретиться с вашим дядей?

— В его сельском имении, в Ланкашире, — побарабанив пальцами по ручке кресла, ответил Эддингтон. — С Юстона идет поезд до Престона. Там надо спросить дорогу до Скарсбрик-холл. В Престоне это место все знают.

— Что ж, благодарю, — сказал я, застегивая пальто.

— Найди вы преступника после первого убийства — Джейн была бы жива, — обвинительным тоном заявил молодой человек, негодуяюще сверкая глазами. — Завтра у нее, видите ли, день рождения. Миссис Дорстоун планировала устроить вечеринку, пригласить всех друзей. Гостиная была бы полна розовых роз — любимых цветов Джейн...

Я невольно смягчился.

— Мне очень жаль...

Эддингтон фыркнул и отвел взгляд. Я вышел на улицу, испытывая облегчение и в то же время трепет: удалось-таки обнаружить явную связь и с Темзой, и с кабинетом министра внутренних дел, и с «Болдуин». Между прочим, министр, сэр Стивен Вернон Харкорт — один из самых могущественных и влиятельных людей в Лондоне.

Перед глазами снова всплыл образ тигра, впервые посетивший меня почти месяц назад.

* * *

В Ярд я вернулся к шести вечера.

Винсента пришлось подождать — шеф был занят беседой с посетителем. Прошло больше часа, и наконец дверь в кабинет открылась. В коридоре появился незнакомый человек и направился к выходу. Я постучался.

— Добрый вечер, Корраван, — поднял голову от бумаг Винсент. — Какие новости?

— Похоже, кое-что нащупал.

Подобно Эддингтону, шеф присесть не предложил. Ничего не поделаешь, отрапортовал стоя.

Дослушав до конца, Винсент коротко кивнул.

— Стало быть, есть ниточки, связывающие Тергуда, Эддингтона и Манро и с «Болдуин», и с Темзой.

— Ниточки довольно тонкие, сэр.

Шеф не ответил, и я добавил:

— Планирую завтра с утра отправиться в Уайтчепел — поищу Ната. Потом мог бы съездить к Вестингфорду.

— Это не обязательно. Я сперва без лишнего шума наведу справки здесь, в Лондоне.

По выражению лица Винсента я сделал вывод, что он сомневается в моей способности тактично побеседовать с помощником министра. Что ж, были бы факты, а уж как мы их добудем — разницы никакой.

— Понял, сэр.

Шеф что-то записал на листе бумаги и вложил его в одну из папок.

— Еще раз благодарю, Корраван, что не забываете держать меня в курсе. Я доволен вашей работой.

Похвала прозвучала слегка натянуто, но и на том спасибо.

— Спасибо, сэр.

Выйдя из Ярда, я направился в закусочную и заказал мясное блюдо.

Итак, завтра меня ждет Уайтчепел. Стоп... Завтра-то вторник!

Оставалось надеяться, что убийство, запланированное на эту неделю, преступник совершил чуть раньше, и с утра пятого трупа не будет. Как я себя ни успокаивал, беспокойство все росло. Обед был испорчен. По дороге домой я ненадолго остановился у дома сестры Бел. Светилось лишь одно окошко — на втором этаже. За шторами мелькали смутные тени — то ли Белинда, то ли Кэтрин. Я дважды прошелся вдоль дома, высматривая подозрительных прохожих, однако никого не заметил, и, тем не менее, укрывшись в темном переулке, ждал, пока свет в окне не погаснет. На всякий случай постоял в своем укрытии еще полчаса.

ГЛАВА 40

К утру стало известно имя четвертой жертвы — Эмма Монтут. Пропала девушка еще в пятницу, в районе двух часов дня.

Стайлз на службе так и не появился, и Винсент отправил инспектора Миллза поговорить с семьей и друзьями убитой. Я же двинул в Уайтчепел, договорившись с Миллзом встретиться в Ярде в шесть вечера. Впереди целый день, чтобы разыскать Маклафлина.

* * *

Проще всего было провести полчаса у ма Дойл, чем околачиваться у последнего известного нам адреса проживания Ната. Подойдя к лавочке Дойлов, я заглянул в окно и тут же отпрянул. Тьма народа, и каждый захочет поздороваться и узнать, что я тут забыл.

Пришлось обойти со стороны переулка и проскользнуть через черный ход, где я сразу наткнулся на упаковывающую чай Элси. Девушка вскрикнула от удивления и, бросившись ко мне, крепко обняла. Я отстранился и рассмотрел ее. Все больше становится похожа на мать: тот же дерзко задранный подбородок, те же карие глаза, те же густые рыжеватые волосы. Элси исполнилось девятнадцать, и она уже была хорошенькой — нет, чертовски красивой! — девчонкой. Интересно, сколько парней из Уайтчепела за ней бегают...

— Каким ветром, Микки? — осведомилась она.

— Давно уж никто не называет меня «Микки», только ты да ма, — улыбнулся я.

Элси легонько шлепнула меня по щеке.

— Это тебе за то, что уже месяц не заглядывал к нам на воскресное чаепитие! А сегодня, кстати, вторник. Зачем пожаловал?

— Вот, ищу одного человека, — сконфуженно пожал я плечами, — думаю, ма подскажет, откуда начать поиски. Я о Нате Маклафлине. — Улыбка Элси померкла, и я дружески обнял ее за плечи. — Не собираюсь доставлять ему неприятности, не беспокойся.

— А чего ты от него хочешь? — вопросительно наклонила голову девушка.

— Нужно спросить, не имеет ли он отношения к женщинам, которых убивали на Темзе.

— Ах! Микки, ты же понимаешь — он тут ни при чем!

— Уверен, что нет, но спросить обязан. Не знаешь, где его найти?

— Сейчас позову ма. Она наверняка знает, — надула губки Элси.

Девушка вышла в торговый зал, и сквозь приоткрытую дверь послышалось гудение дюжины голосов. Перевернув бочку, я уселся сверху, как делал раньше, подсчитывая выручку лавки мелком на грифельной доске.

Сверху потянуло ароматом индийского чая. Привычный, знакомый запах вызвал у меня в памяти один воскресный день, когда я забежал к ма почаевничать. Элси за столом поведала мне о суде над Маклафлином. Заседание состоялось за две недели до моего визита, и Элси все еще не могла прийти в себя от гнева.

Она тогда рассказала о Джемме Грин — хорошенькой девушке, даже слишком хорошенькой для Уайтчепела, любившей сеять смуту среди парней, флиртуя то с одним, то с другим. Особенно ее заводило, когда мальчишки вступали из-за нее в драку. Так или иначе, интриги девушки были довольно безобидны — до тех пор, пока она не положила глаз на Маклафлина. Нат, хороший положительный парень, ухаживал за другой девочкой — Кэти Дьюи — и на Джемму внимания не обращал. В итоге она поставила себе цель завоевать Ната, а когда не добилась успеха — сильно разобиделась. Как-то раз Джемма исчезла, и три дня ее не было видно. Обеспокоенная мать даже подала заявление в полицию. Наконец дочь появилась, твердя направо и налево, что Нат затащил ее в подвал в районе верфи, связал, а потом изнасиловал. Только через три дня ей удалось распутать веревки и сбежать.

Сам я Ната никогда не встречал, но Элси утверждала, что за парнем в жизни подобного не водилось — не тот он человек.

Другое дело, что у него не было алиби. Нат целыми днями работал в порту, после возвращался домой и привычек своих не менял. Джемма заявила, что, бросив ее в подвал, Нат потом являлся к ней в перерывах между работой, и демонстрировала синяки и ссадины от туго затянутых на запястьях веревок. С судебным процессом тянуть не

стали, и Маклафлина на основании слезливых показаний Джеммы признали виновным. Приговорили к девяти месяцам заключения.

Буквально через несколько дней после суда выяснилось, что четыре разных человека видели Джемму в нескольких лавочках именно в те дни, когда она, по ее словам, находилась в заточении. Никто не задавался вопросом, как ей удалось освободиться. «Представь себе человека, работающего в порту. Неужели он не способен затянуть крепкий узел?» — ядовито говорила мне Элси, и, по-моему, в ее словах был смысл.

Она очень рассчитывала, что я вытащу Ната из тюрьмы; пришлось объяснить, что мне это не по силам. Да, признавал я, вердикт кажется несправедливым, однако суд состоялся, приговор вынесен, и ничего тут поделать нельзя. Кроме того, процесс проходил в районе, где у меня не было ни малейшего влияния. Я утешал Элси, говорил, что всего несколько месяцев — и Ната выпустят, но юная мисс Дойл всегда отличалась обостренным чувством справедливости. Словом, она тогда была разгневана и разочарована до невозможности.

Скрипнула дверь, и в комнатку, на ходу вытирая руки, вошла ма.

— О, Микки! Ты вернулся!

Что она хочет сказать? Вернулся в Чепел? Или в комнатку у черного хода?

Я быстро поцеловал ее в щеку.

— Как там Гарри? — озабоченно спросила ма.

— У него все великолепно. Он мне сразу рассказал, что любит латынь и мечтает стать доктором, так что я определил его к Джеймсу. Твой племянник торчит там круглыми сутками — заполняет карточки и учится на ходу.

Ма нахмурилась.

— Мы видимся, — поспешно добавил я. — Притирались поначалу тяжеловато, зато теперь отлично ладим. У парнишки доброе сердце. Он помогает мне с одним старым расследованием, пока я веду новое.

— Ах да, эти несчастные дамы в лодках, — вздохнула ма. — Видела твое имя в газетах.

— Помнишь, я говорил, что нами занимается наблюдательный комитет?

— Пытаются закрыть Скотланд-Ярд. Помню.

— Так вот, один из членов этого самого комитета вбил себе в голову, что в убийствах может быть замешан Нат Маклафлин. Не даёт покоя его давнишний приговор...

— Приговор — ложь от начала до конца! — с негодованием воскликнула ма.

Я перевернул еще одну бочку и пригласил ее присесть.

— Эlsi рассказывала мне кое-что о Джемме: оказывается, ее видели в городе во время предполагаемого заточения. О чем я пока еще не знаю?

Ма уселась, неодобрительно поджав губы, и на ее щеках появились ямочки.

— Через пару недель после суда стало очевидно, что Джемма в положении. Настаивала, что ребенок — от Ната. Да только каждая женщина знает, что раньше чем через месяц животик не появится. Прошло еще две недели, Джемма сбежала, а ее сестра призналась, что нашла у девчонки в комодке веревку с пятнами крови. Судя по всему, раны она нанесла сама себе.

— И куда она потом делась? — выдохнул я.

— Да кто ее знает... Дело-то свое она сделать успела. За неделю до суда Кэти Дьюи заявила Нату, что уже не знает, чему верить, и бросила мальчишку. По-моему, Ната убил не столько приговор, сколько разрыв с Кэти. Бедный парень...

— Он ведь так и не признал себя виновным?

— Я знала Джоан и ее мальчика много лет, — сказала ма, покачив головой. — Говорю тебе, Микки, он не похищал Джемму.

— Не спорю, ма. И все же мне нужно поговорить с Натом. — Почувствовав, что она готовится возразить, я наклонился ближе. — Вместо меня к нему ведь может прийти кто-то другой. Я хотя бы понимаю, что его вина крайне сомнительна.

— Ну да. — Она задумалась. — Подожди здесь.

Вернулась ма только через двадцать минут.

— Попробуй зайти в «Золотой рог». Помнишь, где это?

— Разумеется.

Ма бросила на меня печальный взгляд.

— Боюсь, ты найдешь его не в лучшем виде. Только не думай, что он и в самом деле такой, каким кажется. Нат всегда знал меру, а сейчас

набирается чуть не каждый день — так Джоан говорит. Ему плохо, Микки. На его месте вполне мог быть ты...

— Если бы ты не учила меня уму-разуму, — закончил за нее я.

Ма похлопала меня по щеке — надо сказать, нежнее, чем это сделала Элси.

— Береги себя, Микки. Себя и Гарри.

Я быстро, но с чувством ее обнял и отправился в «Золотой рог».

Прошло больше десяти лет с тех пор, как мы, ребята из порта, забегали в этот паб, и все здесь осталось практически по-прежнему. Краска на вывеске облупилась, виднелись лишь контуры вырезанных в дереве букв и очертания рога. Еще поменялась дверь — видимо, старая прогнила. Перешагнув порог, я втянул в ноздри знакомый с юности густой запах хмеля и пропитанных ароматами реки половиц. На какой-то миг мне словно вновь стало семнадцать, когда я вваливался сюда разболтанной походкой, бренча парой шиллингов в кармане, а за мной шел Пэт Дойл.

Время было еще раннее: в такой час здесь не пели, не играли в карты и не дрались. Все это начнется позже. В зале сидело человек десять посетителей, в основном поодиночке. Каждый, склонившись над кружкой, был занят своими думами, и на меня почти никто не посмотрел.

Я подошел прямиком к пышногрудой барменше, спросил насчет Ната, и она указала на один из столиков пальцем, напоминающим розовую сосиску, перетянутую серебряным кольцом.

Обернувшись, я наткнулся на изучающий взгляд Ната и приблизился к его столу. Парню было лет двадцать с хвостиком. Крепкий, как и все ребята, подрабатывающие на верфи. На вид симпатичный, плечистый, с копной взъерошенных рыжих волос и угрюмой усмешкой.

Присев напротив, я спросил:

— Нат? Я — Микки Корраван.

— Полицейский? — мрачно глянул на меня парень.

Увидев мой кивок, он тут же на всякий случай пробормотал:

— Я ничего такого не делал.

— Просто хочу задать тебе пару вопросов.

— Можно подумать, вы мне поверите, — хмыкнул он.

— Послушай, — наклонился я к нему, — я здесь вырос и прекрасно знаю, что к чему.

— Похоже, вам удалось выбиться в люди, — заметил Нат, оценив мое пальто.

— Ты ведь знаешь ма Дойл?

Нат слегка оживился, и насмешку сменил осторожный интерес.

— Ма Дойл подобрала меня после того, как пропала моя мать, — продолжил я. — Она уверена, что ты не трогал ту девчонку.

Из Ната словно выпустили воздух, и он обмяк, уставившись в кружку.

— Нет, не трогал.

— Я доверяю мнению ма.

Нат метнул на меня взгляд, и я заговорил тише:

— Но расспросить тебя обязан. Ты слышал что-нибудь об убийствах на реке?

— Слышал. — Нат изменился в лице, и в его глазах поочередно мелькнули ужас, затравленность и, наконец, уныние. — Вы считаете, что это сделал я... — тускло пробормотал он. — Из-за того случая...

— Где ты был в пятницу во второй половине дня?

— Здесь, — помявшись, ответил Нат.

Я встал и снова подошел к барменше.

— В пятницу Нат был в «Золотом роге»?

— А как же, — буркнула женщина, не переставая протирать бокал. — Сидит у нас чуть не каждый вечер, хлещет пиво до тех пор, пока до краев не нальется.

— Когда он появился в пабе?

Барменша, задумавшись, скривила губы.

— Притащился в час дня, сразу после того, как я заступила на смену. Ушел после полуночи.

— Точно?

Женщина перевела взгляд на Маклафлина, и, к моему удивлению, ее суровое лицо смягчилось.

— Несчастный дурачок... Нечестно та девчонка с ним поступила. — Она вновь глянула на меня. — Не знаю, кто в тот день орудовал на Темзе, только это был не Нат. Он так набрался, что на ногах стоять не мог.

— Точно это была пятница? Вы не путаете?

— Ну да, как раз последний день моей смены. — Барменша обернулась к мужчине с отвисшими, словно у моржа, брылями. Тот сидел на одном из табуретов у стойки, делая вид, что не прислушивается к разговору. — Дик, ты ведь был у нас в пятницу. Видел Ната?

— Ну да. Я как раз около трех решил перекинуться в картишки. Нат сидел вон за тем столиком. — Морж ткнул пальцем в угол, где задумался над своей кружкой Маклафлин. — Он там всегда сидит.

Так... Значит, алиби Ната подтверждают два человека.

— Как вас зовут?

Если барменша замнется, — не факт, что ей можно верить. Однако женщина ответила без колебаний:

— Марджери Флексвелл. А это — Дик Коннелли, — мотнула она головой в сторону моржа.

— Спасибо. — Я положил на стойку несколько монет. — Налейте Дику пинту за мой счет.

Морж благодарно кивнул, и монеты скрылись под пухлой дланью барменши. Вернувшись к столику Ната, я занес имена в записную книжку.

— К тебе никаких вопросов не будет. Обещаю, — сказал я, подняв глаза на Маклафлина.

Он с сомнением посмотрел на меня и вновь поднес кружку ко рту.

В глубине души у меня шевельнулось желание присесть рядом и попытаться убедить парня: как бы мерзко он себя ни чувствовал, жизнь продолжается. Все переменится. Пройдет десять лет, и Нат найдет себе работу по душе, обретет любовь, и, может, эта женщина полюбит его в ответ, забыв о тех днях, когда Нат вел себя, как последний осел. Встретит друзей, которые не постесняются наставить его на путь истинный...

Маклафлин нахмурился — похоже, хочет, чтобы его просто оставили в покое.

И все же я предпринял попытку:

— Запомни мое имя. Я — Майкл Корраван. Если потребуются помощь, обращайся. Могу подыскать тебе работу, выдернуть тебя из этой трясины. Связаться со мной можно через ма Дойл. Слышишь, Нат?

— Не нужна мне помощь от таких, как вы.

Нат сопротивлялся, но упреки Белинды крепко засели в моей памяти, потому я и уловил в голосе парня нотки стыда и какой-то внутренний зов. Нет, он не молил о спасении — это было нечто другое.

— Послушай, я действительно выбрался в свое время из болота и лишь потому, что не отказывался от помощи после того, как ушел из Уайтчепела. — Мне вспомнился мистер Гордон, офицер из полицейского участка в Ламбете. — Мне помогали не раз, и я в этом нуждался. Тоже был молод и упрям, в то время как мне еще многому предстояло научиться, — откровенно сказал я. — Если бы не один полицейский из Ламбета, я уже сто раз сыграл бы в ящик.

Похоже, стену недоверия удалось пробить, пусть и ненадолго. Нат испытующе поглядел на меня и все же смолчал. Я заговорил снова:

— Нат, мое предложение в силе. Обращайся в любое время. Договорились?

Он кивнул. Уже неплохо.

Выйдя на улицу, я задумался: чем заняться дальше?

Совсем недалеко, в десяти минутах ходьбы, находилась редакция «Фалкона». Туда я и направился. Толкнув входную дверь, поднялся на второй этаж, где работали наборщики. Их ловкие и быстрые пальцы так и мелькали, вытаскивая свинцовые литеры из гнезд в деревянных ящичках.

— Где можно найти Тома Флинна? — спросил я у ближайшего наборщика.

— Наверху, — не отрываясь от работы, бросил тот.

Поблагодарив его, я взобрался по шатким ступенькам. В темноте по такой лестнице подниматься не стал бы. Из двери в конце коридора выбивался конус света, и я заглянул в щёлку. В комнате стоял Том, склонившись над заваленным старыми газетами столиком.

— Том!

Он поднял глаза и приветливо улыбнулся.

— Здравствуйте, Корраван.

Я оглянулся в поисках стула, а Флинн тем временем подвинул ко мне газетную страницу.

— Похоже, я нашел новости о суде, который вас интересовал.

— Ну зачем вы, Том... — пробормотал я, немало удивившись.

— А... — махнул он рукой. — Все равно искал одну статью по работе. Заодно обращал внимание на новости о судебных процессах. И

вот — сами видите, это нельзя было не заметить.

И правда, заголовок был набран дюймовыми буквами:

«ДОКТОР ИЗ ВЕСТ-ЭНДА ОПРАВДАН».

Том наклонился над столом, потирая изувеченный палец.

— Вот смотрите: четыре года назад доктор Форсайт диагностировал у пациентки камень в почке. — Репортер ткнул пальцем себе под ребро. — На самом деле у больной случился аппендицит. В итоге женщина умерла. Сразу возник вопрос: не был ли Форсайт пьян во время вызова? Так или иначе, дело замяли. Поверенный Форсайта — Бартоломью Гриффитс — прожженный малый.

Нетрудно представить, как доктор Форсайт клянется на Библии, пытаясь спастись от тюрьмы и необходимости продавать практику. Я быстро просмотрел статью, однако Том в своем коротком пересказе не упустил ничего важного.

— Какой вы молодец, Том, — похвалил его я, но репортер лишь отмахнулся.

Так или иначе, помогая мне, сил он приложил немало. Пинтой эля тут не обойдешься, а я привык платить по своим долгам. Пришлось рассказать все, что мне было известно к сегодняшнему дню, взяв с Тома слово, что он пока не станет использовать полученные сведения. Я пообещал, что на днях сообщу кое-что еще.

Флинн проводил меня до выхода и свистнул, подзывая кэб. По пути я пытался встроить содержание статьи в уже имеющиеся данные. Проехав в наступающих сумерках мимо собора Святого Павла, я дошел в своих рассуждениях до поверенного, Бартоломью Гриффитса.

Откуда мне известно это имя? Я терзался до самого Уайтхолла, пытаясь поймать мысль за хвост. Вышел из кэба, так ничего и не надумав. Стоит прекратить попытки: в конце концов все вспомнится само собой.

ГЛАВА 41

Весь день во рту у меня не было ни крошки, так что пришлось заглянуть в паб, где я умял кусок мясной запеканки и на сытый желудок направился в Ярд. В кабинете Винсента стоял Миллз. Инспектор обернулся, увидев, что Винсент бросил взгляд в дверной проем.

— Какие новости? — спросил шеф.

— Нат никакого отношения к убийствам не имеет, — с ходу сообщил я. — У него алиби на весь интересующий нас день. Есть два свидетеля.

Я передал Винсенту записку с именами барменши и Дика, куда вписал еще и адрес «Золотого рога».

— А мне удалось встретиться с отцом четвертой жертвы, — рассказал Миллз. — Он в ярости, что мы до сих пор не поймали преступника. Распекал меня минут десять, прежде чем мне удалось вставить хоть слово.

— Его дочь была замужем? — поинтересовался я.

— Помолвлена. Ей исполнилось восемнадцать, жениха зовут Дейвид Кобб. Читает историю в университете.

У меня невольно мелькнуло предположение, что Кобб может быть связан с поклонником Джейн Дорстоун — Сэмюелем Гордоном или, допустим, с братьями Роуз, обучающимися в Кембридже.

— В каком именно?

— В Ориэле. Это колледж в Оксфорде. Конечно, отец Эммы Монтут говорит, что Дейвид тут ни при чем. Отозвался о нем как о «слабовольном простофиле».

Миллз презрительно изогнул губы, изображая гримасу Монтута.

— Чем он сам занимается?

— Монтут — настоящий джентльмен, — фыркнул инспектор. — Коллекционирует искусство, состоит в железнодорожном совете.

— Как выяснилось, что Эмма пропала?

— Довольно странная история, — ответил Миллз. — Остальные три жертвы исчезли ближе к ночи. А мисс Монтут отправилась в

книжную лавку в районе полудня, потом планировала зайти к модистке.

И в самом деле, отличия налицо. Возможно, преступник просто пользовался подвернувшейся возможностью — тогда график предыдущих нападений (каждый вторник по телу) был лишь случайным совпадением.

— Модистка показала, что Эмма заглянула к ней около трех, — продолжил Миллз, прочистив нос. — После этого ее след пропал.

— Хорошо, — вздохнул Винсент. — Видимо, следует выяснить, не имеет ли мистер Кобб отношения к Темзе, строительству или инженерному делу, хотя подобные связи выглядят маловероятными.

Шеф говорил вяло, да и в мрачном взгляде Миллза сквозила растерянность.

— Благодарю вас, Миллз, — кивнул шеф, отпуская инспектора, и я развернулся вслед за ним. — Секундочку, Корраван. Пожалуйста, прикройте дверь.

Я замер на месте. Неужели Винсент до сих пор подозревает Маклафлина? Даже Куотермена удовлетворит двойное алиби.

— Присядьте.

Шеф махнул рукой в сторону кожаного кресла. Хм, подобное приглашение о чем-то да говорит...

Я аккуратно выдвинул кресло — ровно настолько, чтобы не упираться коленями, — и осторожно присел.

— Какого вы мнения о суперинтенданте Блэре? — спросил Винсент, не отрывая от меня взгляда.

Вопрос застал меня врасплох, и я взял паузу, чтобы собраться. Лицо Винсента ничего особо не выражало, однако по спине у меня побежали мурашки. Проверяет? Начал я с некоторой опаской, тщательно подбирая слова и стараясь избегать однозначных формулировок. Надо всего лишь подтвердить то, что шефу известно и без меня.

— Мы работали вместе четыре года.

— Так...

Шеф явно ждал большего.

— Реку он знает как свои пять пальцев, — продолжил я. — Глубину в разных местах, силу приливов и отливов в каждый день месяца, высоту мостов. Знаком с бригадами и управляющими

складов на берегах Темзы, с владельцами судоходных компаний и таможенниками.

— Словом, человек знающий. Почему вы ушли из речной полиции? — спросил Винсент, сложив руки на груди.

Ощущение, что меня проверяют, усилилось. Похоже, проверка решительная. Вряд ли шефу понравится, если я буду злословить о бывшем начальнике. У меня закрутился на языке подходящий ответ — мол, уволился, потому что захотелось что-то изменить. Пусть лучше Винсент думает, что я капризный, самоуверенный, а может, даже не самый лояльный человек. Шеф прервал мои размышления, сказав:

— Из надежных источников известно, что Блэр допустил утечку информации о первых двух убийствах, и все подробности попали в прессу.

Я вздрогнул, ударившись локтем о подлокотник.

— Вижу, вы удивлены, — с явным удовлетворением заметил Винсент.

— Еще как! — невольно вырвалось у меня.

В голове закрутилось множество вопросов, и я примолк. Какую выгоду мог извлечь Блэр, затруднив наше расследование? Пытался подложить свинью лично мне? Или Винсенту? Может, его разозлило, что дело передали в Скотланд-Ярд?

— Жду вашего ответа, Корраван. Итак, что заставило вас уволиться? — терпеливо напомнил шеф, и я, перестав рыться в себе, откашлялся.

— Мне не слишком нравились некоторые поступки Блэра, сэр.

— А именно?

Похоже, Винсент располагает какими-то фактами. Ну и ладно. Буду говорить лишь то, в чем уверен на сто процентов.

— Он прикрывал инспекторов, получающих взятки от таможенников.

Шеф разомкнул руки, разведя их в вопросительном жесте.

— И что дальше?

Ждет от меня заявлений? Нет уж, увольте...

— Сэр, я ничего не могу утверждать определенно. А догадки — они и есть догадки. Не хочу возводить напраслину.

— Ну что ж, — серьезно произнес Винсент. — Вы знали инспектора таможни по имени Уолш?

Хм, стало быть, ему кое-что известно... Мое сердце упало, а вспотевшая спина прилипла к спинке кресла. Вопросы, вопросы... Не потому ли нас со Стайлзом отправили в тот день на Уоппинг-стрит? Возможно, дело не в том, что Блэр попросил прислать именно меня, как человека, знакомого с маломерными судами. И не в том, что я просто подвернулся под руку. А если Винсент точно знал, что я буду внимательно наблюдать за действиями бывшего начальника?

Я продолжал думать: что еще дошло до сведения шефа? Винит ли он меня в том, что я долгие годы молчал о своих подозрениях, тихо покинув грязный мир речной полиции и перебравшись в Ярд?

— Мистер Корраван, у меня имеются особые причины спросить вашего мнения, — выпрямившись в кресле, заявил Винсент. — Разговор останется между нами, обещаю вам.

Я молчал. Никому еще не рассказывал правды о тех событиях — ни Джеймсу, ни Белинде. Однако... Взгляд шефа сказал мне о многом. Не расскажу сейчас, — дальше и речи о каком-либо доверии не будет.

— Вероятно, вы знаете, — медленно начал я, — что некоторые торговцы и владельцы судов подкупают таможенных инспекторов, избегая тщательной проверки товара. Таможенники, в свою очередь, делятся с речной полицией, обеспечивая свободный проход нужных судов. Так продолжалось годами. — Судя по лицу Винсента, мои слова для него были не новостью, и я с облегчением продолжил: — Несколько лет назад наказания за взяточничество выросли от незначительного штрафа до пяти лет тюрьмы, и некоторые таможенники умыли руки. Речники же продолжали требовать с них денег. Угрожали, воздействовали физически. Потом один из речных инспекторов прознал, что Кевин Уолш готов заявить на него и его коллег. Полицейские решили с ним поговорить — убедить его не выносить сор из избы.

— Кто именно?

Знакомые имена застряли у меня в горле. Я прекрасно помнил, что в Уайтчепеле меня считали крысой, полагая, что я сдал О'Хагана. А на этот раз мне действительно представился шанс стать крысой. С другой стороны, у меня были веские причины уйти из речной полиции.

— Джонас Пай и Стив Вик, — вздохнул я. — Вик легко поддается чужому влиянию, а вот Паю в уме не откажешь.

— Продолжайте, — кивнул Винсент.

— Через пару дней Уолша нашли мертвым — его тело прибило течением к берегу в районе Скалли-дока. Расследовать происшествие назначили новенького инспектора речной полиции — Тома Финнея, только он особо не продвинулся.

Понятно, что молодого Финнея выбрали не просто так, и, судя по лицу Винсента, он это прекрасно понял.

— Я знал достаточно, чтобы сделать некоторые выводы.

— И к чему вы пришли?

Вопрос был для меня тоже не из легких, однако я не стал скрывать:

— Лайам, брат Уолша, видел его с Паем и Виком в пабе за два дня до того, как нашли тело Кевина.

Винсент глубоко вздохнул.

— Другое дело, что этот Лайам — пьяница. Речники не раз его задерживали.

— То есть у него могли быть просто навязчивые идеи, — вставил Винсент.

— Так что железных доказательств причастности Вика, Пая или любого другого речника к убийству Уолша у меня не было, — кивнув, сказал я. — И все же мне пришлось было в голову пойти со своими догадками к Блэру. Впрочем, я хотел поступить честно, потому встретился с Паем в пабе и предупредил его. — Хмыкнув, я вспомнил, как Пай рассмеялся мне в лицо. — Он сообщил, что Блэр обеспечил им алиби на ту ночь, а Финней придал ему официальный статус, отразив в своем рапорте.

Я говорил, а душой снова перенесся в тот день и в тот паб, когда слова Пая нанесли мне глубокую, незаживающую рану. «Блэр своих обиду не дает», — сказал Пай и снова усмехнулся. Видимо, его позабавило мое неверие в сообщничество Блэра. Как мог шеф речников покрывать убийц? Пай всегда был самонадеян, однако я понял: он не блефует. Четыре года я служил под опекой Блэра и с каждым годом все больше им восхищался и даже любил, но не мог утверждать, что шеф не солжет даже под присягой, если понадобится заступиться за своих людей.

— Вы поверили Паю, — заключил Винсент.

— Пришел к выводу, что он говорит правду, — признал я. — Блэр действительно готов встать на защиту любого речника. А потом,

потеряв двух опытных инспекторов, Уолша к жизни все равно не вернешь.

Винсент откинулся в кресле. Бог ты мой, он ведь все это время сидел совершенно неподвижно... Блэр слушал совсем по-другому: вскакивал из-за стола и, уцепившись за спинку стула, раскачивался взад-вперед, пока я не закончу.

— Вы так и не решились обвинить Блэра — ни прямо, ни косвенно?

— У меня не было убедительных доказательств.

Похоже, шефу мой уклончивый ответ не понравился. Я помалкивал, и Винсент слегка склонил голову, словно ожидал продолжения. Нет, дальше для меня проходила красная черта. Остального шефу знать не требуется, и ничего хорошего из воспоминаний о моем последнем неприятном, пересыпанном ругательствами разговоре с Блэром он не извлечет.

— Итак, вы перебрались в Ярд, — подытожил Винсент.

Я опустил глаза на свои сложенные на коленях руки. Быстрые, сильные руки — однако Кевину Уолшу они помочь ничем не смогли, не сумели призвать к ответу ни Блэра, ни Пая, ни Вика. Развернуться, оставив этот кошмар за спиной, — вот и все, на что меня хватило. Я вновь ощутил горячую волну стыда, бросившего меня в пот.

— Остаться в речной полиции вы не могли, верно?

— Никак не мог.

Шеф сложил руки домиком, коснувшись пальцами подбородка.

— Вы вроде бы хотели о чем-то спросить, когда я только заговорил о Блэре.

— В то утро, когда нашли тело Роуз Альберт... Вы ведь отправили меня на Уоппинг-стрит намеренно, зная, что я не буду спускать глаз с Блэра?

— Нет-нет, — поднял брови Винсент. — Я лишь недавно узнал об этой истории, а вы сейчас заполнили кое-какие пробелы. А вас я отправил на место происшествия, поскольку вы прекрасно знаете Темзу — во всяком случае, мне так рассказывали.

— Считаете, что Блэр пытался подставить вас, сэр? Или меня? Или нас обоих?

— Я бы сказал — обоих, — ответил Винсент. — Полагаю, Блэру совсем не по душе мой контроль, поэтому он и попытался таким

образом из-под него выйти. Кроме того, вероятно, он опасался того, что сейчас и произошло. Боялся, что между нами установится доверие, и вы расскажете, почему ушли из речной полиции.

И в самом деле, Блэр пошел на все, чтобы это доверие подорвать, создав впечатление, что о моем визите в Седдон-холл газетчикам разболтал именно Винсент.

— Кевин погиб пять лет назад, — заметил я. — Странно, что кто-то еще думает о том случае.

— У некоторых членов наблюдательного комитета хорошая память, — усмехнулся шеф. — Поэтому контроль над действиями речной полиции предусмотрительно возложили на мои плечи, едва я вступил в должность.

Меня так и подмывало спросить, что Винсент намерен делать с полученными от меня сведениями и будут ли какие-то последствия для Блэра. Впрочем, это уже не моя забота. Я ощутил неожиданное облегчение.

— Спасибо за рассказ, — поблагодарил меня шеф, — хотя вытащить его из вас было нелегко.

В его глазах зажегся насмешливый огонек, и я окончательно успокоился.

— Прошу прощения, сэр.

— Хорошо, что вы сегодня разыскали Ната, хотя, похоже, зря потратили время, — произнес Винсент, потеряв подбородок.

— Я прекрасно понимаю, что это было необходимо.

В дверь постучали, и на пороге появился сержант.

— Простите, сэр. Только что принесли два письма. Говорят — оба срочные.

К моему удивлению, на одном конверте значилось имя Винсента, а на другом — мое.

Мы одновременно развернули письма, и я сразу признал почерк Тома Флинна:

Гриффитс являлся советником нескольких крупных речных компаний — судоходных, складских и промышленных, в том числе — «Болдуин». Попробуйте поговорить с Сэсилом Лоуэллом, членом их совета директоров.

Мое сердце екнуло. Значит, Гриффитс, поверенный доктора Форсайта, связан с «Болдуин»...

— Проклятье, — прошептал Винсент. — Стайлз...

— Ему хуже? — спросил я, оторвавшись от письма.

— Да, он попал в госпиталь, просит вас его посетить.

— В госпиталь? — уставился я на шефа.

— Да, госпиталь Святой Анны.

Значит, за Стайлзом присматривает Джеймс. Я облегченно выдохнул и протянул Винсенту послание Тома.

— Сэр, похоже, мне стоит разыскать мистера Лоуэлла.

— Я с ним знаком, — ответил шеф, вернув письмо. — Его можно найти в клубе «Будлз», на Сент-Джеймс-стрит. Но сначала навестите Стайлза. Он не станет зазря бить тревогу, вероятно, хочет сказать нечто важное.

Похоже, шеф намекает на мою горячность. Ну да ладно. Винсент, сложив письмо пополам, показал мне три первых строки. Писал Джеймс, кратко и встревоженно, избегая обычного своего красноречия.

Уважаемый мистер Винсент! Ваш инспектор Стайлз находится в госпитале Святой Анны с серьезным заболеванием. Просит, чтобы его посетил Корраван. Я ему писал, однако ответа не получил. Прошу прислать его сюда как можно скорее.

* * *

В госпитале я сразу кинулся в кабинет Джеймса.

— Как он? Что у него?

— Где ты был, черт возьми? — раздраженно и взволнованно глянул на меня приятель. — Я отправил письмо чуть не полдня назад! У Стайлза двусторонняя пневмония. — Джеймс вскочил и вышел в незакрытую мною дверь, бросив через плечо: — Собирался дать ему микстуру от кашля и снотворное, но он настоял, что хочет дожидаться твоего прихода.

Я нагнал приятеля уже на лестнице, и он провел меня в задернутый ширмами угол. Из подушек высовывалось серое лицо

Стайлза с намокшими от пота светлыми завитками на висках. В помещении стоял острый запах, источаемый луковым компрессом на груди молодого инспектора. Увидев меня, Стайлз слабо улыбнулся и, приподняв голову, страшно закашлялся. Несколько секунд все его тело содрогалось в попытках подавить приступ.

Приблизившись к кровати, я положил руку на плечо напарника.

— Господи, Стайлз... Я даже не подозревал...

— Это неважно, — прошептал он, прикрыв глаза.

— Пожалуйста, не затягивай разговор, Корраван, — попросил Джеймс, выходя из палаты. — Кашель разрушает его бронхиальные ткани.

— Чем могу помочь, Стайлз? — спросил я.

— Встретьтесь сегодня вечером с Рейчел, — пробормотал он, приложив руку к груди, словно пытался удержать легкие на месте.

— Вы ее все-таки нашли? — выдохнул я.

— Это служанка... Служанка Бэкфордов. — Стайлз вновь закашлялся и, отдышавшись, откинулся на подушки. — Она бежала из дома в ту же ночь, когда пропала Мадлен.

Я вытер его рот платком и, памятуя о наставлении Джеймса, не стал спрашивать, откуда Стайлз это узнал.

— Где она сейчас?

— Нашла новое место у миссис Садберри, — прошептал напарник. — Гарриет убедила ее со мной встретиться. Рейчел никому не доверяет. Другого шанса может не быть.

— Как ее фамилия?

— Уэллс.

Странно, как ей удалось найти место без письменных рекомендаций. С другой стороны, я знал парочку ребят на Селвич-стрит, способных за деньги подделать все что угодно.

— Мы договорились встретиться на улице. Как раз сегодня Рейчел может отлучиться.

Стайлз, выбившись из сил, закрыл глаза.

За окном застучал дождь. Боже, придется торчать в такую погоду на улице, поджидая служанку... Я-то планировал нагреть в «Будлз», встретиться с Лоуэллом. Ладно. Если ты ирландец, значит — человек порядочный.

— Обязательно схожу, — пообещал я. — Передам, что она расскажет, а потом, если будет необходимость, встретитесь с ней еще раз.

— Скажите... я сожалею, что не смог прийти. Объясните ей... — сморщился Стайлз.

— Конечно.

— Ждите на улице, у входа для слуг, в семь вечера, — пробормотал молодой инспектор, дав мне адрес.

Повторив его, я вышел за ширму и тихо спросил Джеймса:

— Он поправится?

— Не знаю, — встревоженно ответил приятель. — Ему следовало обратиться к врачу еще несколько дней назад.

— Как же это вышло? Я думал — всего лишь простуда...

— Очевидно, он несколько вечеров провел на улице под дождем, — покачал головой Джеймс. — Просто загнал себя с этой работой. Загнал в койку...

К Стайлзу, раздвинув ширму, вошла медсестра.

— Что он делал на улицах? Ничего не рассказывал?

— За кем-то следил, — ответил Джеймс, и я едва его расслышал — Стайлз вновь зашелся в приступе кашля.

Интересно, за кем? За Рейчел? За Бэкфордами? Понятно желание напарника раскрыть дело, но ведь здоровье дороже.

Наверное, Джеймс заметил, насколько я обеспокоен, и сочувственно похлопал меня по руке.

— Как только случится перелом в болезни, я тебе сообщу. Так или иначе, в течение следующих двух суток лихорадка должна пойти на спад.

Из-за ширмы неслись ужасные звуки — видимо, Стайлза тошнило, и у меня встал ком в горле. Тяжело сглотнув, я вознес Господу одну из кратких молитв ма Дойл. Так, на всякий случай. Вдруг мои мольбы помогут склонить чашу весов?

— Я пошел. Стайлз попросил повидаться с Рейчел. Скажи ему — пусть не переживает.

Джеймс кивнул и скрылся в палате.

Запрыгнув в кэб, я вспомнил, что опять забыл зонт. Сердце сжалось: Стайлз обязательно убедился бы, что зонт при мне. Я ощутил угрызения совести. Стайлз был не просто каким-то яликом,

следующим в кильватере флагмана. Как неловко! Я ведь иногда позволял себе думать о коллеге именно так: подобные мысли давали больше возможностей лишней раз убедиться в собственной значимости. Нет, мой напарник и сам был кораблем, прокладывающим путь посреди океана.

Проклятье, Стайлз не может умереть!

— Куда едем, шеф?

Не знаю, чего напарник ожидал от разговора с Рейчел, но сделаю все возможное, чтобы оправдать его доверие.

Я дал кэбмену адрес миссис Садберри.

ГЛАВА 42

Дорога была приятной: сумерки еще не наступили, но газовые фонари уже зажгли. На место я прибыл без четверти семь и сразу прошел вдоль железной ограды в боковой переулок. Дождь припустил не на шутку. Рассмотрев сквозь прутья забора заднюю дверь, скрывающуюся в тени навеса, я переместился под довольно условное укрытие ветвей росшего неподалеку дерева.

Прошло полчаса. Капли дождя, срывающиеся с дерева, заставили меня дрожать от холода, и я все время ежился — так, что даже заболела спина.

Наконец дождь утих; с неба сыпалась влажная изморось, тени на улице сгустились, и газовые фонари тихо шипели, бросая слабые колеблющиеся отблески на мокрую мостовую. Редкие прохожие шли мимо, укрываясь под зонтами. Проехал одинокий кэб, разогнав своими колесами рябь по луже. Тощий серый пес, заметив меня под деревом, взял в сторону и вильнул за угол. Я ждал. Рейчел все не было. Колокол на церкви пробил половину восьмого, и я забеспокоился: неужели просмотрел служанку? Вдруг она выскользнула в другую дверь? Или пришла на место встречи раньше, чем договаривались? Могла ли Рейчел передумать?

Тысяча проклятий... Делать было нечего: надо ждать и надеяться, что служанка придет. Постою здесь до восьми.

Колокол уже отбил без четверти восемь, когда задняя дверь отворилась, выпустив из дома молодую женщину, сразу зашпешившую к воротам. Рост средний, темный плащ с капюшоном. Женщина вышла в круг света уличного фонаря и огляделась, откинув темные волосы с молодого хорошенького личика.

— Рейчел Уэллс? — окликнул я девушку, выступив из тени.

— Вы не мистер Стайлз, — испуганно отпрянула она. — Гарриет говорила, что Стайлз — молодой, светловолосый...

В другое время я, пожалуй, усмехнулся или даже обиделся бы, что меня посчитали стариком; теперь же как можно более мягко произнес:

— Пожалуйста, не бойтесь. Мистер Стайлз попал в госпиталь, так что вынужден был прислать меня. Я тоже из Скотланд-Ярда.

— Откуда мне знать, что вы не врете? Гарриет сказала, что он придет лично! Отойдите от меня!

Ее голос задрожал, и, не сводя с меня глаз, Рейчел нащупала щеколду.

Пришлось достать удостоверение. Протянув его к девушке одной рукой, я поднял вторую вверх, словно сдаваясь.

— Это удостоверение полицейского. Если желаете, мы можем пройти до ближайшего участка — там подтвердят мою личность.

Я медленно приблизился к Рейчел, открыв корочки, но девушка, заколебавшись, покачала головой.

— Читать не обучена. И в участок не пойду. — Она заметно побледнела и все же твердо смотрела мне в глаза, задрвав подбородок. — Мистер Стайлз и вправду болен?

— Подхватил двустороннюю пневмонию. Просил за него извиниться, — сказал я, убирая документы. — Гарриет сообщила, о чем Стайлз хотел с вами поговорить?

— О Бэкфордах, — пробормотала девушка, запахнув плащ на голой шее.

— Можем мы зайти в какое-нибудь тихое место?

— Никуда я с вами не пойду, — вновь насторожилась Рейчел.

— Я ничего такого и не предлагаю — просто хотелось бы укрыться от дождя. Нет ли здесь поблизости чайной или кофейни, куда не возбраняется зайти одинокой женщине? Может быть, паб? Мне все равно, главное, чтобы вы чувствовали себя в безопасности.

Рейчел изучила меня взглядом и нехотя кивнула.

— Знаю одно местечко. Это недалеко.

— Как скажете.

Она провела меня вниз по улице и свернула направо. Мы прошли мимо таверны «Король Генри», откуда доносились взрывы хохота, и девушка остановилась на углу, у маленького заведения под названием «Синий лебедь». Деревянная вывеска знавала лучшие времена; бедняга лебедь давно лишился хвостовых перьев. Внутри было спокойно — всего десяток посетителей, сидящих за разбросанными по залу столиками. Я заказал две кружки эля, и мы устроились в тихом углу. Шаткий столик покачнулся, и эль выплеснулся на столешницу. Я поспешно отпил глоток и перевел взгляд на снявшую капюшон девушку. В слабом свете свисавшего с потолка фонаря рассмотрел ее

тонкие черты, большие темные глаза и выбившийся из заколки блестящий каштановый локон. Не просто хорошенькая. Настоящая красавица...

— Что вы хотели знать? — спросила она.

— Рейчел, когда вы ушли из дома Бэкфордов?

— Уж полтора месяца как, — сказала девушка, отведя взгляд.

— В ту же ночь, что и миссис Бэкфорд?

Она осторожно кивнула.

— Вас уволили, или вы ушли сами?

Она не ответила, недоверчиво изучая меня черными глазами — точь-в-точь, как Мадлен по дороге в госпиталь. Одно и то же выражение — это даже пугало; в моей душе немедленно зародилось подозрение.

— Что случилось, Рейчел? — Я старался говорить как можно мягче. — Вы чего-то испугались?

Она фыркнула и негромко заговорила:

— Зачем вам это нужно сейчас? Ведь столько времени прошло... Откуда мне знать, что это не ловушка? Вдруг вы стараетесь меня на чем-то подловить?

Наверное, имеет в виду подделку рекомендаций...

— Вовсе нет, — успокоил я Рейчел. — Вижу, что вы — девушка чувствительная. Значит, если ушли из того дома — наверняка была веская причина.

Рейчел слегка расслабилась и все же продолжала молчать. В конце концов, кто сказал, что она должна мне доверять?

— Мы нашли миссис Бэкфорд. Она жива, — сказал я, наклонившись через стол.

— А Гарриет говорила, что госпожа пропала бесследно! — воскликнула Рейчел. — Где она? Здорова ли?

Похоже, девушка и в самом деле испытывала беспокойство. Что бы там ни случилось в доме Бэкфордов, — госпожу Рейчел ни в чем не винила.

— Миссис Бэкфорд попала в приют «Холмдел», — рассказал я. — Не знаю, как ее туда занесло, но она была не в лучшем состоянии. Ослабла от голода, потеряла дар речи. Я перевез ее в госпиталь, где служит мой друг, хороший доктор. И все же ваша бывшая госпожа так

настрадалась, что до сих пор говорит лишь во сне. Часто повторяет одни и те же слова. «Стол», «красный камень», «нож».

Рейчел в страхе распахнула глаза и приоткрыла рот. У меня по спине побежали мурашки. Похоже, девушка понимала значение каждого слова.

— Еще называла ваше имя, — добавил я.

Рейчел опустила глаза и вздрогнула.

— Она говорит в основном по-французски, поэтому мы не сразу расшифровали ее речь. — Я выпрямился на стуле. — Видимо, в доме произошло нечто ужасное? Мистер Бэкфорд как-то связан с этими событиями?

— Связан, еще как!

Рейчел говорила тихо, однако в ее голосе звучало такое отвращение, что я догадался о причинах ее побега. Тем не менее, хотелось услышать рассказ из уст девушки.

— Что же все-таки произошло, Рейчел?

— Допустим, миссис Бэкфорд назвала мое имя. Но как вы меня нашли? — подняла на меня взгляд девушка. — Вы ведь не у него спрашивали, правда?

— Нет, не у него. Мистер Стайлз говорил только с Гарриет. Она — ваша верная подруга, Рейчел. Моему напарнику пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить Гарриет передать вам весточку. — Выражение лица девушки смягчилось, и я продолжил: — Поймите, мне совершенно ничего не известно. Даже не знаю, какие вопросы вам задать. Давайте начнем с самого начала, и, пожалуйста, не торопитесь. Если потребуется, я готов слушать вас до самого утра.

Рейчел замерла, закусив губу, и я изменил тактику.

— Что вы можете рассказать о миссис Бэкфорд? Она и в самом деле сходила с ума, как утверждает ее муж?

— Разумеется, нет! — задохнулась от возмущения девушка.

— Он сообщил, что беспокоится за супругу, сказал, что желает ее защитить.

— Мистер Бэкфорд ее ненавидел, — коротко фыркнула Рейчел. — Женился ради ее состояния. Он сам так говорил.

Дверь распахнулась, впуслав струю холодного воздуха, и девушка замолчала, наблюдая, как семья с ребенком усаживается подле камина.

— Но доктор Уоллис подтверждает его слова. И мистер Спир, и брат мистера Бэкфорда с ним согласны.

— Все они — лжецы! — заявила Рейчел.

Лжецы, великолепно отрепетировавшие свою историю... Все было продумано, даже мелкие расхождения.

— Так что же произошло в доме? — повторил я.

— С чего вы должны мне верить? — уставилась на меня девушка.

— Видите? — указал я на маленький шрам на своей щеке и откинул волосы со лба, где еще оставалось пятно от выдернутого клока волос. — Когда мы попытались доставить Мадлен домой, решив, что там ей будет лучше всего, она набросилась на меня так, что вырвала пучок волос и пустила мне кровь. Пыталась ударить меня моей собственной дубинкой. Поэтому, что бы вы мне ни рассказали, я поверю всему.

— Он на меня напал... — наконец тихо заговорила Рейчел.

— Стивен Бэкфорд?

— Сперва — его брат, Роберт, — поколебавшись, пояснила она. — Набросился с ножом на кухне.

Я благоразумно не стал доставать ни карандаш, ни записную книжку. Придется полагаться на память; второй раз Рейчел свой рассказ не повторит.

— Схватил меня, да так грубо... Целовал, распускал руки, а потом расхохотался и сунул мне фунт. — Ее губы затряслись. — После этого я все время была настороже — старалась не оставаться одна, и в основном мне это удавалось. И все равно, иногда он ловил меня прямо на ходу днем или поздно вечером, когда вокруг никого уже нет. И каждый раз позволял себе все больше.

— Сколько раз это случилось?

— Четыре раза. — В голосе девушки зазвучали боль и мольба. — Наверное, вы думаете, что я недалеко ушла от обычной шлюхи, только это не так. Мои родители давно умерли, и идти мне было некуда.

— Я ничего такого не думал. Зато думаю, что Бэкфорд — проклятый дикарь.

Девушка вздрогнула, расслышав в моем голосе ярость.

— Продолжайте. Что случилось в последний ваш день в доме Бэкфордов? Что он еще сделал?

— Не только он. Они оба — мистер Бэкфорд и его брат. — Рейчел сглотнула ком в горле. — Закройте глаза.

— Что? — удивился я.

— Закройте глаза, — повторила Рейчел. — Не могу рассказывать такие вещи, когда вы на меня смотрите.

Подобную просьбу я слышал первый раз, однако способен был понять девушку. И мне порой случалось сторать со стыда.

— Хорошо. — Я зажмурился и на всякий случай положил поверх глаз ладонь, все еще папахивающую луковым компрессом. — Не буду на вас смотреть, пока не скажете, что закончили.

— Ну, вы поймете, когда рассказ подойдет к концу.

Я напрягся, стараясь не упустить ни слова, ни малейшего изменения интонации.

Рейчел начала немного сбивчиво:

— В тот день камин... я имею в виду камин в библиотеке — начал чадить. Пришлось его прочищать. Чистили долго, так что я не могла убраться в библиотеке до позднего вечера. Начала, наверное, только часов в десять, а когда закончила — пошла на кухню, перекусить. Пока ела, в кухню вошли мистер Бэкфорд с братом. Я еще, как дура, зажгла лампу, — тоскливо добавила девушка. — Вроде бы оба были спокойны, но я почувствовала, как от них разит.

Дальше Рейчел рассказала, что с ней делали братья. От ее слов меня бросило в холодный пот; сердце колотилось как сумасшедшее, и я желал, чтобы девушка поскорее закончила. Но что делать? Я ведь просил ее не скрывать подробностей. Стиснув зубы, я прикусил щеку, да так и сидел, пока Рейчел не замолчала.

Открыв глаза, наткнулся на ее отчаянный взгляд. Боится, что не поверю...

— Верю каждому слову, — хрипло сказал я. — Черт возьми, не сомневаюсь в вашей правдивости, Рейчел.

Она смахнула наворачнувшиеся слезы.

— Мадлен... Миссис Бэкфорд об этом знала?

— Только она их и остановила, — фыркнула девушка. — Госпожа спустилась на кухню — наверное, услышала шум, а может, просто что-то заподозрила. Открыла дверь и, увидев, что творится в кухне, закричала.

У меня перед глазами побежали видения: Рейчел, опрокинутая на столешницу, мужчины, набросившиеся на нее, и Мадлен у двери, с открытым в крике ртом.

— Что случилось потом?

— Мистер Бэкфорд — Стивен Бэкфорд — отпустил меня и пошел к жене, — тяжело вздохнула девушка, — но госпожа схватила большой нож из стойки у раковины и отогнала его. Миссис Бэкфорд приказала им меня отпустить — пригрозила, что иначе убьет обоих. Может, госпожа и невелика ростом, но этих двоих напугала. Глаза у нее сверкали, словно у ведьмы, и она все размахивала ножом, а кричала так, что мертвый проснется. Устрашились-то они только в первый миг, но все же меня отпустили. Я бросилась к миссис Бэкфорд, а она приказала мне бежать. Так что я собрала вещички и выскочила из дома через черный ход.

Я сидел, не в силах вымолвить ни слова. Теперь понятно, почему Мадлен испытывала такой ужас при виде своего дома. Ее муж — чудовище. Как знать, на что он решился бы, зная, что Мадлен — свидетельница преступления...

— Я много об этом думала, — нарушила тишину Рейчел. — Наверное, госпожа что-то подозревала. Как вы считаете? Иначе зачем она пошла разыскивать меня поздним вечером?

А в самом деле, зачем? Похоже, знала, что подобное уже случалось не раз.

— Рейчел, не было ли у миссис Бэкфорд знакомой по имени Элейн? — стараясь говорить спокойно, спросил я.

Она недоверчиво посмотрела мне в глаза, и я поспешно добавил:

— Уже в госпитале Мадлен говорила что-то типа «лейн», и мы сперва решили, что речь об одном из переулков у дома. Потом до меня дошло, что это может быть имя, а когда вы сказали, что миссис Бэкфорд подозревала...

— Неужели вы не знали раньше? — изумленно покачала головой Рейчел. — Вы же полицейский!

— Видите ли, у нас сотни дел, и о других расследованиях я мог просто не слышать. Как Элейн зовут полностью?

— Прайс. Ее звали Элейн Прайс.

— Звали... — повторил я, и девушка печально кивнула. — Кто она?

— Элейн прислуживала на кухне, помогала Гарриет. Все случилось еще прошлым летом, задолго до того, как мистер Бэкфорд с братом положили глаз на меня. Только Элейн подала на мистера Бэкфорда в суд. — Рейчел вздохнула. — Сами видите, что из этого получилось.

Мне вдруг вспомнилось: Стивен Бэкфорд упоминал, что Элли Прайс, наряду с другими слугами, не так давно уволилась.

— Так что из этого вышло? — спросил я.

— Разумеется, ничего хорошего! — В голосе девушки зазвучало презрение. — Она вышла на суд, хотя делать это было бессмысленно — мы твердили ей в один голос. За Бэкфорда на суде стеной стояли и доктор, и куча других людей. Так что Элейн сунули в зубы два фунта с мелочью и отправили восвояси.

Я хотел что-то сказать, но не нашел слов. Сидел, часто дыша и складывая в уме кусочки головоломки. Судья — Альберт? Доктор — Форсайт? Элейн — волшебница Шалот? Река, лодки, веревки на запястьях, разорванные, окровавленные юбки. Красный камень — рубин в перстне Бэкфорда.

Я ощутил, что направление расследования меняет курс, как меняет его лодка под ударом боковой волны.

— Расскажите мне об Элейн, — попросил я. — Что с ней стало после суда?

— Если расскажу, вы ему не передадите? — робко посмотрела на меня девушка. — Он только посмеется...

— Обещаю вам.

Вздохнув, Рейчел провела пальцем по ободку кружки.

— Элейн знала, что другого места ей не найти, — в Лондоне уж точно. Бэкфорд наверняка сказал бы новым господам, что от нее одни неприятности. А потом, она была в положении, и скоро это стало бы заметно.

— В положении? Вы уверены?

— Она говорила об этом Гарриет, — кивнула девушка. — Они продолжали дружить даже после того, как Элейн ушла. У нее прекратились месячные, начало тошнить по утрам. Ребенок родился недоношенным, и спасти его не удалось. Это было чуть больше полутора месяцев назад, незадолго до моего увольнения. У Элейн открылось кровотечение, и она тоже умерла.

Рейчел облокотилась на стол, накрутив на палец прядь волос. Рукав соскользнул с ее запястья, обнажив шрамы от веревки, которой ее связывали Бэкфорды.

Я не мог оторвать глаз от красных, едва заживших отметин, и девушка, заметив мой взгляд, поддержала рукав.

— Иногда думаю, что Элейн повезло, — пробормотала она, смотря в сторону. — Во всяком случае, ей уже не приходится вспоминать этот ужас.

— Мне так жаль, Рейчел... Жаль и вас, и Элейн.

Она кивнула, и я, помолчав, спросил:

— А что случилось с другими слугами? Бэкфорд упомянул, что летом ушли еще два человека: лакей и горничная, кажется — Энни. Ей тоже досталось?

— Ей — нет. Обоих уволили за то, что они знали о происходящем. Правда, и у того, и у другой были семьи, так что они разъехались по домам.

В отличие от самой Рейчел...

— Бэкфорды кого-то наняли, чтобы избавиться от этих двух слуг, — сказала девушка, запахнув плащ.

— Что значит «избавиться»?

— Их запугали и заставили уехать из Лондона, чтобы они не смогли чинить неприятности бывшим хозяевам. — Рейчел фыркнула. — По-моему, они договорились с каким-то детективом.

— С Тафтом? — выдохнул я.

— Не знаю, но Гарриет говорит, что этот человек потом еще раз появлялся в доме, пару недель назад.

Да, наверняка Тафт. Если слуг заставили убраться из Лондона, то, по всей видимости, рекомендаций они не получили, как и сама Рейчел. Семьи семьями, а возможность устроиться на новое место стремилась к нулю. Так что Бэкфорды причинили вред не только Элейн и Рейчел. Впрочем, такие люди не остановятся ни перед чем.

— А что Гарриет? Она тоже пострадала от Бэкфордов?

— Гарриет — племянница дворецкого, — покачала головой Рейчел. — Куинси такого не стерпел бы.

— Он знал о том, что происходит? А экономка? Она тоже знала?

— Оба они пекутся лишь о своей выгоде, — скривилась девушка.

Я откинулся на стуле и вздохнул, проникнувшись порочностью произошедшего.

— Рейчел, вам следует написать заявление в полицию, иначе Бэкфордов не остановить. Пострадают другие люди — не Гарриет, так кто-то другой.

Девушка округлила глаза, и в ее взгляде промелькнул страх.

— На этот раз все будет иначе... — начал я, но Рейчел, склонившись над столом, вцепилась пальцами в край столешницы и перебила меня:

— Вам я рассказала, потому что решила помочь миссис Бэкфорд. Но выступить перед несколькими мужчинами, которые станут меня высмеивать? Лучше повеситься! Я ведь только устроилась на новое место. Нет, ни за что!

Рейчел почти кричала, и люди начали поворачиваться к нашему столику.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал я. — Никто вас не принуждает.

— Поклянитесь!

— Клянусь! — твердо сказал я едва ли не так же громко, как девушка.

В зале наступила тишина. Мы выждали, пока посетители не займутся своими делами, и я мягко добавил:

— Не собираюсь заставлять вас снова говорить об этом — ни здесь, ни где-либо еще.

Ее лицо заблестело от пота; навернувшиеся на глаза слезы побежали по щекам.

— Вы меня понимаете?

— Конечно!

Я запустил руку в карман в поисках платка. Хорошо, что вчера вечером взял свежий. Рейчел с сомнением посмотрела на платок, и я ее успокоил:

— Не беспокойтесь, чистый.

Девушка вытерла слезы и, поморгав, медленно и отчетливо заговорила:

— Честное слово, лучше умереть, чем повторить эту историю на суде, выставить себя на смех.

Я вполне разделял ее чувства.

У входа в кофейню мы расстались. Сунув Рейчел визитную карточку, я поблагодарил ее и сказал, что, если ей понадобится помощь, она в любое время может ко мне обратиться.

Сделав несколько шагов, задумался. Конечно, Темза — не река из стихотворения, и Лондон — не Камелот, однако участь Элейн в общих чертах повторяла судьбу волшебницы Шалот. Одна Элейн — дева в башне, другая — служанка в проклятом доме.

Слава богу, что Стайлзу удалось расположить к себе Гарриет!

Пересекая вторую улицу от «Лебеда», я вдруг осознал, что, погрузившись в жуткую историю Рейчел, забыл задать самый важный вопрос, и, развернувшись, бегом бросился обратно. Добежав до кофейни, крикнул:

— Рейчел!

Она была уже в конце улицы. Догнав девушку, я положил руку ей на плечо.

— Рейчел...

Она испуганно оглянулась. Совсем другая женщина, гораздо старше, чем бывшая служанка Бэкфордс.

Рассыпавшись в извинениях, я поспешил дальше. Господи, да где же она?

— Мистер Корраван! — раздался голос с другой стороны улицы. — Боже мой, что случилось?

— У Элейн был поклонник? — задыхаясь, спросил я. — Может, даже жених?

— Вроде бы нет. Она была очень застенчива.

Мое сердце упало. Я не сомневался, что у нее был близкий человек. Тогда кто же мстил за Элейн?

Мне вдруг вспомнился Сидни Дорстоун.

— А брат, отец?

— Да, отец был, — улыбнулась Рейчел. — Они с ним встречались каждое воскресенье, ходили на прогулку, когда Элейн была свободна.

Итак, отец...

Сердце вернулось на место, и я спросил:

— Где они обычно гуляли? Вернее, где я могу найти мистера Прайса?

Рейчел не знала, и я, вздохнув, сказал:

— Ну, ничего. Спасибо вам еще раз.

Она кивнула и неохотно произнесла:

— И вам спасибо. Конечно, поправить уже ничего нельзя, но я рада, что вы знаете правду.

Мы снова попрощались, и я направился домой, пытаюсь погрузиться в мысли мистера Прайса. Ноги тем временем сами вели меня знакомой дорогой. Наверное, я не смог бы осознать побуждений отца Элейн, но мне помог утренний визит в Уайтчепел. Снова вспомнился О'Хаган, и из подсознания всплыли ощущения, которые испытываешь, находясь в зависимости от сильных мира сего. Сильных — и жестоких. Я вполне мог понять Прайса, стоило лишь представить, как он пережил сперва издевательский суд, а потом и смерть несчастной дочери.

Вероятно, в материалах судебного процесса остался адрес Элейн. Наверняка там же живет и ее отец. Впрочем, с протоколами мне хотелось ознакомиться не только ради адреса. Ведь в судебном заседании, помимо судьи, доктора и пары свидетелей, участвовала еще тьма народа. Бог знает, скольких еще девушек собирается лишить жизни Прайс...

ГЛАВА 43

На следующее утро я вышел из дома пораньше, намереваясь с утра встретиться с Винсентом. По пути в Ярд беспорядочно бродившие в голове мысли наконец улеглись, и картина мне представилась неутешительная.

Во-первых, Бэкфорд с самого начала обвел меня вокруг пальца столь же ловко, как это делает уличный фокусник. Белинда говорила о моей идее фикс — спасти людей. Видимо, и Стивен Бэкфорд, впервые появившись в Скотланд-Ярде, тоже разгадал главную черту моей натуры. Конечно, это не факт, однако же он нарисовал передо мной образ беспомощного, растерявшегося и отчаявшегося человека, жертвы обстоятельств, а я немедленно заглотил наживку.

Во-вторых, Винсент до сих пор не знал, что Мадлен тайно находится в госпитале Святой Анны. При мысли о том, что сегодня придется признаться, сердце мое упало. Шеф будет разгневан, и не без оснований. Храня местопребывание миссис Бэкфорд в секрете, я нарушил закон. С другой стороны, если получится доказать связь между Мадлен Бэкфорд и убийствами на реке, меня могут простить. В холодном утреннем свете моя вчерашняя уверенность в вине Прайса несколько подтаяла. Все-таки факты требуют проверки.

Приблизившись к зданию Ярда, я замедлил шаг. На поиски материалов судебного процесса уйдет несколько часов, но можно своевременно оповестить Винсента о моих перемещениях. Он ведь сам так говорил. Вырвав страницу из записной книжки, я нацарапал несколько строк и сложил лист пополам. Потом, остановившись под аркой, дождался сержанта Коула и поприветствовал его.

— Почему не заходите, мистер Корраван?

— Мне надо срочно съездить в министерство внутренних дел и в центральный уголовный суд. Не могли бы вы попросить дежурного сержанта передать записку мистеру Винсенту?

Коул удивленно глянул на меня, явно недоумевая, что мне мешает пройти лишнюю сотню ярдов и передать записку самому, однако молча сунул листок в карман.

Едва успев свернуть за угол, я услышал, как меня окликнули сзади, и ко мне, размахивая конвертом, подбежал раскрасневшийся от спешки сержант.

— Только что принесли. Это вам.

На конверте женской рукой было выведено: «*Мистеру Корравану, Скотланд-Ярд*».

Писала точно не Белинда, и все же мои руки невольно затряслись. Я вскрыл письмо и прочел:

«Вчера вечером мы заметили мужчину, следившего за домом с другой стороны улицы. Мы заперли все двери, зашторили окна и наняли вооруженного охранника. Полагаем, вы должны об этом знать».

Подписи не было, однако наверняка писала сестра Белинды.

— Что-то случилось? — обеспокоенно осведомился Коул.

— Вы говорите — письмо принесли только что?

— Какой-то парень оставил его у дежурного, — кивнул сержант. — Я решил, что в письме — нечто важное.

Поблагодарив его, я сунул конверт в карман и продолжил свой путь. Никто, кроме меня, не знал, где скрывается Бел. Стало быть, Прайс проследил за мной до дома Кэтрин. Я вновь подверг любимую смертельной опасности. Медведь, продирающийся сквозь бурелом... Какой же я болван! Хорошенько дернув себя за волосы, я наслаждался вспышкой боли. Так мне и надо!

Я брел по улице, воображая самое страшное: охранник застрелен, Белинда похищена. Ее сто раз увезут из Лондона и замучают, пока я доберусь до министерства... Но привычный обряд допуска в министерство внутренних дел меня слегка успокоил. Поприветствовав охранника, расписавшись, где нужно, и поставив дату и время посещения в журнале, я вдохнул теплый затхлый воздух вестибюля и собрался с мыслями.

Раз Белинда и Кэтрин заметили околачивающегося у дома человека — значит, женщины начеку. Защита у них есть. Стало быть, мне остается рыть землю носом в поисках Прайса: это единственный способ обеспечить безопасность Бел и всех женщин, так или иначе связанных с судебным процессом.

Нужную запись в реестре клерк искал не меньше часа. Дело в том, что в журнал были занесены процессы не только центрального уголовного суда, но и судов общих сессий. Выписав номер обвинительного акта, я побежал в центральный уголовный суд.

Там сделал запрос, и прошел еще один мучительный час, прежде чем мне принесли необходимые документы. Усевшись у окна, я принялся читать стенограмму судебного заседания по обвинению Стивена Бэкфорда, джентльмена, в изнасиловании Элейн Прайс, служанки его домовладения.

Председатель суда: его честь судья Альберт.

Что и требовалось доказать... Прочитав первые строки, я ощутил невыносимую дрожь в руках и вынужден был отложить бумаги на столик.

* * *

Через полчаса я осилил всю стенограмму, а некоторые места перечитал по два раза. Итак. Судья Альберт председательствовал на вполне, на первый взгляд, обычном судебном процессе. Хорошо, что я предварительно выслушал рассказ Рейчел и понял, какой ужас внушало Мадлен Бэкфорд возвращение домой, — иначе посчитал бы вердикт суда справедливым. Доказательства невиновности Стивена Бэкфорда и попыток Элейн Прайс ввести суд в заблуждение были столь убедительны, что я и сам (как это сделали присяжные) поверил бы, что Элейн ложно обвинила своего бывшего хозяина в надежде выманить у него деньги. Из материалов дела явствовало, что деньги семье Прайсов действительно требовались: у отца было тяжелое легочное заболевание. Лекарства нынче дороги, а девушка достаточно привлекательна, так что соблазнить мужчину ей ничего не стоило.

Я вполне мог принять за чистую монету показания свидетелей, собранных Бартоломью Гриффитсом, эсквайром (человеком, в честь которого назван один из корпусов госпиталя), который был не просто поверенным, как думал Джеймс, а адвокатом. Доктор Форсайт показал под присягой, что Элейн никогда не подвергалась изнасилованию, а вступила в связь добровольно. Свидетели — Сидни Моррис, Алан Монтут и Уильям Спир (ну конечно, тот самый Спир, который в

красках рассказывал об «особенностях» Мадлен) — подтвердили, что в тот вечер, когда произошло предполагаемое изнасилование, Бэкфорд был в клубе «Клавеллс».

Я составил себе список имен:

Судья Альберт,

Доктор Форсайт, медицинский эксперт,

Алан Монтут, свидетель, подтвердивший алиби,

Сидни Моррис, свидетель, подтвердивший алиби,

Уильям Спир, свидетель, подтвердивший алиби,

Бартоломью Гриффитс, адвокат,

Гордон Траск, лакей.

В список вошли также имена одиннадцати присяжных.

Я закрыл лицо руками. Мне пришлось расследовать дело, в котором ужасно поступили все без исключения: три девушки жестоко замучены и убиты, хотя Прайс всего лишь мстил за смерть собственной дочери. Да, Прайс был чудовищем, порочным и безжалостным человеком. Но...

Если рассказ Рейчел — правда, значит, стенограмма протокола скрывала жуткую истину о нескольких состоятельных джентльменах, сговорившихся между собой и сочинивших идеальную, убедительную легенду, покрывающую другого монстра, человека, сотворившего немислимое зло по отношению к невинной девушке.

Точно так же Бэкфорд поступил, договорившись со своим братом, Спиром и доктором Уиллисом. Эти четверо сплели патину лжи, опутав ею Мадлен Бэкфорд.

Доказательства обрели четкую форму, и я наконец потянул за ниточку, перебирая которую, можно было распутать весь клубок. Где еще могла Рейчел получить едва зажившие шрамы? А Мадлен, зная, что творил ее муж, безусловно, могла прийти в невменяемое состояние. Рассказ моей собеседницы изобилует подробностями, которые прозвучали и в показаниях Элейн на суде против братьев Бэкфордов. Откуда еще Рейчел могла их знать, если этого не было на самом деле?

Хуже всего, что Бэкфорда невозможно привлечь к ответственности повторно, и от этой мысли у меня сжималось сердце. Значит, наказание за муки Элейн ему не грозит.

С юридической точки зрения, и Стивена, и Роберта несложно привлечь за попытку надругательства над Рейчел. Подобный шаг хоть как-то мог бы восстановить справедливость в отношении Элейн, да и Мадлен Бэкфорд. Другое дело, что Рейчел никогда не даст показаний. Что же касается Мадлен... Жену нельзя заставить свидетельствовать против собственного супруга. Так что единственного свидетеля нападения на Рейчел заполучить не удастся.

С разочарованным вздохом я открыл блокнот и еще раз пробежался по именам, которые ни разу не встретились в протоколе заседания суда: Энтони Тергуд, Эндрю Манро, Роберт Эддингтон, Сэмюел Гордон, Дэйвид Кобб. Очевидно, что преступник преследовал не жен и не невест. Прайса интересовали дочери.

Странно... В протоколе судебного заседания ни разу не встретилось имя Дорстоуна. Я вновь пролистал стенограмму. Ничего... За что же тогда убили Джейн Дорстоун?

Я откинулся на спинку стула. Несмотря на то, что мой инстинкт не сработал в отношении братьев Бэкфордов, натуру Дорстоуна мне вроде бы понять удалось. Вряд ли он стал бы участвовать в подобном заговоре — слаб характером. И все же, если Прайс поставил себе целью известить дочерей своих обидчиков, значит, отец Джейн должен был в каком-то качестве появиться на суде.

Мог ли Прайс ошибиться? Либо в судебном заседании принимал участие другой член семьи Дорстоунов...

Четвертое имя в моем списке — Сидни Моррис. Ошибка? Может, дело в том, что у брата Джейн двойное имя? В здравнице его называли «Сидни Дрю». Если так легко можно было изменить фамилию, почему бы не изменить имя? И все же мне представлялось, что Сидни не способен солгать под присягой и разрушить жизнь посторонней женщины. Точно так же, как и его отец.

Я открыл последнюю страницу стенограммы, содержащую адреса участников, и мое сердце пропустило удар. Напротив интересующего меня имени стоял адрес Дорстоунов: Марлтон-лейн, Мейфэр.

Придется еще раз встретиться с Дорстоуном, а параллельно заняться и остальными фигурантами процесса, выяснить, у кого еще есть дочери. Особенно меня интересовали Спир и Гриффитс, а также лакей Траск. Судя по всему, этих троих Прайс был склонен винить

больше других участников заседания. Я поспешно принялся переписывать первую страницу стенограммы, включая вердикт суда.

Теперь есть с чем идти к Винсенту, но сперва мне следует повидать Стайлза.

* * *

Добравшись до госпиталя, я столкнулся с Джеймсом, выходящим из палаты для заразных больных.

— К нему сейчас нельзя, — сразу начал приятель.

— Но у меня хорошие новости...

— Он без сознания, Корраван.

Джеймс был бледен. Судя по мешкам, набрякшим под глазами, не спал всю ночь. Я постарался подавить тревогу, которую внушили мне его слова. Так надеялся, что приятель совершит чудо! В прошлом это случалось не раз. К сожалению, сегодня Джеймс выглядел удрученным.

— Уверен, ты сделаешь все возможное, — сказал я.

— Конечно, — пробормотал Джеймс и взял долгую, необычную для себя паузу. — С Рейчел встретиться удалось?

— Да. Ее рассказ — ключ ко всей истории.

По пути в кабинет я кратко изложил все, что узнал от бывшей служанки Бэкфордов, и лицо приятеля словно окаменело.

— Самое неприятное, что оба Бэкфорда выйдут сухими из воды, — вздохнул я, и Джеймс тихо чертыхнулся. — Помня о том, что случилось с Элейн, Рейчел ни при каких условиях не появится на суде.

— Не факт, — пробормотал Джеймс, закрыв дверь, и добавил: — Я ведь говорил тебе, что Стайлз провел несколько вечеров под дождем?

— Ну да, выслеживал кого-то. — Вспомнив слова приятеля, я немедленно представил себе, как молодой инспектор следует по пятам за Стивеном и Робертом. — Неужели Бэкфордов?

Джеймс торжествующе засветился: видимо, Стайлз выяснил нечто неприглядное.

— Братья посещают свой клуб по вторникам и пятницам, — заговорил приятель. — По средам к клубу добавляется еще и театр.

— Помню, — вставил я.

— А в четверг... В четверг они ходят в бордель, — прищурился Джеймс.

Если у меня и был проблеск надежды, то теперь он угас.

— Ну, в этом ничего незаконного нет. Кто их за это осудит...

— Не просто публичный дом, а бордель Мэри Джеффрис.

Я задержал дыхание. Да, это все меняет. Мэри Джеффрис еще с начала семидесятых содержала четыре публичных дома для богатых и титулованных людей, не исключая особ королевской крови. Ходили слухи, что ее заведения посещал король Леопольд II Баварский. Бывал там и наследник английского престола «Грязный Берти»^[7]. В одном из борделей имелись особые комнаты для мазохистов, в другом — для скотоложцев.

— Который из них?

— «Розовый коттедж». Стайлз установил, что они были там две недели подряд, и именно по четвергам. Там предлагают малолеток в возрасте лет семи.

Я испытал неопишуемое отвращение и в то же время воспрянул духом. Столичная полиция могла закрывать глаза на некоторые формы разврата, но только не на те, о которых говорил Джеймс. Если удастся накрыть Бэкфордов в «Розовом коттедже», — это разрушит их жизнь. Тринадцать лет — возраст, в котором девушка могла вступать в сознательную связь с мужчиной; за соращение же малолетней полагались годы и годы заключения. О тюрьмах я знал немало и был убежден, что Бэкфорды там получают сполна.

— Ты прав, Джеймс. Это вполне можно предъявить на суде. Но почему Стайлз мне ничего не рассказывал?

— Он говорил, что Гарриет просила его ничего не сообщать Скотланд-Ярду, пока не состоится разговор с Рейчел. — Приятель покачал головой. — Наверное, боялась, что полиция пропустит мимо ушей слова бывшей служанки.

Что ж, справедливо, учитывая, что пишут о нас в газетах.

— Стайлз рассказал мне об этом только вчера вечером, после того как ты ушел, и заставил меня поклясться, что я буду молчать, пока ты не встретишься с Рейчел. Этот парень — достойный человек. Нечасто такого встретишь. Однако чего ему все это стоило... — мрачно добавил Джеймс.

Я просто физически ощущал страх за молодого коллегу. Плохо, что ничем не мог ему помочь, разве что успокоить, что его поручение выполнено.

— Когда он очнется, скажи ему, что без показаний Рейчел мы по-прежнему блуждали бы в темноте. Так что Стайлз все сделал правильно.

* * *

Винсент воспринял мое признание куда спокойнее, чем можно было предположить. Возможно, на такой лад его настроила записка, где я сообщил о своем утреннем походе. Листок с моими каракулями так и лежал у него на столе, представляя собой несомненное свидетельство, что я неукоснительно выполняю рекомендации шефа.

Начал я с того, как обнаружил в Холмделе Мадлен Бэкфорд, и описал в подробностях, как она набросилась на меня при приближении к своему дому. Судя по всему, до этой минуты мое расцарапанное лицо вызывало у шефа некоторые вопросы. Я покаяться в тайном помещении Мадлен в госпиталь, отдал должное Стайлзу, разыскавшему Рейчел, и сообщил Винсенту о надругательствах, которым та подверглась.

— Она говорит правду, сэр. Я видел шрамы на ее запястьях.

— Я верю, — тихо ответил шеф. — То есть вы считаете, что женщин убивает один из Бэкфордов?

— Отнюдь, — покачал головой я. — Наверное, можно было заподозрить подобный вариант, однако Рейчел сообщила мне, что восемь месяцев назад у Бэкфордов служила девушка, испытывавшая то же самое, что и она. Разница в том, что Элейн довела дело до суда, обвинив Стивена Бэкфорда. — Я передал Винсенту копию первой страницы стенограммы судебного заседания и лист с выписками из показаний свидетелей. — Суд состоялся в сентябре.

Шеф быстро просмотрел бумаги и побледнел, читая рассказ Элейн о преступлении братьев и тех мерзостях, что шептал ей на ухо Бэкфорд, не переставая ее насиловать. Наконец он поднял пораженный взгляд от моих записей, и на лице его появилось понимание.

— Так вот зачем вы ходили в уголовный суд...

— Предположил, что Бэкфорда оправдали, поскольку тот либо попросил суд о таком одолжении, либо подкупил всех, включая судью и свидетелей, — кивнул я. — Пока пытаюсь определить, как далеко зашла коррупция. Девушка получила пару фунтов, но на самом деле — никакого правосудия. Полтора месяца назад она скончалась при родах.

— Как раз незадолго до того, как начались убийства, — заметил Винсент.

— Сэр, отец Элейн имел обыкновение гулять с дочерью по воскресеньям.

— Значит, Элейн... — эхом повторил шеф.

— Ну да, вроде как Элейн из Астолата.

— Волшебница Шалот... — ошеломленно произнес Винсент с отвалившейся челюстью. — Отсюда и пышный антураж при убийствах.

Я даже не знал, что шеф умеет чертыхаться, но на этот раз он не сдержался.

— Значит, отец убивал женщин, чтобы отомстить мужчинам, помогавшим оправдать Бэкфорда. Какая извращенная месть!

Я позволил себе процитировать Белинду, пусть и не слишком точно:

— Смерть любимого человека обрекает нас на долгие страдания; это куда страшнее, чем умереть самому.

Винсент задумался, облизав пересохшие губы.

— Убийца не мог выбрать в качестве первой жертвы Бэкфорда, так как сразу оказался бы в числе первых подозреваемых, имеющих очевидный мотив.

— И у него уже не было бы возможности отомстить остальным, — согласился я. — Полагаю, в таком случае мы уже давно его задержали бы.

— Как нам предсказать его следующий ход?

Опыт подсказывал мне, какую тактику избрал бы Стайлз, и я надеялся, что Винсент поддержит подобный подход.

— По-моему, предупреждать остальные семьи об опасности сейчас не следует.

— Разумеется, нет, — сказал шеф. — Только вызовем ненужную панику. Вряд ли можно рассчитывать, что потенциальные жертвы станут соблюдать спокойствие.

— А если об этом прослышат репортеры — пиши пропало, — облегченно добавил я. — Тем не менее, нужно уточнить, есть ли дочери у Гриффитса или Таска.

— Отправлю людей в штатском следить за их домами, — ответил Винсент. — А вы тем временем займетесь поисками Прайса. Вполне возможно, что он и на этот раз не будет дожидаться ночи на вторник.

— А... что с Бэкфордами?

— Возьмем их дом под защиту.

Я стиснул зубы, поскольку имел в виду вовсе не безопасность Стивена и Роберта.

— Я все понимаю, — также напрягся шеф. — Если Прайс накажет Бэкфордов — мы все получим своеобразное удовлетворение, но их должны судить по закону. Установите наблюдение за Спирами, Гриффитсами, Тасками и Бэкфордами. И до моего сигнала — молчок. — Он встретился со мной глазами. — Договорились?

Я кивнул. Не слишком ли нагло будет попросить взять под охрану Белинду?.. Черт возьми, деваться некуда.

— Есть еще один человек, которого надо... — Пришлось выразиться иначе, вспомнив негодование Джеймса по поводу моей привычки командовать: — Сможем ли мы обеспечить защиту еще одного дома?

Винсент удивленно приподнял бровь.

— Я говорю о доме Кэтрин Уэзерби. Моя... хорошая знакомая, мисс Гейл, после получения письма с угрозами укрылась у сестры. Похоже, вчера напротив ее окон околачивался подозрительный человек.

Следует ли признавать свою вину? Нет, скрывать не стоит.

— Я ходил туда, проверял обстановку. Возможно, за мной следили. Они наняли охранника, и все же...

Винсент нахмурился, услышав о моем просчете, однако буркнул:

— Хорошо, Корраван.

Я продиктовал ему адрес.

— Ну что ж... — Он положил ручку. — Как Стайлз? Ему не полегчало?

— Нет, сэр. Наоборот, ему хуже. Я только что из госпиталя — Стайлз без сознания.

Винсент слегка покачал головой. За последнее время мне пришлось узнать шефа ближе. Человеком он был довольно сдержанным и, чем больше расстраивался, тем меньше показывал свои чувства.

— Стайлз — хороший человек, — наконец сказал он. — Он вам чрезвычайно предан, Корраван.

— То есть? — невольно вырвалось у меня.

— Когда вы в третий раз появились у дома Форсайтов, я готов был вас уволить, — поморщился шеф. — Стайлз попросил меня не пороть горячку: говорил, что ваш инстинкт полицейского превзойти невозможно. — Он прищурился. — Напомнил о том дне, когда обнаружили тело Роуз. Оказывается, вы сразу обратили внимание на отсутствие драгоценностей. Пусть в итоге этот факт ни к чему нас не привел, однако никто другой до этого не додумался. — Винсент глянул на меня, словно ждал подтверждения, и я кивнул. — А в прошлом году, когда Скотланд-Ярд пытался вычислить нелегальных торговцев оружием, Стайлз без толку перелопатил множество накладных, сравнивая их с количеством отгрузок и весом товара. И опять именно вам пришло в голову, что следует начать с судов с низкой осадкой.

— Это всего лишь опыт, сэр, — смущенно сказал я, и шеф продолжил:

— Когда я только вступил в должность, одна из первых историй, которую мне рассказали, была о вас. Мне доложили, что вам удалось раскрыть дело Бодни уже на вторую неделю вашего пребывания в Ярде, хотя следствие тянулось не меньше двух месяцев, и полиция в отчаянии опустила руки.

Я заерзал на стуле, словно школьник, которого хвалят перед всем классом.

— Мне пришлось в свое время изучить Ламбет, так что я просто устроил засаду в одном из переулков. Провел там два дня. Так что инстинкты и опыт тут ни при чем. Всего лишь упрямство. — Я помолчал. — Упрямство и горячий кофе. Я заплатил тогда одной девушке с соседней улицы, и она приносила мне по чашке каждые два часа.

По лицу Винсента промелькнула легкая улыбка.

— Стайлз куда лучше меня разбирается в людях, — добавил я. — Вот это называется инстинкт.

Мы вновь встретились взглядами, и между нами на минуту установилась связь. Искренне оценивая достоинства Стайлза, мы оба хотели, чтобы он поправился как можно скорее.

Наконец Винсент переменял позу, и контакт пропал.

— Пожалуйста, не тяните с заполнением дневника расследования. Записи должны быть емкими, точными и доступными для восприятия. События развиваются быстро, и мне вовсе не хочется, чтобы меня тыкали носом. Договорились?

Я кивнул и добавил:

— Кое-что еще, сэр...

Он снова уселся.

— Братья Бэкфорды чуть ли не каждый вечер куда-то выходят, и Стайлз обнаружил систему в их поведении. Просто подумал... — Я сглотнул ком в горле. — Подумал, что вы скажете по поводу облавы в «Розовом коттедже» в четверг?

— В четверг вечером? — с непроницаемым лицом переспросил Винсент.

— Две недели подряд, сэр...

Шеф закричал. Я прекрасно понимал его сомнения: мало ли кого можно обнаружить в борделе... Тут недалеко до политических и социальных передраг. В то же время Винсент испытывал к Бэкфордам не меньшее отвращение, чем я сам. Пусть поразмыслит: может, найдется способ... Я ждал его ответа, затаив дыхание, и наконец шеф прервал молчание:

— Я подумую.

Во всяком случае, мое предложение не зарубили на корню.

ГЛАВА 44

Служанка Дорстоунов проводила меня в гостиную. На мой запрос в Седдон-холл ответа так и не поступило, и я с опаской спросил, выжил ли Сидни после падения с крыши.

Девушка удивилась моей осведомленности, но кивнула.

— Жив, только заработал растяжение связок на обеих щиколотках и сломал руку. Доктор сказал, что ему повезло.

У меня отлегло от сердца, хотя ноги от волнения были ватные. Я, взяв себя в руки, поблагодарил служанку. Дорстоуна пришлось прождать около четверти часа, и я все это время стоял у окна, ощущая душевный подъем. Наконец на пороге появился хозяин дома.

— Что вам угодно? — тоскливо спросил он.

Глаза его были красными и припухшими — то ли от недостатка сна, то ли от горя.

— Простите, что вновь вас беспокою. Появилось несколько вопросов. Знаю, что в Седдон-холле ваш сын записан как Сидни Дрю. Может быть, он когда-то пользовался именем «Сидни Моррис»?

— Моррис — его второе имя, — в замешательстве пробормотал Дорстоун, — но Сидни его почти никогда не использует.

— Ваш сын — член клуба «Клавеллс»?

— Мы все посещаем этот клуб, но Сидни не был там уже довольно давно. А что? — осведомился Дорстоун, теребя рукав.

— Не припомните, приходилось ли ему выступать в качестве свидетеля на суде?

— На суде? — испуганно переспросил хозяин дома. — На каком именно?

— По делу об изнасиловании молодой женщины. Суд состоялся около девяти месяцев назад.

— Изнасилование! — задохнулся Дорстоун. — Разумеется, нет! Он... он никогда... Нет, нет! Кроме того, как Сидни мог покинуть здравницу? Вы ведь его видели. Он едва способен...

— Чем ты занимаешься? — послышался резкий голос от порога.

Я обернулся. В дверях, прожигая супруга взглядом, стояла раскрасневшаяся от гнева миссис Дорстоун.

— Прошу прощения, — невозмутимо произнес я. — Дело в том, что в одном интересующем нас судебном заседании принимал участие мистер Сидни Моррис, и мы стараемся его разыскать.

— Наш Сидни не имеет к этому никакого отношения! — возразила женщина. — Это очень распространенное имя.

— Вполне возможно. Однако интересующий нас Сидни Моррис является членом клуба «Клавеллс», а его адрес совпадает с вашим.

Миссис Дорстоун побледнела.

— Дороти... — промямлил ее муж.

— Бред! Ни на какие суды Сидни не ходил! — Она уставилась мне в глаза. — Послушайте, мы провели эти две недели, словно в кошмаре. Оставьте же нас, наконец, в покое!

Я надел шляпу и направился к выходу, мельком глянув на Дорстоуна, стоявшего, словно страус, собирающийся сунуть голову в песок.

Боже, помоги этому бедолаге...

Яростное сопротивление миссис Дорстоун лишний раз убедило меня, что Сидни таки участвовал в судебном процессе, о чем отец, похоже, не имел ни малейшего понятия. Его супруга — настоящий клубок противоречий. С одной стороны, миссис Дорстоун настолько презирала сына, что даже не пыталась его навещать; с другой — всеми силами ограждала его от расспросов. Я был склонен отнести подобные странности на счет материнского инстинкта, и, тем не менее, сел на поезд до Седдон-холла.

К счастью, мистера Харпера в вестибюле не было, и меня встретила приятная медсестра. Я изложил ей суть вопроса: встреча с Сидни мне не требуется, однако хотелось бы взглянуть на журнал регистрации выхода пациентов за пределы здравницы.

Она принесла необходимые записи, и я внимательно их изучил. В день суда Сидни был в Седдон-холле.

Как же так?

Неужели Прайс совершил ошибку? Выходит, Джейн Дорстоун никаким боком не была связана с судом по иску Элейн? Все это дело — одна сплошная несправедливость, а тут еще такой ужасный промах...

Я спросил сестру, нельзя ли нанести обычный пятнадцатиминутный визит к больному, и меня тут же проводили к его

палате.

— Не так давно он пытался свести счеты с жизнью, — прошептала сестра, вставляя ключ в замочную скважину. — В Лондоне убили его сестру, и пациент впал в ужасную депрессию.

Ощущая свою вину, я заверил женщину, что буду крайне осмотрителен, и вошел в комнату.

Сидни лежал в постели — ноги под одеялом, рука в гипсе. Я окликнул молодого человека по имени, и его веки затрепетали.

— Вы свинья! Убирайтесь отсюда! — бросил он, отвернувшись к стене.

Наверное, я на его месте сказал бы то же самое.

— Ваш отец заставил меня поклясться, что я не сообщу вам о смерти сестры. Мне очень жаль, Сидни. Я понимал, как вам будет тяжело, но мы делаем все возможное, чтобы найти преступника.

Сидни фыркнул.

— Откуда вы узнали?

— А вы как думаете? — Он с отвращением уставился на меня, перевернувшись на другой бок. — Ваш приятель-газетчик рассказал.

Неужели Том меня предал? У меня перед глазами все поплыло.

— Что вы говорите?

— Пайк, или как там его...

— Но я не знаю никакого Пайка. Как он выглядел?

— Коренастый, глаза карие, седеющие виски.

Черт возьми! Стало быть, Фишел за мной следил... Выходит, он и дал в прессу новости о моем визите в Седдон-холл.

— Никакой он не Пайк, — сказал я. — Его зовут Фишел. И мы вовсе не друзья.

— Он настаивал, что друзья. Сообщил мне, что Джейн больше нет, и вы подозреваете меня в ее смерти. — Молодой человек содрогнулся. — Задавал мне вопросы о сестре, но я предложил ему убираться прочь.

Я на секунду задумался, что сделать с Фишелом при очередной встрече и, не дожидаясь приглашения, уселся на стул у кровати.

— Фишел пытался выяснить, что вам известно. Я сейчас собираюсь поговорить с вами откровенно. Вы готовы?

Сидни настороженно глянул на меня и положил здоровую руку на гипс, словно защищаясь.

— Ваша сестра — одна из четырех женщин, на которых преступник напал за последний месяц. Каждую из них похитили, вручив срочное письмо якобы от близкого человека. — Сидни в испуге сморщился. — Нам удалось обнаружить связь между жертвами — один судебный процесс, состоявшийся прошлой осенью. В нем в качестве свидетеля защиты принял участие некто Сидни Моррис, указавший ваш адрес — Марлтон-лейн. Как вы можете это объяснить?

— Ничего сложного, — пожал плечами молодой человек. — Это мой дядя. Меня назвали в его честь, к его великому сожалению. И к моему тоже.

— Дядя... — повторил я.

— Да, дядя. Мамин брат, — терпеливо пояснил Сидни.

Ну конечно. Дорстоун ведь сказал: Моррис — второе имя.

— Похоже, ваша мать его очень любит? — с досадой спросил я.

— Души в нем не чаёт, — откликнулся Сидни, перебирая тонкими пальцами простыню. — Мы с Джейн его ненавидели. Из-за него мое детство превратилось в ад.

У меня в уме сразу стала складываться четкая картина: чувствительный мальчик, подвергавшийся издевательствам дяди, которого поощряла его собственная мать.

— Как считаете, будет ли он сегодня в «Клавеллс»?

— Скорее, всего.

— Он женат, дети есть?

— Дядя — холостяк.

Я выдохнул. Дочери у Сидни Морриса не было, поэтому убийца похитил его племянницу. У меня по спине побежали мурашки.

— Почему дядя указал ваш адрес?

— Он жил у нас целый год, когда лишился жилья за долги, — презрительно скривился Сидни. — Ставил на собачьих и петушиных боях. Дядя кровожаден.

— Когда он съехал?

— Не знаю. Вроде бы осенью прошлого года. Кажется, в октябре.

Мое сердце екнуло. Аккурат после суда.

— Вы не в курсе, что он как раз в то время выступал свидетелем на суде?

— Честно говоря, для меня откровение, что он взялся быть свидетелем, — покачал головой Сидни. — Разве что мог извлечь из

этого выгоду.

— Вы еще не связывались с моим приятелем? Помните, я записывал вам его адрес? — спросил я, поднимаясь со стула.

Молодой человек отвел взгляд.

— Нет. Пока не писал.

— Мистер Дорстоун, я настоятельно рекомендую вам покинуть Седдон-холл и попытаться что-то изменить в своей жизни. Вас любит юная женщина — разве этого недостаточно?

Он промолчал, продолжая теревить простыни.

В дверь тихо постучали, и из коридора послышался голос:

— Время вышло, сэр.

Как еще убедить несчастного покинуть свое убежище в мягкой кровати?..

Я протянул Сидни руку и медленно заговорил:

— Мистер Дорстоун, ваши слова помогли спасти жизни нескольких невинных женщин. Спасибо, что вы нашли в себе силы и не покривили душой.

Может быть, я слишком густо мазал джем, как говорит ма Доил, но Сидни обязательно требовалась похвала.

Он лежал с несколько недоуменной улыбкой, а я не убирал открытую ладонь, и, наконец, молодой человек ответил мне рукопожатием, выпростав руку из простыней.

— До свиданья, мистер Корраван, и пусть вам сопутствует удача.

До станции я добрался как раз вовремя, чтобы проводить взглядом уходящий поезд. Стало быть, мое возвращение в Лондон откладывается на три часа. И все же мне не было жаль той лишней минуты, проведенной в палате Сидни.

Я скоротал время в пабе, заказав кусок пирога и почитав газеты. Вспомнив про обещания, данные Винсенту, отправил ему телеграмму с докладом о своих успехах. Написал, что зайду в «Клавеллс» и попытаюсь застать там Сидни Морриса, так что в Ярд сегодня уже не вернусь. Наконец я запрыгнул на подножку поезда, отправляющегося в Лондон, и погрузился в нелегкие раздумья.

В город я прибыл уже в сумерках и сразу направился в «Клавеллс». Сообщил привратнику свое имя, на что мне предложили ожидать в фойе. Там я провел полчаса, едва не заснув от усталости в кресле. Наконец вернулся привратник с известием, что мистера Морриса, как выяснилось, сегодня в клубе нет.

Разумеется, ложь — стоило лишь посмотреть на лицо привратника. Впрочем, сил вступать в споры у меня не было. Часы пробили десять. Я вышел в боковую дверь и очутился в переулке, ведущем к хорошо освещенной Пэлл-Мэлл.

Ладно. Сейчас — домой, а Сидни Морриса разыщу завтра.

Миновав мусорный бак, я услышал приглушенный звук взводимого курка и замер на месте, краем глаза заметив подходящую сзади троицу.

— Что вам нужно от Сидни Морриса? — заплетающимся языком произнес один.

— Просто хотел задать ему вопрос, — ответил я и медленно развернулся, выставив перед собой руки.

К сожалению, троица стояла не меньше чем в десяти футах, а мой револьвер остался дома. Дубинка в подобной ситуации бесполезна. Наступила короткая пауза, и я, пригнувшись, инстинктивно метнулся вправо. Как раз в этот миг и хлопнул выстрел. Пуля оцарапала мне плечо, и я вскрикнул от острой боли. Тем не менее, мне удалось обернуться лицом к нападавшим, и вооруженный мужчина оказался прямо передо мной. Я хватил его в челюсть, не дав ему выстрелить еще раз. Голова стрелка запрокинулась, и он рухнул наземь, а ко мне бросился один из его спутников и, обхватив меня вокруг туловища, крепко приложил спиной о землю. Я пнул его в живот, и мужчина отлетел назад. Ко мне прыгнул третий. Откатившись в сторону, я встал на четвереньки и получил тяжелый удар в голову.

Вдали раздался резкий свисток — на помощь шла полиция.

Шаги...

Крики...

Кто-то произнес:

— Боже, это Микки Корраван. Все в порядке.

Микки? Так ко мне обращались еще в Ламбете или в речной полиции.

Кто же это?

Я попытался открыть глаза и присесть. Приложив руку к виску, нащупал что-то липкое.

А потом наступила кромешная тьма.

ГЛАВА 45

Я очнулся в мягкой постели, унюхав аромат кофе.

Уж не приснилась ли мне схватка в переулке? Я пошевелился, и левое плечо ответило пульсирующей болью. Заныла голова, и я издал тихий стон.

— Привет...

Гарри?

В глазах плыл туман, и я не сразу сообразил, что нахожусь в собственной спальне, а Гарри стоит подле кровати, держа в руках белую чашку. Ее контуры странно колебались.

— Это... мне?

Язык еле шевелился, но парнишка меня понял.

— Конечно.

Он склонился над кроватью, помог мне сесть и протянул кофе. Отступил, убедившись, что чашку я держу крепко.

— Осторожно, горячая.

— Понял, доктор.

Он ухмыльнулся, и я сделал глоток.

— Фу, отравка! С сахаром?

— Простите, совсем забыл, — виновато пробормотал мальчик. — Сейчас сварю ещё.

— Не надо, оставь. — Я снова отхлебнул кофе и спросил:

— Как я попал домой?

— Вы ничего не помните? — поднял брови Гарри.

— Ничего...

Мальчик придвинул к кровати стул и уселся верхом, положив руки на спинку.

— Вас привезли в кэбе двое полисменов из Ламбета. Сказали, что наблюдали за вами у «Клавеллс», а потом услышали выстрел. Я послал за доктором Эвереттом, однако его не оказалось дома, так что я сам сделал все, что мог. Надеюсь, что доктор появится, как только получит записку.

Наблюдали за мной у «Клавеллс»? С чего бы это? Ах да, я ведь отправил Винсенту телеграмму, вот он и прислал подмогу. По счастью,

полисмены меня знали. Я испытал чувство благодарности к шефу и, конечно, к Гарри.

— Наверное, нелегко тебе со мной пришлось? — покосился я на парнишку.

— Да нет, у вас ничего серьезного, кроме раны в плече, — пожал плечами он.

Ко мне потихоньку начала возвращаться память. Шаги, голоса, темный переулок...

— Кто на вас напал?

— Есть у меня некоторые подозрения, правда, в лицо я никого не видел. У этих джентльменов наверняка найдется пяток свидетелей, которые подтвердят, что те не выходили из клуба.

— Сегодня нужно сменить повязку, — кивнул Гарри на мое плечо, Я откинул простыню и осторожно приподнял руку, проверяя, насколько смогу ею двигать. Левый рукав рубашки был оторван, вместо него — толстый слой окрасившихся розовым бинтов.

— Давайте от нее избавимся?

— От чего избавимся? От руки?

Гарри вылутился на меня, потом усмехнулся, поняв, что я шучу.

— От рубашки, конечно.

— Вряд ли я теперь смогу ее носить, — проворчал я.

— Да, боюсь, рубашку уже не починишь.

Мальчик вышел из комнаты и вернулся с ножницами.

— Повязку сам наложил? — спросил я, рассматривая плечо.

— Ну, насколько мог, — смутился он. — Вас не так-то просто перевернуть.

Я невольно улыбнулся, представив себе, как Гарри ворочает меня с боку на бок, и тут же застонал, когда он приподнял мою руку на несколько дюймов вверх. Боль пронзила плечо и отдалась в позвоночнике. Наконец мальчик стащил с меня рубаху и, ловко орудуя смоченным в воде полотенцем, снял повязку. Больно больше не было, и я поблагодарил его, разглядывая длинную красную борозду на плече. След от пули оказался неглубоким, хотя и оставил на коже рваные края.

— Доктор Эверетт научил меня накладывать швы, — бодро сказал Гарри, рассматривая меня, словно учебный экспонат.

— Просто смени повязку, и хватит.

Он проворно выкроил четырехдюймовую полосу бинта и замотал рану. Плечо прострелило болью, и я откинулся на подушку. Через несколько минут боль утихла, остались лишь неприятные ощущения. Новая повязка была аккуратнее — даже можно надеть свежую рубашку.

— Понимаю, что вы мне не очень доверяете, и все же швы наложить нужно. Вам стоит сходить в госпиталь, к доктору Эверетту, — предложил мальчик.

— Мне нужно в Ярд, Гарри.

— Если в рану попадет инфекция — лихорадки не избежать, — официальным тоном опытного медика заявил парнишка и, заметив мой сердитый взгляд, добавил: — Вы не слишком хорошо выглядите.

— Ради бога, Гарри... — проворчал я. — Если уж ты взялся обо мне заботиться, сделай перевязь из старой наволочки.

* * *

В десять часов я уже сидел в кабинете, плотно прикрыв дверь. Самочувствие было отвратительным. Не хотелось признаваться в своей слабости, и все же поездка в кэбе стала настоящим испытанием. Один за другим накатывали приступы головной боли. Стоило ли так спешить? Винсент еще не появился. Я положил голову на стол. Полежу так пару минут и приду в себя.

Очнувшись, я почувствовал, как онемела левая сторона лица. Из угла рта, похоже, во сне стекала струйка слюны.

— Инспектор... — На мое здоровое плечо легла теплая рука. — Инспектор?

Я поднял голову и окинул кабинет мутным взглядом. Господи, уснул за столом... Стрелка настенных часов показывала половину двенадцатого. Полтора часа псу под хвост... Я протер глаза и пробормотал:

— Прошу прощения.

— Инспектор, — нерешительно повторил сержант Бэрд, и я, наведя резкость, невольно отметил, как не идут к его молодому лицу пушистые бакенбарды.

— Что, сержант?

— Тут одна женщина, сэр...

— Надеюсь, живая?

— Простите? — испугался моей мрачной шутки сержант.

— Все в порядке, Бэрд. Просто за последнее время я в основном имею дело с мертвыми телами.

— Эта — живая, сэр, — неуверенно ответил он. — Правда, похоже, кого-то это не слишком устраивает. Вроде бы ее зовут мисс Мартин.

Прекрасно... Похоже, судя по словам сержанта, посетительница избита?

— Не может ли ею заняться кто-то другой?

— Сказала, что хочет встретиться именно с вами. — Бэрд переступил с ноги на ногу. — Я сообщил ей, что вы заняты, но она настаивает. Говорит, что торопится, ей срочно нужно куда-то в другое место.

— Ну да, как же иначе...

Опершись о край стола, я с усилием поднялся на ноги. Слава богу, голова почти прошла. Видимо, организму требовался дополнительный часок сна. Я осторожно поправил перевязь, устроив руку удобнее.

— Вот, пожалуйста, — сказал Бэрд, поставив передо мной чашку кофе.

Я даже слегка растрогался. Приятно, когда хоть кто-то напоминает, что наш мир — не такое уж плохое место. Мне действительно требовалось разогнать кровь горячим кофе; хорошо, что сержант догадался. Я опустошил чашку тремя большими глотками и, выйдя из-за стола, поблагодарил коллегу.

— Не за что, сэр, — ответил он, и я направился в комнату, которую мы обычно использовали для конфиденциальных разговоров со свидетелями.

Заглянул в окошко. Женщина была одета недорого, но прилично. Волосы забраны под шляпку, серые перчатки, небольшой ридикюль. Очевидно, представительница среднего класса. Профиль женщины рассмотреть не удалось.

Я открыл дверь, и посетительница обернулась. На лице синяки, щека расцарапана. Возраст — от двадцати пяти до тридцати, смутно знакомая внешность. Лицо решительное и неглупое.

— Боже мой, с вами-то что стряслось? — подняла она тонкие брови.

— Ничего особенного.

Она бросила на меня недоверчивый взгляд, но развивать тему не стала.

— У меня не очень много времени, мистер Корраван.

Ждать наверняка не привыкла...

— Прошу прощения. У меня было непростое утро, — извинился я, подавив желание втолковать посетительнице, что она — далеко не единственный человек в Лондоне, столкнувшийся с житейскими неприятностями.

— Чем могу помочь?

— Извините, инспектор. Я уже сказала сержанту, что мне нужно срочно вернуться домой. Отец не знает, что я в Скотланд-Ярде, и лучше, чтобы он об этом и не узнал. Лучше для меня, а для вас — тем более. — Она с несчастным видом покачала головой. — Честное слово, я уже устала его убеждать в чем-либо, и не хочу начинать новых ссор. Матери и без того несладко.

Интересное начало. Посетительница меня заинтриговала, и я присел напротив.

— Простите, мэм, но кто вы?

— Ах! Я вроде бы представилась вашему сержанту. Наверное, он меня не расслышал. Я — миссис Манро, Шарлотта Манро, — вздохнула она.

У меня в голове словно нажали переключатель, и сон как рукой сняло. Как же я ее не узнал? Разумеется, сейчас миссис Манро выглядела несколько иначе, чем полураздетая женщина в лодке.

Я в замешательстве кашлянул, вспомнив, что видел ее обнаженную грудь, и несколько секунд помолчал, стараясь избавиться от смущения.

— Ну конечно же — миссис Манро! Знаете, я удивлен, что вы пришли. Ваш отец заявил, что вы не станете со мной разговаривать.

— Отец меня не спрашивал, — возразила женщина. — Он считает, что я сейчас в книжной лавке, поэтому приходится спешить.

— Понимаю. Еще раз приношу извинения, что не признал сразу. Рад вас видеть, — искренне сказал я.

Она наклонилась над столом и серьезно глянула мне в глаза.

— Вчера я невольно подслушала разговор двух слуг, а потом горничная тайком принесла мне газету. Так что я только-только осознала, что могла погибнуть.

Соображал я небыстро, и все же кое-какие выводы напрашивались. О Шарлотте Манро рассказывали, что она кое-что знает о темных делах, творящихся в Лондоне, потому и поставила себе целью спасти женщин, которым угрожает опасность. Я испытал прилив надежды: возможно, разговор с ней позволит мне поставить на место последние части головоломки. Другое дело — какую часть правды нужно сообщить, чтобы направить ее воспоминания в нужное русло? Шарлотта могла знать такие подробности, которые помогут нам найти Прайса, только она сейчас не сознает, что они ей известны.

— В газете говорилось, что покушения — дело рук душевнобольного, и он не остановится, пока его не поймают. Это правда, мистер Корраван?

— Мы и в самом деле считаем, что он продолжит убивать, если мы не положим этому конец.

— Мне хотелось бы вам помочь, — тихо сказала Шарлотта. — И все же... Знаете ли вы, почему преступник выбрал именно меня? Его побудило к этому мое прошлое? — Она едва сдерживала слезы. — Что я должна была сделать, чтобы этого не случилось?

Я сочувствовал ей всем сердцем. Пусть миссис Манро была замужней дамой, однако я воспринимал ее как молодую и уязвимую женщину.

— Нет, ваши поступки тут совершенно ни при чем.

Похоже, я ее не убедил.

— Видите ли, я работаю в доме призрения для падших женщин...

— Миссис Манро, я вас не обманываю. Вы не совершили ничего такого, что стало бы поводом для убийцы. — Я тщательно подбирал слова. — Если честно, мне кажется, что именно ваша миссия заставила его отступить, потому вы и живы. Или... ваша беременность.

— Моя беременность... — эхом повторила она.

— Вы ведь в положении, не так ли?

Вздыхнув, Шарлотта изумленно посмотрела на меня.

— Мистер Корраван, вы слово в слово повторили вопрос убийцы. Откуда вы знаете?

Значит, и миссис Манро, и Элейн — обе были в положении. Поэтому Прайс и пощадил третью жертву.

Задумавшись, я глубоко вздохнул. Мозаика постепенно складывалась. Миссис Манро не дала задать мне вертевшийся на языке вопрос — что говорил ей Прайс? — спросив сама:

— Мистер Корраван, пожалуйста... Что еще вам известно о преступнике? Я должна знать!

Выбора не было. Кое о чем я умолчал, однако рассказал о суде, об Элейн и ее отце: Шарлотте не следовало считать, что она дала убийце повод. Также мне хотелось, чтобы миссис Манро осознавала важность тех вопросов, которые нам еще предстояло обсудить.

Во время разговора она не отрывала от меня взгляд. Шарлотте нередко приходилось сталкиваться с жестокой правдой жизни, и все же в конце моего рассказа ее набухшие слезами синие глаза были полны ужаса.

— Подумать только, мой отец участвовал в этом спектакле, — пробормотала она, спрятав лицо в ладонях. Наконец взяв себя в руки, Шарлотта подняла голову. — Несчастливая девушка, несчастный отец... — прошептала она.

Я не из тех, кто от удивления лишается дара речи, однако сочувствие миссис Манро к едва не убитому ее мужчине поразило меня до глубины души. Помолчав, я сказал:

— Это и в самом деле огромная трагедия. Другое дело, что нам неизвестно, сколько еще женщин планирует лишить жизни Прайс. Есть еще три человека, которых можно считать главными действующими лицами, но преступник может заняться и присяжными. Тогда жертв будет больше. Впрочем, не исключено, что он остановится и примется за Бэкфордов.

Миссис Манро задумалась, а когда заговорила, голос ее звенел от напряжения. Тем не менее, мыслила она рационально.

— Вы сказали, что первые три нападения случились в ночь на вторник, однако последнюю женщину убили в пятницу. Стало быть, следующий шаг преступник может сделать в любой момент, не так ли?

— Именно так, — признал я. — Вероятно, он обеспокоен тем, что мы напали на его след, и медлить не будет. Поэтому нам необходимо знать, как он вас нашел, откуда похитил, что говорил — словом, все,

что вам удастся припомнить. Все же эти нюансы составляют модель его поведения, и она как раз вряд ли изменится.

— Да, понимаю. — Шарлотта выпрямилась и глянула вдаль, словно вновь увидела убийцу. — Ему приблизительно лет сорок пять. — Она окинула меня взглядом. — Не так высок, как вы, но сложен не менее крепко. Ладони мозолистые — видно, что человек рабочий. Волосы темные, густые и волнистые, почти до плеч. Да, у него были бакенбарды.

Ее описание полностью совпало с рассказами кучеров из конюшни Дорстоунов.

— Слава богу, что вы тогда не потеряли самообладания. Был ли у преступника кашель?

— Да, точно, — подтвердила миссис Манро. — В целом же он походил на самого обычного кучера.

Я сопоставил ее слова с уже известными мне данными. Видимо, Прайс проследил за Шарлоттой до дома Форсайтов и дождался, пока она не отужинает. На этот раз тревожное письмо ему вручать не потребовалось.

— Наверное, мистер Прайс и в самом деле кэбмен? — спросила женщина.

— Вряд ли. Впрочем, кэбменом может притвориться любой человек, когда-либо имевший дело с лошадьми. Продолжайте, пожалуйста.

— Он остановился у перекрестка — заявил, что лошади в копыто попал камень. Извинился и сказал, что ему необходимо взять инструменты из-под сиденья коляски. Так что он вошел внутрь, а потом я ощутила запах хлороформа. — Шарлотта помедлила, припоминая подробности. — Очнулась я со связанными руками; во рту был кляп, так что позвать на помощь не удалось. К тому моменту он уже бросил меня в лодку, — наверное, от холодной воды на дне я и пришла в чувство. Мы находились в каком-то амбаре с дырявыми стенами. Сквозь отверстия пробивался лунный свет, так что я видела, как он навис сверху. В глазах у него светилось настоящее безумие. Он достал нож — ужасный нож, с тяжелым лезвием и деревянной рукоятью и... и спросил: знаю ли я, что такое настоящее страдание.

Однако преступник не церемонился. У меня перехватило дыхание.

— Что вы ответили?

— Я ведь не могла говорить с кляпом во рту, — покачала головой миссис Манро, — только невольно положила руки на живот. Даже не сознавала, что делаю. Он обратил внимание на мое движение и спросил, не в положении ли я. После моего кивка у него на лице появилось странное выражение — горе, перемешанное с ненавистью и отчаянием. Он заколебался.

Заметив мое сомнение, Шарлотта пояснила:

— Мистер Корраван, я ведь привыкла различать мимику собеседника. Нередко она говорит о том, что девушке уже наплевать на себя; а бывает, что несчастная все еще надеется, что ей уготована лучшая доля.

— Конечно, — кивнул я. — Значит, убийца опустил нож?

— Да. Вместо того, чтобы перерезать мне горло, он... — Шарлотта смущенно отвела взгляд. — Он распорол лиф моего платья и положил руку мне на живот. И ребенок, словно по заказу, шевельнулся. — Она подняла глаза, и ее голос смягчился: — Преступник это почувствовал, мистер Корраван. Он убрал нож, ударил меня по лицу, и больше я ничего не помню, кроме того, что очнулась в госпитале.

Мое сердце колотилось, как сумасшедшее. Выходит, Прайс следил за своими жертвами: знал, где они живут, куда ходят. Ничего сложного. Кэб, хлороформ, лодка.

— Можете припомнить подробности об амбаре и лодке? Что вам бросилось в глаза? Запахи, звуки?

— Мы находились неподалеку от доков Ламбета, — сказала миссис Манро. — Колокольный звон был узнаваем — в церкви Христа каждый час отзванивают мотив «Апельсинов и лимонов». Еще я ощутила запах древесины и аммиака.

Аммиак... Я примерно представлял себе, откуда могли доноситься подобные ароматы.

— Уверены, что рядом была церковь Христа?

— Да, дело в том, что я иногда посещаю приют в районе Ходланд-стрит. — Шарлотта склонила голову к плечу. — С остальными женщинами происходило то же самое?

— Сценарии очень похожи.

— Значит, вы полагаете, что это месть...

— Наверняка сказать нельзя, однако суд с участием Элейн — единственная ниточка, которой связаны все жертвы. — Достав визитку, я передал ее женщине. — Восхищен вашим характером, миссис Манро. Если вспомните что-то еще, пришлите мне записку, договорились?

— Вы его поймаете?

— Поверьте, я последнее время больше ни о чем и не думаю.

Она кивнула и опустила взгляд на свои руки.

— Что случилось, миссис Манро?

— Наверное, вы считаете, что моя репутация подпорчена?

Я удивленно откинулся на стуле, и она, покраснев, добавила:

— Не знаю, что скажет мой муж...

— Ну, по-моему, он будет напутан, но вряд ли изменит свое мнение о вас, — успокоил ее я, вспомнив, что пришло в голову мне, когда Белинда получила письмо от убийцы. — Даже наоборот: скорее всего, мистер Манро станет винить себя за то, что оставил вас в Лондоне без присмотра.

— А ведь вы правы, — удивленно вздохнула Шарлотта. — Так и будет, хотя Эндрю ни в чем не виноват. — Она тронула меня за руку. — Благодарю вас. Я ведь об этом не задумывалась.

Убрав мою визитку в ридикюль, женщина направилась к двери и остановилась на пороге, словно забыла что-то сказать. И все же, постояв несколько секунд, слабо улыбнулась и вышла.

Вскоре дверь вновь отворилась, и в комнату вошел Винсент.

— С кем вы встречались?

— С Шарлоттой Манро.

После краткого пересказа нашего разговора Винсент нахмурился, и я догадался, в чем причина его недовольства.

— Извините, что не послал за вами, сэр. Женщина хотела говорить именно со мной, а я ее даже не признал, пока не начал беседу.

Шеф махнул рукой, и я смущенно продолжил:

— Спасибо, что отрядили вчера людей в район «Клавеллс», иначе я был бы уже мертв. А так... — добавил я, кивнув на плечо, — отделался царапиной.

— Да, я слышан, — ответил Винсент, опершись на спинку стула, с которого только встала миссис Манро. — Кстати, отец Эммы Монтут входит в совет директоров судоходной компании Бэкфордов. А

судья Альберт и адвокат Гриффитс посещают один и тот же клуб — «Адваллер».

— Моррис и Бэкфорды — члены клуба «Клавеллс», — кивнул я. — Гриффитс является адвокатом Форсайта и Бэкфордов.

— Хорошенькую паутину сплели братья, а? — вздохнул шеф. — Другое дело, что я не знаю, насколько все это поможет нам разыскать Прайса.

Две недели назад интуиция повела бы меня в Ламбет. Теперь же я сказал:

— Когда миссис Манро упомянула запах аммиака и колокольный звон, мне сразу показалось, что речь идет о шерстяной фабрике Макоуэна. Она расположена к северу от церкви Христа, и там работают с щелочными растворами для очистки шерсти. Плашкоуты у них есть — перевозят тюки на грузовые суда.

У Винсента загорелись глаза, и он тут же спросил:

— Полагаете, что там Прайс и воровал лодки?

— Вполне возможно. Я знаю старшего на тамошних доках; расспрошу его, все ли лодки на месте. Не исключено, что Прайс какое-то время там работал, так что места вокруг доков ему знакомы. Не возражаете, если я схожу на фабрику? Могу захватить с собой Миллза.

Шеф помолчал, оценивая меня изучающим взглядом.

— Думаю, помощь Миллза не потребуется, если, конечно, вы не считаете иначе. Между прочим, Куотермен хочет после завершения расследования сослать вас в один из участков, а мне его идея отчего-то не по душе. Очень прошу — не давайте ему поводов.

— Через бурелом не полезу, сэр, — пообещал я. Уголки рта Винсента тронула легкая улыбка.

— Удачи вам, инспектор.

ГЛАВА 46

Фабрика Макоуэна была самым крупным и старейшим производителем шерсти на Темзе. Добравшись до верфи, я прошел через боковой вход и приблизился к одному из работников, катившему вверх пустую тележку. Парню едва ли больше двадцати, но физический труд уже сказывается: могучие покатые плечи, красные натруженные руки.

— Где Вустер? — осведомился я.

— Наверное, там, на втором этаже, — указал подбородком парень на меньший из двух корпусов.

Поблагодарив его кивком, я направился к лестнице, поднимавшейся в просторные помещения мансардного этажа, уставившегося на реку рядом окон в освинцованных переплетах.

Вустер стоял у окна, осматривая верфь, и обернулся на звук моих шагов — явно видел, как я вошел на территорию фабрики. Он приветливо улыбнулся.

— Корраван! — с деланным радушием промолвил старый знакомый, подходя ко мне с протянутой рукой, и я ответил на рукопожатие.

— Здравствуй, Вустер.

— Чем могу вам помочь?

— Вопрос несложный. Меня интересует, не пропадали ли у вас последнее время лодки.

— Неужели где-то нашли наш плашкоут? — удивился Вустер.

— Не исключено.

— Что ж, давайте проверим, — пробормотал он, шагнув на лестницу.

Оказавшись на первом этаже, Вустер открыл шкаф, достал журнал и провел пальцем по странице. Мы вышли в зону погрузки, и он махнул рукой:

— Вот это — главный лодочный ангар. Там должно быть двадцать лодок. Четыре сейчас в рейсе.

— Они помечены, пронумерованы?

— Разумеется.

— Точно?

Я приостановился. На трех лодках речная полиция не обнаружила опознавательных знаков; лишь на одной нашли литеру «Т». Я упал духом. Скорее всего, лодки были не с фабрики.

— Клейма мы ставим в секретном месте, сразу не найдешь. Давайте покажу.

Вытащив из кармана связку ключей, Вустер отпер замок. Внутри пахло сырой шерстью, воском и аммиаком. Лодки лежали днищами вверх, и я быстро посчитал: двадцать ячеек заняты, четыре пусты.

— Несколько лет назад у нас стали пропадать плашкоуты. Воры перебивали на них номера, так что мы начали прятать свое клеймо. Буду признателен, если вы об этом никому не расскажете, — попросил он и снял банку с одной из лодок.

Никогда не видел съемных банок, однако здесь все было продумано. Вустер перевернул доску. На деревянной поверхности были выжжены черные символы: «МСО 28». Клеймо глубокое, такое не удалишь, разве что вместе с толстым слоем дерева.

— Они все так помечены?

Вустер кивнул.

— Других лодок у вас нет?

— Есть еще порядка двадцати — они в другом ангаре, выше по течению. Здесь и без них достаточно. Ну, в основном.

Еще один ангар... Мое сердце на секунду сбилось с ритма.

— Ангар такой же?

— Наподобие.

— Его кто-то охраняет?

— Никто. Он заперт, — слегка испугался моего резкого тона Вустер.

Итак, лодочная станция, за которой никто не следит и которой редко пользуются.

— Ключ дашь? — спросил я и сам ощутил волнение в своем голосе. — Через час-другой верну.

Вустер отцепил со связки один из ключей. Я протянул руку, однако он сжал ладонь.

— Послушайте, нас в чем-то обвиняют?

— Вовсе нет, — покачал головой я.

— Будем считать, что я заработал кое-какие льготы? — приподняв брови, осторожно осведомился Вустер.

— Договорились, — кивнул я.

— Вернете Боуэну — это мой бригадир. Узнаете его по красной рубахе.

Ключ перекочевал в мою ладонь, и я отправился вверх по течению.

* * *

Навесной замок давненько не отпирали, поэтому ключ провернулся с большим трудом. Я вошел в ангар. Стены местами подгнили, лодки покрылись пылью; в ангаре воняло. Все ячейки были заняты. Я внимательно осмотрел помещение на предмет недавнего проникновения, но никаких признаков не обнаружил.

Проклятье... Не сомневался, что убийца орудовал именно здесь.

Я вышел наружу, запер замок и опустил ключ в карман. Постоял, рассматривая реку и плывущие в разных направлениях суда. Сотни лодок, тысячи человек, миллионы тонн груза. Тут и те лодки, что не пропадали, толком не найдешь, что уж говорить о паре-тройке краденых. Прислушавшись к плеску воды внизу, я развернулся, окинул взглядом берег и замер.

На следующей верфи красовался еще один лодочный сарай с выцветшей вывеской «Бэкфорд шиппинг». Мне нечасто приходится ощущать себя круглым идиотом. Наверное, этот раз — исключение.

Я со всех ног кинулся к соседней верфи, перескакивая через неровно уложенные доски настила.

Ангар был далеко не в лучшем состоянии — это было заметно невооруженным глазом. Я обошел его снаружи, рассчитывая найти прореху в стене. Обнаружил дыру среди прогнивших досок — под самой крышей, шириной около восьми дюймов. Края пролома заросли черной плесенью. Внизу, там, где стены смыкались с водой, доски покрылись зеленовато-коричневой слизью. Зайдя сзади, я пробежал глазами по стене и покачал обветшавшие доски.

Под моим нажимом подалась одна, затем другая. Сделав шаг назад, я изучил их, задыхаясь от волнения. Гвозди отсутствовали, и

доски удерживали на месте проволочные скобы. Я потряс подозрительную часть стены и толкнул ее, пытаясь аккуратно вытащить ходивший ходуном квадрат.

Наконец в глаза мне бросились веревочные петли, завязанные узлом-восьмеркой. Просунув пальцы в отверстие, там, где доску проела гниль, я потянул часть стены на себя. Образовался довольно широкий проем, сквозь который я шагнул внутрь ангара. Через дыру под потолком просачивался дневной свет, в котором я без труда насчитал пять пустых ячеек. На одну больше, чем рассчитывал, и тем не менее...

Огляделся вокруг в поисках следов борьбы и обнаружил грязный след от мужского ботинка. За щепку в полу зацепился лоскут синей парчи. Вдали зазвонили колокола. «Апельсины и лимоны»...

Я выбрался наружу, стараясь ни до чего не дотрагиваться, чтобы не спугнуть мистера Прайса, и направился обратно на фабрику.

Интересно, работал ли Прайс в компании Бэкфордов? И когда именно: до того, как Элейн попала в их дом, или они с дочерью устроились на службу одновременно? Жуткое было бы совпадение... С другой стороны — возможно, Прайс просто использовал их лодки. В «Бэкфорд шиппинг» у меня знакомых не имелось, спросить не у кого. Но если Прайсу было известно об этом ангаре, то он, должно быть, трудился где-то неподалеку. Может, даже на шерстяной фабрике.

Вернув ключ бригадиру Вустера, я поинтересовался:

— Не припомните работника по имени Прайс? Ему лет сорок пять: сильный, темноволосый мужчина.

К моему удивлению, бригадир кивнул:

— Конечно. Бернард Прайс. Он здесь долго работал.

— А сейчас? — спросил я, затаив дыхание.

— Года два его не видел. Может, даже три. Человек был неплохой, прилично знал реку.

— Не знаете, где его можно найти?

— Захаживал когда-то в «Тетерев и гусак» на Брунsvик-стрит, — фыркнул бригадир.

— Благодарю вас.

Развернувшись, я направился к берегу, но бригадир меня окликнул:

— Вспомнил, у него еще была дочь. Хорошенькая девчонка!

— Точно, Элейн, — остановившись, подтвердил я.

— Да-да, она с матерью иногда приходила к нему, приносили перекусить. Наверняка она вам подскажет, где искать отца, если уж вам так приспичило.

Внутри у меня все перевернулось, но я просто поблагодарил мужчину и вышел за ворота.

* * *

Добравшись до Ярда, я первым делом распорядился установить слежку за лодочным ангаром, затем отправился в госпиталь.

Джеймс сообщил, что в состоянии Стайлза особых изменений не наблюдается. Пока дышу — надеюсь, выдал мне приятель одну из своих латинских пословиц. Воспользовавшись случаем, я попросил его осмотреть мое плечо, и Джеймс, похвалив Гарри за умелую перевязку, наложил четыре шва и сменил нашу самодельную перевязь.

Пора наведаться в «Тетерев и гусак».

Поход результата не принес: Прайса в таверне не видели давно.

Понимая, что уснуть не удастся, я решил погулять. Словно вновь окунулся в то время, когда служил в Ламбете. Патрулируешь район, поглядывая по сторонам, и порой обнаруживаешь человека, которого никак не мог найти.

Даже не могу сказать, сколько миль я прошел по южному берегу Темзы, заглядывая по пути в пабы и пансионы, но через какое-то время набил привычную мозоль на левой ноге. Случайно наткнулся на допоздна открытую аптеку, купил пластырь и, заклеив пятку, продолжил свой путь. Пробыло двенадцать ночи, затем час, а я все шел, впитывая в себя убожество и дурные запахи района, минуя уличные фонари и кучи отбросов. Прайс вернется в лодочный ангар, и все же хотелось найти его, пока он не добрался до следующей жертвы. Как знать? Преступник может оказаться за следующим углом...

Колокола отзвонили два часа, улицы замерли в тишине, и я пошел домой.

Во сне я продолжал свой поход по ночному Лондону, хотя Прайса уже не искал. Извращенная логика ночных кошмаров упорно подсказывала: пока я иду, Стайлз не умрет.

Три следующих дня я посвятил лихорадочным поискам Прайса, каждое утро и каждый вечер находя время для визита в госпиталь. Навещал Стайла, показывал Джеймсу свое плечо, которое быстро заживало. Гарри по вечерам приходил домой, и благодаря ему я нормально ужинал и даже высыпался. Джеймс ошибся насчет температуры Стайла: пошел четвертый день, а она все не спадала.

Наконец наступил понедельник.

Прайс еще не закончил свое дело — в этом у меня сомнений не было.

Я отправил записку Белинде, воспользовавшись услугами разносчика хлеба, и получил лаконичный ответ.

У меня все хорошо, не переживай.

Письмо было без подписи, но почерк Бел я знал. Аккуратно сложив записку, убрал ее в нагрудный карман — поближе к сердцу, словно, сохранив письмо, сохраню и жизнь любимой.

ГЛАВА 47

В понедельник вечером я занял наблюдательную позицию у дома Гриффитсов на Кэндалл-стрит. Можете назвать это поступком импульсивным, но Гриффитс был адвокатом Бэкфордов, возможно — сыграл самую важную роль в судебном заседании, и я не сомневался: Прайс обязательно захочет ему отомстить. Я осторожно навел справки о семействе и выяснил, что с Гриффитсом проживали его жена, дочь и сын. Домашнее хозяйство вели несколько слуг, в том числе две горничные.

Сержант из участка в Мейфэре, отправленный охранять дом, меня в лицо не знал, потому я не стал перед ним раскрываться. Затаившись в тени, понаблюдал за ним. Сержант занял пост на углу напротив дома, как поступил бы и я на его месте. Круг света от уличного фонаря позволял ему следить как за входом в дом, так и за улицей. Вахту полиция несла здесь уже несколько дней, и мне было очевидно: полисмен сомневается, что игра стоит свеч.

Тени обитателей дома мелькали за освещенными, тщательно зашторенными окнами. В восемь вечера из парадной двери появились миссис Гриффитс с дочерью, обе в вечерних платьях. Женщины подошли к подъехавшему кэбу, и мой пульс зачастил. Из укрытия было видно, что кэб около четверти часа стоял на углу, словно кого-то поджидая.

Я одним прыжком выскочил на улицу и закричал:

— Остановитесь! Не садитесь в этот кэб!

Миссис Гриффитс, обернувшись, в тревоге уставилась на меня.

— Что тут происходит?

— Вы вызывали этот кэб? — не дав ей опомниться, спросил я.

— Кэб? — Женщина глянула на меня, как на сумасшедшего. —

Это наш экипаж.

— Семейный?

— А какой же еще? — бросила она.

Я глянул на кучера — молодого сублильного человека с бледным лицом и короткими светлыми волосами, ничем не напоминавшего Прайса.

— Послушайте, — нахмурившись, начал он, и я пробормотал:

— Не обращайтесь внимания. Это недоразумение, простите.

Запыхавшись, подскочил сержант и молча встал рядом.

Девушка испуганно ухватила мать за руку. Надо же, какая ирония: пытаюсь защитить женщин, я лишь нагнал на них страха.

— Я — инспектор Скотланд-Ярда. Нам поступили сведения, что в этой части города жалуются на крайне невежливых кэбменов. Могу я поинтересоваться, куда вы направляетесь?

— К друзьям на ужин, — отрезала миссис Гриффитс. — Еще раз повторяю: это наш семейный экипаж, не наемный.

— Вы их дождетесь и доставите обратно? — глянул я на кучера.

— Разумеется, — ответила за него женщина. — Мы всегда так делаем. Анна, залезай, если мы не хотим опоздать.

Миссис Гриффитс с дочерью забрались в экипаж, и тот загремел колесами по мостовой.

Сержант недовольно и несколько неуверенно посмотрел на меня.

— Извините, — устало сказал я. — Было предчувствие, что человек, которого мы выслеживаем, сегодня может появиться именно здесь.

— Я наблюдаю за домом с четырех часов, — нахмурился полисмен и указал в направлении удаляющегося экипажа. — Через парадный вход, кроме них, больше никто не выходил. Разве что слуги, но мне приказали следить за молодой леди.

— Все правильно.

Я положил руку ему на плечо, чтобы у сержанта не создалось впечатления, что ему не доверяют, и парень смягчился.

— Ну, кучер-то явно им вреда не причинит. Такой и мухи не обидит.

Кучер, частный экипаж... Вряд ли Прайсу удастся убедить женщин сесть в другой кэб после ужина. Впрочем...

До меня вдруг дошло, что секунду назад сказал сержант.

— Точно! — выпалил я. — Он попытается избавиться от кучера, просто сбросит его с коляски! Вот как он хочет добраться до девушки...

Сержант выпучил глаза.

— Кэб, срочно!

Я развернулся вокруг своей оси и бросился на ближайший перекресток.

— Один только что свернул за угол, движется в северном направлении! — крикнул мне вслед полисмен.

— Бегом, выясните, куда они едут! — бросил я через плечо. — Сейчас вернусь!

Сам не пойму, как мне удалось догнать кэб. Прохожие посчитали бы меня безумцем, но на улице вроде бы не было ни души. Или я никого не видел, нацелив взгляд на желтый фонарь экипажа. Поравнявшись с ним, я бешено замахал кучеру.

— Быстро! Едем по Кэндалл-стрит! Гоните, и я заплачу вдвое!

Кэбмен кивнул; я запрыгнул в кабину, и он, развернув экипаж, щелкнул кнутом. У дома Гриффитсов я крикнул:

— Остановите на секунду! — И, обращаясь к сержанту: — Где они?

— Вигмор, двенадцать, — выдохнул тот и сделал несколько шагов к кэбу, однако я приказал кэбмену трогаться, и мы понеслись по улице.

— Ехать коротким путем? — спросил кэбмен.

— Да! То есть нет! Как поехал бы частный экипаж?

— А, понятно!

Колеса застучали по булыжнику, и я ухватился за кожаную петлю, напряженно присматриваясь к каждой коляске, которую мы обгоняли по пути. Светловолосого кучера с короткой стрижкой и тонкими руками не было ни в одном. Разглядывая попутные кэбы, я едва не просмотрел встречный экипаж, на козлах которого сидел крепкий темноволосый мужчина.

Прайс?!

Неужели он уже успел избавиться от кучера?

Я обернулся. Вроде бы тот самый экипаж... Впрочем, таких в Лондоне тысячи.

Решение следовало принять немедленно.

— Кэбмен! Следуйте за тем экипажем! Постарайтесь, чтобы нас не заметили!

— Слушаюсь, шеф! — охотно повиновался кучер.

— Тот человек задумал недоброе, и нам нужно нагнать его где-то в тихом месте.

Я затих, стараясь не мешать сосредоточившемуся на задании кэбмену, и высунул голову в окно, ни на секунду не выпуская из вида экипаж с брюнетом на козлах. Держась немного позади, мы ехали проулками в юго-восточную часть города. Миновали Риджент-стрит, Чаринг-Кросс и двинулись в направлении Стрэнда, держась параллельно Флит-стрит. Пересекли Блэкфрайерс-бридж, держа курс на верфи. С каждым поворотом я все отчетливее понимал, что экипажем действительно управляет Прайс. Мы доехали почти до дома Бэкфордов, и тут коляска Прайса нырнула в переулок и растворилась в темноте.

Как я ни всматривался, желтого фонаря не видел — видимо, преступник нарочно его погасил.

— Следуйте за мной! — чертыхнувшись, приказал я и выпрыгнул из кабины.

Кучер, не задумываясь, соскочил с козел.

— Молодец, парень, — пробормотал я и со всех ног кинулся в узкую улочку.

Там остановился и, затаив дыхание, прислушался. Раздался тихий скрип колес, затем стук подковы по булыжнику. Я метнулся вперед. Кучер не отставал. Ага, вот и Прайс — слезает с коляски. Скользя в тених, я приблизился к брюнету и ткнул револьвером ему в спину. Преступник замер.

— Не пытайтесь сопротивляться, мистер Прайс.

Мужчина хрипло втянул в легкие воздух, и его плечи обмякли. Он согнулся, словно сбрасывая с себя тяжелый мешок. Возможно, мне показалось, но вроде бы Прайс вздохнул с облегчением. Должно быть, вымотался, хотя дело не только в физической усталости.

— Заведите правую руку за спину!

Он повиновался, и я защелкнул на его запястье металлический браслет. Не дожидаясь моего указания, Прайс протянул и левую руку. Надев второй браслет, я крепко ухватился за цепочку наручников и, убрав револьвер, обернулся.

— Кэбмен! Загляните в коляску, скажите, что там?

Он осторожно приблизился к экипажу, посмотрел в окошко и в ужасе отпрянул.

— Две леди, обе мертвы!

— Наверное, он их просто усыпил. Гляньте, дышат ли они.

Кучер, открыв дверцу, нырнул внутрь и через пару секунд выскочил обратно.

— Точно! Просто спят!

— Отлично. Везите их на Кэндалл-стрит. Свое имя и адрес сообщите сержанту. Вам хорошо заплатят за беспокойство. Ваш кэб я пригоню.

— Договорились! — Он нерешительно посмотрел на Прайса. — А с ним что будете делать?

— Это уже не ваше дело, — резко ответил я. — Езжайте же! Доставьте дам домой. Слугам скажете, чтобы вызвали доктора. Должно быть, женщин усыпили хлороформом, так что они вскоре очнутся.

Кучер взобрался на козлы, и я, дождавшись, пока экипаж не повернет за угол, подтолкнул Прайса, стоящего, словно выучный бык под ярмом.

— Вперед, к мосту!

Пару минут мы в молчании шли по мостовой. Не отпуская цепочку, я осведомился:

— Где кучер Гриффитсов?

— Лежит на обочине. Недалеко от их дома.

Значит, слуги его найдут.

— Жив?

— Что ему сделается... Я против него ничего не имею.

Мы добрались до моста, и, сделав пару десятков шагов вдоль каменного бортика, я развернул Прайса лицом к свету. Мне нужно было увидеть его глаза.

Он закашлялся, уткнувшись лицом в плечо, и, вытерев губы отворотом пальто, спросил:

— Вы ведь инспектор Корраван?

— Он самый. А вы — Бернارد Прайс?

— Зачем вы меня сюда привели?

— Знаю, что вас толкнуло на преступление, — тихо сказал я. — Читал материалы судебного процесса...

Прайс вздрогнул всем телом и затих. Дышал он с трудом, однако под пальто перекачивались бугры мускулов, и я похвалил себя: наручники взял не напрасно. Прайс не отрывал от меня черных глаз.

— Это был не суд, а настоящий фарс, — продолжил я.

— Вы правы, черт возьми.

— Разве не проще было убить Бэкфорда? Почему вы взялись за женщин?

— Я и его убил бы, — покачал головой Прайс, отбросив со лба взъерошенные ветром волосы. — Но сперва следовало разобраться с остальными. Я хотел справедливого правосудия. Разве моя дочь его не заслужила? В чем я не прав?

— Мистер Прайс, какое же это правосудие? Несчастные девушки точно не заслуживали подобной участи! Их друзья и женихи убиты горем, и все благодаря вам! Как вы не понимаете...

Он заколебался лишь на секунду, и его глаза вновь запылали гневом.

— У меня не было другого способа проучить мерзавцев! — В лунном свете его черные зрачки поблескивали, словно воды реки под мостом. — Бывают добросердечные люди, которые поймут твою боль, даже если в жизни ничего подобного не переживали. Есть и другие: считают, что, если чего-то не испытали, значит, этого и нет. — Прайс дернул подбородком, указывая на северную часть Лондона. — Эти способны понять лишь язык зла.

Я промолчал, хотя был согласен с Прайсом и порой чувствовал то же самое.

— Вы — человек из Скотланд-Ярда, — продолжил он, бросив на меня обвиняющий взгляд, — и должны знать, что люди думают только о себе.

— Многие, но не все.

— Значит, вы их не презираете? — фыркнул Прайс. — Думаете, их можно изменить? Выходит, вы еще больший глупец, чем я считал.

— Таких, как Бэкфорды, я тоже терпеть не могу. Однако в мире есть и по-настоящему добрые люди, которые заботятся о других.

Прайс недоверчиво усмехнулся.

Под одной из арок моста внизу пропыхтел буксир. Дождавшись, пока он отплывет подальше, я заговорил:

— После смерти моей матери меня подобрала одна женщина — миссис Дойл. Поняла, что мальчику нужен дом. Только ее доброта заключалась не в самом поступке, а в том, как она это сделала. Ни разу не дала мне понять, что я обуза, ни разу не пристыдила, хотя я стал для

ее семьи лишним ртом. Зато благодарила за любую маломальскую помощь, хотя на самом деле я лишь возвращал долг.

— Вам повезло, — пожал плечами Прайс.

Да, мне просто невероятно повезло, и не потому, что ма Дойл меня приютила, а потому, что день за днем показывала, что такое порядочность и милосердие. Я ее так по-настоящему и не отблагодарил, а сегодня был особенно признателен: ма Дойл дала мне прекрасный пример, который поможет здесь и сейчас.

— Расскажите об Элейн, Бернард, — мягко попросил я.

— Можно задать вам один вопрос? — сказал он, опершись о парапет. — Знаете ли вы хороших девушек? Может, у вас есть сестра или, например, племянница?

Мне не слишком хотелось втягиваться в тот разговор, что предлагал Прайс, но в памяти невольно всплыло лицо Элси, и я кивнул.

— Ага. Вот представьте себе вашу девушку. Допустим, она прислуживает в чужом доме, зарабатывает на жизнь. Каждый день встает в шесть утра и трудится до десяти или до одиннадцати вечера. Отдыхает только в воскресенье, и то половину дня. — Его голос надломился. — А теперь представьте пьяного скота, который заявляется домой и насилует вашу девушку на кухонном столе. Угрожает ей ножом и сливает в нее свое злое семя, не переставая посмеиваться — дескать, его жена ей в подметки не годится! Девушка находит в себе мужество предстать перед судом, а ведь рассказать о насилии — все равно что пережить его снова! Моя бедная девочка... Стояла там, выслушивая гнусную ложь: якобы она все спланировала сама, чтобы потом шантажировать своего господина. А все эти мужчины только перемигивались да насмеялись над ней!

Голос Прайса упал до хриплого шепота, и все его тело содрогнулось.

— Сунули ей два фунта и десять шиллингов. Можно подумать, этих денег достаточно! Найти другое место Элейн не светило — не было у нее ни одного шанса на достойную жизнь... Да еще и ребенок от мужчины, который не дал бы на дитя ни фартинга. Знаете, каково сознавать, что ты ничем не можешь помочь?

Прайс не плакал, а у меня защипало глаза. Я представлял себе не только Элейн, но и Элси, и Белинду, и Рейчел. Их образы

перемешивались, на передний план выходил то один, то другой.

— И все же вы могли оказать дочери поддержку, — неуверенно пробормотал я.

— Я умираю, — покачал головой Прайс. — Работал мальчишкой в шахте, доработался до черных легких. На реку устроился уже после. Понимаете? — Он долго изучал меня и наконец продолжил: — Знаю, что у вас на уме. Я убивал, потому что терять мне было нечего. А что мне еще оставалось делать? — взорвался он. — Подумайте сами! Неужели никогда не оказывались в такой ситуации, когда зависите от человека, для которого вы не более чем грязь под ногами?

У него словно появилась чудодейственная способность видеть мое прошлое. Я промолчал, чувствуя себя сбитым с толку, а Прайс, наклонившись ко мне, добавил:

— Как поступили бы вы на моем месте?

Жестокий, но справедливый вопрос. Господи... Надеюсь, мне не пришлось бы в голову убивать юных девушек только для того, чтобы преподать урок их отцам. Впрочем, отомстить Бэкфордам — дело святое, вот только учить подобных людей бесполезно — они ничего не поймут.

Ответа у меня не было. Наверное, Прайс решил, что ему не удалось задеть струнки моей души, и теперь он говорил спокойно и равнодушно:

— В ту ночь Элейн умерла у меня на руках. Не плакала, не из таких она девушек. Ребенком и то слезу пускала нечасто.

— У вас была хорошая дочь, — вздохнул я, и Прайс кивнул. — Вы оставили миссис Манро в живых, потому что она в положении?

— Да. Убивать ее было несправедливо.

Так или иначе, у отца Элейн имелись понятия о порядочности, раз он не захотел причинять зло невинному нерожденному ребенку.

— Начали вы с Роуз Альберт...

— Альберт — судья, — опустил голову Прайс. — С присяжными он говорил так, словно не слышал ни слова из того, что рассказала Элейн.

Сквозь туман на реке пробился скорбный звук береговой сирены, и я подождал, пока не стихнет эхо.

— Что заставило вас укладывать тела в лодку?

Он вздохнул, подавив приступ кашля.

— Я умею писать и читать, но не слишком хорошо. Мелкий шрифт в газетах вообще не вижу. А Элейн грамоту знала отлично. Каждую неделю приносила газету с рассказами о короле Артуре и его королеве да о рыцарских турнирах. Читала мне вслух. В один из своих выходных сказала, что сегодня я услышу особую историю о девушке по имени Элейн, и добавила, что история печальная. В конце рассказа она заплакала: речь там шла о девушке, полюбившей парня, а он о ее любви — ни сном, ни духом. Если моя дочь и могла поплакать, то только после таких вот историй.

По щекам Прайса катились слезы, но он их словно не замечал.

— Умерла она от кровотечения в понедельник ночью, и я вынес ее на реку. Нашел лодку. В темноте проплыл с ней мимо доков, проводил Элейн до Блэкуолл-Рич.

Ничего удивительного, что мы не обнаружили ее тела. Если лодка не застряла на болотистых отмелях, отлив наверняка унес ее в Ширнесс, а затем и в открытое море.

— Потом поцеловал ее напоследок и спрыгнул на берег, — нежно пробормотал Прайс.

Его слова заставили меня расчувствоваться, и все же мне хотелось узнать кое-что еще.

— Как же вы писали письма девушкам?

— У меня есть один приятель — грамоте обучен. А вызнать у слуг, что происходит в доме, совсем не сложно.

— Потом вы усыпляли жертв хлороформом и резали им запястья...

— Запястья — только после смерти, — поднял голову Прайс. — Это лишь малая часть того, что сотворил с моей девочкой тот человек. В конце концов, они должны были понять, что наделали, — умоляюще сказал он.

У меня перед глазами промелькнул образ распростертой на столе Элейн; рядом маячит Бэкфорд с порочной улыбкой, нашептывает что-то девушке на ухо. Спаси меня Господь... Сочувствие к дочери Бернарда Прайса на миг затмило его ужасные преступления. Стрелку душевных весов зашкалило, как бывает на верфи, когда навалишь на поддон слишком много мешков с зерном.

Уравновесить душевные весы невозможно. Как бы ни страдали Прайс и Элейн, смерть и мучения юных девушек оправдать нельзя. И

ничем не поможешь человеку, потерявшему дочь. Осознав тщетность попыток найти решение, я впервые понял, что имела в виду ма Доил, сказав: «Не всегда достаточно признать человека виновным или невиновным, чтобы исправить этот мир». Каков должен быть вердикт суда? Разве есть в этом случае справедливое, устраивающее всех решение? Как может суд найти способы примирения сторон или, тем паче, — искупления вины?

Я стоял на ветру, испытывая тоску за всех, кто пострадал в этом деле, и ощущая отчаянное желание сделать так, чтобы не навредить еще больше, а Прайс будто прислушивался к моим размышлениям.

— Что вы планируете сделать со мной?

Мне в ухо зашептал грозный голос Куотермена: *«Если отпустишь преступника, я тебя уничтожу...»*

— Мистер Прайс, — тихо произнес я. — Если я исполню свой долг, — вам придется предстать перед судом. Вы будете вынуждены рассказать историю Элейн людям, которых ее судьба нимало не заботит.

Его лицо исказила гримаса ужаса. Запрокинув голову, Прайс застонал.

— Я не смогу... Нет, черт возьми, нет!

Его голос поднялся до крика, перешедшего в приступ кашля.

— Отпустить вас я также не имею права.

Прайс затих, кинув на меня изумленный взгляд.

— Мне как-то говорили, что, прыгнув в воду с такой высоты, уходишь без боли, — пробормотал я.

Он судорожно вздохнул, и в горле у него что-то заклокотало.

— Вы... вы меня отпускаете... — устало и в то же время удивленно прошептал Прайс. Он помолчал, склонившись над парашютом и рассматривая водную гладь. — Здесь одно из самых глубоких мест на Темзе.

— Да, мистер Прайс.

— Вам не нужно беспокоиться — с наручниками я точно не выплыву.

— Нет, не выплывете.

— Вас наверняка осудят, если не поверят, что я сбежал, — заметил он, облизав пересохшие губы.

— Вы — сильный, крупный мужчина. Я попытался вас арестовать, но получил удар по голове, после чего вы бросились через парапет. Я не успел вас остановить.

— Почему вы хотите меня отпустить? — подумав, спросил Прайс.

Я заговорил, стараясь тщательно подбирать слова. Выразить мои истинные побуждения оказалось не так просто.

— То, что вы сделали с невинными женщинами, — неправильно. Не просто неправильно; это ужасно. Роуз Альберт, Джейн Дорстоун, Шарлотта Манро и Эмма Монтут были хорошими девушками, любящими дочерьми. Каждая из них — порядочный, душевный человек, пытающийся нести добро в этот мир. Те, кто их любил, никогда не оправятся от горя.

Прайс вздрогнул.

— В то же время... приговор суда девушек уже не вернет, а вы от судебных заседаний и без того натерпелись достаточно.

— А что с Бэкфордом? — задыхаясь, произнес Прайс. — Я ведь не могу...

— С ним я разберусь. Они с братом каждый четверг посещают бордель.

— Да, в Хемпстеде, — кивнул преступник.

— Полиция иногда устраивает там облавы. — Я взял короткую паузу. — И следующая вполне может состояться в четверг.

Прайс слушал, затаив дыхание.

— Если станет известно, чем занимались там Бэкфорды, тюремного заключения им не пережить, — с чувством сказал я. — Можете на меня положиться.

Лицо мужчины разгладилось, и он, пару раз облегченно вздохнув полной грудью, приблизился к парапету.

— Подождите, — остановил его я. — Вы должны меня ударить.

— Верно... — Он отступил на шаг и вдруг застыл на месте, поведя мощными плечами, словно пытался избавиться от наручников. — У вас есть нож?

— Нож? Но я не могу...

— Нет-нет, — нетерпеливо произнес Прайс. — Срежьте медальон у меня с шеи. — Он наклонил голову, показав тонкий кожаный шнурок вокруг горла. — Это ее вещица. Не хочу, чтобы она ушла на дно вместе со мной.

Вытащив нож, я продел лезвие под ремешок и, разрезав его, поймал за концы. В ладонь мне упал оловянный кругляш. Я ощупал его. Похоже на образок — вроде того, что подарила мне Белинда. На моем был изображен Святой Михаил — покровитель полицейских, однако я не стал его носить и хранил дома, в шкатулке. Снова вспомнив слова Бел, я удивился, насколько по-дурацки себя повел, отказавшись от символа помощи.

— Кто здесь изображен?

— Святая Зита, покровительница горничных и домашней прислуги, — тихо сказал Прайс. — Кажется, Элейн она помочь не смогла. Вы сохраните медальон? Я недостойн того, чтобы меня помнили, а вот Элейн...

— Конечно, — сдавленно произнес я, осторожно опустил образок в карман и выпрямился, ожидая удара.

Удар был хорош. Его лоб с размаху врезался мне в голову. Свет на миг померк, и жуткая боль пронзила шею и позвоночник. Я потерял равновесие и, упав навзничь, встал не сразу. Словно в тумане видел, как могучая фигура метнулась в сторону и исчезла из вида.

Как только зрение прояснилось, я с трудом поднялся на ноги и наклонился над парашютом. В лунной дорожке, падавшей на реку, виднелся темный силуэт. Еще миг — и он ушел под воду. Поток сомкнулся и равномерно покатиł свои волны дальше, а бледный серебристый луч, поглотив помеху, вновь протянулся от моста до скрывающегося в темноте берега. В груди у меня образовалась пустота, которая тут же заполнилась страшным сомнением.

Правильно ли я поступил?..

ГЛАВА 48

На следующее утро, едва часы пробили шесть, я отправил записку Кэтрин, сообщив, что преступник найден и им с Белиндой ничего более не угрожает.

В Ярде в такую рань никого еще не было, кроме дежурного сержанта и одного из констеблей.

Снова вторник... Только на этот раз все иначе.

Встав на пороге своей комнаты, я дождался прихода Винсента. Ни разу за то время, что он возглавлял Ярд, мне не приходилось видеть, как шеф утром шествует от входной двери к своему кабинету. Его походка и взгляд были исполнены спокойной уверенности и говорили об уме и сдержанном нраве. Возможно, с самого начала он не признавал моих достоинств, однако и я не отдавал Винсенту должное. Лишь сегодня понял, насколько мой шеф соответствовал своему предназначению, — ведь ему предстояло восстановить доверие общества, отразить нападки Куотермена и ему подобных чиновников и наладить цивилизованный контакт с прессой. Что уж говорить об управлении людьми самого разного происхождения и склада характера...

Заметив меня, он сразу обратил внимание на огромный синяк на лбу и обронил:

— Дайте мне десять минут, мистер Корраван.

— Слушаюсь, сэр.

Сегодня я придерживался субординации как никогда, и шеф задержал на мне внимательный взгляд. Наконец он вошел в свой кабинет, а я вернулся к своему столу. Теперь остается только ждать. Повременив десять минут, я постучался к Винсенту и получил разрешение войти.

Шеф стоял у стола, держа в руке развернутое письмо. Раздеться он так и не успел. Мое появление нарушило его раздумья, и Винсент, свернув листок, шумно выдохнул.

— Пишут из госпиталя. Стайлз пришел в себя, температура спала.

— Слава богу, — воскликнул я, на миг забыв, с чем пришел.

— Сегодня утром у Блэкфрайерс-бридж обнаружили тело крупного темноволосого мужчины в наручниках, — сказал шеф, кивнув на другое письмо, лежащее на столе.

Я изо всех сил сохранял невозмутимое выражение лица, пока Винсент, сняв пальто, пристраивал его на скрипучей вешалке. Наконец он уселся и жестом пригласил меня занять второе кресло.

— Говорят, вы вчера были у дома Гриффитсов? Сержант, дежуривший у входа, сообщил, что вы преследовали их семейный экипаж, а потом прислали его к дому с двумя женщинами в кабине.

— Так точно, сэр. Молодой полисмен не спускал с дома глаз. Именно он и навел меня на мысль, как Прайс планирует захватить миссис Гриффитс с дочерью.

— Стало быть, вы задержали преступника.

Я подробно изложил разговор с Прайсом, кое о чем благообразно умолчав.

— Значит, он признался, — заметил Винсент. — Где вы находились в этот момент?

Ответ у меня был готов еще со вчерашнего вечера.

— На мосту, сэр. Я надел на него наручники. Прайс сказал, что готов говорить, но хочет, чтобы я отошел на несколько шагов, иначе он бросится в реку.

— И вы поверили, что смерть для него ничего не значит? — прищурился шеф.

— Он ведь умирал, сэр. Болезнь «черных легких». Мальчишкой работал в угольных шахтах, и из-за болезни ему было сложно говорить — мешал постоянный кашель.

— Хм. — Винсент задумался. — Шарлотту Манро он оставил в живых ради нерожденного ребенка. Странная для преступника порядочность. Вам так не кажется?

— По-моему, он и был вполне достойным человеком до того дня, как умерла его дочь, да и с тех пор не слишком изменился.

Винсент затих. Похоже, заметил, что я сочувствую преступнику... Впрочем, помолчав, шеф ограничился коротким вопросом:

— Что случилось дальше?

— Я объяснил, что ему придется предстать перед судом за убийства, а он ответил, что скорее умрет. Сказал, что присутствовал на

суде по иску дочери, видел, как над ней смеялись судья и адвокат, и ни за что не желает повторять подобный опыт.

— Понимаю.

— Я сообразил, что, если тотчас не схвачу его, то живым в Ярд не доставлю. Как только Прайс закончил говорить, я сделал шаг вперед и получил такой удар, что полетел на мостовую. — Я дотронулся до огромной багровой шишки на лбу. — А потом преступник прыгнул в сторону, и мне не удалось его удержать.

— Полагаете, что он изначально планировал покончить с собой после признания? — нахмурился шеф.

— Похоже на то, сэр.

— Но зачем? Ведь Бэкфорду он отомстить не успел.

— Пришлось сказать ему, что мы знаем о борделе, — глубоко вздохнул я, — и о том, что подобные проступки преследуются по закону. — Винсент смотрел на меня с непроницаемым лицом, и я добавил: — Если мы не дадим информацию о фамилии преступника в газеты, Бэкфорды не насторожатся и, по обыкновению, в четверг направятся в «Розовый коттедж».

Шеф поднялся и подошел к окну. В закрытый кабинет просачивались обычные утренние звуки: многоголосый говор, гудки плывущих по Темзе судов и скрип дверей из коридора.

— Я распоряжусь насчет облавы, — наконец нарушил тишину Винсент. — Этим займется Миллз. Учитывая то, что случилось с Прайсом, не следует создавать впечатление, что вы вершите суд над Бэкфордами.

Я перевел дух.

— И схватит Миллз только Бэкфордов, — продолжил шеф. — К сожалению, нельзя гарантировать, что во время облавы мы не обнаружим в борделе других влиятельных людей.

— Понятно, сэр, — откликнулся я и поднялся с кресла, надеясь, что главного вопроса удалось избежать.

— Мистер Корраван...

Я снова сел.

— Вы оставили сержанта у дома Гриффитсов и преследовали Прайса в одиночку. — Мы встретились взглядами. — Желали поговорить с преступником с глазу на глаз?

Ответ на этот вопрос я оттачивал едва ли не всю ночь, и он должен был стать предельно честным — как для меня самого, так и для Винсента. Почему я хотел встретиться с Прайсом один на один? Может, потому, что (как говорила Белинда) желал стать спасителем? Намеревался удостовериться в своих возможностях? Не собирался признавать собственную слабость? Вполне возможно... Однако ближе всего к истине был иной сценарий: с момента разговора с Рейчел мое отвращение к преступнику столкнулось с сочувствием к нему. Разумеется, мне требовался рассказ самого Прайса — лишь тогда я мог поставить точку в расследовании. Была и другая причина: я считал, что Прайс должен хотя бы раз поведать историю Элейн человеку, способному прислушаться.

Итак, Винсенту я изложил вполне правдивую версию.

— Боялся, что счет идет на секунды, сэр. Не хотел терять из вида экипаж Гриффитсов. Подозревал, что Прайс может выбросить кучера из коляски, и рассчитывал, что сержант его найдет и окажет помощь.

Наши взгляды вновь скрестились, и этот миг длился долго. Клянусь, в глазах шефа мелькнуло одобрение. Больше того — восхищение. Похоже, оба мы чувствовали одно и то же: правосудие свершилось. Впрочем, вслух мы этого сказать не могли. Винсент отчитается перед комитетом об успешно завершённом расследовании и, не исключено, даст новый шанс Скотланд-Ярду.

— Вы проявили настоящее мастерство, — заметил шеф, постучав пальцами по столу. — Хотелось бы надеяться, что в следующий раз вы сделаете все возможное, чтобы получить признание преступника на суде. Так или иначе, рассказ ваш совпадает со словами сержанта. От меня не укрылось, что вы приложили огромные усилия, обуздав свою обычную горячность. — Он откашлялся, улыбнувшись краем рта. — Итак, прошу подготовить письменный отчет в точности, как вы только что мне его изложили. На этом все.

— Благодарю вас, сэр.

Я вышел из кабинета и, прикрыв дверь, прислонился к косяку.

В следующий раз... Следующий раз обязательно наступит.

ГЛАВА 49

Ближе к обеду я отправился в госпиталь к Стайлзу. Тот настолько пришел в себя, что сестры сочли возможным вывезти его в кресле-каталке на террасу, где уже прогуливались под весенним солнышком несколько пациентов — кого-то поддерживала медсестра, другие бродили самостоятельно, опираясь на палочку. К моему удивлению, рядом со Стайлзом сидела Мадлен, держа на руках грудного ребенка. Не желая их беспокоить, я спрятался за угол.

— Спасибо за помощь, миссис Бэкфорд, — одобрительно сказала одна из медсестер. — Хорошо, что вы дали миссис Кипп возможность немного передохнуть.

Мадлен удовлетворенно улыбнулась.

Стайлз наклонился в ее сторону, и она, бросив на молодого инспектора застенчивый взгляд, снова занялась младенцем. Странное чувство я испытал, глядя на эту троицу. Из них получилась бы хорошая семья. Стайлз похудел, был небрит и бледен и все же производил впечатление любящего отца, сидящего бок о бок с нежной матерью. Разумеется, я дал волю воображению, и все же... Медсестра и Стайлз взирали на Мадлен с доброй улыбкой, а ее забота о ребенке выглядела вполне искренней. У меня полегчало на душе. Оба явно шли на поправку.

Я обернулся в поисках Джеймса. Пора рассказать приятелю, что дело закрыто и миссис Бэкфорд наконец сможет спокойно вернуться домой.

* * *

Облава в «Розовом коттедже» под руководством Миллза прошла безупречно. Двадцать четыре человека были пойманы с поличным в таких ситуациях, которые грозили им громким скандалом и лишением свободы. Впрочем, неумелые действия полисменов привели к тому, что двадцати двум полураздетым мужчинам удалось сбежать через черный ход. Задержали всего двоих. Стивен и Роберт Бэкфорды предстали

перед судом по обвинению в насильственных действиях в отношении пяти несовершеннолетних девочек, каждой из которых не исполнилось и одиннадцати. Развратников осудили на тринадцать лет тюрьмы без права на помилование.

* * *

Пока Миллз готовил облаву на «Розовый коттедж», я нанес два визита: Томасу Флинну, который занял добрых два часа, и миссис Манро.

К последней я обратился письменно, спросив, удобно ли ей будет со мной встретиться. От нее пришел ответ: сегодня вечером. Шарлотта упомянула в записке, что ей тоже чрезвычайно хотелось бы со мной поговорить. Оно и понятно.

Мы расположились в ее гостиной, и мне предложили на выбор чай или кофе.

— Крепких напитков мы не держим, — извинилась она.

Разумеется, в доме миссис Манро не намерены были следовать дурному примеру доктора Форсайта.

— Если можно, кофе.

Шарлотта вызвала служанку, и я невольно вспомнил тот день, когда сидел в другой гостиной, а Люси Марлинг строчила карандашом в моем блокноте. Словно несколько месяцев прошло...

Служанка принесла поднос и оставила нас наедине. Миссис Манро улыбнулась. Синяки с лица ее еще не сошли, и глухое платье с длинными рукавами прикрывало шею и запястья. И все же она светилась от радости, от счастья, которое испытывает любая женщина, носящая под сердцем ребенка. А ведь я когда-то посчитал ее не слишком симпатичной...

— Мой супруг уже собирается домой, — сказала Шарлотта. — Приезжает в следующую субботу.

Между нами повисла неловкая тишина, и меня не в первый уже раз посетила мысль: начинать разговор об убийстве всегда нелегко.

— Решил навестить вас, поскольку наше расследование завершено, — наконец заговорил я.

— Так и подумала, когда пришла ваша записка, — ответила миссис Манро, поставив чашку, — хотя в газетах об этом не было ни слова.

— Мы решили ничего не сообщать в прессу до завтрашнего дня. По разным причинам: в этом деле есть несколько весьма печальных нюансов, — осторожно объяснил я. — Тем не менее, мне хотелось, чтобы вы были в курсе, поскольку ваша роль в раскрытии преступлений оказалась исключительно важной.

— Рада, что сумела помочь. — Она откинулась в кресле, пристроив чашку с блюдцем на коленях. — Итак, мотивом убийств стал судебный процесс, как вы и предполагали?

Я рассказал ей всю историю от начала до конца, почти ничего не опустив.

Миссис Манро слушала спокойно и внимательно, пока я не дошел до самоубийства Прайса. Как бы я ни был уклончив, Шарлотта немедленно меня раскусила.

— Значит, вы его отпустили...

Я едва не начал оправдываться, но глянув в глаза миссис Манро, не заметил в них ни гнева, ни тревоги, с которой смотрел на меня Винсент. Напротив, Шарлотта взирала на меня с восхищением.

— Не могу понять, миссис Манро... Преступник причинил вам страдания, угрожал вашей жизни и вашему еще не рожденному ребенку, а вы не стремились его наказать?

— Ах, инспектор, — мягко сказала она, поставив чашку на столик. — По-моему, навредить другим стараются лишь глубоко несчастные люди. А что до страданий... Нам всем так или иначе приходится с ними сталкиваться. Вы увлекаетесь поэзией, мистер Корраван?

Вспомнив, как мы с Белиндой, облаченной в пеньюар, читали поэму, я ощутил тоску. Боже, надеюсь, это было не в последний раз...

— Иногда почитываю.

— Мэттью Арнольд написал чудесное стихотворение — «Дуврский берег», как раз о постоянном сражении с болью. Не слышали о нем?

Я покачал головой, и Шарлотта продолжила:

— В последних строках он говорит:

Мой ангел, я молю, чтоб мы
Верны друг другу были в мире, что лежит
Пред нами, что жизнь волшебную сулит...
Увы, нет в мире том ни веры, ни весны,
Ни радости, ни света, ни покоя,
И без любви нам боль не утолить...

— Звучит безнадежно, — хмыкнул я.

— Ничего подобного! — воскликнула миссис Манро. — Мистер Арнольд говорит, что мир полон смятения и вражды, однако лучшим лекарством для лечения этой болезни является любовь.

В глазах Шарлотты светился глубокий ум, а говорила она столь искренне, что я вновь подумал о Белинде. Внутри меня что-то всколыхнулось, словно лодку подкинуло на волне. Что-то сместилось в моей душе.

— Понимаете, что я хочу сказать? — Миссис Манро улыбнулась, машинально положив руку на живот. — Мир без любви не имеет смысла...

ГЛАВА 50

Еще не пробило девять утра, а я уже стоял у крыльца дома Кэтрин. Служанка Сара выглянула в окошко и охнула, прижав руку ко рту.

Через секунду дверь распахнулась.

— Здравствуйте, Сара. Помните меня?

Девушка кивнула, и ее лицо осветилось улыбкой.

— Конечно, мистер Корраван! Кстати, мы с утра читали «Фалкон». Оказывается, убийцу поймали? Мисс Гейл была так рада! Мы все счастливы.

— Она дома?

— Проходите, я сейчас за ней сбегаю.

— Спасибо, Сара.

Я прошел в гостиную и встал у окна, посматривая на улицу. Утреннее солнце бросало теплые золотые лучи на здание напротив жилища Кэтрин. Сзади раздался шелест платья, и я обернулся.

— Здравствуй, Майкл, — тихо сказала Белинда.

Я стоял, не отрывая от нее взгляда. Выразительные глаза, мягкий овал лица, нежные губы... Мое горло сжало спазмом, и я нерешительно шагнул к любимой.

— Бел, я был таким ослом, прости... Знаешь, мне нужно... то есть я хочу обо всем тебе рассказать. Ты это заслужила, как никто другой.

Она махнула рукой в сторону дивана, и мы уселись лицом друг к другу.

— Ты была права, когда сказала, что я трус.

— Ох, Майкл... — вздрогнула Белинда. — Не следовало мне так говорить. Я была расстроена и обижена. Злилась на тебя...

— И все же ты не ошибалась, — прервал ее я и замолчал, подыскивая слова. — Много лет назад, когда мне пришлось сбежать из Уайтчепела, я решил: никогда больше не позволю себе бояться, никогда больше не попаду в зависимость от чьей-то доброты.

Она кивнула.

— Ты правильно тогда сказала: став инспектором полиции, я вообразил, что наделен силой свыше, позволяющей справиться со злом

и жестокостью. — Я покачал головой. — Конечно, ничего подобного. Никто не наделен такой властью, разве что ее крохами. Какие бы я ни прилагал усилия, страх из себя мне изгнать не удалось. Я понял это в тот день, когда тебе пришло письмо с угрозами.

— Майкл...

— Позволь мне закончить. Отчет о расследовании, который ты прочла в газете, далеко не полон. Мы не могли сообщить обо всех частностях — следовало дождаться определенных событий. Хочу тебе рассказать, почему Прайс напал на женщин. История началась с его дочери, девушки по имени Элейн.

Белинда слушала молча, не сводя с меня изумленного взгляда. Пришлось опустить наиболее жестокие подробности из материалов судебного заседания и рассказа Рейчел. Не хотел, чтобы Белинда об этом думала. Я и сам желал их поскорее забыть. Тем не менее, к концу моего повествования Бел сидела, еле дыша и сжав кулачки так, что побелели костяшки пальцев.

— Выслушав Прайса, я понял, что он мало чем от меня отличается, — закончил я.

— Что ты говоришь, Майкл! — в ужасе воскликнула Бел. — Его поступки не имеют никакого оправдания. Ты никогда бы так не сделал...

— Надеюсь, что нет. И все же знаю точно: окажись ты на месте Элейн или Рейчел, я в своей мести не остановился бы ни перед чем.

Бел взяла меня за руку, и я крепко сжал ее ладошку.

— Знаешь, я ощутил точно такую же ярость, как и отец несчастной девушки. Мне ведь приходилось испытывать подобные чувства, — когда сталкиваешься с человеком куда более могущественным, чем ты сам, и ему плевать на твои страдания.

— Понимаю, Майкл.

— Вот и я понял Прайса. Ему хотелось, чтобы эти люди испытали ту же боль, что причинили его дочери. Он желал поставить их на свое место, надеялся, что они осознают жестокость своих поступков.

— Месть ведь не всегда сводится к тому, чтобы причинить вред самому обидчику, — медленно проговорила Белинда. — Иногда действительно нужно просто заставить человека осознать свою вину. И если словами этого не добиться...

— Ни словами, ни судами, — вставил я. — И тогда остается иной способ призвать виновного к ответу.

— И все же это нельзя назвать справедливым правосудием, — встревоженно заметила Бел.

— Нельзя, — признал я. — Однако в суде такое дело не разрешить. Ведь история, которую Прайс мог рассказать на процессе, касалась бы исключительно отцов погибших девушек.

В глазах Белинды засветилось понимание.

— Поэтому ты и сообщил мистеру Флинну о добрых делах, которыми занимались Роуз, Джейн и другие девушки. Он посвятил им большую часть статьи.

— Ну да.

Мы погрузились в раздумья, и наконец Бел вздохнула:

— Как же все это грустно...

— Да, Бел. Я до сих пор не уверен, что поступил правильно, но снова и снова пытаюсь понять, как мог бы суд вынести сколько-нибудь справедливый вердикт, и не нахожу такого решения.

— Наверное, его и вправду нет, — ответила Белинда. — Ты поступил милосердно, а суд на такое не способен.

Я остановил взгляд на наших сплетенных руках.

— А ты, Бел? Ты будешь ко мне милосердна? — Я старался говорить непринужденно, хотя от ответа любимой зависело слишком многое. Она промолчала, и я тихо добавил: — Бел, ты была крутом права, но я стараюсь. Клянусь, я хочу измениться.

— Майкл... — нежно прошептала она, и я, набравшись смелости взглянуть ей в глаза, хрипло произнес:

— Хотел бы просить, чтобы, ты приняла меня обратно, только я этого не заслужил... Я твой, Бел, что бы ты обо мне ни думала.

Белинда бросила на меня озадаченный взгляд, затем в ее глазах мелькнуло понимание, и она с легкой улыбкой покачала головой.

— Как же я могу принять тебя обратно, если мы не расставались? Я задохнулся.

— Бел...

Она упала в мои объятия, и заговорить снова мы смогли нескоро.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Книгу эту я начала девять лет назад, в 2012-м, прочитав реальную историю молодой женщины, столкнувшейся с жуткой несправедливостью американской судебной системы. История меня зацепила, и я предложила идею детективного романа моему замечательному агенту, Джошу Гетцлеру из «HG Literary», предупредив его, что будущая книга будет отличаться от иных моих произведений. Вместо рассудительной девушки, взявшей на себя роль сыщика-любителя, я вывела в книге образ ершистого инспектора Скотланд-Ярда, бывшего участника кулачных боев, подрабатывавшего в порту и вышедшего из убогого Уайтчепела. «Замечательно! — ответил Джош, — жду не дождусь, когда смогу почитать!» И я приступила к работе.

Как и в каждой моей книге, здесь не обошлось без викторианских чаепитий и экскурсов в историю. Меня нередко спрашивают: где в книге правда, а где вымысел? Кратко отвечаю на этот вопрос. Если вам требуется более подробная информация, можно заглянуть на мой сайт.

Во-первых, в самом деле, в 1877 году четверых инспекторов Скотланд-Ярда судили за взяточничество и коррупцию. Осудили троих, приговорив их к тюремному заключению и исправительным работам. Доверие населения к Скотланд-Ярду было подорвано. Комитет по оценке состояния, порядка и организации детективной службы лондонской полиции (в викторианскую эпоху обожали длиннющие названия комитетов) начал расследование, продлившееся два месяца, после чего Скотланд-Ярд был преобразован в Департамент уголовного розыска. На должность начальника назначили Фредерика Адольфуса Вильямсона, а затем, в 1878-м, его место занял новый директор — Говард Винсент. Я не стала упоминать мистера Вильямсона, посчитав, что фигура мистера Винсента куда лучше подходит на роль антагониста главного героя, Майкла Корравана. В реальной жизни, как и в романе, мистер Винсент был довольно молодым человеком с хорошим образованием, вторым сыном баронета. Винсент успел поработать корреспондентом в «Дейли

Телеграф» и никогда ранее не служил в полиции. Разумеется, его стычки и беседы с Корраваном — чистой воды вымысел.

Нередко думают, что первым серийным убийцей стал Джек-Потрошитель, однако еще до 1888 года в Европе было известно о нескольких десятках подобных преступников, в частности, о немке Геше Маргарет Готтфрид (1785–1831), отравившей мышьяком пятнадцать человек. Знаем мы и о французе Мартине Дюмолларе (1810–1862), признанном виновным в смерти двенадцати женщин в период с 1855-го по 1861-й и казненном на гильотине. Вспомним также французскую служанку Элен Жегадо (1803–1852), отравившую мышьяком уже тридцать шесть человек. Британская портниха Мари-Энн Коттон отравила двадцать человек (в основном своих же мужей и детей) и была повешена в 1873-м.

Полиция викторианской эпохи имела весьма напряженные отношения с прессой, что и отражено в диалогах Корравана с Томом Флинном из «Фалкона» (название вымышлено) и Джоном Фишелом из «Бикона» (и такой газеты не существовало). Говард Винсент, написав в 1879 году справочное пособие «Кодекс полиции», указал:

«Ни под каким видом полиции не следует предоставлять сведения джентльменам, связанным с прессой, тем более, если такие сведения представляют собой специальную информацию, данные о должностных обязанностях и внутренних приказах; не следует вступать в общение (прямо или косвенно) с редакторами или репортерами газет по любым вопросам, связанным с государственной службой, без особого на то разрешения... Малейшее отклонение от данного правила может полностью расстроить процесс правосудия».

Как я писала на страницах книги, «Рейнольдс» частенько выставляла полицию в невыгодном свете:

«Скотланд-Ярд упорно использует любые возможности, чтобы побудить своих полисменов фальсифицировать обвинения, в связи с чем те, кто добивается большего количества обвинительных приговоров, получают особое вознаграждение» (1880).

В романе присутствует большое количество реальных персонажей, в том числе владелица борделя Мэри Джеффрис и зловещий Джек «Скелет» Броган из Севен Дайлс. Одиозная Анни Безант, чье присутствие на вечеринке у Белинды спровоцировало проникновение со взломом в ее дом, на страницах романа

способствовала встрече Корравана и Белинды. В реальной жизни она опубликовала книгу по контролю за рождаемостью, вследствие чего ее с соавторами судили в июне 1877 года. Ювелир Мари-Этьен Нито — также исторический персонаж — действительно основал компанию «Шоме». Мошеннические операции с чаем и другими продовольственными товарами стали серьезным поводом для внесения изменений в законодательство в течение 1860–1875 годов. Впрочем, не всегда данное законодательство применялось успешно. Доктрина, предусматривающая, что человека нельзя судить дважды за одно и то же преступление, существовала в течение восьмисот лет и отменена была лишь в 2005 году.

Надо сказать, что я позволяла себе некоторые вольности. Штаб речной полиции и в самом деле располагался на Уоппинг-стрит, Блэкфрайерс-бридж действительно связывает северный и южный берега Темзы. Церковь же Божией Матери-скорпомощницы в реальной жизни находилась не в Ламбете, а в Фулхэме, причем возвели ее только в 1922 году, однако мне так понравилось название храма, который пытался оказывать помощь прозябавшим в нищете молодым женщинам, что я использовала его в романе. Прототипом «Седдон-холла» послужил санаторий «Холлоуэй» в Суррее, построенный в 1873–1885 годах, так что во время событий, описанных в моей книге (1878 год), он еще строился. Все клубы, перечисленные в романе, — «Пембертон», «Клавеллс» и «Адваллер», — выдуманы, однако в книге присутствовали и вполне реальные заведения, многие из которых продолжают функционировать на Пэлл-Мэлл. Хаттон-гарден действительно является районом ювелиров, хотя многие названия улиц, встречающиеся на страницах романа, — плод моей фантазии.

Тем, кто интересуются историей, я готова сообщить о некоторых источниках, которыми пользовалась в работе. Если в тексте встречаются ошибки — это целиком и полностью моя вина. Так, например, я изучала блестящую книгу Х. Шпреер-Макова «Зарождение детективного дела: сыщики в период викторианской и эдвардианской Англии». Помогли мне и некоторые другие работы: «Добрые старые деньки: преступления, убийства и погромы в викторианском Лондоне» Джильды О'Нейл, изобилующая фактическим материалом из старых выпусков «Таймс» и иных

изданий; «Изнасилования и правосудие в викторианской Англии» Каролин А. Конлей, опубликовано в «Исследованиях викторианской эпохи», 29.4 (1986): 519–536; «Медицинские улики совершенного преступления», Корнхилл 7 (1863): 338-18; «Занятость и нищета в Лондоне» Генри Мейхью; «Темза: биография» Питера Экройда; «Водостоки: в поисках прошлого на берегах Темзы» Лары Мэйклем; «С отливом вниз по реке» Чарльза Диккенса — опубликовано в «Домашнем чтении» (1853); «Город восторга и ужаса: рассказы о сексуальном насилии в Лондоне в конце викторианской эпохи, проституция и викторианское общество; женщины, классовое общество и государство» Джудит Р. Валковиц.

Благодарю Найджела Тэйлора из Национального архива за информацию по центральному уголовному суду и предоставление судебных архивов, а также Сюзан Фенвик, администратора канцелярии компании «Уотермен и Лайтермен, Темза».

Я глубоко признательна Джессике Ренхейм, Мелиссе Рехтер, Мэдлин Рэтл, Ребекке Нельсон, а также всей команде «Crooked Lane Books», влюбившейся в Майкла Корравана и помогавшей мне завершить книгу. Работать с этими людьми, фанатами загадок истории — настоящая мечта. Организация процесса, великодушие и потрясающее общение — все на высоком уровне. Спасибо Приянке Кришман, моему первому редактору, которая приняла риски сотрудничества с начинающим автором, Джошу и всем остальным в «HG Literary» за неослабевающую поддержку на протяжении многих лет.

Одним из несомненных (хотя и не самых явных) бонусов для автора является возможность встречаться с людьми по всему миру, которые любят книги не меньше меня. Я бесконечно благодарна всем, кто давал теплые отзывы на мои предыдущие книги «A Lady in the Smoke», «A Dangerous Diet» и «A Trace of Deceit». Среди них — бесчисленные читатели и авторы (работающие не только в области детективных загадок), издатели, книготорговцы, книжные клубы, библиотечные работники, блоггеры и букстаграммеры, критики, организаторы и участники конференций, а также члены профессиональных сообществ (в частности, «Мистические писатели Америки» и «Сестры-детективщицы»). Особое спасибо Барбаре

Петерс и всей команде «Poisoned Pen Bookstore» из старого Скотсдейла. Там мой литературный дом.

Также благодарю Филипа Пэйна и К. Т. Тирни из галереи «Антикус» за потрясающую поддержку. Признательна всем книжным клубам и их лидерам за помощь в организации авторских мероприятий, спасибо тем, кто обеспечил их успех. Это Дебби Арн, Пэтти Бруно, Жюль Катанья, Пегги Чемберлен, Робин Чу, Донна Кляйнман, Лиза Дейлиер, Билл Финли (из Книжного фестиваля Тусона), Энн Флоранс, Дениз Гэнли, Хэнк Гарнер, Аманда Гузен, Нэнси Гаггедал, Эллисон Ходжсдон, Дениз Кантнер, Рут Либед, Кристи Марулис, Мелисса Орлов, Филлис Пэйн, Рибел Райс, Лаура Шварц, Лори Стипп, М. Б. Томас, Эллен Трахтенберг (из «Narbeth Bookshop») и Дана Трибке (из Государственного университета Аризоны).

Благодарю всех блоггеров, радушно меня принявших, а особенно — Дэйну Линтон, Мелиссу Макаревиц и Синди Спир, которые были моими горячими сторонниками. Спасибо друзьям из среды авторов, также поддерживавшим мою работу, — Шэннон Бейкер, Рис Боуэн, Дениз Кейси, Сюзан Элиа Макнил, Энн Перри, Роузмари Симпсон и Джудит Старкстон.

Как и любая из предыдущих моих книг, «Вниз по темной реке» с самого начала несколько раз меняла форму, что по большей части связано с откликами от моих первых читателей и экспертов, с которыми я постоянно консультировалась. Огромная благодарность тем, кто советовал и читал первые наброски романа: Энн-Мари Аккерман, Сюзан Колкинс, Кейт-Финк Чизман, Венди Клаус, Мэйзи Кокрэн, Мэйм Кадд, Тейми Дайрики, Джулиан Дуглас («Сестра-ведьма» № 1), Эндрю Фишу, Мэрайе Фредерикс («Сестра-ведьма» № 2), Джейн Гарретт, Кристин Гриффин, Клаудии Гутвирт, Джули Ларреа, Ивэну Лейбнеру, Дженнифер Лутенс, Мими Мэттьюз, Кэти Макэвой, Невин Меликьян, Барри Миллиган (которая поймала меня на некоторых несоответствиях), Энни Морган (за бесценные советы по поводу названия), Стефани Пинтофф, Роджеру Руджери (особое спасибо за подсказку насчет имени протагониста), Нове Сан, Аните Вайсс и Энн Вилсон. Особое спасибо моему веб-дизайнеру Аманде Стефанссон за создание чудесного сайта и за помощь по его навигации. Спасибо Биллу Полито, моему преподавателю английского,

который много лет назад подсказал, что мне следует писать. Образ репортера Тома Флинна — это дань уважения Биллу. Сердечная благодарность моей матери, Дотти Лутенс, и свекрови — Нэнси Одден, за любовь и поддержку.

И, наконец, как всегда, я признательна моему мужу — Джорджу, дочери Джулии, первому моему читателю, и сыну — Кайлу, а еще моему старенькому биглю — Розе, моей музе, дремавшей в рабочем кресле. Без вас ничего не получилось бы. Вы — прилив, который несет мой ялик по течению.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ В КНИЖНОМ КЛУБЕ

1. Согласно юридической доктрине «статуса замужней женщины», распространенной в семидесятых годах девятнадцатого века, подавляющее большинство английских женщин теряло гражданскую правоспособность с момента выхода замуж. Им запрещалось иметь в собственности имущество, подавать на развод, голосовать. Таким образом, женщина лишалась права управлять своими финансами и отношениями в браке, не говоря уж о государственных вопросах. В настоящей книге Мадлен, Рейчел и Элейн являются жертвами домашнего и сексуального насилия и все же действуют и мыслят так, что оказывают влияние на события. Что вы думаете о решении Рейчел рассказать правду Корравану и в то же время воздержаться от выступления на суде? Как вы считаете, почему Мадлен сумела рассказать о происшедшем не на английском, а на французском? Приведите примеры ситуаций, в которых женщины демонстрируют свою силу, как высказываниями, так и иным образом.

2. У Прайса и Корравана имеются общие черты: оба они — физически сильные мужчины, оба работали в порту и терпели лишения. Чем можно объяснить различия их характеров? В какой степени сходство главных персонажей заставило Корравана ощутить сочувствие к Прайсу во время сцены на Блэкфрайерс-бридж (глава 47)?

3. Сегодня мы склонны считать Скотланд-Ярд элитным подразделением лондонской полиции, но в 1878 году, после суда над детективами, в народе сформировалось стойкое отвращение к Скотланд-Ярду и его детективам в штатском. Потребовались годы, чтобы преодолеть подобное отношение. Как, по-вашему, отражались на Скотланд-Ярде действия парламентского наблюдательного комитета, статьи в газетах и поведение инспекторов уголовного розыска? Каким образом политический климат и общественные отношения создавали условия для воссоздания доверия к Скотланд-Ярду? Видите ли вы какое-либо сходство с нынешней ситуацией?

4. Являясь профессиональным писателем, Белинда Гейл выбивается из общего ряда, ведь в викторианской Англии женщины

занимались литературой крайне редко. Можно выделить разве что Джорджа Эллиота (псевдоним Мэри-Энн Эванс), сестер Бронте, Элизабет Гаскелл, Маргарет Олифант, Джеральдину Джусбери и миссис Генри Вуд (ее сенсационный роман «Замок Ист-Линн» продавался куда лучше, чем произведения Чарльза Диккенса). Как повлияла на жизнь Белинды ее литературная карьера? Насколько Белинда отличалась бы от выведенного в романе образа, будь она праздной наследницей большого состояния? Не кажется ли вам, что профессия Белинды предопределяет ее стиль мышления и поведения? Если да, то каким образом?

5. Роли прессы и полиции в викторианской Англии были тесно переплетены. В сегодняшнем мире газеты не только публикуют новости; они их еще и сочиняют и придают сенсациям определенную форму. Корраван, Том Флинн и Джон Фишел, рассказывая и публикуя свои истории, используют различные методы и преследуют разные цели. Опишите применяемые ими модели достижения истины. Отдает ли Корраван отчет своим невольным склонностям и поставленным перед собой целям, и как они воздействуют на ту реальность, что он пытается построить? Какие этические ценности лежат в основе излагаемых этими персонажами историй? Можете ли вы провести параллель с нашим временем?

6. На отношения между начальником речной полиции Блэром и Корраваном негативно влияет давний конфликт. Считаете ли вы, что Корравану не следовало откровенно говорить с Блэром перед увольнением? Оправдано ли желчное отношение Блэра к своему бывшему протеже? Корраван повзрослел, набрался опыта. Повел бы он себя иначе в ситуации с убийством Кевина Уолша спустя пять лет?

7. После двухсот пятидесяти лет жизни под игом Британии в 1858 году в Ирландии образовалось «Ирландское республиканское братство» (впоследствии его членов стали называть фениями), поставившее себе целью достижение независимости страны. На фоне слухов о всеобщем вооруженном восстании в 1867 году (за десять лет до событий, описываемых в романе) фении взорвали тюрьму в Кларкенуэлле, пытаясь освободить из заключения одного из своих сторонников. При взрыве погибло не меньше десяти лондонцев, еще сто двадцать получили ранения. В «Таймс» отозвались об этом акте как о беспримерно жестоком преступлении. Ряд историков называет

этот взрыв началом современного терроризма. Жители Лондона, испытывая страх и гнев, перенесли отношение к террористам на всех ирландцев без разбора. Как вы расцениваете роль этого предрассудка в обществе, описанном в романе, как он сказался в Уайтчепеле, Скотланд-Ярде и в Англии в целом? Можете ли провести параллели с сегодняшним днем?

8. Темза с ее излучинами и приливами частенько упоминается в качестве символа человеческой жизни, ее вечного обновления и развития. В начале романа Корраван говорит, что многие воспринимают ее как артерию города, сам же инспектор видит в ней «выгребную яму, мусороприемник для отходов большого города, грязную гадюку, неслышно скользящую сзади». Как рассматриваете Темзу вы? Сложилось ли у вас по итогам прочтения книги восприятие реки как объединяющего символа времен викторианского периода, несущего в себе такие ценности, как милосердие, справедливость или образ мышления? Или вы считаете Темзу олицетворением надежды и в то же время страха?

9. В главе 35 Белинда обвиняет Корравана в трусости — не в физическом, но в эмоциональном смысле. Считаете ли вы, что она справедлива в подобной оценке? Обоснуйте свое мнение. Корраван позже признает, что Белинда была права. Не показалось ли вам, что события, описанные в романе, позволили Корравану усвоить уроки Бел?

10. И Белинда, и Джеймс полагают, что Корраван и Гарри похожи: оба умны, оба сироты, оба налегке вышли из Уайтчепела и не хотят, чтобы их считали обузой. Не кажется ли вам, что Гарри способствует нравственному развитию Корравана на протяжении всей книги? Помог ли Корраван Гарри повзрослеть?

11. Мы встречаем в романе три разных учреждения здравоохранения: приют Холмдел для душевнобольных, здравницу «Седдон-холл» и госпиталь Святой Анны. В те времена медицина была далеко не так развита, как сейчас. Что вы скажете с позиций сегодняшнего дня о разнице в методах лечения, применяемых в каждом из упомянутых заведений?

12. Лондонские клубы для джентльменов служили неким продолжением профессиональной принадлежности их членов к юриспруденции, медицине и парламентской деятельности. Сегодня мы

назвали бы их «социальной сетью старых друзей». У женщин клубов не было. Находили ли они иные способы для общения? Насколько важны такие места, как пабы, магазины и даже улицы в отношении образования мини-сообществ и развития социальных перемен?

13. Винсент Говард во многих смыслах является антиподом Корравана. Оба молоды и умны, однако Винсент — второй сын баронета, прошедший обучение в частной школе; ранее служил репортером, никакого опыта работы в полиции не имеет. К концу романа их отношения радикально меняются: от противостояния они переходят к взаимному уважению. Что этому способствовало? Имеет ли место их взаимное влияние друг на друга?

14. Во время кульминационной сцены на Блэкфрайерс-бридж Корраван вспоминает слова ма Дойл: «Не всегда достаточно признать человека виновным или невиновным, чтобы исправить этот мир». Испытывая противоречивые чувства, он решает действовать таким образом, чтобы причинить наименьший вред. Прав ли был Корраван, позволив Прайсу свести счеты с жизнью? Какой еще компромисс мог он отыскать, если желал придерживаться собственных идеалов и ценностей Скотланд-Ярда и гражданского общества? Какую роль играют сочувствие, наказание и прощение в исполнении должного правосудия? Где пересекаются правосудие и милосердие? Какие факторы определяют подходы к правосудию в определенную эпоху или в определенной культурной среде?

В 1878 ГОДУ НА УЛИЦАХ ЛОНДОНА ОБЪЯВЛЯЕТСЯ
СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА.
КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ В ТЕМНЫХ ВОДАХ ТЕМЗЫ ДВИЖЕТСЯ
ЛОДКА С ТРУПОМ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ.
ИНСПЕКТОР МАЙКЛ КОРРАВАН ДОЛЖЕН НАЙТИ
ПРЕСТУПНИКА, ПОКА ГОРОД НЕ ОХВАТИЛА
НАСТОЯЩАЯ ПАНИКА.

ДУШЕРАЗДИРАЮЩАЯ ИСТОРИЯ
О НЕОБУЗДАННОМ ПОРОКЕ...

KIRKUS REVIEWS

НИКТО ТАК НЕ ИЗОБРАЗИТ ВИКТОРИАНСКУЮ АНГЛИЮ,
КАК ЭТО ДЕЛАЕТ КАРЕН ОДДЕН... ПОКЛОННИКИ ЭНН ПЕРРИ
И ЧАРЛЬЗА ФИНЧА БУДУТ РАДЫ ВСТРЕТИТЬ НА ЭТИХ
СТРАНИЦАХ ИНСПЕКТОРА МАЙКЛА КОРРАВАНА.

МЭРАЯ ФРЕДЕРИКС,

АВТОР СЕРИИ ДЕТЕКТИВОВ О ДЖЕЙН ПРЕСКОТТ

ОЧЕНЬ ТОНКО ПРОРАБОТАННАЯ ИСТОРИЯ.

SEATTLE BOOK REVIEW

НЕВОЗМОЖНО ОТОРВАТЬСЯ.

THE HISTORICAL NOVEL SOCIETY

ЛЮБИТЕЛЯМ ДЕТЕКТИВОВ ОБЯЗАТЕЛЬНО К ПРОЧТЕНИЮ.

ЧАРЛЬЗ ТОДД,

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ THE NEW YORK TIMES

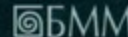
ISBN 978-5-370-05222-4

9 785370 052224

МЕТАМОРФОЗЕС

БОЛЬШЕ ЧЕМ КНИЖНЫЙ

www.bmm.ru

Изображения используются по лицензии Shutterstock.com

notes

Примечания

1

Примерно 160 см (фут — мера длины, равная 30,48 см, дюйм — 2,54 см) — *Прим. ред.*

Около 50 кг (стоун — британская единица измерения массы, равная 14 фунтам или 6,35 кг). — *Прим. ред.*

Бойся желаний своих. — *Здесь и далее примеч. перев.*

«Брадшо» — справочник расписания движения пассажирских поездов в Великобритании.

Юстон — крупный лондонский вокзал.

6

«Седдон» — по всей видимости, производное от «седативные», т. е. успокоительные препараты.

Грязный Берти — будущий король Соединенного Королевства
Эдуард VII.